

Журнал

Редактор Евгений Беркович

**СЕМЬ
ИСКУССТВ**

Наука

Культура

Словесность

5/2010

Журнал
«Семь искусств»

Май 2010

Редактор и составитель
Евгений Беркович

Художник Дорота Белас

2010

Журнал
«Семь искусств»

Май 2010

© Евгений Беркович (составление и редактирование)

© Дорота Белас (оформление)

Компьютерная верстка и техническое
редактирование Изабеллы Побединой

Ганновер

Издательство «Общества любителей еврейской старины»

Содержание

Эдуард Бормашенко	
Наше время.....	4
Борис Э. Альтшулер	
Неомарризм об истории немецкого языка и этногенеза немцев ...	17
Илья Куксин	
Великий импресарио	62
Марк Солонин	
Мне не смешно... Письмо в редакцию.....	72
Люсьен Фикс	
Еврейские звёзды мировой сцены.....	88
Инна Гордон	
Страсти по Баху	99
Валерий Койфман	
Этот сумасшедший, сумасшедший мир... сюрреализма	104
Яна Кане	
Стихи	134
Борис Шапиро	
Портрет поэта.....	138
Виктор Каган	
Памяти Бориса Рыжего	145
Марк Азов	
Аваддон	149
Лина Городецкая	
Проводники	157
Елена Матусевич	
Мужской разговор. Рассказы.....	178
Ури Андрес	
Шекспир и его герои	184
Игорь Ефимов	
Ясная Поляна	203
Андрей Чередник	
Корсика.....	278
Анастасия Ерохина	
Аниматор	285
Грета Ионкис	
У истоков еврейской духовности.....	318
Евгений Майбурд	
Если.....	328
Об авторах	366

Эдуард Бормашенко

Наше время

*Природа знать не знает о былом,
Ей чужды наши призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаем,
Себя самих лишь грезю природы.
Поочередно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной.*

Ф.И. Тютчев.

Природа не знает о былом, но человек вроде бы знает. Человек говорящий не устает заклинать вечность, упираясь в края колодца времени и наколдovывая бессмертие. Язык, речь приучают, дрессируют разум говорить о вещах, которых на самом деле не понимаешь. Пожалуй, самое удивительное свойство языка состоит в его способности передавать суждения о пространстве и времени. Наши пространственно-временные интуиции столь первичны, столь фундаментальны, что слова могли бы оказаться и непригодны для их оформления, и, тем не менее, услужливая неисчерпаемость языка не подводит и на сей раз.

Неопределенность, неоднозначность слова «время» – огромна, поди-ка определи время через что-либо более первичное. Не определить времени и указанием на некий предмет, ткнуть пальцем можно не во время, а в часы. И оттого, как показал Воронель, «время» чудовищно энергетически нагружено; включается загадочный лингвистический принцип неопределенности: чем точнее определимо слово, тем меньший энергетический заряд оно несет. «Время» прячется в тех же складках нашего

мистического опыта, где расположились «Б-г», «бытие», «один».

Моим самым отчетливым мистическим переживанием стало неожиданное осознание того, что за моей спиной расположено **все** человеческое и нечеловеческое прошлое, абсолютно **все**: акт Творения и Синайское Откровение, Освенцим и разрушение Храма. И в той же полноте передо мной расстилается **все** будущее, с чудовищной скоростью схлопывающееся в прошлое.

Раши, комментируя стих «И ты повели сынам Израиля, они доставят тебе оливковое масло, выжатое из маслин для освещения – чтобы зажигать светильник, горящий постоянно (Шмот, 27, 20)», говорит следующее: «постоянно» – можно понимать двояко: или светильник следует возжигать «каждую ночь», или же он должен гореть непрерывно. Трудность состоит в том, что одно и то же слово «תָּמִיד» служит и для именованя процессов повторяющихся, циклических и процессов непрерывных. Любопытно, что русское слово постоянный тоже многозначно: «постоянный» – суть непрерывный, неизменный, но постоянный – также и повторяющийся через некоторые промежутки времени. Языки: иврит и русский не различают между временем циклическим и временем линейным. Отметим, что английский язык разводит понятия по углам: английское continuous – непрерывный в смысле длящийся, сплошной; для закономерно повторяющихся действий есть другое прилагательное – regular.

Параллельное (так и хотелось написать одновременное) существование двух времен – циклического и линейного – загадка, тысячелетиями терзающая сознающий себя разум. XX век не остался в долгу: оплывающие часы Дали, хронометр с выпавшими стрелками Бергмановской «Земляничной Поляны», мечущийся меж двух зеркал световой зайчик теории относительности подсвечивают пульсирующую тьму, сокрывающую тайну времени, столь близкого человеку и столь от него отчужденного.

Как же формируется наше представление о времени? Давид Бом, следуя за Жаном Пиаже, говорит следующее: новорожденный ребенок не отделяет себя от окружения, среды¹. Мир и его тело все еще представляют собою единое целое. Отделение ребенка от внешнего мира, формирование «я» идет рука об руку с формированием представления о времени. Ребенок дергает за тесемочку, к которой привязана погремушка, и замечает, что игрушка издает развлекающий его звук. Так возникает то, что психологи называют «циклическим рефлексом», а вместе с ним и первичное представление о времени. Повторяя действие, ребенок убеждается в идентичном поведении погремушки, и вкупе с представлением о времени возникает понятие об инварианте, неизменном. И тут же ребенок отделяет от себя игрушку: то, что внутри моей кожи – это «я», а то, на что можно подействовать, ожидая заранее известного результата – «не я».

Поразительно, но представление о времени возникает параллельно с представлением о циклическом, повторяющемся, инвариантном, от времени не зависящем. «Я», время и тождественное, прорастая из общего корня, не желают расставаться с друг с другом; для их разведения взрослому потребуются сверхусилие. Вся мистическая традиция, устраняющая время, не случайно замкнута на устранение «я». Сжав до предельной возможности «я», мистик освобождает место для предельного же инварианта – Б-га.

Европейский рационализм, выпрямляя во весь рост «я» (я мыслю, следовательно, я существую), тоже делает ставку на инвариантное. Эти инварианты становятся все более изощренными, но зачарованность тождественным загоняет обоих: фанатично кроткого мистика и упорного рационалиста в узкий коридор познаваемого. И математик и верующий заклиняют вечность. Греки, прожившие по ускоренной схеме всю последующую историю Запада, и по

¹ Д. Бом, Физика и восприятие (в «Специальная теория относительности», М. Мир, 1967).

молодости ни в чем не знавшие меры, противопоставили удручающему Гераклитовскому «все течет» соблазнительное Парменидовское «ничто не изменяется»².

Постмодернизм, отвергнув застывшие паттерны в пользу меняющегося, текучего, сменил альтернативы и оказался равно враждебен религии и науке. Как говорил Рав Соловейчик: со-временное человечество предпочло Гераклита Пармениду; для западной цивилизации подобная смена предпочтений может оказаться губительной.

В приличном обществе принято жаловаться на «непонимание»; нытье «физиков» и «лириков», «рационалистов» и «мистиков», от взаимонепонимания будто бы страдающих, успело и прискучить. На самом деле, сама языковая рамка, облекающая зыбкие и непостоянные «вещи» в гораздо медленнее меняющиеся во времени слова делает понимание возможным. Настоящее непонимание и начинается там, где заканчиваются слова.

Ставкой на инвариантное не следует обольщаться, различать интереснее: мистик, сворачивая «я», *примиряется* со временем, седина в бороде его не пугает. Заполняющее собою мир «Я» рационалиста пытается согнуть время в дугу, отсюда культ молодости, характерный для цивилизации науки. Странное зрелище представляет собою стареющая в самом прямом смысле слова западная цивилизация, ее идеалом стал дом престарелых, расположившийся вокруг идола вечной молодости. По стечению обстоятельств мне приходилось жить в высшей степени комфортабельной канадской богадельне. В большинстве своем старики, населявшие богадельню, никак не смирялись со всем тем, что привнесено возрастом. И напрасно: время, рисуя по нашему лицу, противостоит обезличиванию: младенцы – похожи, старики – разные. «Элиша Бен Авуя говорил: "учащийся в детстве подобен надписи на новом пергаменте, а учащийся в старости подобен надписи на пергаменте стертом"» (Пиркей Авот, 4,

² Б. Рассел «История западной философии», С.-Петербург, Азбука, 2001.

20), так-то оно так, но новые листы пергамента – близнецы, а старые – не перепутаешь.

Религиозное сознание, кое-как притупляя боль времени, не в силах примирить разум с тем, что понимание всегда опаздывает, всегда «потом». Не приходится ждать помощи и от философии. Гегель говорил, что философия, «в качестве мысли о мире появляется, лишь, когда... действительность завершила себя, Когда философия начинает рисовать своей серой краской по серому, это показывает, что некоторая форма жизни постарела». Но такова судьба не только философии, но всякого понимания. Мы начинаем понимать, чем были наши близкие, когда они уходят от нас навсегда, и надо бы спросить о том и о сем, да не у кого.

Изобретатели западной цивилизации греки предложили человеку познать себя, мистическая традиция, «нагибая мыслящий автомат (Паскаль)» говорит: «пойми себя». Познавая себя, я располагаю по ту сторону времени окружающий меня мир, понимая себя, я извлекаю из потока времени, сворачиваю собственную персону. Познающий разум заполнил таки собою мироздание, оставив непонятым и непонятым самого человека. То же, что поняла о человеке мистика, на самом деле расположилось по ту сторону не только времени, но и слов.

Как вообще у нас появляется представление о «стреле времени», непреклонно указывающей из прошлого в будущее? Мы привычно относим идею необратимости времени ко второму закону термодинамики, требующему одностороннего нарастания беспорядка в замкнутых системах. Для поддержания или создания порядка требуются усилия. Но ведь человек окружен системами открытыми, разомкнутыми вовне, да и сам он представляет собою открытую систему. Разбитую тарелку всегда ведь можно склеить, по крайней мере дети думают именно так, и стрела времени, по-видимому, исключительно взрослое изобретение:

«Время создано смертью».

И. Бродский

Линейное время – кошмар взрослого, ухмыляющийся нам из «Колодца и маятника» По (раскачиваемому угрюмой фантазией По маятнику надлежит убить героя новеллы). Рабби Нахман говорил, что человек подобен висельнику, несущемуся к месту казни в повозке, запряженной двумя конями, имя им – День и Ночь. И как споро, как лихо они несутся.

Иудаизм запрещает создавать изображения (не все и не всякие, но разговор об этом в данном контексте неуместен). Один из сокровенных смыслов запрета состоит в том, что изображение фиксирует время. Отец и мать, улыбающиеся со старого снимка, останутся такими навсегда. Фотография настаивает на неотменимости прошлого. Как говорил Герцен, прошлое не корректурный лист, а нож гильотины. Сколь это ни невероятно, но иудаизм не приемлет свершенности прошедшего. Усилие веры побеждает и прошлое.

Ивритское слово «тшува», неуклюже переводимое на русский язык словом «раскаяние», на самом деле означает возвращение, движение назад (в том числе и во времени). «Тшува», беспощадное осмысление прожитого, перемальвает грехи прошлого; само прошедшее оказывается пластичным по отношению к моему сегодняшнему духовному усилию. Поэтому время верующего – отчасти наивное, детское, не завешенное черной пеленой отчаяния.

Все то же прикованное к временным циклам, по образу и подобию созданное «Я», одной рукой цепляясь за будущее, вторую руку протягивает во все полноту прошлого. А. Воронель как-то обронил, что философам века Просвещения Б-г не столь враждебен, сколь интеллектуально нежелателен, столь же нежелателен неподвластный «Я» бег времени. Тайна времени раздражает, его необходимо нормализовать, в классической механике

время наконец превращается в обыкновенную координату, в хоромах Лагранжевой механики не находится места и Б-гу. А там где нет места Б-гу, там нет места и евреям. Для того чтобы окончательно навести порядок в мире, дело за мелочью, – следует нормализовать (или истребить) еврейский народ, упорно верящий в то, что Вс-вышний это тот, кто был, есть и будет. Станным образом одним из наиболее устойчивых инвариантов – человеческой истории оказывается антисемитизм, вовсе не смытый веком Просвещения (Вольтер и Тойнби – просвещенные, либеральные антисемиты). Этот столь досаждающий нам инвариант так же связан с тайной времени, как и закон сохранения энергии.

Что же так раздражает позитивистски настроенный ум в проблеме времени? Время нельзя познать в библейском смысле этого слова. Познать в Библии – означает соединиться, войти в интимную связь с познаваемым. Время ускользает от наших объятий, напротив, мы находимся в его неуступчивых клешнях. Ну, как тут не раздражиться?

Библейское познание-соединение находится в неожиданном сродстве с нынешней психологической концепцией познания-резонанса³, согласно которой познать что-либо означает настроить разум и тело на резонансный отклик с познаваемым. И здесь любопытно следующее: человек легко входит в резонанс со временем циклическим. Соблюдающие Субботу знают это, перед Субботой мой организм «ждет» дня вечности. А вот на линейное время настроиться в принципе нельзя.

Синтез линейного и циклического времени (Шекспировская «связь времен») осуществляется в человеческом теле и человеческим телом. Галилей установил формулу периода колебаний маятника, используя собственный пульс; в квантовой механике стрела времени, необратимость вносятся самим актом измерения – опять же, без персоны наблюдателя не обойтись. Это разуму не нужно время, разуму подавай вечность. Без тела мы не знали бы ничегошеньки ни о

³ См. прим 1.

времени циклическом (вбитом в нас периодическим процессами, идущими в организме) ни о времени линейном, порожденном смертью. Согласно А. Мелихову именно благодаря телу мы в состоянии оперировать столь размытыми, нечеткими, неопределенными понятиями, как время, именно тело делает нас отличными от компьютера⁴. Впрочем, хасидизму решающая роль тела в делах, проходящих по ведомству духа, известна давно.

Времена циклическое и линейное сплетены Субботой. Недельный цикл, увенчанный Субботой, не зависит от причуд человеческого изобретения по имени календарь, реализуя идею циклического времени в чистейшем виде. Вместе с тем Субботняя литургия отбрасывает молящегося к началу времен – акту Творения (есть даже мнение, что человек, не обративший разум к нулевой точке Мироздания, не выполнил заповеди о Субботе во всей полноте).

Всякий момент времени является будущим по отношению к некому предыдущему, и прошлым по отношению к последующему. Взрослое мышление, располагающее события по порядку, в строчку, ищет причины, вызывающие временные изменения. Более всего преуспела в этом начинании физика, ответив на многие «как?» и «почему?» Любопытный и ненадломленный ум, смиряющийся с тем, что причина всех причин остается все равно непознанной, получает от естественных наук немало наслаждение.

Ситуация, однако, изменилась. Философией логического анализа понятие причины объявлено бестолковой, если не зловредной пустышкой. Рассел утверждал, что точные науки прекрасно без него обходятся. В самом деле, заглянув в знаменитый курс «Теоретической физики» Ландау и Лифшица, мы менее всего обнаруживаем размышления о причинах физических явлений. Вместо

⁴ А. Мелихов «Звездная квадрига», «22», № 139, Москва-Иерусалим, 2006.

рассуждений о том, чем же вызываются те или иные процессы, нам предлагается созерцание уравнений. Математическое познание (необычайно эффективное) убивает физическое понимание явлений, мышление формулами, подавляет думание подвижными, развивающимися во времени картинами, составлявшее прежде суть физического разумения природы.

Временные, причинно-следственные отношения между явлениями вытесняются отношениями логическими. Любопытно при этом, что сама по себе концепция пространства-времени, основа основ современного естествознания, страдала и продолжает страдать вопиющими логическими противоречиями. Уже Ньютоново абсолютное пространство-время смущало логически требовательный ум, ибо течение времени в нем рассматривалось как процесс во времени – налицо порочный круг⁵. Логическая неудовлетворительность не мешала Ньютоновой пространственно-временной рамке быть весьма продуктивной физической концепцией, что вообще характерно для взаимоотношений математики и натурфилософии: логический изъян вовсе не обязательно обесценивает физическую теорию.

*«Если бы разум царил в мире,
в нем ничего не происходило бы».*

А.И. Герцен.

Все теоретическое познание покоится на идее изъятия события из контекста. Вспомним, как решаются задачки: отвлечемся от... Для того чтобы познать нечто, надо первым делом вынуть исследуемое из облепляющего его со всех сторон «мира», оборвать его связи с окружением (отсоединенности познаваемого мира от реальности посвящен изумительный и к сожалению позабытый трактат Германа Соколика «Огненный Лед»⁶). Пытаясь понять

⁵ М.Д. Ахундов, Пространство и время, (в «Физическая Энциклопедия», т. 4, М. «Большая Российская Энциклопедия», 1994).

⁶ Г. Соколик «Огненный Лед», Иерусалим, 1984.

жизнь, приходишь к тому, что из контекста времени ничто не удалимо, «Никого и ничто не презирай, ибо нет человека, у которого не было бы своего часа, и нет ничего, что не имело бы своего места» (Пиркей Авот. 4, 3). У человека есть время, у вещи – место. Постольку поскольку наша жизнь погружена во время, в ней нет неважного, и слишком много непоправимого.

Не в силах сладить со временем, человеческий разум объявляет познаваемым – неизменное. В этом Платон, Декарт и Лагранж сходятся. Математика воцаряется именно потому, что доставляет вневременное, вечное знание (заметим, что линейное и циклическое времена порождают совсем разную вечность). По мнению Рава Адина Штейнзальца, математика отвечает на расположенный по ту сторону времени вопрос «что?», в то время как естественные науки отвечают на вопрос «почему?»⁷.

Но в самом ли деле математика расположилась по ту сторону времени? Один из крупнейших математиков XIX века Уильям Гамильтон, считал, что «поскольку существует геометрия – чистая математическая наука о пространстве, должна существовать также и чистая математическая наука о времени, и что такой наукой должна быть алгебра». В складках слова «арифметика» притаился ритм, наше представление о времени основано, по мнению Гамильтона, на *пересчете* циклических, ритмических процессов. Отчего бы не предположить, что представлению о натуральном ряде чисел (основе основ математики) предшествует интуитивное понимание времени, осознаваемого последовательным рядом циклических событий. Развитие этих идей привело Гамильтона к открытию комплексных чисел, а затем и кватернионов⁸ Идея о временных корнях математического знания оказалась в конце концов отброшенной, но ошибки таких людей, как Гамильтон имеют странную привычку ритмически же возвращаться, вновь и вновь прорастая в незнаемое.

⁷ А. Штейнзальц, «Естественные науки математика и религия», (в сборнике «Взгляд», Институт изучения иудаизма в СНГ, 2005).

⁸ Дж. Уитроу, «Естественная философия времени», М. УРСС, 2003.

Натуральный ряд чисел признан современной математикой предельной абстракцией, чем-то предельно ясным, во что упирается наша интуиция. Лейбниц говорил, что Господь создал натуральные числа, все остальное дело рук человеческих. Здесь предел его же не преjdeши. Между тем как с точки зрения древних «числа не составляют однородного ряда, и следовательно, совершенно не подходят для самых простых логических или математических операций»⁹. Более того «возможно не существует еще такого общества, где бы первые числа были только арифметическими числами, если не считать математиков»¹⁰. В первобытном мышлении числа эмоционально окрашены, неотделимы от зримых образов им соответствующих и мало пригодны для счета.

Присутствует ли время в виде скрытой переменной математики – неясно, ясно другое: возможность математического знания предполагает существование – *единицы* – самотождественного, от времени не зависящего объекта. А для того, чтобы математика, сообщала нам нечто об Универсуме, необходимо допустить существование *единицы*, в окружающем нас мире. Так число один становится фундаментальной физической константой (этим соображением я обязан моему другу Авигдору Шешневу). На самом деле мы прекрасно знаем, что и вещи меняются, и мы не самотождественны. Если математическая интерпретация мира абсолютна, она по необходимости замкнута на неизменную во времени сущность, попросту на Б-га.

*«Дни лет наших семьдесят,
от силы – восемьдесят, уносятся
в надменной ничтожности своей»*

Псалмы, 90; 10

И мы меняемся и вещи меняются, но меняются медленно, только поэтому и возникает представление о

⁹ Л. Леви-Брюль, «Сверхъестественное в первобытном мышлении», М. Педагогика-Пресс, 1994.

¹⁰ Там же.

неизменном, инвариантном. Возникает следующая шкала времен: время человеческой жизни, время нашего наблюдения за вещами, время за которое меняются вещи, время за которое меняемся мы сами, от соотношения этих времен все и зависит в нашем познании мира. Но есть и еще одна шкала – глубина нашей исторической памяти, в этом смысле историческая память еврейского народа беспрецедентна, вмещающая в себя тысячелетия *осознаваемой* истории. Государство Израиль представляет собою неподобную смесь религиозного населения, *обитающего* в этом тысячелетнем времени, и загадочного народа, историческая память которого едва ли насчитывает десятилетия. Немудрено, что эти народы попросту не узнают друг друга:

Краткому веку людей малый положен срок,
Собственных лет число видим мы и сочли,
Однако лета народов,
Видело ль смертное око их?
Коль и твоя душа вдаль за отмеренный век
Устремится в тоске, скорбно замедлишь ты
На побережье холодном,
Не узнавая близких своих.

Гельдерлин

Мы в своих ешивах и ишувах проглядели рождение нового народа, живущего в совсем ином времени; в этом новом Гераклитовом времени прекрасно обходятся без вечности и вообще безо всяких инвариантов. А соседствовать этому новому народу положено с религиозными евреями, создавшими самую невероятную из констант – инвариантную человеческую жизнь. Феномен жизни неотделим от иного, текучего, меняющегося. Как говорил Мераб Мамардашвили, живой пошутит по-другому, напишет другую книгу. Но при пристальном взглядывании порядочное поведение, оказывается всего лишь поведением ожидаемым, предсказуемым. Порядочен тот, кто при любых обстоятельствах ведет себе инвариантно (за исключением, разумеется, столь же последовательно предсказуемых мерзавцев).

Если верить Пиаже, то вслед за представлением о времени у ребенка формируется и представление о пространстве. Оказывается погремушку можно перенести из положение А в положение Б двумя различными путями. И оба эти перемещения приведут к тождественному результату. Более того «погремушку можно вернуть СЕБЕ множеством различных способов, тогда понятие обратимой группы движений или операций даст ему основу для того, чтобы воздвигнуть на ней группу неизменных положений»¹¹.

А «Я» – это тот, кто владеет удивительной тайной возвращения игрушки на то самое место. Мир ребенка подобен миру теории относительности – в нем «я», вещи, и пространство и время не разделены, линейное время еще не открыто – потому все обратимо, потому можно врать вволю, все ведь можно поправить. Потому для ребенка ничто никогда не поздно, для взрослого, – всегда уже поздно, время взрослого – это когда «нет времени». Но этим суетливым, судорожным, суматошным «нет времени», мы безуспешно отгораживаемся от того порога, за которым его действительно нет, и если верить Набокову, остается лишь выяснить, какая именно вечность угодливо раскидывается перед нами.

¹¹ См. прим. 1.

Борис Э. Альтшулер

**Неомарризм об истории
немецкого языка и этногенеза
немцев**

тногенезы, развитие народов и наций, относятся к важнейшим проблемам современной исторической науки. Европейские этногенезы и времена великих миграций рассматриваются еще и сегодня только с точки зрения Рима, через римские очки. Эта позиция давно известна и стала в современной индоевропейской науке парадигмой. Классическое определение этногенеза принадлежит *Исидору из Севильи* (Isidor von Sevilla) из VII в. н. э., который определял народы как

этнические группы, объединенные по происхождению, языку и культуре, узнаваемые по одежде и оружию и связанные законом и традицией.

Таким образом, развитие новых языков – важнейшая характеристика новых этногенезов.

В 1649 г. британец *Джон Сэдлер* (John Sadler), юрист и востоковед, анонимно опубликовал, свою книгу «*Права Королевства*» (Rights of the Kingdom), в которой он сравнил древнееврейские законы и судебную практику Моисея, Давида и Соломона с современной ему английской. Это была первая публикация по теме англо-исраелизма. В 1653 г. *Прэйзегоуд Баребоун* (Praisegod Varebone) и другие члены т. наз. «*малого парламента*» Оливера Кромвеля привели британские законы в соответствие с древнееврейскими. Интересно, что последователи этого благочестивого пиетического движения этимологизируют уже давно термин «*британский*» (англ. british) через иврит: брит – союз и иш – человек, – т. е. *человек союза* или *пакта*. Англо-израилисты основывали свою позицию на

изысканиях видных ученых своего времени, напр., Иосифа Юстуса Скалигера из XVI в., который рассматривал иврит как исходную матрицу (Ur-Matrix) языков мира. Это мнение они считают в настоящее время подтвержденным современными исследованиями.

Примерно в то же время, к которому относится публикация Джона Сэдлера, а именно, в 1647 г., нидерландский лингвист *Марк Цюриус ван Боксхорн* (Marcus Zuerius van Boxhorn) отметил основную связь между рядом европейских и азиатских языков. В особенности он увидел такую связь между германскими, иллирийско-греческими и итальянскими языками с одной стороны, и персидским – с другой. Позже он добавил сюда славянские, кельтские и балтийские языки. Совместное происхождение всех этих языков ван Боксхорн совершенно обоснованно более 363 лет назад обозначил как *скифские*. Примерно в то же время, в 1653 г. в Русской империи патриархом Русской православной церкви Никоном и царём Алексеем Михайловичем Романовым (отцом Петра Великого) была проведена всеобъемлющая, кровавая реформа церкви, которую называют *«расколом»*. Этот раскол обусловил новые витки спирали великорусского этногенеза в XVII в. В то же время он означал начало семантически-коммуникативного отхода от старого родного, русско-ханаанского к вновь созданному русскому церковнославянскому, а затем к новому великорусскому языку. В конце XIX – начале XX вв. этот процесс был завершен. Ханаанский русский язык был уничтожен и остался лишь реликтов в ономастике Великой Степи.

Благочестивая доктрина англо-саксонских протестантов, англо-исраелизм, вызвала массивную реакцию со стороны скептиков и антииудаистов периода европейского Просвещения. Успехи колонизации в Азии привели в свою очередь к повышенному интересу к востоковедению и, особенно, к иранским исследованиям, так называемому ориентализму и иранистике, вылившихся в создание научного востоковедения. Политически-расовые и расистские прокламации персидских Сасанидов, выдвинувших в III в. н. э. *«идею Ирана»* в ещё и сегодня

подчёркнуто многонациональном государстве, позволило его правителям объявить потомков израильтян в Центральной Азии, Афганистане, Месопотамии (Ираке) и на Кавказе, например, азербайджанцев в тюркском Азербайджане, «*иранскими народами*». Эта прокламация имела уже в конце средневековья и начале Нового времени оглушительный пропагандистский успех. Успех этот был массивно поддержан завоеваниями (с перерывами), ассимиляцией, аккультурацией и, в особенности, исламизацией Кавказа и Центральной Азии. Само название этой страны, происходящее от авестийского «*Эран-вэдж*», т. е. «*страна ариев*», было принято шахом Реза Пехлеви I вместо традиционного «*Персия*» в 1934 году по совету германской дипломатической миссии.

Интересно, что топо- и этнонимы «*арийского*» Ирана имеют также ивритскую этимологию, что может быть косвенно подтверждено сообщениями о политических и военных потрясениях Древнего мира: ир – город, ран – побеждать; – в смысле *завоеванные города* (Вавилон?).

То же касается топонима *Туран* (Центральной Азии): тур – путешествовать, таким образом вместе – *путешествовать и побеждать* или *путешествующие* (бродячие номады?) *победители*

и *Месопотамии/Ирака*: Ирак, ир – город, – ак/аг – изгнанник, беженец; также в смысле *беженцы из городов* или *многих завоеванных городов*. Таким образом, это информация о несколько отличном происхождении «*расширенного*» Ближнего Востока. Топоним Ирак был, между прочим, официально введён в начале XX в. после распада Османской империи, однако представление о нем существовало уже раньше.

Иранские языки с самого начала, еще при Ахеменидах – особенно отчетливо уже во времена царствования Кира I, а также царя Ксеркса I и царицы Эстер (конец VI в. – начало V в. до н. э.), мавзолеей которой стоит сегодня в Хамадане и является национальным памятником Ирана, – были использованы и развиты десятиколенными скифами-израильтянами и мидийцами, позже племенем Парни, давшим новых парфянских царей, а также грамотными евреями Парфянской империи (точнее, в Скифско-Парфянской империи) во времена правления династии *Аришакидов/Арсакидов* (также называемая

Ашканиями или *Асканами* – в переводе с ханаанского иврита: *первые среди князей*), которая в свою очередь гнала эллинистических Селевкидов из страны.

Новоперсидский язык развился до IX века н. э. в качестве международного стандартного языка стран Центральной и Юго-Западной Азии. Написанный еврейским шрифтом текст персидско-еврейского языка, 40 строк, выбитых на скале в западной части Афганистана, как самое раннее свидетельство новоперсидского языка, имеет особое значение (750 г. н. э.) в истории. Он включает кроме парфянских и среднеперсидских элементов также лексику из других иранских языков. В целостности гибридный новоперсидский представляет собой смесь из языков древнего и античного Ирана и массивно использует иврит-ханаанскую лексику. Несмотря на то, что этот язык сегодня зовётся персидским, его происхождение не просматривается исключительно из провинции *Фарс*, в которой живет сегодня иранское меньшинство *парсов*, насчитывающих около восьми миллионов человек, но также из древне- и среднеперсидского языков, имевших массивные контакты с ивритом. Поскольку он развился главным образом в Центральной Азии (ивритско-персидское обозначение *Туран*), очень вероятно, что восточно-иранские языки - бактрийский, парфянский, согдийский - в сильной степени повлияли на этот язык.

Количество парфянских и согдийских, т. е. израилитско-ханаанских заимствований и антропонимики в современном новоперсидском (*Наими, Агаси, Хатами, Барати, Дардари, Хумейни* и т. д.) очень значительно. В ядре, однако, хорошо прослеживается оригинальная персидская, юго-западная основа. Афганский персидский, *дари*, бывший языком двора царей, имеет относительно большой ивритский глоссар, напр.,

салом – иврит шалом

ятем – иврит ятом (сирота)

надер – иврит недер (обет)

сакет – иврит шекет (спокойствие, тишина) и т. д.

Интересно, что довольно значительное количество мужчин в ирано-тюркоговорящих областях несут сегодня

имена *Ашкен* или *Ашкан*. Также в Европе, в частности, в немецкоязычном пространстве нередко имя или фамилия *Аскан* или *Асканиус*. Название афганской столицы Кабул то же, что и библейского топонима «земля Кабул» на юге Ливана, которую библейский царь Соломон из-за долгов по строительству 1-го Иерусалимского Храма в X в. до н. э. был вынужден отдать финикийцам и т. д.

Под влиянием захвата власти нацистами в Германии и под впечатлением гитлеровских расовых законов тогдашний правитель, шах Ирана Реза Пехлеви I переименовал свою страну в Иран (по расхожей современной этимологии – «земля арийцев») и попросил Запад больше не называть ее в будущем Персией. После победы нацистского режима в Европе расовое учение иранцев о самих себе испытало подъём: иранцы стали усиленно и подчеркнуто называть себя

ариями – в переводе «возвышенными», благородными или просто «пастухами».

Сам термин «*арии*» был впервые использован французским востоковедом *Анкетиль-Дюперроном* (Anquetil-Duperron) для описания персов и, в особенности, мидийцев(!). В значительно более широком смысле, он был использован в 1818 г. как собирательный термин немецким романтиком *Фридрихом Шлегелем* (Friedrich von Schlegel). Компильтивные националистические форумы Интернета об Иране полны сегодня фантастической информации об «*индоиранских*» народах скифов, саков, киммерийцев, татар и многих других, которые доказано использовали ивритские шрифты и ханаанитский иврит в ономастике.

Еще в 1923 г. Николай Марр писал в своей, возможно, самой удачной и, в отличие от многих других публикаций, относительно ясной работе на немецком языке, что

«...этот иранизм ...пустая мечта или результат последующей корректировки местных или общих ближневосточных, очень старых яфетических проявлений и форм

(языка – Б.А.) в поздних иранских культурных слоях. (Перевод Б.А.)¹

В начале XIX века после открытия индогерманской общности языков англичанином сэром Уильямом Джонсом (William Jones), немцем Францем Боппом (Franz Bopp), и датчанином Расмусом Кристианом Раском (Rasmus Christian Rask) возникла индоевропейская лингвистика, ключевым фактором которой явилось изучение санскрита, особенно в работах Уильяма Джонса (William Jones), Фридриха Шлегеля (Friedrich von Schlegel), Вильгельма Гумбольдта (Wilhelm von Humboldt) и Франца Боппа, – последний считается основателем и центральной фигурой индогерманистики. Интересно, что сам Бопп категорически отклонял эту честь. В середине XIX в. немец Август Шлейхер (August Schleicher) реконструировал гипотетический индо-европейский праязык и сформировал первую схему родословной близости языков между собой в виде дерева. Подобные схемы-деревья украшают сегодня многие лексиконы.

Развитие иранизма и индогерманизма переняло и публицистически включило в себя многие антииудейские и антисемитские взгляды и позиции, будило старые основательные, религиозные рефлексы средневековья. XIX век, век торжества реакции после наполеоновских войн, политической романтики с развитием идеологий социализма и фашизма, стал важной вехой истории индогерманистики. Как это нам повествует выдающийся современный ассириолог семитолог и дешифровщик древних артефактов, в том числе билингов и трилингов, Сайрус Герцль. Гордон, к концу XIX века интеллектуальная жизнь Запада, очевидно ввиду политического развития и появления «научного» антисемитизма, неожиданно изменилась. До того времени по-настоящему образованные люди стремились овладеть древнееврейским, греческим и

1 Marr, Nikolaj Jakovlevič: Der Japhetische Kaukasus und das dritte ethnische Element im Bildungsprozeß der mittelländischen Kultur; Berlin, Stuttgart, Leipzig; W. Kohlhammer 1923, Japhetische Studien für Sprache und Kultur Eurasiens, Bd. 2, Übersetzung aus dem Russischen F. Braun.

латинским языками, полагая их тремя составными частями своего культурного наследия. В поэмах Мильтона мы постоянно ощущаем эту трехчастную основу. Еще многие годы после открытия Гарвардского университета в XVII в. выпускник произносил прощальное слово по-древнееврейски. Эмблема Йельского университета включает девизы по-древнееврейски и по-латыни². Все это не помешало руководству Гарвардского университета принять решение не призывать Альберта Эйнштейна для преподавания и исследовательской работы после его эмиграции в 30-е годы XX в. США из-за еврейского происхождения великого ученого.

Особенно индогерманистика, индогерманская лингвистика, известная в немецком языковом пространстве как индоевропейская лингвистика, стремительно росла, трансформировалась и бетонировалась со времен немецкой политической романтики. Экцессы этой теории привели к появлению т. наз. *индогерманизма* времен поздней романтики середины XIX в, вылившегося в 1850 г. к вначале анонимной публикации Рихарда Вагнера «*Иудаизм в музыке*» (Das Judenthum in der Musik). В 1879 г. Вильгельм Марр ввел новый термин в публицистику и в общественную дискуссию – «*Антисемитизм*» и основал *Лигу антисемитов* (Antisemitenliga). В начале XX в. эти течения оформились, наконец, в антисемитское и оккультное *общество Туле* (Thule-Gesellschaft), ставшим ядром оформленной идеологии национал-социализма и нацистской расовой теории некоего Альфреда Розенберга. Не последнюю роль в этом процессе играли усилия и древняя активность Римской католической церкви представить христианизацию Европы как непрерывное божественное откровение, говорящее в пользу Рима. Эта римская перспектива стала непрерывной политической и научной темой европейского гуманистического дискурса и важнейшей составной частью индогерманистики.

2 Гордон, Сайрус Герцль: «Забытые письма». Открытие и дешифровка, Пер. с англ. Русиновой Э.С. под общей редакцией Дандамаева М.А.; послесловие Емельянова В.В. – СПб.: Издательская группа «Евразия», 2002.

Итак, в индогерманистику была перенесена связь с расовыми теориями, т. н. *индогерманизм*. Таким образом, сравнительная лингвистика была искажена нацистами и стала важным компонентом нацистской идеологии и доказательств превосходства индоевропейцев, «*ариев*». О иврит-ханаанской ономастике и формировании «*гибридных*» и смешанных языков Европы, которые Н.Я. Марр определил как «*яфетские*» или «*яфетидские*», решительно выказывались в атмосфере первой половины XX в. кроме самого Марра и его сподвижников в СССР лишь немногие ученые. В связи с тупиком в индоевропейских исследованиях, о которых Н. Марр и Ф. Браун писали в начале в 20-х годов XX в., «*индо-иранистика*» превратилась в бетонированную научную догму и привела, среди прочего, к появлению политического индогерманизма как псевдонаучной религии. Нацисты и Советы направили перед Второй мировой войной на безуспешные поиски мифологического царства арийцев, *Шамбала* (по ивритской этимологии В.Е. Бершадского *шам баала* – там Господь), экспедиции в Гималаи. Индоевропейские исследования проводятся в настоящее время в 27 университетах Германии.

Как уже неоднократно указывалось, сторонники индоевропейских доктрин пытаются связать переводы ономастики, топонимов и этнонимов Европы, например, с гораздо более поздним языком турков (XI в. н. э.), с корневыми фонемами сомнительного происхождения и неясной природы. Часто для этого, согласно классическим работам лингвистов XIX-XX вв., служат алтайские, монгольские, уйгурские, шань-якутские или даже «*спасительные*» угро-финские языки, которые довольно четко показывают свое синтетическое и гибридное происхождение. Старая мудрость сравнительного языкознания гласит по Иосифу Ольшаницкому, что *qalqae*

«...возникает как реакция носителей языка на резкое увеличение прямых заимствований»³.

3 Ольшаницкий, Иосиф: Загадки русского Заполярья. О чем говорят географические названия, <http://www.ukamina.com/books/zapolyare.html> 2004

Интересно, что подавляющая часть этнонимов германских племен времен Переселения народов поздней античности очень убедительно этимологизируется и имеет ивритское происхождение, – и в этой форме была перенята римлянами и греками. Таким образом они были зафиксированы в индоевропейских языках: *люби*, сегодня *швабы*, – *пенис*; *готы/геты* – *разведенные*, *алмани/алеманны* – *вдовцы*, *вандалы* – *существа Божия*, *венды/венеды/бенеды* – «сыновья *достопочтимых родителей*», *гунны* – *рыжеволосые бродяги, пришедшие когда-то из Эдема/Адома в Израиле*, *плебеи*, *толпа*, *ничто* и т. д., *албанцы* – *защита* или *существа Божия*, *даки/dacim/dakit* – предки румын – *тонкие* или *узкие*, *болгары* – *кланяющиеся крестьяне*, *Вауер* или *Бавария* (ивритская лексема *бе`авариа*) – область, часть Аварского каганата, *аварцы* – *отцы страны*, *хазары* – *сильные кочевники*, *бандиты* или *стрелки* вплоть до *турков/турхов* – *несчастных*, *смешанных* или *наездников*. В первом тысячелетии н. э. Европа, наряду с латынью, греческим и кельтскими наречиями, говорила на «варварском» варианте иврит-ханаанского языка.

Неомаризм, о котором уже было сообщено на портале, позволяет нам, среди прочего, по-новому рассмотреть историю немецкого языка и этногенеза немецкого народа. Так как «*Яфетидская*» теория Н.Я. Марра в ее оригинальной редакции 30-х годов по многим причинам не применима, то мы говорим сегодня о «*неомарризме*»⁴, который наиболее наглядно позволяет нам дискутировать этногенезы и сопровождающие их языки, – т. е. появлении новых языков. Неомарризм перенимает тезис Марра о гипотетическом семитском праязыке, оказавшем сильное влияние на развитие языков мира, что свидетельствует об участии семитского этноса, который Марр в свое время осторожно назвал «*яфетским*» или «*яфетидским*», в древних процессах этногенезов на

4 Альтшулер Борис Э.: Евреи, язык иврит и несколько заметок по этногенезу Европы, 2009, <http://berkovich-zametki.com/2009/Zametki/Nomer11/BAItshuler1.php>

Ближнем Востоке, в Восточном Средиземноморье, Северной Африке, Малой Азии, на Кавказе и в Великой Евразийской Степи, позднее в Европе, Азии, Африке, Америке и т. д. Неомарристы идентифицировали этот суперэтнос как израилитско-западноханаанский и уже добились с помощью методик языкового анализа внушительных успехов по идентификации этногенезов и их экзегезу. Методика эта сродни древнему дедукционному методу раввинов, когда для правильного понимания значения Торы отдельные слова разделяются в исследовании на составные части.

Громадное значение для формирования и осмысления методов неомарризма сыграли теории выдающегося французского философа и лингвиста, профессора по истории философии в *École Normale Supérieure* в Париже Жака Деррида (Jacques Derrida, 1930-2004). Ж. Деррида был эпатажной фигурой, находившийся в самом центре социальной и академической жизни общества. В России он стал воплощением постмодернизма, деконструктивизма и постструктурализма, событием в истории русских чувств и русского воображения, не в последнюю очередь благодаря своей для славянского уха необычной фамилии. В 1981 г., защищая чешских диссидентов, Деррида оказался в пражской тюрьме и вышел на свободу только благодаря вмешательству президента Миттерана. В 1987 г. Деррида спас от депортации эмигранта Эдуарда Лимонова и подписал петицию о предоставлении тому французского гражданства, а в 1990 г. после освобождения Нельсона Манделы из тюремного заключения поспешил лично встретиться с ним.

Деррида родился, как и Альбер Камю, в Алжире. Во время Второй мировой войны он испытал на себе антисемитскую политику администрации правительства Виши, когда евреям было, среди прочего, запрещено посещать школу. Одним из центральных понятий его философии является “*différance*“, что во французском означает не только «различие» или «отличие», но и «перемещение». Этим понятием Деррида создал для себя мысленное пространство без центра и начала и наполнил его

тканью или текстурой различий. Так как такая текстура не наталкивается на границы, то и это пространство остается открытым во все стороны. Он критиковал своих предшественников-структуралистов за то, что они были не в состоянии отделить собственные семиотические понятия *signifikant* (обозначение, внешняя форма знаков) от *signifikat* (содержание знаков, обозначенное знаками) и, таким образом, от метафизики. Развитое им учение *деконструктивизма* и *грамматологии* не помогает, как предложенные до него интерпретации, упростить нахождение истины, а, напротив, указывают на различные возможности ее истолкования. Его отношение к текстам исходит из того, что они представляют собой сингулярные процессы, которые не указывают на что-то существующее независимо от последних. Действительность по Деррида исчерпывается в языке. В конце концов его отношение к текстам характеризуется тем, что в философском понятии они не связаны с отрицанием окружающей нас действительности, а говорят в пользу того, что процессы познания теснейшим образом связаны с языком. Модель Деррида по отношению к традиционной философии, и таким образом к *common sense*, является подчеркнута антиметафизической.

Несмотря на свое слабое знание иврита и иудейской религиозной практики, Деррида воспринял в своей философии и лингвистике важный аспект практики иудаизма – бесконечное ожидание Мессии, которое у евреев длится всю их историю. Ассоциации со структурой построения страниц Талмуда всплывает у Деррида в собственных текстах в центре страниц его книг, обрамленных справа и слева комментариями. Грамматологическая концепция философа проявляется в отношении ур-текста (*archi-écriture; archi-trace*), чьи следы вызывают тем более множество интерпретаций, чем непонятней они возникают в отчужденном тексте. Эстетическая языковая парадигма Каббалы показывает себя через деконструктивную новую формулировку как модель некой метафизической теории текста, которая, однако, практически уже имеет очень мало общего с традицией

мистической еврейской Каббалы, начиная с 12-го столетия. К этим каббалистическим категориям, которые обновляют язык и повышают его роль в качестве шрифта, относится текст (вместо произведения), шрифт (вместо голоса), буква (вместо знака), чтение (вместо интерпретации) и, наконец, «грамматология» (вместо герменевтики). Представитель «франкфуртской школы», немецкий философ Юрген Хабермас (Jürgen Habermas), называл его консервативным, занимающимся не чем иным, как еврейской мистикой, Кабалой. Эта неожиданная и очень субъективная критика левых, показывает, однако, корни философского восприятия Дерриды, приведшие его на научный Олимп в США и Европе.

Идея деконструкции давно известна в промышленности, например, при обработке руд и нашла сегодня широкое применение не только в лингвистике, семиотике и философии, но и в литературе, поэзии, драматургии, музыке, изобразительном искусстве, архитектуре и была использована в настоящей работе при анализе европейской ономастики, топо- и гидронимики. Остается отметить, что метод разделения ивритских слов на составляющие их морфы с аффиксами – это древний метод дедукционного анализа раввинов, которым они пользуются веками для лучшего анализа специального смысла слов Торы. Как тут не привести слова поэта:

Изводишь
единого слова ради
тысячи тонн
словесной руды.⁵

Датский лингвист Хольгер Педерсен выдвинул в начале XX века (1903) так называемую Ностратическую (от латинского *posteg* – наш, наши языки) теорию, перекликающуюся с Яфетидской теорией Марра, в соответствии с которой между семитскими языками, к

⁵ Маяковский, Владимир «Разговор с фининспектором о поэзии», 1926, лирика, Москва, «Художественная Литература», 1967.

которым принадлежит иврит, и индоевропейскими языками имеется очень древнее родство.

Доказательств генетического единства ностратических языков Педерсен, однако, не привел. Ностратическая идея была реанимирована и наполнена содержанием благодаря работам двух ученых из Москвы: Арона (Аарона) Борисовича Долгопольского (Aharon Dolgopolsky), который в 1960 годах совместно с Владиславом Марковичем Иллич-Свитычем, трагически погибшим в автомобильной катастрофе, подробно разработал эту теорию. А. Долгопольский показал появление ностратических языков славян и европейцев через мутации. Позже он также показал дальневосточную связь кавказских языков. Язык басков при этом не учитывался и считается принадлежащим к дене-кавказской языковой макросемье.

А.Б. Долгопольский эмигрировал позднее в Израиль и стал профессором Хайфского университета. Он занимался там проблемой родства шести крупнейших языковых семей Евразии (компаративистикой) и является сегодня одним из влиятельнейших авторитетов компаративистики в мире. Ученый нашел 1 600 корней ностратического языка. В 2008 г. им был подготовлен к изданию и опубликован в интернете словарь общеностратического языка, занявший 3 000 стр.

Отметим, что и неомарристы пошли по этому пути «реанимации» отдельных сильных идей Н.Я. Марра из 20-х годов, особенно затрагивающих проблемы этногенезов. Уже легендарный русский гебраист и востоковед Авраам Яковлевич Гаркави (1839-1919) обратил в своих работах внимание на язык евреев, «*лашон Канаан*», на Руси, напр., в своей книге «*Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве*» (1874). Многие из грядущих авторитетов неомарризма даже не знали о том, что уже занимаются пропагандой этого учения. В первую очередь здесь надо упомянуть выдающегося американского лингвиста, ассириолога и семитолога Сайруса Герцля Гордона (Cyrus Herzl Gordon, 1908-2001), к тому же еще и выдающегося дешифровщика древних шрифтов и текстов,

особенно угаритских, – а также криптоаналитика времен Второй мировой войны. Осторожный ученый С.Г. Гордон не упоминал Марра, однако его работы глубоко пронизаны идеями интеракции семитской и европейских культур.

Пионер неомарристики Фани Яфит обратила на себя внимание в Израиле лекциями и издала в 1982 г. книгу *«Смотри в корень. Сборник иврит-русских слов, схожих по звуку и по смыслу. 2000 слов»* (Тель-Авив, 1982) по сравнительной этимологии иврита и русского языка. В 1998 г. харьковчанин, репатриировавшийся в Израиль архитектор и дипломированный лингвист, Владимир Исаакович Шнейдер опубликовал в Беэр-Шеве фундаментальную работу *«Путь Десяти»*, ставшую важным этапом в развитии неомарризма. Интересная работа Иосифа Ольшаницкого по ивритской топо- и гидронимике Русского Севера была в 2004 г. опубликована в интернете. В 2006 г. русский лингвист и гебраист Альберт Федорович Студенцов из Ст. Петербурга опубликовал свою замечательную и глубоко обоснованную работу *«Тайна происхождения Древней Руси»* (Ст. Петербург–Ростов-на-Дону, 2006), в которой вслед за В.И. Шнейдером окончательно доказал влияние ханаанской лексики на становление русского языка. Один из авторов Портала Берковича, Владимир Евгеньевич Бершадский из израильской Беэр-Шевы, энтузиаст неомарризма, занимающийся археолингвистикой, составил этимологический словарь соответствий иврит - русский язык и поставил его бесплатно в сеть. Он является автором многих статей по проблематике, предложил интересные этимологии. Список Бершадского превратился в полноценный Русско-Ивритский Этимологический Словарь Соответствий (РИЭСС). Его можно найти в интернете: <http://www.newsem40.com> – «Археолингвистика», где он выставлен и на портале Евгения Берковича для интересующихся. По его собственной информации в РИЭСС зарегистрировано сегодня более 6.000 общих корней иврита и русского языка. И это начало!

Интересны и важны работы историков, в том числе Ирмы Хайнман (*«Еврейская диаспора и Русь»*, Иерусалим 1983) и вызвавшая резонанс книга историка Ефима

Макаровского о еврейских корнях Руси (Еврейские корни Руси, NY 1996). В 1993 г. историк Пол Векслер из университета Тель-Авив опубликовал очень интересную работу по истории ашкеназов и языка идиш (Wexler, Paul: *The Ashkenazic Jews: A Slavo-Turkic People in Search of a Jewish Identity*, Columbus, Ohio 1993), в которой он объявил этот язык европейских евреев пятнадцатым славянским языком. Серьезные неточности в его труде, включившем огромный материал, были связаны с преувеличением роли лужицких сорбов в этногенезе ашкеназов и с ошибками по истории европейских аваров и тех же сорбов, которых авары в свое время переселили в Лужицу. Эти же заблуждения прослеживаются и в других интересных работах автора. Несмотря на недостатки, работы Векслера явились важным этапом по изучению истории ашкеназийских евреев.

В этой связи я позволю себе, наконец, скромно указать и на мои публикации "*Geheimerbericht aus der Grossen Steppe. Die Wahrheit über das Reich der Russen*", изданную в 1994 г. в Саарбрюккене, а также русское издание этой книги «*Последняя тайна России*» (Москва, 1996), которую сегодня можно скачать в сети. В этих книгах также приводятся различные этимологические примеры интеракции иврита и европейских языков. Одна из немецких публикаций последних лет была мне на удивление полностью выстроена на последней главе русского издания этой моей книги «*Особое слово "жид"*». Немецкий славист из университета Мюнхен Маркус Вольф (Markus Wolf) посвятил ей свою докторскую диссертацию и издал на этой основе толстенную книгу (Wolf, Markus: *Žid – Kritik einer Wortverbannung. Imagologie Israels zwischen staatspolitischem Kalkül und künstlerischer Verfremdung*, München 2005), в которой он по основному вопросу своего исследования компилятивно использовал все без исключения мои идеи, рассуждения, концепции и источники немецкого и русского изданий, разбавленные историей и культурологией Русской Революции. Все это напечатано без указания основного источника – моих публикаций. Совсем не упоминать мою работу он почему-то все же не решился, поэтому мимоходом заметил, что русскоязычную книгу невозможно перевести и

в ней нельзя найти ничего нового. Таким путем, оказывается, сегодня еще существует возможность выстроить академическую карьеру в Германии.

В 921 г. западный франкский правитель *Генрих I* (Heinrich I.) в Договоре Бонна признал восточного владыку равноправным. Ему было дозволено ведение официального титула *Правитель (король) восточных франков (rex francorum orientalium)*. Победа восточных франков над венграми в 955 г. у Лехфельд (Lechfeld), вблизи Аугсбурга побудила папу *Иоанна XII* (Johannes XII.) в поисках сильного защитника вызвать *Отто I* (Otto I.) в Рим, где его 2 февраля 962 г. короновали на императорство. Таким образом, империя (das Reich) была легитимирована светски и сакрально, однако ее окончательная легитимация была завершена лишь несколько веков спустя. Название *Священная империя (sacrum Imperium)* зафиксировано в 1157 г., а титул *Священной Римской империи (Sacrum Romanum imperium)* впервые документально засвидетельствован в 1254 г. После смерти *Сигизмунда Люксембургского* (Sigismund) в 1437 г. закончился период правления прямой линии династии Люксембург на престоле. Императорская корона перешла к Габсбургам, которые смогли утвердиться до конца *Священной Римской империей Немецкой нации* в 1806 г. Так как *Франц II* (Franz II.), нанюхавшийся пороха наполеоновских войн, за два года до этого события уже успел объявить себя «*кайзером* (императором) *Австрии*», то это осталось его официальной титулатурой.

Примерно в то же время, в середине XV в. в монастыре Херсфельд были найдены копии экземпляров книги *Тацита [Публий Корнелий Тацит, (Publius (Gaius?) Cornelius Tacitus, 58-116 н. э., по другой версии 56-117 н. э. [некоторые исследования переносят дату его смерти в 125 или даже в 130 гг. н. э.] «Германия» на латинице (De origine et situ germanorum liber), которая служит с тех пор обоснованием древней исторической роли германо-немецкой культуры. Есть две версии труда Тацита под похожими названиями, которые опираются на Codex*

Hersfeldensis, но отличаются по текстам. Так как ни один из текстов не свободен от сомнений, то они были объединены под общим названием «Германия». Происхождение этих часто цитируемых монашеских копий книг остается очень проблематичным, как и то обстоятельство, когда же *Публий* (или все-таки Гай?) *Корнелий Тацит* [Publius (Gaius?) Cornelius Tacitus] был в состоянии их написать? О родословной этого автора известно очень мало, и различные указания, в том числе и его собственные, часто отрывочны и очень противоречивы. Достаточно указать, что по разным данным он родился в северной Италии или в Галлии у Нарбон в поздней Септимании, или же в Испании. Его собственное имя подается как Гай, но большинство ученых считают его Публием. Один из исследователей даже предложил считать его Секстом. Ранее высказывалось мнение, что «Германия» – это труд 14-летнего(!) подростка, сегодня исходят из того, что книга написана около 98 г. н. э. Новые исследования немецких ученых (Roland Schuhmann) датируют ее 103-106 гг. н. э., т. е. единой точки зрения по определению как фигуры автора, так и времени возникновения работы Тацита нет. Такая информация подчеркивает неуверенность датировки знаменитого произведения, играющего и сегодня важнейшую роль в истории и идентификации этносов германцев и немцев и всплывающей как основной документ в каждом мало-мальски серьезном исследовании по истории Германии и Европы. В свете этой информации напрашивается вывод, что сама историческая фигура Публия-Гая Корнелия Тацита в историческом плане скорее всего фигура собирательная и, возможно, хотя бы частично является фальшивкой.

Поэтому вполне вероятно, что монастырские копии работ могли быть компилированы. «Германия» Тацита является единственной нам доступной географически-этнологической монографией древней римской литературы о германцах, которых сам автор мог наблюдать в Риме. По некоторым оценкам Тацит не был в их стране и излагал чужие обычаи и социологии понаслышке. Эти сомнения были известны давно и позволяют подозревать возможность упомянутого, хотя бы частичного компилирования книги

Тацита, написанной на языке схоластической латыни VI в. н. э.

Доподлинно известно, что монах-доминиканец *Анний из Витербо* (Джованни Нанни) [Annius von Viterbo (Giovanni Nanni)] фальсифицировал сообщение *Псевдо-Бероссос* (Pseudo-Berosos), тесно связывавшее описание и модели Тацита с библейской историей. В 1499 г. это сообщение было опубликовано в Риме, впоследствии также Иосиф Юстус Скалигер разоблачил его как подделку. Отчет Псевдо-Бероссоса Нанни был воспринят в Германии одновременно с книгой Тацита и во втором десятилетии XVI в. общеизвестен. Эта публикация предложила немецким гуманистам основание заявить, что немцы из-за своих библейских корней являются древнейшей нацией, „*uralt volck*“ Европы, ее древнейшим ур-этносом. Несмотря на фальсификацию работы Анния, указанное развитие сыграло очень большую роль в началах немецкого национализма XVI в., т. к. поставило германцев с немцами в один ряд непрерывной цепи этногенезов. В свете такой информации становится ясно, что церковь Рейха и дворянство Священной Римской империи Немецкой нации окольными путями искали присоединения к библейскому израильтскому этногенезу.

В отличие от *Немецкого Рейха*, основанного в 1871 г. исследователи определяют *Священную Римскую империю* как *Старый Рейх*. Двадцать лет в Германии изучали латинскую копию текста Тацита, а затем передали ее на рассмотрение в Ватикан, где она была объявлена подлинной и полной «гуманизма». Империя изменила в то же время свою идентификацию и стала в позднем XV в. *Священной Римской империей Немецкой нации*. В этом контексте «*новая нация*» обзавелась блестящим прошлым и могла опираться на древних «*германцев*». Некоторые немецкие топонимы имеют выраженное израильтское происхождение: Магдала (Magdala) в Тюрингии, Магдебург (Magdeburg) и Йериховская земля (Jerichower Land) в земле Саксония-Ангальт, Саулхайм (Saulheim) в Рейн-Гессене, в земле Рейнланд-Пфальц и т. д. Salem, обозначение Иерусалима и мира, встречается на картах Германии

дважды: у Мельна (Mölln) и около озера Бодензее (Bodensee).

Как подчеркивают историки правоведения, европейское, особенно немецкое право является на самом деле израильтским с элементами Римского и, сегодня не особенно охотно упоминаемыми, элементами древнегерманского права. В высоком и позднем средневековье сюда добавилась специфическая традиция Феме-судов (*die Feme-Gerichte*).

В старофранцузском языке Севера, позднем *langues d'oïl/d'oï*, антагонисте *langues d'oc* Юга и протагонисте французского языка в его современном понимании, встречались до XIII в. слова "*tiedis, tieis*" или "*tiois*", в древневерхненемецком "*diota*" (возможно, от латинского *idiota*, резервированного для неграмотного, в том числе и для императора?) как фиксированное обозначение для языка германцев. В это же время уже появился иудео-старофранцузский язык ла'з. В отличие от немецкого языка, в котором массивно прослеживается лексика старогерманского, только 20 % словаря древних германских варваров и его корней находят сегодня в новофранцузском языке. Первым старофранцузским стихотворением считается Эулалия (*Eulalia-Sequenz*, около 884 г.).

Сегодня исходят из того, что первые еврейско-германские контакты были отмечены еще в древнем Израиле две тысячи лет назад, еще до разрушения Второго Иерусалимского Храма. Так, Иосиф Флавий описывает германцев как личную гвардию царя Ирода Великого во время похорон последнего:

«Его носилки окружали в первую очередь сыновья и многочисленные родственники. Их замыкала царская гвардия и корпуса фракийцев, германцев и галатов (кельтов из Малой Азии), все в полном военном параде». (Перевод Б.А.): Иосиф Флавий, Иудейская война, книга 1, глава 33, 672.

Иудейский царь *Ирод Агриппа II* (27-93 н.э.) подчеркнул германцев в своей речи перед повстанцами непосредственно перед Великим Восстанием в 66 г. н.э.:

«Или вы лучше галлов, сильнее германцев, изобретательнее эллинов, более плодовитые, чем все народы земли вместе взятые?» (Перевод Б.А.): Иосиф Флавий, Иудейская война, книга 2, глава 15, 364.

Евреи, которые оказались или поселились в западно-франкском Рейхе после победы Карла Великого над Аварией, называли это царство *Цорфат/Zorfat* для обозначения западно-франкских земель и позднее самой Франции, что осталось таковым обозначением на иврите по сей день. Они говорили на синтетическом языке ла'з (древнефранцузско-еврейском), элементы которого в качестве цитат и в комментариях *Раши* (рав *Шломо Ицхак из Труа* – (Rabbi Schlomo ben Jitzchak von Troyes, XI-XII вв.) сохранились в Тосафот. В этом контексте похоже, что романский предлог и артикль *ла(ла)* или *ле(ле)*, также как английские или французские определенные и неопределенные артикли являются наследием ханаанского протоиврита (язык кнаанит).

Покорение Галлии, Италии и Испании под власть римского императора и Церкви, способствовало в раннем средневековье семантическому утверждению латинского языка и привело к появлению группы романских прото-языков, – сначала в 813 г. в решении *концила Тура* (Konzil von Tours) в результате компромисса между официальной латынью империи и местными «народными» языками.

Схоластическая латынь VI в. была единственным языком, чья грамматика преподавалась в школах позднего средневековья. Она стала международным языком церкви, университетов и интеллигенции. Жесткие правила позднеантичной грамматики сделали из латыни искусственный язык. Умберто Эко отмечает, что во времена Данте (XIII-XIV вв.) область романских «народных» языков разделялись на следующие группы языков:

языки *ок* (oc), языки *ой* (oïl) и языки *си* (si).⁶

Первые зафиксированные письменные объяснения и комментарии древнегерманских слов, т. наз. «*гриффельгlossen*» (die Griffelglossen), каракули монахов между строк латинских текстов, относятся примерно к 750 г. В 786 г в синодальном докладе папского нунция *Григория из Остии* (Gregor von Ostia) папе *Адриану I* (Hadrian I.) впервые

6 Эко Умберто: Поиски совершенного языка в европейской культуре / Пер. с итал. А. Миролюбовой (Серия «Становление Европы»). — М.:Александрия, 2007.

появилось латинизированное и перекроенное определение народного языка как *theodiscus*. Решения верховных инстанций для того, чтобы они могли быть понятными для всех, объявлялись и зачитывались на латыни и далее не в деталях на объясненном «народном» языке, – на „*latine et theodisce*“. До сегодняшнего дня остается, однако, неясным, имелся ли в виду тот язык, которым пользовались на территории поздней Германии. Два года спустя это определение как «язык теодиска» (*theodisca lingua*) было уже направленно подчеркнуто при обвинении против баварского герцога Тассило (иврит-ханаанская этимология его имени *тасило* – окажи Ему [Богу респект]), пактировавшего с аварами против франков, во время Рейхстага в Ингельхейме после Аварских войн Карла Великого⁷. Это обстоятельство может быть доказательством языкового утверждения нового европейского языка.

Theodisce варваров было упомянуто здесь в отличие от латинского языка ученых и церкви. В качестве старейшего определения древнегерманского языка служило первоначально определение *frenkisk*. С победами и верховенством франкского императора Карла язык якобы говорящих на латыни франков получил при дворах князей и епископов термины “*frenkisk*” (германский язык?) и “*walhis*” (*welsch*? кельтский вариант?). На юге и юго-востоке Франции утвердило себя определение “*alemant*” (лат. *almani*). Династическое имя первого христианского короля франков *Хлодвига Меровинга* имеет ивритскую этимологию: *ме* – из, *ров* – большинство или вместе; – другими словами, *большинством племен* (избранный).

По Полю Векслеру языковые иврит-немецкие контакты могли иметь место еще в Италии у лангобардов⁸ (конец VI в. н. э.), а, кроме того, у вестготов в областях романских языков – у франкских Меровингов и в Испании.

7 Altschüler, Boris: Die Aschkenasim.. Außergewöhnliche Geschichte der europäischen Juden. Eine historisch-philologische Untersuchung, Bd. 1, Saarbrücken 2006

8 Wexler, Paul: The Ashkenazic Jews: A Slavo-Turkic People in Search of a Jewish Identity, Columbus, Ohio 1993

Интересно, что стихотворение из XII в. на итальянском (иудео-итальянском) языке является одним из самых ранних стихотворений итальянской литературы и итальянского языка вообще.⁹ Полевые исследования этимологии ономастики, гидронимов и оронимов Германии, Австрии и Швейцарии, в особенности топонимов, дает нам немало примеров, которые невозможно объяснить традиционной индогерманистикой:

об этом говорит, например, населенный пункт *Гешеп/Gescher* (иврит – мост) на немецко-голландской границе,

Кель-на-Рейне/Kehl am Rhein также имеет ивритскую этимологию. Ивритское *кане* – труба, палка или измерительная палка перешла в латынь и греческий и развилась там в *Kanna* и *sanna* = труба. Дальнейшее развитие в *canalis* и *Kanal* пришло с итальянским обозначением увеличения – «тяжелая или большая труба», позже *Kanone* – пушка. Поскольку в старых документах города его сегодняшнего названия *Kehl* еще нет, а стоит *Kenle* или *Kanal* для обозначения притока Рейна, то ивритская этимология не может быть исключена¹⁰;

район Берлина *Teltow* (тель тов – «хороший холм») а также антропонимика таких фамилий, как *Вентов/Wentow* – ивритская этимология *вен/бен*, т. е. сын; *хороший сын* (указание на этногенез вендов/венедов),

Для Европы, особенно для немецкоязычного пространства, довольно характерны топонимы, этнонимы и антропонимы типа *Саар/Шаар* – ворота, прорыв, проход и т. д., (*Саар*, *Сааргемюнд*, *Шаарбеек*), *Вики* (*viki/wiki*) с похожей этимологией прорыва какой-то линии или границы, напр. *Викинги*; *Хоф* (*Hof*) – берег, – в высоконемецком двор и *Маль/Моль* (*Мальхоф*, *Мальбург*, *Мальштадт*). В Германии, в земле *Мекленбург – Северная Препомерания* есть, напр., населенный пункт *Мальхоф* (*Malchof*). Ивритская этимология этого названия позволяет определить его как (речной) берег, на котором в седые времена могли проводиться обрезания [мал(ь)/мол(ь)]. Неподалёку от *Мальхоф* находится соседний населенный пункт и замок со

9 Barnavi, Eli Hrsq.: *Universal Geschichte der Juden. Von den Ursprüngen bis zur Gegenwart. Ein historischer Atlas*, Wien 1993

¹⁰ Stern, Josef: *Besondere Beziehungen: Hebräisches im Deutschen*, 2008, <http://www.hagalil.com/israel/2008/judendeutsch-1.htm>

«славянским» названием *Каров* (Karow), ивритская этимология которого говорит о «близости». Высоконемецкий (Neuhochdeutsch) перевод и этимология указаний населённых пунктов на дорожном щите автобана, можно поэтому по соответствию перевести как «ближний пункт обрезания». Зафиксированное в индоевропейских языках ивритское определение хоф/hof возможно осталось в антропонимике некоторых немецких фамилий, напр. Lohof/Лохоф – в смысле *не берег* (для обрезания?). Другие немецкие фамилии Восточной Германии суть слегка «славянизированное» определение колена Израиля, напр., Гадов/Gadow – из колена Гад.

Военный атташе израильского посольства в Германии Гад Гуго Селла нашел во время своей аккредитации в путешествиях по Германии деревню *Нерот* (Neroth) в Эйфеле и сообщил об этом в израильскую прессу. После этого Нерот стала известна израильским читателям. Селла также зафиксировал некоторые слова из сегодняшнего обихода этой деревни, где евреи в свое время выделялись торговлей крысоловок:

одем/adom – иврит – красное, на диалекте Нерот – коричневое,

рецеллах/Rezelach – иврит – роцеах, т. е. убийца, у обитателей деревни – непослушная, кусающаяся лошадь.

Д-р Алоиз Мертеc (Dr. Alois Mertes), принявший участие в дискуссии о диалекте деревни Нерот, также зафиксировал отдельные слова:

нассауэрн/nassauern – иврит – натан, наусен(ен) – дал, подарил, на местном диалекте вести себя эксплуататором,

массематтен/Massematten – иврит – масса у`матан, т. е. деловые переговоры.

Самым ранним документом, в котором евреи были упомянуты как римские граждане в Кельне, является указ императора Константина от 321 г. Позднее евреи были отмечены на старой романо-германской границе, *limes*, на Рейне и Дунае, в частности в Майнце, Трире, Аугсбурге и Регенсбурге. В крупных транспортных узлах существовали еврейские поселения колонистов, купцов и ремесленников. Начало развития европейской еврейской национальной культуры и языка идиш приходится на 801 г., где в

документах в первый раз упоминается некто «Ицхок Абину из Ашкеназ», очевидно из германских стран времен побед Карла Великого над Аварией. Эти и другие свидетельства дали некоторым идишистам основания полагать, что язык идиш родился, как минимум, до 1100-1200 гг. на относительно небольшой территории впадения реки Майн в Рейн. До Второй мировой войны, до Холокоста *Encyclopaedia Britannica* называла язык идиш седьмым языком мировой культуры.

В 2006 г. д-р Дорон Бехар (Dr. Doron Behar – The Genographic Project) из университетской больницы Рамбам в Хайфе, Израиль доложил о фрагменте генетического исследования, согласно которому ашкеназийское еврейство несколько спорно происходит от четырех праматерей. Годом позже, в 2007 г., вышла в свет работа американского публициста Джон Интайра (Jon Entire)¹¹, обобщившего результаты нескольких международных, сегодня общепризнанных объемных, генетических студий ашкеназийских евреев, в свете обсуждения которых немецких читателей пламенно интересовал один единственный вопрос: с какого времени ашкеназийские евреи происходят от немецких женщин? Поскольку он имеет отношение к изложению настоящей публикации, можно сказать, что процесс межэтнических контактов насчитывает не менее 2 000 лет, т. е. еще со времен германских странствий ютунгских скифов и алмани/аламанов, в переводе с иврита «вдовцов». Около 40% предков современных ашкеназийских евреев происходят от среднеевропейских женщин, которых подразумевают в районе Рейна во времена Карла Великого. Эта история имеет поразительные параллели с библейской историей Рут-моавитянки, добросердечной женщины, оставшейся с еврейской свекровью после того как ту на чужбине, в Моаве, постигло горе: муж и сыновья умерли, вторая невестка Опра оставила свекровь и ушла. Рут не оставила свою новую семью после собственной трагедии – смерти её мужа, сына

¹¹ Entire, Jon: Abraham`s Children – Abraham's Children: Race, Identity, and the DNA of the Chosen People, 2007

свекрови. Где-то 80 % современных евреев-ашкеназим являются сегодня потомками «Рут» с Рейна и, на мой взгляд, совершенно очевидно, также и из Великой Степи.

В последние годы мы стали свидетелями дискуссий итальянских искусствоведов в связи с многими найденными отпечатками пальцев Леонардо да Винчи на его картинах маслом. Один из них, очень четкий, был обнаружен на знаменитом портрете «*Дама с горностаем*», который храниться в Кракове. Дискуссия по дактилоскопии гения Возрождения стала особенно интересной, когда неожиданно выяснилось, что линии рисунков кожи пальцев выявили особенности, характерные для мужчин из стран Ближнего Востока. Так как происхождение его матери, Катарины, простой крестьянской девушки, покрыто мраком, то в некоторых научных исследованиях и в итальянских журналах появились спекуляции по поводу возможного арабского происхождения («*арабская рабыня*») матери Леонардо. Эти спекуляции тем более удивительны, потому что многие «*ближневосточные гены*» принесли с собой потомки израильтян из времен миграций израильтян, готов и гуннов в Италию, когда большинство из них стало христианами. Об этом выразительно говорит итальянская антропонимика таких фамилий, как *Паганини*, *Сабатини*, *Сарфатти* (Paganini, Sabatini, Sarfatti) и т. д.

Международная группа ученых-генетиков выявила в 2008 г. на основании анализа ДНК что, как минимум, треть населения Иберийского полуострова являются потомками евреев и мавров. По результатам исследования коллектива иберов выяснилось, что одиннадцать процентов из них являются потомками североафриканских мавров и почти вдвое больше, 20 % исследованного коллектива, потомками сефардских евреев. Указанное исследование было опубликовано в 2008 г.¹² Фамилии испанцев и португальцев также достаточно красноречивы: напр., *Суарец* (Suárez) или *Суареш* (Soares) расшифровываются как ивритская лексема

¹² “The Genetic Legacy of Religious Diversity and Intolerance: Paternal Lineages of Christians, Jews, and Muslims in the Iberian Peninsula”. von Adams et al., “American Journal of Human Genetics”, Bd. 83, 12. Dezember 2008

зу *арец* – это (моя) страна. В Израиле есть политик, который актуально именно так этимологизирует свою испаноязычную фамилию на иврите.

Итак, мы можем исходить из того, что в отличие от западных франков восточнофранкские племена не общались между собой на латыни, а использовали *theodiscus* и *diutisk*, а также *diota*, которые уже упоминались выше. Только в конце XI в., 1090 г. в «*Аннотид*» (*Annolied*), стихотворном обращении, сохраненном в монастыре Зигбург (*Siegburg*) пробила в первый раз постоянно и непрерывно деформированная, самая древняя версия (*Althochdeutsch*) термина “*diutisc*” в отношении языка, народа и страны.: „*diutschin sprechin, diutschin liute, diutischemi lande*“. В конце позднего средневековья из *tiutsch*, позднее *teutsche*, в старом идиш – *taitsche* появилось в конечном итоге на высоконемецком языке определение *Deutsche*. Из этих примеров этимологий происходит, например, немецкая фамилия *Тучек* (*Tutschek*) из Богемии. Весь этот ряд этимологии начался с народа *тиуда* (*thiuda*) царя готов Германариха на северо-западном берегу Каспийского моря из «*Истории готов*» Йордана и арианского епископа Вульфилы, предложившего первую азбуку готов. Согласно этимологии русского габраиста и лингвиста А.Ф. Студенцова¹³ *тиуди* списка народов царя готов Германариха расшифровывается как *thi iudi*, те *яротные* или просто *эти евреи* (в смысле ивритоязычные). Таким образом, мы можем проследить за политическими изменениями в постоянных «*поправках*» и конверсиях названий этносов варваров Севера и ранних прото-немцев.

Ниже предлагается динамика изменений этнонимов германцев/готов/немцев со времен царя Германариха и епископа Вульфилы:

“*thiudi*” царя готов Германариха в “*Истории готов*” Йордана – древневерхненемецкий; “*diot*” дворов императора и епископов; “*frenkisg*” - германо- или “*walhisc*” – кельто-латинские гибридные языки; “*theodisce*” восточнофранкских варваров, а на юго-западе Германии “*alemant*”; – в конце XI в., 1090 г. в

¹³ Студенцов, Альберт Ф.: Тайна происхождения Древней Руси, Ст.-Петербург - Ростов-на-Дону 2006.

“*Annolied*” из монастыря Siegburg “*diutisc*”, в конце позднего средневековья – *tiutsch*, позднее – *teutsche*, на средневерхненемецком и древнем идиш – *taiutsche* – в конечном итоге *Deutsche*, на славянских языках *немцы* («немые» – не в состоянии говорить на славянских языках).

К 1000 г. на территории Германии появились первые замки (нем. Burg) императора, князей и епископов. Около этих замков, которые стали магнитом нового языка, поселялась аристократия двора, духовенство, ремесленники и прислуга. Таким образом, эти люди стали новыми горожанами (нем. Bürger). При дворе и в замках развилась придворная жизнь, в которой особое внимание уделялось развлечению и беседам на латинском языке, на уже упомянутой схоластической латыни VI в. н. э. или на вульгарной латыни, а также на новом средневерхненемецком языке. Еврейские трубадуры были также массивно вовлечены в этот процесс. Отсюда такие выдающиеся произведения стихотворного искусства средневерхненемецких менестрелей, первых немецких поэтов, как стихи евреев Зюскинда из Тримберга (Süsskind von Trimberg) или Матье (Mathieu).

Весьма интересна информация об археологических исследованиях бывшего бенедиктинского монастыря *Корвай* вблизи Хекстер (Höxter) на Везере (Corvey an der Weser)¹⁴ в котором монахи появились после побед Карла Великого в начале 826 г. Археологи установили, что на территории более чем 1 100 лет древнего монастыря раньше стояли каменные здания: в т. ч. *вилла Хуксори* (Villa Huxori), каменный дом некоего *Бернхарда*, башни и укрепления. Наружная крипта была покрыта плитками из мрамора и порфира двухтысячелетней давности, на западном фризе на штукатурке фасада были найдены изображения мужчин в тогах. Под этим фризом были изображения трёх мужчин с красиво выписанными, тонкими средиземноморскими чертами лица и тёмными волосами («*южные европейцы*»). Указанные каменные сооружения не были созданы

¹⁴ Clausen, Hilde; Skriver, Anna: Die Klosterkirche Corvey. Wandmalerei und Stuck aus karolingischer Zeit Bd. 2, Mainz 2007.

римлянами и, очевидно, являются результатом работы древних «языческих» германских племен. Конечно же, эти находки привели к спору ученых из-за общепринятой европейской парадигмы и церковного нарратива.

Начиная с 12 г. до н.э. Рим посылал тысячи легионеров на правый берег Рейна в Германию завоевывать новые земли между Рейном и Эльбой. Оккупанты не строили из камня, – такие строения были слишком дороги, – а спали в палатках и деревянных бараках. В знаменитой битве с римским полководцем Варром у Калкризе (Kalkriese) в 9 г. н.э. Римская империя потеряла 20 000 солдат и должна была полностью уйти из германских лесов обратно за Рейн. Только в раннем средневековье франкскому императору Карлу Великому из династии Каролингов удалось окончательно победить варваров в лесах Германии. Более 30 лет понадобилось франкскому королю для того, чтобы победить племя саксов, 4 500 его противников был казнены после «кровавого суда» в Вердене (Verden). Не менее жестоко шло завоевание еврейского Аварского каганата в т. наз. «Аварских войнах» 791-794 гг. в Паннонии, на территории Баварии, Венгрии и современной Австрии.

В тени вышеупомянутой монастырской церкви Corvey на северо-западе Германии находится могила поэта *Гофмана фон Фаллерслебен* (Hoffmann von Fallersleben), автора слов национального гимна Германии, который работал здесь в XIX в. библиотекарем. Вполне вероятно, что каменное здание в старых контурах монастыря было использовано как плацдарм жестокой христианизации. В настоящее время идет спор между сторонниками нынешней парадигмы с одной стороны, по которой культура Древнего Рима и Римской католической церкви в этом монастыре была привнесена в Германию, и сторонниками независимого германского происхождения с другой. Архитектор города Эссена *Хорст Лейерман* (Horst Leiermann), бывший планировщик города Лемго *Герхард Кроос* (Gerhard Kroos) и археолог *Уве Лоббедай* (Uwe Lobbedey) считают, что находки намного старше времен Каролингов.

«Если Corvey римского происхождения, то должны существовать и НЛО», –

иронизировал Уве Лоббедай, который поделился своими мыслями в ТВ-программе Западногерманского радиовещания.

Согласно испытанному методу запугивания, против одного из сторонников дерзкого мнения даже было начато судебное преследование по обвинению в том, что он, якобы, захватил с собой позолоченный гвоздь из раскопок в монастыре Corvey. Это показывает, насколько политической может внезапно стать дискуссия по археологии и истории европейской культуры.

Текст еврейско-немецкого эпоса “*Dukus Horant*” из круга легенд Гудрун-Хильде (1382) отчётливо показывает, что в средневековом идише (еврейско-немецком) было мало отклонений от средневерхненемецкого. Немецкие евреи приняли активное участие в культурной жизни своего времени. *Элия Левита* (Elia Levita) (1469-1549) был известным переводчиком, редактором, грамматиком, издателем и типографом своего времени. Среди его друзей были христианские гуманисты *Себастьян Мюнстер* (Sebastian Münster) и *Иоганн Рейхлин* (Johannes Reuchlin).

Уже первый немецкий профессиональный писатель, поэт, пурист языка и реформатор орфографии *Филипп фон Цезен* (Philipp von Zesen, 1619-1689) подчеркивал близость между высоконемецким языком и ивритом.¹⁵ Для Цезена было ясно, что немецкий язык происходит из иврита (для Цезена «из еврейского»). Писатель явно находился под сильным влиянием дискуссии, описанной нами выше и спровоцированной Аннием из Витербо через его изложение фальсифицированного отчёта Псевдо-Бероссоса, эхо которого можно проследить еще сегодня. Автобиографический роман Цезена «*Адриатический Роземунд*» (Die Adriatische Rosemund, 1645 г., – в оригинале Rosenmând) считается первым немецким романом в стиле барокко-литературы. Цезен принял активное участие в лингвистической дискуссии, которая была отмечена

15Schielein, Christèle: Philipp von Zesen: Orthographiereformer mit niederländischen Vorbildern, Diss., Erlangen-Nürnberg 2002

политическими и идеологическими противоречиями. Среди прочего, он выступил против мнения большого авторитета своего времени, голландского филолога, лингвиста и клирика Йоханнеса Горопиуса Беканус (Johannes Goropius Besanus) из Антверпена о том, что немецкий язык является не только старейшим, но должен рассматриваться как самый совершенный язык человечества. Языковой национализм и мистика, которые уходят своими корнями в Реформацию и Гуманизм, пережили Возрождение с распространением немецкой литературы в нарождающейся эпохе Просвещения. Идеи Цезена сыграли важную роль в начале поисков национально-духовной и языковой самобытности, с желанием культурного самоутверждения против Франции или, особенно, против Италии, при сравнении с классической древностью. Таким образом, язык должен был быть для этих мистиков и пуристов «чистым» и во всех областях, особенно в области естественных наук, развитым. Это желание немецкой интеллигенции было в начале Нового времени исполнено.

Цезен сыграл большую роль в германизации многих слов своей эпохи, которые вошли в язык немцев: им было предложено слово *Ableitung* (вывод, выход) вместо *Derivation*, *Entwurf* (набросок) вместо *Projekt*, немецкий *Kreislauf* (обращение, – например, кровообращение) вместо *Zirkulation*, немецкий *Mundart* вместо *Dialekt* и т. д.

Для современного германиста *Андреаса Гардта* (Andreas Gardt), который интенсивно изучил «мистическую науку звуков» Цезена, заявления исследователя из XVII в. относятся «к онтологически-патриотической сфере» доступа к языку. С другой стороны Цезен признал чисто спонтанно и «поучительно» близость между немецким языком и ивритом. Гард заключил:

«Его символика звуков даёт Цезену предлог для местами авантюрной этимологии и приводит к филологическим соображениям, где он, однако, неоднократно узнавал

*исторические феномены языка, сопровождаая их мистифицированными пояснениями».*¹⁶

Скандинавские историки Саксон Грамматик из XII в. и Снорри Стурлассон из XIII в. сообщили о семье и жене Одина/Дана по имени *Фриа/Фрайа* (Fria/Freya), героини европейских саг, чье имя было использовано наиболее вероятно для обозначения еврейской пятницы, *шабата*, в немецком (*Freitag*) и английском (*Friday*) языках, а также о сыновьях этой пары, *Скъелде* (Skjold) и *Инглинге* (Ingling), основателей наций Норвегии и Швеции. Эти люди изошли в Скандинавию по данным археологических раскопок на Дону из Приазовья (Азов – на иврите оставь). Имя германского языческого короля-бога Одина может быть этимологизировано ивритом и как то верховного судьи – *дин*, т. е. важнейшей составляющей функции всех царей Эрец Исраэль и европейских владык. Буква *о*, интегрированная в этом антропониме в качестве префикса, является ничем иным как бывшим определенным артиклем *ʾa* в о-вокализации (циркумфиксом).

Этимологии В.Е. Бершадского позволяют более детально рассмотреть некоторые северогерманские топонимы Скандинавии, отделившиеся в начале н. э. от древних западногерманских языков:

Бирка – древняя столица Швеции, разрушенная карелами и новгородцами, находилась на «*луже*» – берегах озера Меларен – на месте современного Стокгольма. В монографии «*Die Aschkenasim...*» (2006) мною была предложена этимология, соединяющая этот старый топоним рахдонитов с ивритским словом *браха* – благословение.

По В. Бершадскому ברקק/Беркак – «в луже». «Лужей» называли озеро Меларен. Слово «*Меларен*» – מלא רענן/мела ранън = «*Наполнено свежестью*».

1. ברקע/бърка – «в основании, в платформе»
2. בריך/бирьха – «питание твоё» – бирки прикрепляются к мешкам с продовольствием
3. торговая документация.

16Gardt, Andreas: Die Sprachgesellschaften des 17. und 18. Jahrhunderts, in: Sprachgeschichte, 1997, 388-412; Gardt Andreas: Nation und Sprache: die Diskussion ihres Verhältnisses in Geschichte und Gegenwart, Berlin-New York 2005

Таков также по его же этимологии топоним столицы колена Дан, т. е. современных датчан,

Копенгаген. [כופה - [כפה/кофеф//копф –

1. «нагибать, пригибать»

2. «принуждать, заставлять»

и גג/гаген – «тот, кто покрывает крышей».

Поэтому этот самый КопенГаген и был Хозяином Балтики и «крышевал» на ней торговлю.

Интересна в этой связи моя этимология названий больших портовых, сегодня польских городов Померании в Гданьской бухте, два из которых играли большую роль в истории: *Гданьск* и *Гдыня*. Эти два города и курорт Сопот образуют агломерацию городов *Trójmiasto* на западе польского балтийского побережья: *Гданьск*, по-польски *Gdańsk*, по-немецки *Danzig*, на языке западных славян-кашубов *Gduńsk*, на латыни *Gedanum* или *Dantiscum*, а также *Гдыня*, по-польски *Gdynia*, по-немецки *Gdingen*, на кашубском *Gdini*. Важная морфема названий этих двух портов образуется ивритским *гды* – барашек. Латинское и немецкое название *Гданьска* указывает на бывшее владение колена Дан, сегодня датчан. Жертвоприношением агнца по старому израильтскому ритуалу праздновали, очевидно, мореплаватели (викинги?) окончание своих походов.

Лингвистический анализ древнегерманского языка выявляет связь с ивритом, в том числе и через идиш:

Так, для примера, ивритское *хапа/charah* – несчастье, неудача, невзгоды, напасть, неприятный сюрприз (например, нем. *Karfreitag* – Страстная пятница) вошло в древневерхнегерманский.

Аналогичным образом иврит использовался для создания терминологии повседневной жизни, например, ивритское обозначение женщины *прува/pruwah/prouweh* и бесппроблемно очутилось в древнегерманском, старонемецком (старосаксонском) и фризских языках как “*vrouwe*” (= Frau), сменившее старое обозначение “*wīp*” (= Weib) в средневерхнегерманском первого немецкого поэта высокого средневековья Вальтера из Фогельвайде (*Walther von der Vogelweide*). Слово *vrouwe* или *vrouwelijk* служит сегодня на языке Нидерландов в качестве термина для обозначения женщины.

Ивритское обозначение мула, *перед*, стало на этом пути высоконемецкой лошадкой – *das Pferd*.

Ивритский глагол *lexitдардер* – упасть глубоко, также и в моральном смысле, представляется в соответствии с правилами сравнительного языкознания основой для идишитского *drerd* – земля, например, в идиш простонародья *in drerd (h)arein*. Похоже, что этот *drerd* идиш – средневысоконемецкого и стал основой для появления высококонемецкого слова *die Erde* – земля.

Интересные примеры влияния иврита в немецком языке приводит, наряду с работами профессора германистики из Трира Ханса Петера Анхауза¹⁷, берлинский профессор истории в университете Потсдам и раввин реформистской общины Берлина Андреас Нахама¹⁸.

Так, например, немецкое слово для чисел – *die Ziffer* происходит из иврита: *цифер* – считать¹⁹.

Настоятель монастыря и сам монастырь – *Abt, Abbat, Abtei* от ивритского абба или ав – отец (Б.А.).

Немецкое *die Macken* говорит о странностях характера и было конвертировано из идиш – *á máke* и иврита *мака* – удар.

Слово *bar* в немецком (кроме обозначения закуской) – лишенный, оголенный, обнаженный или денежная наличность – показывает конверсию от арамейского *бар* – сын или дикий – к современному высококонемеckому значению слова, претерпевшему изменение смысла и значения.

Камень *Basalt* от ивритского базелет (Б.А.).

Нишета означает на иврите *даллут*. В немецкий язык и, особенно, в его диалекты оно вошло как слово *Dalles* – как обозначение *пустой кассы* или *пустого желудка*²⁰. Возможно, через немецкий это слово нашло свое место в английском языке как, напр., фамилия американского политика *John Foster Dulles*(?).

Немецкое слово *die Fratze* – *рожа, харя* имеет своим прообразом еврейский, ивритский *парцес/парцув* – *лицо*²¹ и т. д.

Похожую этимологию имеет известное поносное заболевание под названием *холера*. Холе означает на иврите больной или болен, вторая часть слова -ра означает на иврите

¹⁷ Anhaus, Hans-Peter: Zocker, Zoff & Zores. Jiddische Wörter im Deutschen, München 2002; Althaus, Hans-Peter: Kleines Lexikon deutscher Wörter jiddischer Herkunft, München 2003

¹⁸ Nachama, Andreas: Jiddisch im Berliner Jargon, Berlin 2007

¹⁹ Там же, с. 32

²⁰ Там же, с. 43

²¹ Там же, с. 44

плохо (в смысле тяжело). Другими словами, согласно этимологии А. Нахамы, плохо или тяжело больной²².

По той же этимологии может рассматриваться немецкий глагол *heiraten* – жениться, который происходит от ивритского *харей ат*, фрагмента ивритской фразы при сакральном венчании под хупой: «*харей ат мекудешет ли...*» («*итак, ты принадлежишь мне...*»)

Очевидно из позднего средневековья на границе с Новым временем, когда на перекрёстке истории вновь произошел виток этногенеза и развития языков, происходят известные немецкие выражения, ставшие общепринятыми. К ним относятся:

весёлое доброе, немецкое напутствие счастья, например, на Новый год – *Hals- und Beinbruch!*, что дословно означает типа «*Желаю вам сломанных шеи и ноги!*». Недоумение рассеивается, когда мы узнаем о спонтанном, т. наз, «народном» словотворчестве из ивритского благословения *хацлаха ве`браха* – *удачи и благословения* (на идиш – *хацлохе ун броче*).

Другое немецкое новогоднее поздравление *Guten Rutsch!* – буквально «*хорошо прокатиться!*» или даже «*поскользнуться!*» имеет в виду не чудесную прогулку на санях или падение на заледеневшем тротуаре, а, очевидно, опять ивритское слово *рош*, которым в связи с годом или месяцем всегда называют *первым днем* (например *рош гаходеш* – начало месяца).

Немецкое слово *varooft* состоит изначально из двух частей: *veg* + *га`ав* (кто (?) + голодный) и означает *небрежно одетого* (в смысле опустившегося голодного человека).

Многие, якобы, «славянские» топонимы и германская антропонимика имеют ивритское происхождение. Несколько странна и неожиданна «англо-саксонская» и среднегерманская традиции артикуляции суффикса *ов* (*ow*) – его произносят в немецком без *w*-артикуляции, могущей без проблем указать на ивритскую природу немецких слов в ономастике.

Уже упомянутый район и канал Берлина *Телтов/Teltow* – по ивритской этимологии *тель тов* – хороший холм (сравним с израильским Тель-Авивом – холмом весны),

²² Там же, с. 41

канаанский топоним населенного пункта и монастыря *Хорин/Chorin* (дворяне, аристократы) области *Барним*,

Барним – возможно, из арамейского бар – сын, ним(а) – волос, т. е. волос сына; оба топонима в земле Бранденбург в Восточной Германии,

Уже упомянутое название портового города *Росток* в земле Мекленбург – Передняя Померания в Восточной Германии этимологизируется как рос – князь и о(-а)к – так это есть: т. е. *утвержденный князь(ем)*. Где-то похожим подхалимским лестным комплиментом князю звучит, кстати, лексема – название большого русского города на Волге, *Саратов*: сар – князь или местный царь, (ĭ)а – определенный артикль и тов – хороший князь или также Ростова-на-Дону – рос – князь и тов – хороший с тем же значением – комплиментом «*хорошего князя*».

Фамилия *Бетов* – буквальная ивритская этимология *бе тов* – *по-хорошему*, другая несколько обрубленная, возможная трактовка *бет тов* – *хороший дом*, в еврейской традиции часовня на кладбище для прощания с умершим или само кладбище.

Сюда же относится, напр., фамилия *Kolbow* – ивритская этимология лексемы *коль бо*, выявляет общий термин для выражения *всё в одном* (в Израиле название популярного в своё время супермаркета в Тель-Авиве).

Происхождение Берлина прослеживается там, где в настоящее время находится *Музейный остров* (Museumsinsel). В 1244 г. Берлин был упомянут как город-близнец *Кельна-на-Шпрее*. *Генрих фон Ангальт старший* (Heinrich von Anhalt der Ältere) называл себя с 1212 г. первым среди немецких правителей титулатурой *граф* (Fürst), в смысле *первый, передний* или *повелитель*. Датой основания немецкой столицы считается 28 октября 1237 г.

Уже в момент основания этих двух городов, Берлина и Кельна-на-Шпрее, в конце XII в. были отмечены еврейские купцы в Бранденбурге. Вместе с евреями Шпандау они использовали не сохранившееся еврейское кладбище Шпандау (Judenkiewer Spandau). Старейшее найденное надгробие из остатков этого кладбища датируется 1244 г. Первое официальное письменное упоминание о евреях в Берлине датируется 1295 г.: так, в привилегии гильдии

ткачей в Берлине членам гильдии было запрещено покупать пряжу у евреев.

История династии немецкой высокой аристократии Асканов восходит к началу 1000 года н. э., когда члены зубской благородной семьи Берингер (Beringer: бер ин гер – подарок для гера?) породнились с соседней саксонской знатью и получили во владение графство *Ашерслебен* (Aschersleben). Так окончилась былая вражда между коренными зубами и мигрантами-саксонцами, продолжавшаяся еще со времен Великого переселения народов. Саксонцы сумели вытеснить зубов из их старой родины в горах Гарца²³. Одним из наиболее важных представителей Дома Асканов по материнской линии был маркграф Геро (ивритский *гер* с латинизированным средневековым циркумфиксом *o(ŕa)*, который в семитском написании справа налево должен был бы стоять сначала – т. е. здесь постоянно обитающий или просто обрезанный), один из многих предков Асканов-Анхальт, служивший в X в. полководцем у императора Отто I. Он упоминается в Песне о Нибелунгах под его почти оригинальным семитским именем как «*маркграф Гере, рыцарь сильный и красивый*» (Marcgraf Gere, ein Ritter stark und hold). Внуки завоевателя Восточной Германии, маркграфы *Альбрехта Медведя* (Albrecht der Bär – или все-таки Бер – подарок? 1100-1170 гг.), маркграфы Иоганн и Отто основали Берлин. С тех пор имя Альбрехта было онемечено и стало эмблемой немецкой столицы в качестве медведя. Согласно иврит-ханаанитской этимологии здесь, вероятно, было использовано не определение медведя болот в окрестностях Берлина, а *подарок, который остался здесь* (для населения) или *место жительства сына*, который также рассматривается в качестве *подарка* или просто как *мощный сын*. Район Моабит в Берлине назван, например, в честь библейской земли *Моав* (Moav) в южной части Трансиордании т. д.

Через уже частично в конце античности сформированным древнегерманским династиям высокой

²³ Anhalt, Eduard von: Sagenhaftes Askanien, München 2004.

аристократии, квазиэквивалентных дому Давида, был создан дом *Саксен-Кобург-Гота* (Sachsen-Coburg-Gotha), к которому принадлежат британские *Виндзоры* (Windsor), линия *Анхальт-Аскания* (Anhalt-Askanian) и другие европейские высокоблагородные роды, дома и династии семитского происхождения, например, так императоров *Габсбургов* (Habsburg). Многие из истории европейской аристократии нашло свое отражение в *генеалогических отношениях г. Гота* (Gothaer genealogische Verhältnisse).

Вероятно сюда же относятся ономастика и топонимика династии (дома и города) *Ганновер* (Hannover), которые в другой вокализации, например, на идиш и славянских языках, звучат именно с Г-консонантой. В такой артикуляции, похоже, мало лестного для рода Гвельфов, откуда в XVIII и XIX вв. пришли короли Англии: эта титулатура рода и династии переводится с ханаанского иврита как... *Воровской*.

Антропонимика старой немецкой знати, а также выдающихся представителей немецкой интеллигенции, похоже, также часто создана на основе гибридизации ханаанского иврита (кнаанит) и европейских языков, напр.,

род *Бисмарк*, давший Германии во 2-й половине XIX в. ее выдающегося «железного рейхсканцлера», графа Отто фон Бисмарка (Graf Otto von Bismarck): ивритский предлог бе – к или у, ис/иш – человек и марк/Mark – марка в смысле граница, т. е. у человека на границе. Возможно, в такой этимологии речь идет о немецких баронах-юнкерах Пруссии Нового времени. Интересно, что сам граф Отто, рассматривая в свое время книгу своей родословной, изданную его верноподданными поклонниками и изданную специально для него, собственноручно очень критически пресек все попытки поместить его род в XI-XII вв. В Северной Германии недалеко от Гамбурга имеется город Бисмарк (Stadt Bismark in Altmark), правописание которого немного отличается от фамилии легендарного политика²⁴.

Фамилия *Моммзен* (Mommsen), давшая Германии несколько поколений выдающихся историков, может происходить,

²⁴ Klaus Werner von Bismarck, London 2005, <http://www.familie-greve.de/index.php?name=PNphpBB2&file=printview&t=8732&start=0>

похоже, от ивритско-идишистского мамзер (с о-вокализацией момзер), т. е. рожденного в результате внебрачных контактов.

Предполагаемая индоевропейскими исследованиями «славянская» антропонимика востока Германии показывает часто иврит-ханаанское происхождение. Так, например, фамилия *Соданн* из Тюрингии этимологизируется как ивритская «наковальня», *Клум* из земли Рейнланд как ивритское «ничто», которую Юрген Удольф (Jürgen Udolf) неубедительно этимологизирует как германскую Klumm²⁵. Сюда же относится и фамилия *Виссмах* (Wissmach) в Швабии, которая при анализе оказывается лексемой ивритской библейской цитаты *ве исмах* – и возрадуется. Странная швабская Фамилия *Бе* (Be) является ни чем иным как сохранённой реликт-ханаанской препозицией. Восточногерманская антропонимика фамилии *Машке* (Maschke) говорит об алкогольном напитке, европейская фамилия *Кавран* (Kavran) переводится с иврита как могильщик, *Шехтер* (Schächter) или богемский Резничек (Resnitschek) – как забойщик кошерного скота и т. д. Любопытна этимология восточно-немецкого имени *Миосга* (Miosga), которая позволяет через ханаанский иврит найти лексему: ми – кто, – ос(-з) – сила или мужество, – га(-ха) – уничтожитель, – совокупность даёт *тех, кто, как храбрые уничтожители* (себя ведут). В современном Израиле очень популярна похожая ивритская фамилия Маоз. Поэтому уже не удивляет когда немецкий ремесленник из Аахена несёт фамилию *Тора* (Thoga), имя известного спортсмена звучит *Неццер* (Netzer – на иврите росток), журналист имеет распространенное, исконно немецкое имя *Тамм* (Thamm или Tahm; тамм – на иврите вкус), женщина из Восточной Германии фамилию *Пруша* (Pruscha) – выделенная, что может быть обозначением еврейской фарисейки или, по другой этимологии, *прусской женщины*. Сюда же относится

²⁵ Udolf, Jürgen; Fitzek, Sebastian: Professor Udolphs Buch der Namen. Woher sie kommen, was sie bedeuten. München 2005.

этимологический пример фамилии *Рутц* (Rutz) – на иврите беги!²⁶ и т. д. без конца.

Вольфганг Петерс (Саарбрюккен) обратил в своё время мое внимание на особенности артикуляции немецких чисел. Интересно, что из европейских языков только в немецкой системе счисления единичные числа должны быть названы перед десятками. Причиной этого является, очевидно, феномен «*обратного прочтения*» (В.И. Шнейдер 1998), о котором я уже писал в моих работах²⁷. По аналогии с современными славянскими языками, например, русским языком, вероятно, уже в XI и XII вв. у германцев – прото-немцев, которые могли читать ивритский шрифт, но использовали этот язык уже не в качестве родного, возник вопрос о вокализации чисел. Так как в ивритской языковой традиции для обозначения чисел до сегодняшнего дня используются буквы еврейского алфавита, читаемые в семитской традиции справа налево, то теперь они были прочитаны уже «*чужезычными*» (die Fremdsprachler) реликтивно на иврите, как от них этого требовал текст, но уже в европейском слева-направо направлении. Хотя эта передача была неправильной, она увековечена в высоконемецком языке.

Реликтовые следы древнего семитского, ханаанского протоиврита, с правилом чтения слева направо мы находим, вероятно, в антропонимике некоторых немецких фамилий, как *Герк*, *Герке* или *Геркен*, (на иврите *ке гер* – в смысле *как местный, как здесь постоянно проживающий* или *как обрезанный*), а также в известных восточно-немецких топонимах как *Гера* и *Гота*. Суффиксы *-к* или *-ке* типичны для многих европейских фамилий, несколько модифицированный *-ко* является типичным для потомков украинских казаков. Окончания указанных выше топонимов фактически указывает на ивритский артикль *’а*, который произносится как *-а* и превратился в немецком в постфикс.

²⁶ Altschüler, Boris: Europas letztes Geheimnis: von zehn „verschollenen“ Stämmen Israels zu den europäischen Staaten, Berlin-Saarbrücken 2008.

²⁷ Шнейдер Владимир: След Десяти, Беэр-Шева, 1998

Об этом уже при анализе древних европейских гибридных языков очень убедительно писал выдающийся американский семитолог и ассириолог Сайрус Г. Гордон (Cyrus Herzl Gordon 2002)²⁸. Феномен «*обратного прочтения*», впервые предложенный Владимиром Исааковичем Шнейдером для объяснения родства русского языка и иврита, и уже ранее описанным также С.Г. Гордоном в Восточном Средиземноморье древности, адаптация ивритского текста читаемого по-индоевропейски слева направо, делает этот артикль окончанием-циркумфиксом – Гота, Гера. Собственно, сообразно ивриту эти иврит-варварские топонимы должны были бы в оригинале звучать как *ḡager* или *ḡagom/ḡaget* (отделившиеся друг от друга или разведенные).

Кроме того, некоторые другие западноевропейские топонимы сами говорят в пользу феномена «*обратного прочтения*», когда предлоги (приставки), отрицания и т. д. приземляются «*необъяснимым*» образом аффиксами в конце слова-морфемы как, например, в названии голландского города *Венло* (Venlo). На самом деле отрицание («*не сын*» *достопочтимых родителей* – [этноя венедов/вендов на грани античности и раннего средневековья]) по семитской традиции должно было бы стоять в начале слова, которое является иврит-ханаанской лексемой.

По аналогии к образованным этнонимам-лексемам, бывших когда-то фразами, расшифровывается, напр., этноним *словен*: (и)с/(и)ш – человек, который ло – не и бен/вен –сын, – т. е. *человек, не являющийся членом коллектива «сыновей достопочтенных родителей»* – венедов. Этот феномен был зафиксирован в названии голландского города *Венло*, возникшего в XI в., очевидно, сначала в израилитской традиции под определением ло вен/бен – не сын и последующим прочтением слева направо в латинской традиции.

Современные филологи и германисты знали или подозревали ивритское участие в создании немецкого языка уже долгое время. Знаменитый немецкий писатель *Эдгар*

²⁸ Гордон, Сайрус Г.: Забытые письмена, М. 2002.

Хильзенрат (Edgar Hilsenrath) пишет в своем романе-бестселлере «*Наци и парикмахер*» („*Der Nazi & der Friseur*“) следующее:

«Идиш является своего рода средневерхненемецким языком, который связан с немецким характером намного теснее нашего высоконемецкого языка, который в основном является только... неудачным, разложенным, чванливым идиш (перевод Б.А.)»²⁹.

Легендарный немецкий литературный критик Марсель Райх-Раницки (Marcel Reich-Ranitzki) подчеркнул в одном телевизионном интервью, что великий Генрих Гейне (Heinrich Heine) в своём горячо любимым немцами хрестоматийном стихотворении «Песня Лорелеи» (Loreleylied, 1823) писал уже в первой строфе на идиш. В соответствии с немецкими лексическими правилами должно было бы быть написано вместо «Я не знаю, что это должно означать», как у Гейне – «Не знаю, что это значит»³⁰. Но тогда исчезнет аромат стихотворения.

Влияние и обмен иврит–идиш–немецкий было, однако, взаимным. Известно что ашкеназийские особенности иврита развились в сравнении с другими группами еврейской диаспоры и испытали на себе сильное влияние германских языков, например, по сравнению с ивритом йеменитских евреев: камац написанного еврейскими буквами текста вокализируется через -о (в диалекте «литваков» -ой – Б.А.), холам через -ау, а непунктирная буква тав как -с. Под влиянием немцев, их языков и диалектов ударение было переложено с последнего слога на предпоследний, с уплощением конечной гласной и ее переходом в непринужденное е. В большинстве слов обиходного иврита ударение интонируются на последнем

29 „Jiddisch ist eine Art Mittelhochdeutsch, eine Sprache, die dem deutschen Wesen verwandter ist als unser Hochdeutsch, das ja im Grunde nur ... ein verhunztes, zersetztes, hochgestochenes Jiddisch ist.“ Hilsenrath, Edgar: *Der Nazi & der Friseur*, Roman, Berlin-Köln 2004, S. 30

30 An Stelle von „Ich weiß nicht was soll es bedeuten“ müsste nach den deutschen lexikalischen Regeln „*Ich weiss nicht was es bedeuten soll*“ stehen.

слоге³¹. Идиш пользуется фиксированной буквенной огласовкой звуков, которой нет в иврите. Тем не менее, близость и взаимообмен между ивритом, идиш и его конверсиями в немецкий, к примеру, в местных диалектах, в т. наз. еврейско-немецкий (Jüdischdeutsch), включая жаргоны и арго, которые по мнению некоторых филологов можно определить как западный идиш (Westjiddisch), остаётся по-прежнему очень чувствительным обстоятельством германистики и в некоторой степени представляет собой еще табу.

Немецкое слово для *каталажки* или *кутузки* – *der Knast*. Это слово происходит от ивритского *кнас* – *штраф*.

Ивритское обозначение собаки, *келеф*, нашло свой путь в идиш и в современный иврит как *клафте* – сплетница, болтунья (как брешущая собака), а также в высоконемецкий как *der Kläffer* – брехливая собака или крикун и грубиян.

Ивритское обозначение еврейской религиозной философии *Кабала* приобрело в европейских языках в результате негативной пропаганды иудаизма Церковью очень отрицательное религиозно-политическое значение: немецкое слово *die Kabale* означает в соответствии с учением церкви *коварство, интриги, козни* и т. д. Очень похожая ситуация наблюдается и в русском языке: выражения *идти в кабалу* или *кабальный договор* говорят сами за себя.

Немецкое слово для обозначения «абсолютно» мертвого *mausetot* является тавтологией, потому что немецкое *maus* (Maus) не имеет в данном случае ничего общего с мышью, зато с сефардским ивритом: *мот* означает мертв.

Для немецкой антропонимики довольно представительны синтетические фамилии типа *Эвентейн*, где ивритское обозначение камня – *эвен* «для верности» повторяется еще и по-немецки: *Stein*. В российской ономастике, напр., еврейские фамилии типа *Липскер* часто получают дополнительно русский суффикс *-ов* и звучат тогда как *Липскеров*.

Языковой обмен идиш – немецкий можно проследить со времен среднего и высокого средневековья через средневысоконемецкий (Mittelhochdeutsch):

байсл (Beisl/Beisel) – трактир, пивная, кабак. На идиш произносится как *баис*, на иврите – *байт*,

³¹ Stern, Josef: Westjiddisch? Jüdisch-Deutsches Wörterbuch, 2008, <http://www.hagalil.com/israel/2008/judendeutsch-2.htm>.

немецкое слово *ише* (Ische) для подруги или девчонки. Происходит из идиш *ише*, на современном иврите *иша*, *мис* (mies) – дурной, плохой, гадкий, некрасивый, даже мерзкий. На идиш звучит как миэс, на современном иврите маус, *шахерн* (schachern) – уничижительное немецких жаргонов для слова торговать (напр. *шахер-махер*). *Сахár* означает на иврите торговлю.

Зигфрид Крейцер (Siegfried Kreuzer) сообщает из Австрии о похожих наблюдениях:

ашкелон (Aschkelon): лук шалот,

хаберер (Haberer): иврит – хавер, т. е. товарищ, кроме того довольно широко распространенная фамилия,

бахель махен (bahel machen): иврит – б`хала – паника, в Австрии — шуметь и т. д.

В Германии были зафиксированы специфические жаргоны юго-запада, напр., из Хоттенбаха в Хунсрюке (Hottenbach in Hunsrück), отличающиеся от обычных:

кафрим (Kafrim) – на иврите хаверим, т. е. товарищи и члены какого-то объединения – в Хоттенбахе партнеры в деле,

кохем (Kochem) – на иврите хахам, т. е. умный человек, – в Хоттенбахе человек имеющий счастье в деловых сделках,

шумбе (Schumbe) – на иврите шемен, шамен, т. е. жир, жирный, – в Хоттенбахе земельный надел и т. д.³².

Несколько интересных работ последних лет, например, Ханса Петера Анхауза и Андреаса Нахама затрагивают в основном, языковой обмен идиш- и иврит-немецкий, но упоминают это обстоятельство недостаточно глубоко. Большой предпочтительностью в таких работах по сравнительной лингвистике пользуется идиш как индоевропейский германский язык, менее любим иврит.

Знаменитый израильский писатель, режиссер, юморист и сатирик Эфраим Кишон, который в конце жизни жил часть года в Европе, в своем доме в Швейцарии, удивлялся в телевизионном ток-шоу сходству языка идиш и швейцарского Schwizerdütsch. В пользу ашкеназийского иврит-ханаанского наследия, как и для сефардского иврита в европейских языках, особенно в немецком, русском и идиш, а также в различных диалектах и произношениях, очень ярко говорит подчёркнутый мною в 1-м томе моей книги

³² Там же.

феномен *a-* и *o-*вокализации западноевропейских языков (Die Aschkenasim... 2006).

В начале XVI в. с публикацией перевода Библии *Мартином Лютером* (Martin Luther) на немецкий язык был продолжен процесс новой национальной идентификации немцев, убедительно начатый в середине XV в. *Иоганном Генсфляйш* (Johannes Gensfleisch), зованным *Гутенбергом* (Gutenberg), через изобретение и распространение печатной машины. Новый высоконемецкий язык к тому времени уже существовал, им пользовались в канцеляриях Мейсена и Праги, им пользовались учителя. Изобретение Гутенберга положило начало третьей революции масс-медиа, средств массовой информации, после образования языков и изобретения сложных письменных систем и сделало Германию и немецкую элиту центром интеллектуального и духовного развития в Европе. Распространение печатного издания Библии Мартина Лютера в немецких домах в свою очередь показало мощь нового демократического масс-медиа.

Этно-лексические особенности европейских этногенезов ставят перед нами все еще много вопросов, однако последние двести лет развития индо-германистики, несмотря на достигнутые успехи, не дали на них окончательного ответа. Как могло вообще получиться, что язык преследуемой, относительно незначительной и преследуемой этнии оказал такое громадное влияние на европейскую культуру? Индоевропейские исследования проводятся в настоящее время в 27 университетах Германии. Кроме того, существуют индоевропейские учебные заведения в 32 зарубежных университетах, напр., в Испании, Италии, Японии и США.

Неомарристские исследования должны заполнить этот пробел. К негативным особенностям развития индо-германистики относится ее «бетонирование» в прокрустовом ложе правил, законов, схем и таблиц, противоречащим всем попыткам нового объяснения этногенезов и новых языков. Попытки таких экзегезов в противоречие к *деконструкции* и *грамматологии* Жака Дериды объявляются «не научными» и лишены смысла.

Многие лингвисты, филологи, историки и философы разных стран видят очень четко недостатки индо-германистики. Поэтому банальный страх шельмования таких исследований через академическую компрометацию требует определенного научного мужества. Западные школы филологических исследований не отрицают сегодня идею Н.Я. Марра о первичной яфетской или яфетидской (семитской) основе многих европейских языков. Рациональное зерно этой теории привело в последнее время к появлению и развитию неомарристского объяснения европейских этногенезов и развития языков. Оба научных объяснения: индогерманская и неомарристская теории являются двумя сторонами одной медали и позволяют лучше объяснить феномен Европы. Они не являются антагонистическими, а дополняют друг друга.

В свете этой информации понятны противоречия в экзегезе истории языка идиш, который состоит на приблизительно 15 %-20 % из иврит-западноханаанского языка – кнаанит, сефардского иврита и арамейского языка, на 70 % -75 % из германского субстрата, – оставшаяся незначительная часть приходится, в основном, на славянский и тюркский элементы. Поэтому идиш часто объявлялся восточно-немецким *«жаргоном»*, а иногда еще и *«рейнским диалектом»*. Рядом, с, главным образом, латынью именно аналитический западноханаанский иврит и был тем самым языком, который обусловил развитие в немецкоязычном языковом пространстве и оказал на него сильное влияние. Многие тысячи заимствованных слов и общих корней прослеживаются в этимологических рядах настолько массивно и убедительно, что должны дать еще очень много работы лингвистам, филологам, историкам этногенезов и философам. Этимологическим рядам примеров интеракции иврит-немецкий язык несть числа и создание лексиконов таких соответствий – важная задача будущего.

Борис Э. Альтшулер © 2010

Илья Куксин

Великий импресарио

Олее тридцати лет прошло, с тех пор как ушел из жизни Сол Юрок, которого до сих пор во всем артистическом мире считают непревзойденным импресарио. Нет ни одного знаменитого артиста, как в Старом, так и Новом свете, который бы с теплотой не вспоминал об этом необыкновенном человеке. Кто бы мог подумать в начале двадцатого века, что ничем не отличавшийся от своих сверстников восемнадцатилетний еврейский юноша из небольшого городка черты оседлости бывшей Российской империи очень скоро приобретет и до конца жизни не уронит славу выдающегося деятеля искусства международного масштаба.

Он родился 9 апреля 1888 года в семье средней руки лавочника Израиля Гуркова в городке Подгар у самой границы Украины и России. Назвали его Соломоном. Никаких артистических и тем более музыкальных талантов за ним не замечалось. Впоследствии в своих мемуарах Сол Юрок вспоминал, что пытался научиться играть на балалайке, но из этого ничего не вышло путного. Отец видел Соломона своим наследником и предполагал впоследствии передать ему свое торговое дело. Когда парню исполнилось 18 лет, отец вызвал его для серьезной беседы, вручил тысячу рублей, что по тем временам было вполне приличными деньгами, и направил в Харьков, для того чтобы подучиться торговому ремеслу. Но прошло совсем немного времени, и вместо Харькова Соломон оказался на знаменитом «Острове слез» недалеко от Нью-Йорка. По дороге в Харьков Соломон встречает своего давнего приятеля и тот уговорил его вместо Харькова вместе отправиться в Америку. Он не только согласился, но и уговорил поехать с ними свою юношескую любовь Тамару Шапиро. Начались обычные

иммиграционные формальности. Ни Соломон, ни его попутчики не знали ни одного слова по-английски. С трудом разобрав, что хочет от них американский чиновник Соломон называет свою фамилию Гурков. Произнесено оно было на том диалекте, как говорили в Подгарах с мягким «г» и чиновник, закивав головой, показывая, что он все понял, вручил Соломону документы, в которых он значился, как Сол Юрок. Уже впоследствии, организуя гастроли русских знаменитостей в США, он представлялся чисто пороссийски: Соломон Израилевич и очень любил, когда к нему обращались не мистер Юрок, а по имени и отчеству. Первые шаги Сола в Америке долгое время были покрыты туманом многих недоговоренностей. Еще при жизни он написал и издал две книги своих мемуаров. Первая из них под названием “Impresario: A Memoir” была опубликована в 1946 году, а вторая “S. Hurok Presents: A Memoir of Dance World” в 1953. Окончательная картина прояснилась, когда 8 лет назад вышла в свет книга Harlow Robinson “The Last Impresario: The Life, Times, and Legacy of Sol Hurok” Эта капитальная монография американского русиста профессора Робинсона написана на основе документов из архива Юрока, воспоминаний его родственников и друзей. Среди них значатся такие известные лица, как Исаак Стерн, Айседора Дункан, Рудольф Нуриев, Александра Данилова и многие, многие другие. Блестяще владея русским языком, Робинсон более 20 раз посещал бывший СССР и нынешнюю Россию. Именно он является автором великолепной биографии Сергея Прокофьева. Поэтому все, что ниже будет изложено о жизни Сола Юрока, в большей части, базируется на этом скрупулезном исследовании.

Итак, в мае 1906 года юный Соломон оказался в Нью-Йорке практически без гроша в кармане и совершенно не представляя, чем же он может заняться. Первым делом он пристроил Тамару у ее замужней сестры, которая жила в Бруклине. Затем обменял последние русские три рубля на полтора доллара, поужинал, одолжил у знакомого эмигранта деньги и отправился к своим родственникам в Филадельфию. В одних мемуарах он утверждал, что там жил его брат, в других говорил, что дядя. За полгода своей жизни

в Филадельфии, как писал Юрок, он переменял 18 работ. Чем только не пришлось заниматься: мойщиком бутылок и разносчиком газет, затем он становится бродячим торговцем. Английского он не знал и объяснялся преимущественно мимикой. Его не понимали – в одном месте облили водой, в другом натравили на него собаку. Он пошел на курсы английского, но так и не овладел им до конца жизни. Но сам решил, что знает английский и устроился кондуктором трамвая. В его обязанности входило громко объявлять названия остановок. Но его не понимали и вскоре с этой работы выгнали. В ряде своих интервью уже после того как имя Сола Юрока стало известным он уверял, что знает шесть языков. После одного из таких интервью его близкий друг знаменитый скрипач Исаак Стерн заметил: «Да, Юрок знает шесть языков и все они – идиш». Действительно на всех языках он говорил до конца жизни с сильнейшим русско-еврейским акцентом.

Сол Юрок

Филадельфия не понравилась Юроку, и он возвращается в Нью-Йорк. Устраивается продавцом в магазин скобяных изделий, где работал за доллар в день. Но

как вспоминал он впоследствии, за комнату он платил всего 4 доллара в месяц. Вскоре он становится членом американской социалистической партии. Как и большинство эмигрантов из России Юрок верил в социалистические идеи. Он исправно посещает социалистические митинги и собрания, участвует в их подготовке. Чтобы привлечь на собрания побольше народа, Юрок стал приглашать на них певцов и музыкантов. Вначале это были малоизвестные артисты, но однажды Юрок уговорил (а уговаривать он умел) восходящую звезду того времени скрипача Ефима Цимбалиста. Именно Цимбалист стал первым из известных звезд, которых представлял публике импресарио Сол Юрок. В 1908 году он женился на Тамаре Шапиро, которая в брачном свидетельстве сменила свое имя на Мари. Через три года у них родилась их единственная дочь. А Юрок продолжал работать, а вечерами и по воскресеньям устраивал концерты. Во время гастролей Шаляпина в Америке Юрок покупает самый дешевый билет на галерку в Метрополитен опера и был очарован талантом этого выдающегося русского певца. После оперы «Мефистофель» он заметил своему приятелю, что надеется в будущем представлять американской публике артистов такого ранга, а может и самого Шаляпина. Приятель усмешливо хмыкнул. Идея стать импресарио Шаляпина настолько овладела Юроком, что он стал одно за другим слать Шаляпину письма с предложением организовать его выступления в Америке. Однако адресат упорно молчал. Юрок же настойчиво продолжал писать. Прошло несколько лет и вдруг Юрок получает телеграмму, в которой Шаляпин назначает встречу в Париже. Юрок бросает все дела и устремляется в Париж. В Гранд Отеле Шаляпин встречает Юрока, говорит, что в Америку он не поедет. Американские музыкальные критики смертельно обидели его во время прошлых гастролей и предлагает Юроку раз уж он приехал посетить Лувр, осмотреть Эйфелеву башню и другие достопримечательности этого великого города. Увидев обескураженное лицо и поняв, что шутка приобрела не совсем хорошее звучание приглашает его на ужин. На ужине Шаляпин знакомит его с композитором Массне, представляя

Юрока, как своего импресарио. Несолоно хлебавши, вернулся Юрок в США. Прошло семь лет, и он организовал гастроли Шаляпина в Америке. На сей раз все три сезона прошли с триумфальным успехом и с тех пор Федор Шаляпин стал называть своего импресарио Соломончиком. Чем Юрок гордился всю свою жизнь. С 1921 по 1927 он организовывал концерты Шаляпина в США, но начиная с 1927 года, их сотрудничество прекратилось. Через 10 лет в 1937 году при очередном приезде в Европу Юроку выпала роль передать Шаляпину приглашение Сталина вернуться в СССР. А началось это год назад. Начиная с 1926 по 1937, а затем с 1955 и почти до конца жизни, Юрок почти ежегодно посещал СССР. В 1936 году он смотрел во МХАТе спектакль «Дни Турбиных». В антракте Немирович-Данченко представил его Сталину, как американского импресарио Шаляпина.

– Что делает Шаляпин? – спросил Сталин. – Почему не приезжает в Москву?

– Полагаю, – ответил Немирович-Данченко, – что ему нужно много денег, и он делает их за границей.

– Мы дадим ему денег, если ему нужны деньги, – сказал Сталин.

– Ну, и еще дело в жилье, вы знаете, у него большая семья.

– Мы дадим ему дом в Москве. Мы дадим ему и дом в деревне. Скажите ему, чтобы приехал домой.

Юрок передал Шаляпину приглашение Сталина, но тогда он не прореагировал. А в беседе со своими близкими заметил: «К этим сволочам не хочу даже мертвым».

Все без исключения исследователи деятельности Юрока в один голос утверждают, что Америка в неоплатном долгу перед этим импресарио, который внедрил в Америку балет. Если в начале двадцатых годов балет изредка показывали только в нескольких крупных городах США, то ныне это наиболее популярный вид театрального искусства всей страны. В немалой степени этому способствовало близкое знакомство Юрока с выдающейся российской балериной Анной Павловой. Впервые Юрок увидел ее представление в январе 1916 года и на всю жизнь стал

приверженцем русского классического балета. Балет стал для него самым важным из искусств. Тесное сотрудничество выдающейся балерины и идущего в гору импресарио началось с сезона 1921-22 гг. и не прерывалось до ее последнего тура в Америке в 1925 году. Их отношения вышли за деловые рамки и перешли в многолетнюю тесную дружбу. Эта дружба дала пищу сплетникам предполагать, что это затем переросло в любовь. Но Робинсон четко доказал, что это необоснованные выдумки, если и была любовь то только со стороны Юрока, влюблявшегося во всех выдающихся артистов, которых представлял американской публике. Об их тесных дружеских отношениях свидетельствует и такой факт, что однажды Павлова раскрыла Юроку их семейную тайну – она была незаконнорожденной дочерью известного русского богача-еврея Полякова, хотя ее официальным отцом считался крестьянин Матвей Павлов. Анна Павлова, невзирая на свою мировую славу, горячо приняла идею Юрока ознакомить с балетом ту американскую публику, которая раньше о нем слухом не слыхала. Вместе с Юроком они отправились по различным городам и городкам Америки.

Танцевать ей приходилось часто в совершенно непригодных помещениях. Однажды ей пришлось делать пирует в луже воды, оставшейся на сцене после дождя. Успокаивая своего огорченного импресарио, балерина сказала: «Здесь люди, которым мы нужны, и это доставляет мне радость бóльшую, чем тогда, когда я танцую в Метрополитен-опера». Здесь уместно заметить, что впоследствии эту традицию продолжила по предложению Юрока другая выдающаяся русская балерина Александра Данилова.

К середине 1920 годов Сол Юрок становится заметной фигурой культурной жизни США. Его офис уже располагался в самом центре Нью-Йорка на 42-й улице недалеко от 5-й авеню. Не имея никакого ни музыкального, ни другого систематического образования, он обладал безупречным нюхом на таланты и безошибочно предсказывал артистический успех. В 1926 году Юрок

организовал в Америке гастроли московского еврейского театра «Габима». С этого времени он постоянно привозил на гастроли в Америку выдающихся советских артистов и творческие коллективы. Именно Юрок познакомил американскую публику с такими выдающимися исполнителями как: скрипачи Давид и Игорь Ойстрахи, Леонид Коган, Виктор Третьяков, Валерий Климов; виолончелист Мстислав Ростропович (на фотографии, подаренной Ростроповичем Юроку написано:

Если ты умен и юрок,
Не насилуй интеллекта:
Нету лучшего агента,
Чем великий наш Сол Юрок.);

пианисты Святослав Рихтер, Владимир Ашкенази, Эмиль Гилельс; певицы Елена Образцова, Галина Вишневская, Зара Долуханова, Ирина Архипова, Людмила Зыкина. Сколько теплых слов посвятила последняя в своих воспоминаниях Солу Юроку. А Галина Вишневская писала: «С Юроком вы чувствовали себя защищенными... Если он брался работать с артистом, вы могли быть уверенными, что он сделает для вас все возможное, а иногда невозможное».

Великолепно зная, как «родимое» социалистическое государство грабит своих выдающихся артистов, выдавая им нищенские «командировочные», Юрок кормил их за свой счет, дарил ценные подарки и каждый раз предупреждал, чтобы в Москве об этом ни слова. Бывшие властители СССР тесно связывали советско-американские отношения с культурным обменом. И нельзя забывать, сколько трудов стоило Юроку в разгар кубинского кризиса не прервать гастроли Большого театра в США. Американские зрители тепло встречали эти выступления, и немало усилий потратил Юрок, чтобы убедить общественность в непричастности знаменитых артистов к политике своих властей. Он в разное время организовал гастроли не только балета Большого и Кировского театров, но и ансамбля Игоря Моисеева, МХАТа, театра Сергея Образцова и ряда других творческих коллективов.

Юрок не только привозил в США советских артистов, но ознакомил советских слушателей с игрой

Исаака Стерна, пением Жана Пирса и, конечно, с пианистом Ван Клиберна. И чтобы не создалось впечатления, что Юрок занимался только советскими исполнителями, следует отметить и такие коллективы как балет Монте-Карло, балет Дягилева, королевский балет. Он организовывал в Америке выступления беглых советских артистов Барышникова, Нуриева, вытесненных из страны Ростроповича и Вишневецкой, а также ряда известных исполнителей из Латинской Америки. Особо следует остановиться на роли Юрока в судьбе выдающейся негритянской певицы Мариан Андерсон. Его уговорил прослушать эту певицу с ее изумительным контральто его парижский друг пианист Артур Рубинштейн. Юрок очень сомневался, сумеет ли чернокожая певица в Америке обеспечить сбор. Но прослушав ее, незамедлительно подписал контракт. Однако в Америке организовать ее концерты было очень сложно. Так, в Вашингтоне владельцы концертных залов наотрез отказались сдавать помещения. Тогда Юрок решил использовать для выступления Андерсон Мемориал Линкольна. Более 75 тысяч зрителей, затаив дыхание, слушали восхитительный голос певицы у мраморных ступеней мемориала. Ее имя стало затем символом борьбы за расовое равноправие. И приходится сожалеть, что ныне антисемитствующие афроамериканские политиканы типа Луиса Фарраха и иже с ним забыли, что ключевую роль в создании этого символа сыграл еврейский эмигрант Сол Юрок.

Сол Юрок к началу 1930 годов был уже известным человеком, неоднократно посещал СССР, но на его просьбы разрешить посетить свой родной городок получал отказы. Один раз ему разрешили встретиться со своими близкими в Минске. Туда приехала его мать и другие родственники. Отца Сола арестовали в конце двадцатых в период борьбы с бывшими лавочниками, и он умер в тюрьме. Не разрешили ему приехать и на похороны матери. В Америке далеко не всем нравилась деятельность Юрока в установлении культурных контактов с СССР. Так в 1972 году экстремисты из Лиги защиты евреев взорвали бомбу в его офисе в знак протеста против антисемитской политики правительства

Советского Союза. Они заявили, что мосты культуры не будут строиться на трупах советских евреев. В результате взрыва было ранено 13 человек, и погибла сотрудница офиса Айрис Конес, еврейка по национальности. Этому печальному событию посвящено известное стихотворение Евгения Евтушенко. Впоследствии руководство Лиги защиты евреев официально заявило, что этот взрыв дело рук отдельных экстремистов и осуществлено без согласия ее руководства. И даже довольно прозрачно намекалось, что это провокация, о которой знало ФБР, но не предотвратило ее. Этот взрыв не испугал Юрока и летом 1973 года он подписал в Москве контракт на гастроли оперной труппы Большого театра в Метрополитен-опера в 1975 году. Но не суждено было ему осуществить этот контракт. Пятого марта 1974 года Сол Юрок скоропостижно скончался в офисе банка «Чейз Манхеттен», куда пришел, чтобы договориться со своим старым знакомым президентом банка Дэвидом Рокфеллером об организации концерта «Нуриев и друзья». Юрок не принимал активного участия в еврейской религиозной жизни, и трудно было найти синагогу, которая бы достойным образом провела погребальную церемонию. (Необходимо заметить, что когда вскрыли завещание Юрока, то значительные суммы его весьма приличного состояния были завещаны еврейским религиозным, общественным и культурным организациям) Его дочь и друзья решили провести панихиду в Карнеги-холле. Она состоялась 9 марта 1974 года и около трех тысяч человек пришли на это последнее представление Великого импресарио. Среди них были звезды американской и мировой культуры, благодарные зрители его концертов, общественные и политические деятели (СССР представлял полномочный представитель в ООН Яков Малик). А самые проникновенные слова произнесла на панихиде Мариан Андерсон: «Он положил начало сотням карьер, он воодушевил тысячи других – и этим он внес чувство радости и наполненности в жизнь миллионов».

Похоронен Сол Юрок на Temple Israel Cemetery около Нью-Йорка. На этом кладбище похоронены и

знаменитые братья Гершвины. Вначале на его могиле лежала скромная могильная плита с надписью:

SOL HUROK
APRIL 9,1888
MARCH 5,1974

Впоследствии ее заменила плита с надписью, кратко и четко определяющая цель жизни этого выдающегося человека.

Марк Солонин

Мне не смешно... Письмо в редакцию

*Мне не смешно, когда маляр негодный
Мне пачкает Мадонну Рафаэля,
Мне не смешно, когда фигляр презренный
Пародией бесчестит Алигьери.
А.С. Пушкин. «Моцарт и Сальери»*

чувством глубокого удивления, омерзения и ужаса я прочитал статью Виктора Финкеля «Религиозное, политическое и национальное самосознание Цветаевой». Первое по счету (чувство удивления) было столь сильно, что мне захотелось ближе познакомиться с творчеством автора. Благо, в эпоху Интернета это не так и сложно. Нажав на соответствующую кнопку, я нашел еще одну статью г-на Финкеля, на этот раз посвященную творчеству И. Бродского. Автором статьи была поставлена задача *«очертить числовые контуры и количественный масштаб творчества Поэта»* (я не издеваюсь, я цитирую). Задача эта весьма сложна, *«поскольку количество стихотворений недостаточно для оценки продуктивности Поэта»*. Читателям представлена огромная *«Таблица поэтической активности Иосифа Бродского по годам»* (с 1957 по 1994), в которой учтены: *«количество стихотворений»*, *«количество строк»*, *«количество находок»* (???) и *«максимальная ширина строки в буквах»*.

Самокритично признав, что *«эти материалы, ни в коем случае, не претендуют на полноту и, тем более, исчерпываемость»* (да, вот именно так – с двумя лишними запятыми и *«исчерпываемостью»* изъясняется наш

профессиональный литературовед), г-н Финкель приходит к заключительным выводам: *«Иосиф Бродский – выдающийся русский поэт. Поэт подспудных процессов в человеческом мозгу. Поэт подкорки»*. Сильно сказано! «Сухая корка» частенько появляется в стихах русских поэтов (такая уж у нас непростая жизнь), теперь вот найден «поэт подкорки...»

За Марину Цветаеву («Кто создан из камня, кто создан из глины, я серебрюсь и сверкаю...») г-н Финкель взялся с той же – одновременно комичной и жуткой – серьезностью и косноязычием испытанного временем бойца идеологического фронта. «Проанализированы три ветви менталитета поэта: 1. Отношение к Богу и религии, 2. Политическое самосознание, 3. Национальная самоидентификация. Евреи на страницах поэзии Цветаевой. Ни в одной из названных позиций Цветаева не имела принципиальных и стабильных взглядов. Они радикально менялись на протяжении её жизни и не в лучшую сторону...» Оказывается, «в позиции» отношения к Богу или в деле национальной самоидентификации бывает «лучше» и «хуже», и г-н Финкель знает, что тут хорошо, а что – плохо. Заявка смелая. Что же нам предлагают в качестве ответа?

Надев кожаный фартук прозектора, вооружившись ланцетом и канцелярскими счетами одновременно, г-н Финкель начинает кромсать стихи Цветаевой, не забывая при этом щелкать костяшками счетов (а также уснащать текст лишними запятыми и тире):

«Общее количество использованных религиозных терминов и религиозно нагруженных фраз и словосочетаний не менее, чем 2338... После юношеского плато на уровне 30-60 религиозных терминов в год, начиная с 1916 года, происходит всплеск – православного самосознания Поэта. В 1918 году оно достигает максимума (366)... Политическое её мышление упрощенное и непоследовательное. Устойчивые политические взгляды, отсутствуют... Политиком, заглядывающим вперед, она явно не была (а что, поэт Цветаева хоть раз претендовала на такую роль?)... Восприятие политических проблем через случайные связи приводит Цветаеву к... Политически и мировоззренчески запутавшись, Цветаева призывает...

1921 год приносит новые примеры политического шараханья...» И так далее, все тем же суконным слогом, в мерзкой до тошноты стилистике «разбора персонального дела на партбюро».

Причем партбюро эпохи борьбы с «пережитками буржуазного национализма». Явное неудовольствие «литературоведа» вызывает очевидная, понятная и нескрываемая связь Цветаевой с Россией: *«Странно, только, что в это страшное время эпитетом к России появляется слово "родная"... Общий контекст новогоднего тоста вполне приемлем (???) интересно, по какому ведомству служил г-н Финкель, если даже на старости лет он все еще считает себя вправе оценивать «приемлемость» новогоднего тоста – М.С.), если бы не два обстоятельства. Первое. Стихотворение выдержано в великодержавном стиле и слово "Русь", "русский" мелькает не менее пяти раз». А что же там по мнению г-на Финкеля должно было «мелькать»? Гондурас?*

Иной раз неспособность «литературоведа» понять и услышать поэтический текст доходит до грани изумления, до откровенного грубого фарса. Так, берется он за написанное в мае 1934 года (т. е. уже за перевалом короткой земной жизни Цветаевой) стихотворение «Тоска по родине! Давно разоблаченная морока...»

«Тоска по родине! Давно
Разоблаченная морока!
Мне совершенно все равно –
Где совершенно одинокой

Быть, по каким камням домой
Брести с кошелкою базарной
В дом, и не знающий, что – мой,
Как госпиталь или казарма.

Мне все равно, каких среди
Лиц ощегиниваться пленным
Львом, из какой людской среды
Быть вытесненной – непременно –

В себя, в одиноличье чувств.
Камчатским медведем без льдины
Где не ужиться (и не тщусь!),
Где унижаться – мне едино.

Не обольщусь и языком
Родным, его призывом млечным.
Мне безразлично – на каком
Непонимаемой быть встречным!

Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И все – равно, и все – едино.
Но если по дороге – куст
Встает, особенно – рябина...»

О чем стихи? Разумеется, сам вопрос во многом абсурден. Поэзия потому и пишется стихами (а музыка – звуками), что далеко не все можно передать языком суровой прозы. Но уж коль скоро зашел разговор о «религиозном и национальном самосознании Цветаевой», то попробуем ответить и на него. Вероятно, Цветаева говорит о «всемирности» своего поэтического дара («*для того и становятся поэтом (если им вообще можно стать, если им не являешься отродясь!), чтобы не быть французом, русским и т. д., чтобы быть – всем*»), о неизбежном и неизбывном одиночестве Поэта среди «земных людей без шестых чувств», о том, что одиночество это может быть желанным («*наука общежития не главнее подвига одиночества*»). А еще о том, как вопреки всем жалким доводам разума перехватывает горло и немеют уста при виде «куста рябины» – родной земли, на которой научился ходить, любить, страдать.

Прочитав (прочитав ли?) эти написанные кровью сердца строки, г-н Финкель бесстрастным голосом секретаря военного трибунала изрекает: «*Тяготы эмиграции разрушили уважение к религии. В 1934 году слом религиозного восприятия мира Цветаевой полностью завершился*». Признаюсь, я даже не сразу понял – о чем это он? Потом дошло – так наш «литературовед» понял слова «всяк храм мне пуст». Как-то даже не хочется тратить слова

на объяснение того, что в поэтике Цветаевой «храм» – это не только «культовое сооружение, предназначенное для отправления религиозных чувств верующих...»

Разобравшись с религиозным, г-н Финкель взялся за «политическое самосознание» Марины Цветаевой. Вопрос этот достаточно серьезно изучен двумя поколениями специалистов. Установлено, что Цветаева никогда не питала даже малейших иллюзий по поводу «нового мира», который строили на развалинах России победившие большевики. В пользу именно такого вывода говорит ВСЁ: стихи Цветаевой, ее письма, записные книжки (в 2000 году истек срок, установленный дочерью, Ариадной Эфрон, и хранившиеся в ЦГАЛИ документы личного архива поэта стали доступны исследователям), воспоминания дочери, дневниковые записи сына, Георгия Эфрона, воспоминания близко знавших Цветаеву современников. Самым же убедительным (на мой взгляд) доказательством являются очевидные и бесспорные факты личной биографии поэта.

Не имея никаких формальных препятствий к возвращению (она не участвовала в «белом движении», никогда не состояла в «буржуазных партиях», не была владельцем поместий, заводов и пароходов), Цветаева продолжала жить в эмиграции, в страшной бедности (последний раз новое платье было куплено в 1922 году!), но возвращаться в СССР не собиралась. Не собралась и тогда, когда ее муж, Сергей Эфрон, стал активно сотрудничать с просоветским «Союзом возвращения», не собралась и тогда, когда ее резко негативное отношение к советской России и социализму стало главной причиной душевного разрыва с мужем и дочерью. Заявление с просьбой о предоставлении советского гражданства она подала лишь после того, как ее муж, «засветившийся» перед французской полицией агент НКВД, вынужден был бежать в СССР. А после этого рокового шага (по аргументированному мнению И. Кудровой – сделанного под давлением и шантажом советских спецслужб) в своем дневнике, к адресованной мужу записи 1917 года (*«если Бог сделает это чудо – оставит Вас в живых, я буду ходить за Вами как собака»*) сделала приписку: *«Вот и пойду – как собака»*.

Из Франции в СССР Цветаева уезжала не просто «с тяжелым сердцем» – с ясным осознанием того, что идет навстречу неминуемой гибели. В последнем письме подруге (А. Тесковой) призналась: *«Сейчас уже не тяжело, сейчас уже – судьба»*. А в написанном 5 июня 1939 г. стихотворении – *«дано мне отплыть Марию Стюарт...»* Впрочем, все это не новость, все это – повторюсь еще раз – многократно изучено и описано. Приведу лишь одно малоизвестное (в Советском Союзе – абсолютно невозможное для публикации), короткое стихотворение Цветаевой:

А Бог с вами!
Ходите овцами!
Ходите стадами, стаями
Без меты, без мысли собственной
Вслед Гитлеру или Сталину
Являйте из тел распластанных
Звезду или свасти крюки.

Это написано 23 июня 1934 года. Сегодня, три четверти века спустя, многие ли выросли до такого понимания смысла и природы катастрофы, постигшей Европу в середине XX века? Не ходят ли и сегодня тучными стадами профессиональные «политологи», захлебывающиеся от крика возмущения при любой попытке провести параллель между «красными» и «коричневыми»?

И вот после всего этого г-н Финкель решил раскрыть нам глаза и разрушить «устоявшиеся представления». Оказывается, все было совсем не так. *«На путь прокоммунистических воззрений Цветаева вступила раньше его (Сергея Эфрона), еще до эмиграции... Цветаева совершает, как теперь известно (кому известно???) страшный грех перед своими детьми. Её инфантильное видение мира, её полное непонимание сути и природы коммунистического строя, её очевидное упрощенное видение советской диктатуры... обрекло её детей, её семью и её самое на уничтожение»*.

Обвинение серьезное. Серьезней некуда. К нему неплохо было бы приложить веские доказательства.

Достаточные для того, чтобы у читателя появились основания хотя бы усомниться в том, что до явления г-на Финкеля считалось общепризнанным. А что же нам предлагают? Донос. Ложный, бездоказательный донос. В лучших традициях 37-го года. *«Было бы совсем не удивительным, если бы ВЧК обратила внимание на Цветаеву еще до 1922 года. Муж её был на Дону, в 1918 году тайно посетил Москву, сама Цветаева вела беспорядочный образ жизни, материально бедствовала и была безусловно уязвима для шантажа... В таком случае и отъезд её к мужу мог быть не случайным...»*

Вот так. Могла быть завербована вражескими разведками. Доказательства излишни – «могла быть». Отъезд жены к мужу мог быть не случайным. Не ворует – значит беден и поэтому уязвим для шантажа. Продолжая эту же линию неопровержимых аргументов, задам вторично крайне взволновавший меня вопрос: «По какому ведомству служил до отъезда в Филадельфию товарищ Финкель?»

Не могу промолчать и по поводу «беспорядочного образа жизни». Да, Марина Цветаева была плохой матерью и неверной женой. Это есть факт. Спорить тут не о чем. Но когда некто Финкель, удачно устроившийся на шее американских налогоплательщиков (надеюсь, никто не собирается рассказывать мне про то, что в возрасте 65 лет такого мощного «литературоведа» пригласили в США по рабочей визе?), начинает рассуждать о «беспорядочном образе жизни» великого поэта, я считаю нужным внести необходимые уточнения.

Марина Цветаева осталась в голодной и замерзающей Москве без мужа (он одним из первых ушел в Добровольческую белую армию), без родителей (они умерли за много лет до того), без крыши над головой, без средств к существованию (большевики конфисковали банковские вклады населения), с двумя малыми детьми на руках (Ирина родилась в апреле 1917 г.), по полгода и более не получая ни одной весточки от мужа, не зная – жив ли он, суждено ли им встретиться в этом мире... Да, она не одела черный вдовый платок, не проплакала все четыре года разлуки перед лампадами. Была работа в студиях Художественного театра

(написано пять пьес), были увлечения, были связи с мужчинами – иногда интимные, много чаще – дружеские. Счет и меру своих грехов Цветаева знала:

Чтоб Совесть не жгла под шалью
Сам Черт мне вставал помочь.
Ни утра, ни дня — сплошная
Шальная, чумная ночь.

И только порой, в тумане,
Клонясь, как речной тростник,
Над женщиной плакал – Ангел
О том, что забыла – Лик.

За ошибки и увлечения своей молодости (в 1917 году Цветаевой исполнилось 25 лет) она расплатилась крупной монетой (*«Я не знаю судьбы страшнее, чем у Марины Цветаевой»* – напишет Надежда Яковлевна Мандельштам, а уж ей-то, вдове замученного поэта, было с чем сравнивать...). Нам же от этих «грехов» достались (причем совершенно даром!) благоухающие цветы бессмертных стихов. В частности – вот это, написанное в «чумной Москве» 1920 года и адресованное мужу:

Писала я на аспидной доске,
И на листочках вееров поблѣклых,
И на речном, и на морском песке,
Коньками по льду и кольцом на стеклах, –

И на стволах, которым сотни зим,
И, наконец – чтоб было всем известно! –
Что ты любим! любим! любим! – любим!
Расписывалась – радугой небесной...

Как же так? Так. Не всякий может вместить истину сею, но тот, кому не дано, обязан найти себе другой предмет для «литературоведческих исследований». Есть много других хороших книг: «Незнайка на Луне», «Незнайка в Солнечном городе»...

Вернемся, однако, к «прокоммунистическим воззрениям» Цветаевой. Точнее говоря – к тому, как их

выискивает г-н Финкель. Устремив свой карающий перст на одно из стихотворений цикла «Комедьянт» (1919 г.), он восклицает: *«Вот уже появился и "красный бант" в "волосах веселых"»!*

Что тут делать? Плакать? Смеяться? Удивляться безбрежности тупизны? Кажется (утверждать не берусь – я родился в 1958 году, на 28 лет позднее г-на Финкеля, во времена вполне уже «вегетарианские»), даже вульгарнейшая советская школа «партийного литературоведения» не доходила до того, чтобы объявить красный бант в волосах у женщины символом революции (красногвардейцы – в отличие от участников сегодняшних «парадов гордости» – прикалывали его все ж таки к тужурке, а не к волосам). Вот это стихотворение – от первой до последней буквы:

Да здравствует черный туз!
Да здравствует сей союз
Тщеславья и вероломства!
На темных мостах знакомства,
Вдоль всех фонарей – любовь!

Я лживую кровь свою
Пою – в вероломных жилах.
За всех вероломных милых
Грядущих своих – я пью!

Да здравствует комедьянт!
Да здравствует красный бант
В моих волосах веселых!
Да здравствуют дети в школах,
Что вырастут – пуще нас!

И, юности на краю,
Под тенью сухих смоковниц –
За всех роковых любовниц
Грядущих твоих – я пью!

Стихотворение (как и весь цикл «Комедьянт» в целом) адресовано актеру Ю.А. Завадскому. Поэтический итог этому недолгому и весьма легкомысленному «роману» сама Цветаева подвела так:

И итогом этих (в скобках –
Несодееянных!) грехов
Будет легонькая стопка
Восхитительных стихов

Что обозначает «красный бант в волосах» в контексте этого стихотворения, этой страницы в жизни Цветаевой («не любовь, а лихорадка, лицедейство – не любовь»)? Да Бог его знает! Стоит ли пытаться пересказать прозой легкомысленный и бурлящий, как бокал шампанского, поэтический текст? Может быть – ассоциативную параллель с Кармен (образ, к которому Цветаева многократно обращалась в своем творчестве), может быть – зрительную связь с «красным фонарем» фальшивой любви и «лживой кровью в вероломных жилах». Не знаю. Но усмотреть здесь следы «коммунистических воззрений»?

Красный бант – это еще только цветочки. Ягодки, настоящие «волчьи ягоды» появляются тогда, когда г-н Финкель переходит, наконец, к тому, ради чего вся эта статья и была затеяна – к еврейскому вопросу. Здесь его голос обретает неподдельную страстность. Тут уж не до пересчета «максимальной ширины строки» и «трех ветвей менталитета». Апломб в сочетании с занудной «национальной озабоченностью» (особенным махровым цветом расцветающей у евреев, промахнувшихся на путях эмиграции и вместо Иерусалима оказавшихся в Филадельфии) приводит к результатам совершенно феерическим. Антисемитский уклон обнаруживается даже в хрестоматийно известном стихотворении «Евреям» (октябрь 1916 года):

Кто не топтал тебя – и кто не плавил,
О купина неопалимых роз!
Единое, что на земле оставил
Незыблемого по себе Христос:

Израиль! Приближается второе
Владычество твое. За все гроши
Вы кровью заплатили нам: Герои!

Предатели! – Пророки! – Торгаши!

В любом из вас, – хоть в том, что при огарке
Считает золотые в узелке –
Христос слышнее говорит, чем в Марке,
Матфее, Иоанне и Луке.

По всей земле – от края и до края –
Распятие и снятие с креста
С последним из сынов твоих, Израиль,
Воистину мы погребем Христа!

Казалось бы, любому вменяемому читателю должно быть видно, что Цветаева в этих строках восславилла Израиль. В какое же ослепление местечковой злобы надо впасть для того, чтобы предьявлять поэту, русскому по языку и крови, выросшему в потоке европейской культурной традиции, обвинения в том, что «мерой всех мер» в этом (да и не только в этом) стихотворном тексте выступает Христос. Но г-н Финкель неумолим и неутомим. Он ищет и находит все новые и новые «улики». Оказывается, Цветаева оскорбила еврейский народ употреблением слова «жид». Мимоходом назвав «Поэму Конца» – сияющую вершину русской любовной лирики XX века – всего лишь «противоречивой поэмой» (о, вечный «совок», бессмысленный и беспощадный!), Финкель начинает возмущаться тем, что в финале поэмы Цветаева обращается к образу Вечного Жида (*«Гетто избранничеств! Вал и ров / Пощады не жди! / В сём христианнейшем из миров / Поэты – жиды!»*), называя его именно «жидом» – без политкорректного переименования в «вечного еврея».

Неужели и в данном случае нужны пояснения, объяснения, оправдания? Во всех западноевропейских (включая западнославянские) языках для обозначения народа – носителя иудейского вероисповедания – принято слово, произведенное транскрипцией имени Иуда («юде», «джу», «жид»). В польском, чешском и украинском никакого «еврея» никогда не было, был только «жид», и это слово не несло негативной окраски. «Поэма Конца», кстати,

написана в Праге. Жида мы встречаем и у Пушкина, и у Гоголя. Для Цветаевой, которая в детские годы подолгу жила в Европе, часто вспоминала своих польских прабабушек, употребление именно такого, «западного» этнонима было вполне органичным. С другой стороны, такие явления жизни Российской империи, как «черта оседлости» и погром обычно употреблялись с прилагательным «еврейский» – лучше от этого евреям не становилось... В следующий раз, когда у г-на Финкеля появится желание сразиться с демонами в образе ветряных мельниц, рекомендую ему разобраться с храмом Спаса-на-Крови в Санкт-Петербурге – там в росписях стен и потолка отчетливо видна свастика...

Возмущение «жидом» – это так, только для разминки. В конце концов, наш бдительный «литературовед» обнаруживает *«самое очевидное святотатство, оскорбляющее достоинство Моисея и еврейского народа. Это то самое, за что Иран приговорил Рушди к смерти»*. Страсти-то какие! О чем шумим? А вот о чем:

И поплыл себе – Моисей в корзине!
Через белый свет.
Кто же думает о каком-то сыне
В восемнадцать лет!

С юной матерью из чужого края
Ты покончил счет,
Не узнав, какая тебе, какая
Красота растет...

Открываем Тору, книгу Шмот («Исход» в русской традиции), читаем: «И пошел один человек из рода Леви, и взял в жены дочь Леви. И зачала эта женщина, и родила сына». То есть рожден был Моисей безо всякого божественного вмешательства, от простых, земных людей. Настолько простых, что Тора вначале даже не указывает их имен. Владыка вселенной воззвал к нему из пламени горящего и не сгорающего терновника («неопалимая купина» в русской традиции) лишь через 80 долгих лет после того, как корзина с младенцем поплыла по Нилу. Эта

история, связанные с ней образы и ассоциации, прочно вошла в контекст мировой культуры.

Да, конкретное, событийное содержание стихотворной строфы у Цветаевой совершенно не соответствует тексту Торы (отец Моисея, у которого к тому моменту была уже старшая дочь Мирьям и трехлетний сын Аарон, не мог быть восемнадцатилетним; сына он не бросил, а, напротив, спас от гнева фараона, повелевшего убивать всех мальчиков, рождающихся в еврейских семьях) – но разве же Цветаева писала для экзамена по Закону Божию? Да и какие есть основания – кроме одной только первой строки – вообще считать это стихотворение хоть как-то связанным с ветхозаветной историей? И уж тем более – искать в нем «очевидное святотатство»?

Ровно через три дня, 29 августа 1916 г. Цветаева пишет еще одно стихотворение на ту же тему – отец, теряющий и обретающий забытого сына:

Ночь – черна,
И глаза ребенка – черны,
Но глаза человека – черней.
– Ах! – схватить его, крикнуть:
– Идем! Ты мой!
Кровь – моя течет в твоих темных жилах...

Пытаться реконструировать жизненный «подстрочник» к стихам Цветаевой – дело сложное, чреватое ошибками, да и едва ли благое. Она писала интимнейшие стихи и письма мужчинам, которых ни разу не видела в глаза («заочность: за оком лежащая вящая явь»); в переписке с Пастернаком часто называла его «братом». Выражаясь языком, доступным пониманию г-на Финкеля, Цветаева была «большая выдумщица». Я не берусь судить о том, что «имела в виду», о чем думала Цветаева, чем была взволнована ее душа в те августовские дни 1916 года; откуда и почему выплыли эти настойчиво повторяющиеся образы отца и оставленного им сына. Лишь в скобках отмечу тот бесспорный факт, что через девять месяцев после августа 1916 года наступил апрель 1917, и у Цветаевой родился ребенок. Да, родилась девочка, Ирина, но ведь и УЗИ в ту

пору еще не придумали... В любом случае – ни к «достоинству Моисея», ни к еврейскому народу в целом все это не имело, не могло иметь, и не имеет ни малейшего отношения.

К концу своей статьи г-н Финкель, видимо, решил, что одного только разбора стихотворных текстов для доказательства «антисемитских настроений» Цветаевой будет недостаточно, и взялся за ее переписку. Как и следовало ожидать, переход от поэтики к конкретике с неизбежностью привел к тому, что г-н Финкель со всего маху сел в лужу своего воинствующего невежества. Он приводит отрывки из двух писем (к разным адресатам) Цветаевой, в которых она говорит о национальности своего мужа. Первый раз, в марте 1914 года: *«Он необычайно и благородно красив... Прадед его с отцовской стороны был раввином, дед с материнской – великолепным гвардейцем Николая I. В Сереже соединены – блестяще соединены – две крови: еврейская и русская»*. А в другом письме: *«Делая С.Я. евреем, вы 1) вычеркиваете мать 2) вычеркиваете рожденность в православии 3) язык, культуру, среду 4) самосознание человека и 5) всего человека... Делая С.Я. евреем, вы делаете его ответственным за народ, к которому он внешне – частично, внутренне же – совсем непричастен...»*

Негодованию г-на Финкеля нет пределов. Еще бы – Цветаева отреклась от еврейства собственного мужа! Слова «всего человека» Финкель сопровождает балансирующим на грани дурного анекдота комментарием: «т. е. еврей не человек!». Наконец, *«отношение Цветаевой к евреям в последние двадцать лет жизни следует квалифицировать как органическое, физиологическое неприятие»*.

Смешно и грустно. Грустно и смешно. Человек, берущийся писать пространный текст на тему «национального самосознания», да еще и подписывающий его фамилией Финкель, не знает даже того, что с абсолютной точностью описывает русский – по рождению и языку – поэт Марина Цветаева.

Напоминаю для самых необразованных. Наличие прадедушки равина НЕ делает человека евреем. Еврей – это

не «кровь». Евреем может стать прошедший *гиюр* инородец. Евреем перестает быть добровольно крестившийся сын еврейской мамы и еврейского папы. Отец Сергея Эфрона был выкрестом. Выкрест – это не еврей. Так и только так понималось это в еврейском народе во все времена (к слову говоря, так же трактует этот вопрос и законодательство современного Израиля). (Здесь автор ошибается, его утверждение не разделяется многими уважаемыми раввинами и знатоками закона Торы – прим. ред.). Сын выкреста и нееврейки, Сергей Эфрон евреем не был – ни по *Галахе* (свод еврейских религиозных законов), ни по законам Российской империи, ни с позиций национального самосознания еврейской общины того времени, ни с точки зрения современного гуманистического мировосприятия, в рамках которого «национальность» – это как раз то, о чем и говорит Цветаева: язык, культура, среда, самосознание человека.

Другое дело – пресловутая «кровь», т. е. генетоп и в значительной степени обусловленный им фенотип (внешность, черты лица, строение тела). Биологическую природу факт крещения отца Эфрона изменить, разумеется, не смог, и Цветаева предельно точна, когда говорит о том, что «в Сереже соединены две крови», и связывает с этим смешением «далеких кровей» (факт, опять же подтверждаемый наукой, да и практикой – пройдите по улицам израильских городов) внешнюю красоту своего мужа, которой она не переставала восхищаться до конца дней.

Читатель, у которого хватило терпения прочитать 3 600 предшествующих слов, надеюсь, уже понял, почему статья г-на Финкеля вызвала у меня чувство глубокого омерзения. Теперь мне остается только дать объяснения по поводу «удивления» и «ужаса».

Удивлен, искренне удивлен я тем, что Евгений Беркович, известный отменным вкусом и разносторонностью своих интересов, разместил такой тупой графоманский бред (простите мой французский) на электронных «страницах» литературного журнала. Уродливое детище своей «антисемитофобии» г-н Финкель

публикует уже не в первый раз (начиная с 2004 года), но одно дело «бумажный» эмигрантский листок, который никому, кроме авторов и редактора, не нужен, не интересен, и, главное – недоступен, а совсем другое дело – Интернет. Это Интернет, уважаемый г-н Беркович, всемирная паутина, и распространенная по ней словесная зараза может далеко разлететься. Вот уже и под текстом статьи Финкеля появился отзыв читателя: *«Спасибо автору за замечательную статью. Ничего не знал о Цветаевой. Её ненависть к евреям можно понять. Это отношение проигравшего к победителю...»*

Вы этого хотели, г-н Беркович?

И последнее. Про ужас. А разве можно не ужаснуться тому, что сделал поганый «совок» с душами людей? Я понимаю, как человек может прожить жизнь и не прочитать ни одной строки Цветаевой. Увы, такое я видел не раз. Это печально, но объяснимо (не научила слышать поэзию замученная бытом и грошовой зарплатой МарьВанна в средней школе, не нашелся рядом мудрый старший товарищ) и в принципе исправимо. Но что же надо было сделать с человеком, хомо сапиенсом, по образу и подобию Бога созданным, чтобы он читал, годами читал Цветаеву и Бродского, и никакого другого желания, кроме как пересчитать длину строк и количество упоминаний слова «жид» у него при этом не возникало? Сильна, как смерть, удушающая тьма «совка», стрелы ее – стрелы огненные...

Люсьен Фикс

**Еврейские звёзды мировой
сцены Владимир Спиваков –
Миша Майский – Максим
Венгеров**

мя скрипача и дирижера Владимира Спивакова известно далеко за пределами России.

К окончанию Московской государственной консерватории по классу профессора Юрия Янкелевича (учителем Владимир Спиваков называет и Давида Ойстраха. Во время учебы в Консерватории он был вольнослушателем в его классе) имя талантливого музыканта было уже широко известно.

В 1965 году он получил первую премию на международном конкурсе им. Маргариты Лонг и Жака Тибо в Париже, в 1967 году – премию на Конкурсе скрипачей имени Паганини в Генуе, в 1969 году – первую премию на Международном конкурсе в Монреале и в 1970 – вторую премию на Международном конкурсе им. П.И. Чайковского. В тринадцать лет Владимир Спиваков получил первую премию на конкурсе «Белые ночи» в Ленинграде и дебютировал в качестве солиста на сцене Большого зала Ленинградской консерватории.

Спиваков неоднократно выступает в качестве солиста с лучшими симфоническими оркестрами мира, среди которых филармонические оркестры Москвы, Санкт-Петербурга, Берлина, Вены, Лондона и Нью-Йорка, амстердамский оркестр «Концертгебау», симфонические оркестры Парижа, Чикаго, Филадельфии, Питтсбурга и Кливленда под управлением выдающихся дирижеров

современности – Е.А. Мравинского, Е.Ф. Светланова, Ю.Х. Темирканова, М.Л. Ростроповича, Л. Бернштейна, С. Озавы, Л. Мазеля, К.М. Джулини, Р. Мути, К. Аббадо и др.

В 1979 году Владимир Спиваков совершил первую гастрольную поездку в США в качестве дирижера, где дебютировал с Чикагским филармоническим оркестром на фестивале в Равинии. После этого он выступает в крупнейших концертных залах мира с ведущими оркестрами – Лондонским, Филадельфийским, Кливлендским и Будапештским, с оркестром театра «Ла Скала», академии «Санта-Чечилия», Кёльнской филармонии и французского радио, лучшими российскими оркестрами. В том же году Владимир Спиваков создал камерный оркестр «Виртуозы Москвы», в котором объединил музыкантов лучших российских оркестров. За годы своего существования «Виртуозы Москвы» выступали с гастрольями почти во всех крупных городах бывшего СССР, Европы, США и Японии. В 1990 году оркестр «Виртуозы Москвы» подписал пятилетний контракт с Фондом принца Филиппа Астурийского и до 1993 года находился в Испании.

4 декабря 1992 года Спиваков выступил в Центре исполнительских искусств им. Дж. Кеннеди в Вашингтоне с Национальным симфоническим оркестром США под управлением Мстислава Ростроповича. Он играл

скрипичный концерт П.И. Чайковского. После концерта я спросил музыканта, почему из всех известных скрипичных произведений он выбрал концерт Чайковского:

«Должен сказать, что я всегда очень волнуюсь, когда исполняю этот концерт, особенно с того времени, когда я переехал в Испанию. Я совсем по-иному и глубже чувствую русскую музыку. Она мне стала еще ближе и еще дороже».

В ходе интервью в 1992 году Владимир Спиваков сказал мне, что собирается в Москву, где выступит с несколькими концертами:

«Мы скоро увидимся с российскими слушателями. Концерты состоятся в Москве 25 декабря, где мы с Евгением Федоровичем Светлановым откроем традиционный фестиваль «Русская зима» в Большом зале консерватории имени Чайковского, 26 декабря состоится вечер памяти выдающегося скрипача Бориса Гольдштейна, 28 декабря в Большом зале консерватории состоится концерт «Виртуозов Москвы» с замечательным молодым пианистом Могилевским, и 29 числа оркестр выступит в Ленинграде, ныне Петербурге, в прекрасном, святом, зале филармонии».

По приглашению Михаила Плетнева в 1999 году Спиваков занял пост главного дирижера Российского национального оркестра. В этой должности он работал до 2002 года.

Я снова встретился с Владимиром Спиваковым в 2003 году, когда в ходе турне по Соединенным Штатам

оркестр «Виртуозы Москвы» выступил в пригороде Вашингтона. Тогда Спиваков сказал мне, что планирует создать в Москве новый независимый от государства оркестр под названием Национальный филармонический оркестр. Он осуществил свою мечту. Этот оркестр является своего рода культурным посланником пост советской России. Национальный филармонический оркестр совершил первую гастрольную поездку по Соединенным Штатам в 2007 году, а в марте-апреле 2009 года этот оркестр под управлением своего художественного руководителя и главного дирижера совершил тридцатидневную гастрольную поездку по Соединенным Штатам, в ходе которой дал 36 концертов. 24 апреля он выступил в Вашингтоне. В программе концерта были произведения русских композиторов Лядова и Рахманинова. Первый концерт Рахманинова исполнил победитель XI конкурса имени Чайковского Денис Мацуев, о котором я рассказывал во Фрагменте № 5 «Мои американские родственники».

Знакомство со знаменитым американским композитором и дирижером Леонардом Бернштейном произвело на талантливого советского музыканта глубокое впечатление. Они познакомились в середине 1980 годов в Зальцбурге во время совместного выступления на фестивале Моцарта. К тому времени Спиваков был уже известен как талантливый дирижер. В знак своей симпатии и веры в будущее Спивакова как дирижера выдающийся американский музыкант подарил ему свою дирижёрскую палочку. Что может сказать об этом ныне выдающийся российский дирижер?

«Да, моя дирижерская палочка – это подарок Леонарда Бернштейна. Я бережно храню ее в скрипичном футляре и никогда не выхожу без нее на сцену. Можно сказать, она стала моим талисманом».

Миша Майский – один из горстки выдающихся виолончелистов нашего времени. Его интерес к инструменту, как он рассказал мне в интервью перед концертом в Центре исполнительских искусств имени Кеннеди в Вашингтоне 14 мая 2005 года, проявился, когда

ему было 8 лет. В 1965 году, когда ему было 17 лет, Миша Майский получил первую премию на Всесоюзном конкурсе виолончелистов и был приглашен Мстиславом Ростроповичем продолжить обучение у него в Московской консерватории. Уже в следующем году Майский стал лауреатом Московского международного конкурса имени Чайковского.

«Официально я начал учиться у Ростроповича после того, как внезапно умер мой отец. Мстислав Леопольдович очень помог мне именно в житейском плане. Он практически стал для меня вторым отцом», – говорит Майский.

В 1970 году Миша Майский был арестован. Что послужило поводом для ареста?

«Когда я поступил в Московскую консерваторию, я купил на небольшую премию Конкурса имени Чайковского портативный магнитофон «Sony» и стал записывать мастер-классы Ростроповича. Это закончилось для меня плачевно. После четвертого курса «Sony» пришел в негодность. На толкучке мне предложили приобрести сертификаты для магазина «Березка», где я мог купить новый магнитофон. Меня тут же арестовали. Я полагаю, что всё было организовано заранее. За два года до этого моя сестра эмигрировала в Израиль и, как я думаю, советские власти полагали, что я последую её примеру. Их очень раздражало то, что я учился у Ростроповича и что образование получил бесплатно. Я был хороший студент, лауреат Премии Чайковского, и выгнать меня из Консерватории не могли. Самый простой путь избавиться от меня и лишиться права продолжать заниматься в Консерватории лежал через Бутырскую тюрьму. Таким образом, я остался без формального образования».

– Как сложилась дальнейшая судьба молодого музыканта?

«В Бутырской тюрьме я сидел четыре месяца, а потом четырнадцать месяцев в поселке Правдинск, Горьковской области, где я, вместо того, чтобы играть на виолончели, грузил лопатой цемент. Я строил коммунизм. После освобождения из лагеря, чтобы не попасть в армию я

был вынужден два месяца провести в психиатрической больнице. Чтобы продолжать заниматься музыкой, мне нужно было уехать».

В 1972 году в возрасте 25 лет Миша Майский эмигрировал в Израиль. В том же году он вышел победителем на Международном конкурсе имени Гаспара Кассато во Флоренции, а в ноябре состоялся его дебют в нью-йоркском Карнеги Холле с Питтсбургским симфоническим оркестром. После концерта меценат, пожелавший остаться неизвестным, подарил ему виолончель работы итальянского мастера Монтаньяни.

Миша Майский – единственный виолончелист, который учился у двух звёзд – Мстислава Ростроповича в Москве и Григория Пятигорского в Америке. Что дали эти великие мастера молодому музыканту?

«Ответить на этот вопрос нужны недели, а не минуты. Я всегда говорил, что я самый счастливый виолончелист в мире, потому что мне посчастливилось учиться у Ростроповича и Пятигорского, которые, на мой взгляд, были не только великими виолончелистами, но и замечательными педагогами и личностями. Оба они заменили мне отца – Ростропович в первой моей жизни (мой отец умер очень рано) и Пятигорский – во второй, уже на Западе».

В заключение интервью я спросил, не думает ли он, как это делают другие выдающиеся музыканты, на каком-то периоде своей творческой деятельности взять в руки дирижерскую палочку? Вот как ответил на это Миша Майский:

«В настоящее время я довольно сильно занят игрой на виолончели. Для меня качество всегда важнее количества. Я предпочитаю не расплытаться, а продолжать делать то, чем могу приносить радость людям».

О себе Миша Майский говорит:

Я – космополит. Я родился в Риге, учился в Москве и Ленинграде. Я играю на итальянской виолончели с немецкими струнами французским смычком. Я езжу на японской машине, у меня израильское гражданство, я долго жил в Париже, а сейчас живу в Бельгии.

Исполнительская манера Майского отличается ярко выраженной романтической направленностью интерпретации. Он исполняет музыку разных эпох – барокко, классицизма, произведения XX века (особенно сочинения Прокофьева и Шостаковича). Миша Майский записал все сюиты для виолончели соло Баха, сонаты Шуберта, Франка, Дебюсси, концерт для скрипки и виолончели Брамса и концерт для виолончели с оркестром Шумана, два концерта для виолончели с оркестром Гайдна и другие произведения. Интерпретация Майского еврейской рапсодии «Шломо» Эрнста Блоха с Леонардом Бернштейном и Израильским филармоническим оркестром считается одним из лучших исполнений этого сочинения.

Миша Майский очень экстравагантен. Он выходит на сцену с взбитой шевелюрой седых волос в рубашке или свитере темного цвета или в робах из жатого шелка с массивным золотым ювелирным украшением с бриллиантом старинной огранки и множеством других камней. На концерте в Национальной художественной галерее в

Вашингтоне, на котором мне довелось присутствовать, Миша Майский исполнил три сонаты Баха для виолончели соло, три раза меняя наряды золотого, серебряного и бронзового цвета, которые носили музыканты во времена Баха.

«Максим Венгеров – гигант в музыке и международная суперзвезда», – писала о нем лондонская газета «Таймс». «Максим Венгеров олицетворяет вершинный уровень исполнительского мастерства», – высказывание Тихона Хренникова.

Лауреат Конкурса Венявского в Варшаве в возрасте 10 лет, лауреат премии «Слава», учрежденной Мстиславом Ростроповичем и Галиной Вишневской, музыкант, которому Родион Щедрин посвятил скрипичный концерт «Кантабиле», посол Детского Фонда ООН ЮНИСЕФ. Все это относится к Максиму Венгерову.

28 ноября 2002 года состоялось сольное выступление Максима Венгерова в Центре исполнительских искусств имени Кеннеди в Вашингтоне. Он исполнял произведения Баха, сонату «Эхо» Родиона Щедрина и четыре сонаты Эжена Изаи. После концерта молодой музыкант любезно согласился дать мне интервью.

Из нашей беседы я узнал, что у новосибирского вундеркинда было всего два учителя – Галина Турчанинова

и Захар Брон, которые привили ему «потрясающую русскую школу исполнения Давида Ойстраха и Петра Столярского».

После возвращения домой с конкурса Венявского в Варшаве десятилетний Венгеров сыграл Родиону Щедрину его сонату «Эхо». Как это произошло?

«Я хотел удивить композитора. Мне стоило огромных усилий выучить эту сложнейшую сонату. Помню, пришел я в Дом композитора и сказал Родиону Константиновичу: «Я могу сыграть вашу сонату наизусть». Он был несколько удивлен и несколько раз произнес: «Ну, интересно, интересно...» Я ему сыграл, а потом он пригласил меня на фестиваль советской музыки в Америке. Тогда мне было, как вы правильно заметили, 10 лет. К сожалению, советской группе не дали виз, и я тогда в Америку не попал. Через 12-13 лет после этого Родион Константинович позвонил мне и сказал, что хочет написать для меня концерт. Он написал потрясающий концерт «Кантабиле».

В 1998 году Максим Венгеров стал лауреатом премии «Слава». За что присуждается эта премия, и кто состоит в составе жюри?

«Это премия "музыканта года". Это очень почетная премия. Я думаю, что это премия за заслуги в музыкальной деятельности. Я езжу с концертами по всему миру. Меня оценили в России, и это для меня большая честь. Я получил эту премию из рук самого маэстро. В жюри этой премии состоят такие великие музыканты как Пласидо Доминго, Иегуди Менухин, Вэн Клайберн и многие другие».

Максим Венгеров часто выступал с Мстиславом Ростроповичем. Что связывает этих выдающихся музыкантов разных поколений?

«С маэстро Ростроповичем связала меня подготовка к записи двух концертов – Шостаковича и Прокофьева. Помню, приехал я к нему во французский город Эвиан и сказал, что хотел бы ему поиграть. Он согласился. После этого он сказал: «Хорошо, давай начинать работу. Мы с тобой должны сделать «Запись века». Мне тогда было 17 лет. Он дал мне часть своего восприятия музыки, научил меня по-настоящему любить музыку и по-настоящему

вникать в музыкальный репертуар и, конечно же, передал мне свое восприятие музыки Шостаковича и Прокофьева. Это было бесценно для меня как молодого музыканта. На протяжении многих лет мы продолжали сотрудничать и на сцене, и в записях.

Максим Венгеров – первый классический музыкант, назначенный послом Детского Фонда ООН «ЮНИСЕФ». Какие страны по заданию ЮНИСЕФ посетил музыкант?

«Я был в Таиланде, где посетил лагеря для детей, которых забрали у родителей. Эти дети пережили большую травму. Многие из них пользовались наркотиками, над ними издевались, многие были изнасилованы. Работа для ЮНИСЕФ дала мне возможность играть для детей во всем мире, не только в цивилизованных странах, но и в таких отдаленных местах, куда очень трудно добраться. Один из самых сильных опытов был в Уганде, где я играл для детей, которые были украдены мятежниками. Эти дети уже успели быть солдатами, их заставляли брать в руки оружие. У них трудная судьба. ЮНИСЕФ делает всё, чтобы вернуть им детство. Это была очень важная поездка, потому что я понял, как много музыка может сделать для этих детей».

На вопрос – почему он решил выступить с сольным концертом, Максим Венгеров ответил так:

«Я просто хотел увидеть, что может скрипка сделать без аккомпанемента. Вначале это был просто чистый эксперимент, а потом это превратилось в огромное турне с записью диска виртуозных произведений Изаи, Щедрина, Иоганна Себастьяна Баха. Что самое интересное – я могу со скрипкой и с этими произведениями создать прекрасную атмосферу в зале. И действительно, зал любого масштаба превращается в маленькую комнатку, я выхожу, играю с удовольствием. Для меня это всегда прекрасное событие».

В заключение интервью я спросил выдающегося музыканта, гражданином какой страны он является и где живет постоянно. На этот вопрос он ответил так:

«У меня два гражданства – израильское и германское, а живу я постоянно в самолете».

С июня 2007 года из-за травмы плеча Максим Венгеров, которого называют самым высокооплачиваемым

скрипачом в мире, не выступает как солист и отменил расписанные на несколько лет вперед концерты.

В интервью лондонской газете «Таймс» Максим Венгеров сказал, что намерен отложить смычок и взяться за дирижерскую палочку. Эти слова уже подкреплены делом. Музыкант, выступающий в лучших концертных залах мира, упражнялся в дирижерском искусстве с молодежным оркестром UBS Verbier Festival Chamber Orchestra, а недавно продирижировал концертом другой молодой звезды — американского скрипача Джошуа Белла на открытии скрипичного конкурса имени Иегуди Менухина в Кардиффе. Недавно Венгеров стал заниматься педагогической деятельностью. С 2005 года он преподает в лондонской Королевской академии музыки и уделяет много внимания созданной им недавно в небольшом израильском городке Мигдаль школе для музыкально одаренных детей.

Инна Гордон

Страсти по Баху

Памяти большого музыканта и моего
учителя В.Л. Майского (1942-1981)

1967 году в Ростове-на-Дону произошло чрезвычайное событие – открылся музыкально-педагогический институт, в котором собрались замечательные педагоги, интересные, талантливые люди. Многие из них были в своё время гонимы советской властью и заброшены в отдалённые точки СССР. В Ростове они встретились, полные энтузиазма и вдохновения начать всё сначала, учить, воспитывать, любить своих новых учеников. И студенты им попались достойные, потому что принимали по справедливости, никакой процентной нормы для евреев, как в других вузах, не существовало. Неудивительно, что многие студенты, подобно педагогам, съехались в Ростов из разных концов огромной страны. Образовалось небольшое, многонациональное, уникальное в месте и во времени содружество учителей и учеников, почти что страна Касталия из романа Г. Гессе «Игра в бисер», где дух царил над материей, дух Начала.

Некоторые педагоги поселились в Ростове, другие преподавали наездами. Одним из таких «гастролёров» был ленинградский музыковед, органист и клавесинист Валерий Леопольдович Майский. Мне посчастливилось у него учиться, когда я была студенткой третьего и четвёртого курсов теоретико-композиторского факультета. Впервые он приехал осенью 1969 года, чтобы начать читать курс анализа музыкальных форм.

Он обрушился на нас, как снежная лавина с гор, опрокинул, затопил потоками музыки, низвергавшимися из-

под его коротких пальцев. Он играл и рассказывал, снова играл и опять анализировал сыгранное. Лекция закончилась, а мне показалось, что она только началась. Мы вышли в коридор на перерыв, но Майский устремился к пианино, стоявшему в холле второго этажа, «упал» на стул, открыл крышку инструмента и опять заиграл. Он играл по памяти огромные произведения, и, казалось, не было вещи, которую он не мог бы воспроизвести. Музыку своего кумира И.С. Баха он практически всю знал наизусть.

К нашей группе стали присоединяться студенты других факультетов, слушали, уходили, подходили другие, мелькали удивлённые, а то и недовольные лица других преподавателей. Валерий Леопольдович ничего не замечал и всё играл и играл. В этот первый день мы очнулись уже вечером у того же пианино в холле. Нас осталось трое: Майский, моя ближайшая подруга Ира Консон и я. Только тогда мы поняли, что целый день ничего не ели, что мы с Ирой пропустили два важных урока по другим предметам. Но в этот момент нам было море по колено. Мы предложили Валерию Леопольдовичу пойти поесть в наше любимое кафе «Золотой колос». Он охотно составил нам компанию.

Молодой, обаятельный, наделённый замечательным чувством юмора, он вёл себя с нами, как с товарищами. Мы болтали на разные темы, шутили и смеялись. Он в лицах рассказывал о своих ленинградских профессорах, у которых недавно учился, мастерски подражая их голосам и интонациям. Мы с удивлением узнали, что наш новый учитель занимался в консерватории по собственной программе, не совпадавшей с официальной. Он не смущался, получая тройку по истории музыки, так как материал, данный к экзамену, бывал не тот, который он в этот момент штудировал. Майский планомерно работал над собой: ездил в общественном транспорте, уткнувшись в выбранную им самой толстую партитуру, слушал музыку и играл, играл и слушал, смотрел в ноты и слышал. Отсюда его обширные и глубокие познания.

Я с удовольствием вспоминаю тот весёлый обед-ужин в «Золотом колосе» в первый день нашего знакомства в октябре 1969 года. Теперь я знаю, что сестра В.Л. Лина

Якобсон-Майская, пианистка, лауреат международных конкурсов, в том самом году переехала в Израиль, а брат, известный виолончелист, также лауреат многих конкурсов, Михаил Майский был за *это* репрессирован. В 1973 году оба брата, Валерий и Михаил репатриировались в Израиль. Однако в тот давний вечер в ростовском кафе мы ни о чём таком не подозревали. Валерий Леопольдович был весел, сыпал анекдотами, много и интересно рассказывал. И всё-таки, интуитивно мы чувствовали в нём нечто нестандартное, самобытное, редкое в то время неприятие многих условностей, канонов (кроме полифонических, разумеется). Выйдя из кафе, мы ещё немного побродили по городу и разошлись по домам совсем поздно.

На следующий день повторилось то же самое: интенсивные занятия с утра до вечера. И так в течение двух недель, которые В.Л. провёл в нашем институте в свой первый приезд в Ростов. Не знаю, называлось ли то, что он преподавал, именно анализом музыкальных форм, но это было потрясающе. Естественно, что такое сумасшествие могли выдержать немногие, ведь другие предметы продолжали существовать. Мы с Ирой выдерживали. Она справлялась лучше. Полненькая, выносливая крепышка, она одолела бы и не такое. А я всё худела, сгибаясь под тяжестью кип нот, которые мы обе всегда таскали с собой. Но я не сдавалась, не могла ударить лицом в грязь перед этим замечательным педагогом и музыкантом.

Мы привязались друг к другу. Валерий Леопольдович ценил наше рвение, всячески поощрял его, легко и охотно хвалил. На четвёртом курсе он читал нам полифонию. Под его руководством мы хорошо подготовились и успешно сдали заключительный экзамен по этому трудному предмету. Мы расстались поздней весной 1971 года в «сиянии тёплых майских дней» (начало вокального цикла Р. Шумана «Любовь поэта» на стихи Г. Гейне). Даже не попрощались. Просто убежали радостные после экзамена, и всё...

Я спешила на концерт. Валерий Майский сегодня вечером будет играть на органе в Хайфе, в монастыре

Стелла Марис. Я недавно с радостью узнала, что он уже семь лет живёт в Израиле, прибыл сюда доктором музыковедения, преподаёт в Бар-Иланском университете, концертирует как органист и клавесинист, с неустанной настойчивостью пропагандирует музыку своего любимого Баха. В.Л. добился больших успехов, гастролитировал в разных странах, играл во многих концертных залах, церквях. Ещё в мои студенческие годы он рассказывал нам, что учился игре на органе и клавесине у знаменитого профессора И.А. Браудо.

Мы не виделись девять лет. Я очень волновалась. Это был человек из моей юности, любимого института, который в те годы (начало 80-х) был отделён от меня «железным занавесом». Концерт получился сказочным. Майский, конечно же, много играл Баха, и я чувствовала, как тяготы моего первого года абсорбции в Израиле растворяются в прекрасных звуках музыки.

После концерта я подошла к своему бывшему учителю. Он поселился, но лицо осталось таким же симпатичным и приветливым.

– Валерий Леопольдович, Вы меня помните?

Майский несколько секунд молчал.

– Инна?! Вы?! Здесь?!? Вот это пассаж!

Мы обнялись.

– Инна, я рад, я очень рад, подождите минутку, я сейчас...

Стоп! Кажется, я проехала свою остановку; выскочила из автобуса и побрела домой, вытирая слёзы. И концерт, и встреча существовали только в моём воображении. Я не попала на концерт! Я тогда ещё плохо знала Израиль, не учла, что автобусы ходят раз в час, а до Стелла Марис мне нужно было добираться двумя автобусами. Продав по часу на каждой остановке, я поняла, что уже нет смысла куда-либо идти, и долго ждала обратного автобуса. Как обидно! «Ничего», – утешала я себя, «в другой раз возьму такси». Это было в ноябре 80-го, а в июне 1981-го он погиб в автомобильной катастрофе в Германии. Ему было всего тридцать девять лет. В.Л. учил

нас писать фуги. Его многоголосная фуга прервалась на середине. Он ушёл молодым, весенним, Майским...

Я вижу и слышу его, играющего на органе Баха в какой-нибудь немецкой Kirche. Он играет сильно, вдохновенно, мощные звуки органа устремляются вверх, к высокому куполу. Немецкая паства, затаив дыхание, слушает еврея-органиста и возносит молитвы к Богу. А у него одна религия – Музыка, и он отдаётся ей с истинно религиозной страстью своей пылкой души.

Валерий Койфман

Этот сумасшедший, сумасшедший мир... сюрреализма

ногие согласятся, что для большинства любителей искусства «родом из СССР» самым ярким открытием современного западного искусства после импрессионистов, Ван Гога, Пикассо и Шагала, стали пугающе-непонятные, но притягивающие и завораживающие картины художников-сюрреалистов.

М. Эрнст «На встрече друзей» – изображен спиритический сеанс будущих сюрреалистов и тех, кого они считали предшественниками. Автор картины изображен на коленях у Ф. Достоевского

С тех пор, как в 1924 г. в Париже был опубликован «Первый манифест» сюрреализма (франц. *surrealisme* – сверхреализм), в котором сказано о рождении нового

движения, прошло много лет. Теоретик и основоположник движения Андре Бретон утверждал, что сюрреализм должен разрешить противоречие между мечтой и действительностью, создавая некую абсолютную реальность – сверхреальность.

Сюрреализм пустил глубокие корни в искусстве, особенно в изобразительном. И, хотя в настоящее время даже самые пылкие его сторонники, не говорят о расцвете сюрреализма, это направление продолжает, играть весьма значительную роль и в художественной практике, и в симпатиях (или антипатиях) любителей искусства.

Далее речь пойдет о некоторых разновидностях сюрреализма в живописи на примере творчества трех, пожалуй, самых ярких его представителей.

Фантастические миры Макса Эрнста (1891-1976)

Фото. Макс Эрнст

Принято утверждать, что художественный авангард XX века с его отрицанием признанных художественных ценностей взорвал основы классического искусства.

Кубисты и футуристы, например, разложили форму, абстракционисты «распылили» ее до линий и цветовых пятен, а сюрреалисты вообще покусились на логику восприятия объектов искусства.

Особенно мощной силой низвержения канонов обладал выдающийся немецкий художник-сюрреалист, убежденный фрейдист, Макс Эрнст.

Родился Макс (Максимилиан) Эрнст 2 апреля 1891 года в немецком городке Брюль, который расположился в сердце Рейнской долины, примерно на полпути между Кёльном и Бонном. Это был крошечный городок, состоящий, в сущности, из роскошного барочного замка Августусбург с парком (ныне памятник культурного наследия ЮНЕСКО) и небольшого поселения вокруг него.

Отец работал в школе для глухих детей. Он был художником-любителем и привил своему сыну любовь к рисованию и живописи. Нигде, кроме как у отца, Макс тогда рисовать больше не учился. Зато он много времени и упорства уделял самостоятельным занятиям.

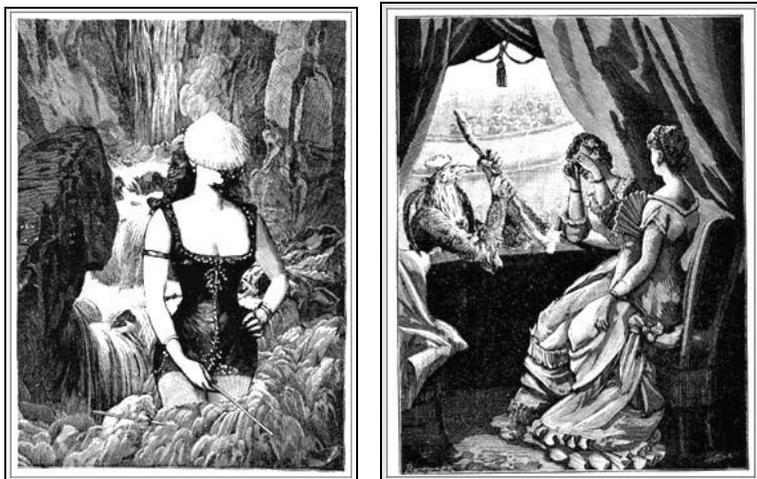
В 1908-1914 гг. Макс Эрнст обучался философии, психологии и истории искусства в Боннском университете. Именно здесь под влиянием известного экспрессиониста Августа Маке он пришел к решению посвятить свою жизнь искусству. Почувствовав зов искусства, юноша ринулся с головой в его бурную пучину. Экспрессионизм, футуризм, кубизм, абстракционизм вместе и по отдельности бурлили на выставках 1910 годов.

Впервые Эрнст выставился в 1913 году в берлинской галерее «Штурм» на Немецком салоне.

Салон был тогда крупным смотром радикального искусства в Германии. Хотя «героиней» выставки была абстрактная композиция В. Кандинского, работы Эрнста не были обойдены вниманием публики и критики. Это были вполне «невинные» работы, где было заметно влияние примитивизма Анри Руссо и кубизма урбаниста Лионеля Файнингера.

В 1914 году Макс был призван на фронт в артиллерийские войска. Война обернулась для юноши глубокой душевной травмой. И было вполне логичным вступление Эрнста в 1919 году в группу художников-дадаистов в Кёльне. Движение дадаистов (франц. *dada* – деревянная лошадка; детский лепет) возникло тремя годами раньше в Цюрихе в среде художников, писателей и

критиков, разочарованных войной и отвергающих общественные моральные и художественные ценности. Эрнст работает и выставляется под фамилией Дадамакс, он издает журнал дадаистов «Личинка стыда». В том же 1919 году художник создает свои первые, ставшие знаменитыми, коллажи (франц. *collage* – наклеивание). Для них он брал вырезки из гравюр в научных изданиях, старых каталогах, рекламных проспектах и т. п. Сюжеты, изъятые из своего контекста, превращались в сюрреалистические образы. Эрнст на протяжении нескольких лет делал целые серии таких работ, которые называл романами-коллажами.

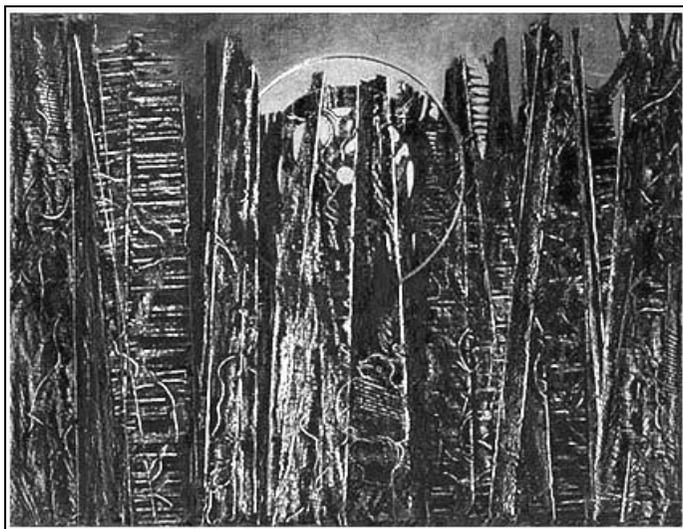
Страницы из романа-коллажа

Выставка Эрнста в Париже в 1921 году, устроенная французскими дадаистами, стала настоящей сенсацией для художественного авангарда. На волне этого успеха в 1922 году Макс окончательно переезжает в Париж, расставшись с Луизой Штраус, которая еще в 1919 году стала его женой (это был лишь один из эпизодов его нескольких браков и бесчисленных любовных историй).

С этого момента начинается «французский» Эрнст – блистательный, знаменитый, скандальный, свой среди парижского авангарда. В 1924 году он присоединился к Андре Бретону и его окружению, вместе с которыми и был

создан сюрреализм (франц. *surrealisme* – сверхреализм), сменивший дадаизм.

Известно, что классическое искусство предполагает узнавание и знание изображения. То, что предложил зрителю сюрреализм, не могло быть узнано, потому что оно не существовало в реальности. Образы подсознательной реальности, выполненные сюрреалистами посредством так называемого психического «автоматизма» (по А. Бретону), или техники абсолютно свободных ассоциаций, были непредсказуемы. У Сальвадора Дали – это была материализованная вспышка фантазии, неупорядоченные видения на грани сна и пробуждения, у Рене Магрита – несовместимые сочетания элементов реальности, у Ива Танги и Хуана Миро – образы, конструируемые по принципу биологических форм.

Лес и черное солнце

У Макса Эрнста – это были сцены из параллельных миров, в которых скалистые кристаллические формы пронзают небо, создавая псевдопейзажи и объекты, которые никогда не существовали. Он как бы заново изобретал мир.

В поисках техники, которая была бы еще более «случайной», чем, например, коллаж, Эрнст изобрел

фроттаж (франц. *frottage* – натирание), перевод на бумагу текстуры какой-либо грубой или шероховатой поверхности. Лист помещался на необструганную доску или паркетный пол и протирался грифелем или углем. В результате на листе получалось какое-то первичное изображение. Эрнст дорисовывал его краской. Он использовал и другие автоматические техники письма, например, брызгал краской на полотно, получая новые неожиданные рисунки. Часто эти мотивы перерабатывались в подобие первобытного растительного пейзажа: клубки переплетенных корней, лаву или стоячую воду. Художник населял такие пейзажи причудливыми существами, напоминающими дриады среди деревьев, морских коньков, различных насекомых и т. п.

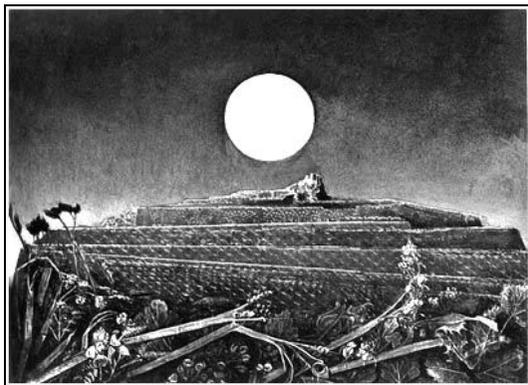

Око безмолвия

Постепенно фантазии Эрнста принимают трагическую направленность. Так в картине «Прелестный лес» он запечатлел черные верхушки деревьев, покрытых шипами на фоне темного неба и блеклого лунного света. Это был 1933 год, и Гитлер только что пришел к власти.

В тревожные 1930 годы Эрнст экспериментирует и с граттажем (франц. *gratter* – скрести, царапать), т. е. частично счищает нанесенную пластинами затвердевшую краску с поверхности холста, задавая тем самым новую тему

картины. Таков был «Пейзаж с озером и химерами», проникнутый мрачным предчувствием.

Окаменелый город

Композиция «Окаменелый город» (1936) напоминает фотографии поселков с земляными хижинами на склонах где-нибудь в Курдистане или Кашмире, а гигантская луна предвещает приближающуюся катастрофу.

Антипапа

Потом у художника появляется тема ночных кошмаров. Так для полотна «Прославление голода»

вдохновением мог послужить рассказ Ф. Кафки «Метаморфоза», в котором, как известно, главный герой превращается в насекомое.

Личная жизнь Макса протекала бурно. Он менял подруг, как будто листал главы любовного романа. В 1937 году с новой подругой, английской художницей Леонорой Каррингтон, Эрнст покидает бурлящий Париж и обосновывается на юге Франции.

Через два года художника, родившегося в Германии, французские власти интернировали как «враждебного элемента», потом освободили. В 1940 году Макса Эрнста вновь арестовывают, но ему удалось бежать. Теперь Макс пришлось скрываться от гестаповцев. Помощь пришла от друзей из США. В декабре 1940 года гонимому Эрнсту удастся вылететь туда вместе со знаменитой Пегги Гуггенхайм, которая фактически этим спасла ему жизнь.

Наряд невесты

Пегги Гуггенхайм была миллионершей, искусствоведом, создательницей коллекции Музея С. Гуггенхайма. Она собирала лучшие произведения современного искусства и сердца талантливых молодых художников. Вскоре Макс получил американское гражданство и Пегги в качестве жены в придачу. Брак

длился недолго и распался в 1943 году. Эрнст вместе с красавицей Дорой Таннинг уезжает в «глубинку» Америки, в Аризону. Картины Эрнста того периода говорят о влиянии нью-йоркской школы абстракционизма.

Художник скучал по Франции, и в 1953 году он возвращается в Париж. В 1958 году Макс получает французское гражданство и на этом круг его странствий заканчивается.

Искушение Святого Антония

Выставки работ Эрнста с успехом проходят в Европе и в Америке. На художника посыпались почести. Он даже стал кавалером ордена Почетного легиона. Награды и почести художник всегда принимал с достоинством, и мало кто замечал в его глазах проблески иронии.

Эрнст прожил долгую жизнь и стал одним из самых знаменитых художников XX века.

В конце концов, сюрреалист Макс Эрнст остался верен себе: он умер, не дожив одного дня до своего 85-летия, 1 апреля 1976 года – в День смеха (или, если угодно, День дурака).

Сны наяву Рене Магритта

*«Существуют грёзы необычайной хрупкости,
которые не являются мыслями, и для которых
я пока ещё считаю совершенно
невозможным подобрать слова»*

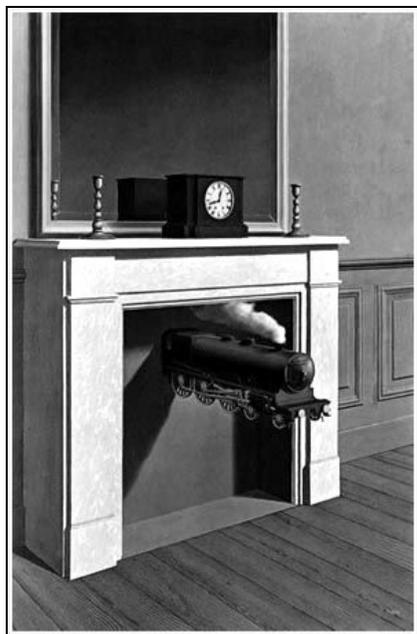
Эдгар По

Мысли великого романтика XIX века Эдгара По созвучны настроению, возникающему при созерцании картин знаменитого бельгийского художника-сюрреалиста Рене Магритта.

«Автопортрет» («Зоркий взгляд»)

Он стремился разрушить привычное представление о хорошо знакомом, неизменном, заставить увидеть объект в новом измерении, приводя зрителя в смятение. В своих полотнах он из реальных вещей создавал мир фантазии и сновидений, погружая зрителей в атмосферу грёз и таинственности. Художник блистательно умел «режиссировать» их чувствами. Казалось бы, мир, созданный художником, статичен и прочен, но всегда в обыденное вторгается ирреальное, разрушающее этот привычный мир (обычное яблоко в комнате, разрастаясь, вытесняет людей или из камина на полном ходу выскакивает паровоз – «Пронзенное время», 1939).

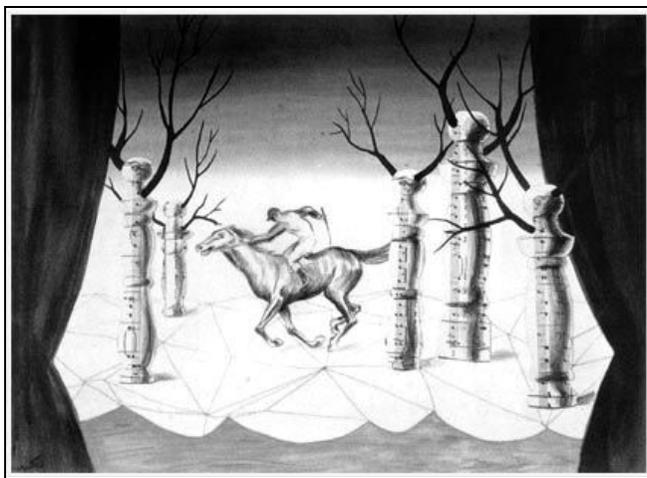

Пронзенное время

Главное, что бросается в глаза при изучении творчества Рене Магритта, – это простота, которая как бы противопоставляет экстравагантности его коллег. Предметы у бельгийца, в отличие от других сюрреалистов, почти никогда не теряют своей привычной формы: они не растекаются, не превращаются в монстров и не поедают друг друга. У Магритта поражают лишь странные сочетания самих предметов. При этом невозмутимость стиля художника только усугубляет удивление и погружает зрителя в некое раздумье, даже в оцепенение, вызванное самой тайной вещью. Магритт писал: «Мы вопрошаем картину наугад, вместо того чтобы прислушиваться к ней. И нас удивляет, когда ответ, который мы получаем, не откровенный». Его искусство часто называли «снами наяву». Художник уточнял: «Мои картины – не сны усыпляющие, а сны пробуждающие». Ныне полотна Магритта, наряду с произведениями С. Дали, являются популярнейшими образцами сюрреалистической живописи.

Родился Рене Франсуа Гислен Магритт (фр. René François Ghislain Magritte) 21 ноября 1898 года в небольшом мрачноватом индустриальном бельгийском городке Лессин. Среди троих сыновей он был старшим. Семья жила в доме неподалеку от железной дороги, и мимо ежедневно проносились поезда. Отец занимался мелким бизнесом – безликий человек в котелке, будущий персонаж картин художника. Детство и юность Рене провел с семьей в провинциальном городке Шарлеруа. Вспоминая детство, он писал: «Я помню свое изумление, когда впервые увидел шахматную доску, фигуры на ней. Пугающее впечатление! Нотные листы, где таинственные знаки обозначали звук и не были словами!».

Вот одна небольшая ранняя работа художника – «Заблудившийся жокей», ставшая его творческим манифестом. Всадник, несущийся во весь опор на взмыленном коне, заблудился в ирреальной роще из огромных шахматных фигур, расписанных нотными знаками.

Заблудившийся жокей

Когда Рене было всего 12 лет, его улыбчивая, изящная красавица-мать без всякой видимой причины утопилась в реке Самбр, прыгнув с моста. Когда Регину

Магритт нашли, светлая ткань закрывала ее голову. Так и не известно – это вода «набросила» на нее шаль или мать не хотела, чтобы живые потом видели ее лицо. Люди с обернутыми тканью лицами, как попытка понять случившееся, – тема многих картин Магритта.

В 14-летнем возрасте Рене встречает девочку по имени Жоржетта. Через несколько лет она становится его женой, возлюбленной, музой, соратником и другом – единственной женской моделью художника. Других женщин в его жизни не было. Прекрасное лицо Жоржетты неуловимо в картинах Магритта. Оно туманно и зашифровано, как ускользающая красота.

В 18 лет Рене уехал учиться в Брюссельскую академию изящных искусств, где быстро понял, что для него переносить на холст детали реальной жизни – тоска смертная. Здесь он «заболевает» кубизмом и футуризмом в духе Фернана Леже, но излечивается, познакомившись с творчеством Макса Эрнста и Джорджо де Кирико.

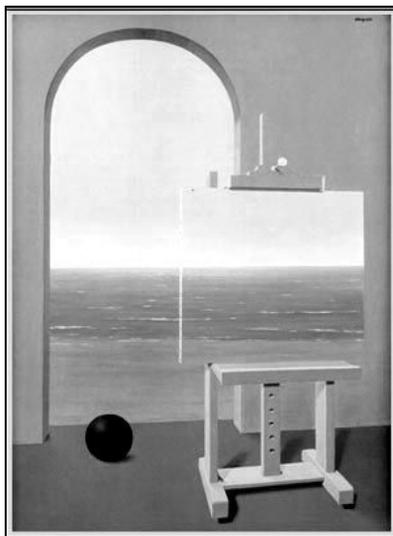
Фальшивое зеркало

В 1921 году Магритт был призван в армию, а через год, по возвращении к гражданской жизни, устроился для заработка рисовальщиком на обойную фабрику, где часами писал на бумаге розы в мельчайших деталях (розы станут позже одним из лейтмотивов его картин – символом роковой и небезопасной красоты – «Могила борца», 1961). Потом

вместе с братом он открывает рекламное агентство, которое позволило им вскоре забыть о насущных проблемах.

В 1926 году Рене создал уже упоминавшуюся первую удачную (как он сам ее оценил) сюрреалистическую работу «Заблудившийся жокей», а уже через год в брюссельской галерее «Кентавр» была проведена первая выставка его работ. Работы художника были негативно встречены критикой.

Разочарованный и подавленный, Рене в том же году перебрался во Францию, обосновавшись в парижском предместье. В Париже он подружился с Андре Бретоном и оказался активным участником руководимой им группы сюрреалистов. За три года Магригт тесно сблизился с Максом Эрнстом, Дали, Луи Бунюэлем и особенно с Полем Элюаром. В Париже система живописи Магригта окончательно сформировалась и осталась почти неизменной до конца его жизни.

Сотворение человека

В программной картине художника «Фальшивое зеркало» (1929) всё пространство занимает изображение глаза, но вместо радужной оболочки мы видим летнее

голубое небо и прозрачные облака. Органы чувств, считает автор, отражают лишь внешний облик вещей, не передавая скрытой глубины мира, его тайны.

В 1930 году произошел разрыв с Бретоном. Магритт возвращается в Брюссель и вместе с Полем Дельво становится здесь одним из руководителей сюрреалистического движения. В этот плодотворный период деятельности Магритт создал ряд картин с таинственными и поэтическими сюжетами, в том числе и свою наиболее часто копируемую картину – «Сотворение человека» (1935). Изображение моря в картине на мольберте, стоящем перед открытым окном, чудесным образом сливается с «реальным» морским видом из окна.

Творчество художника раскроется полнее, если обратиться к теме «Сюрреализм и фрейдизм». Предложенные Зигмундом Фрейдом «метод свободных ассоциаций» и «толкование сновидений» были направлены, прежде всего, на выявление расстройств психики с целью исцеления. На это же было направлено и предложенное Фрейдом толкование произведений искусства. Главный теоретик сюрреализма Андре Бретон, по профессии врач-психиатр, придавал психоанализу Фрейда решающее значение. Фрейдистские взгляды были не просто усвоены многими сюрреалистами – это стало их способом мышления.

Магритт же, наоборот, писал: «Искусство, как я понимаю, не подвластно психоанализу. Это всегда тайна. ...Возможно, сам психоанализ – лучшая тема для психоаналитика».

Вот почему мастер упорно отказывался именовать себя «сюрреалистом». Он охотно принимал характеристику – «магический реалист». Считается, что «магический реализм» как разновидность бельгийского романтизма восходит к искусству великого И. Босха. На Магритта творчество старого мастера тоже имело плодотворное влияние. Его увлекала непостижимая способность Босха переводить на язык художественных образов сложнейшие библейские, алхимические, астрологические и фольклорные символы.

Художник много работает, он выставляется в Европе и в Америке (в 1936 году открылась выставка его работ в Нью-Йорке, а в 1937 году – в Лондоне).

Когда в 1940 году немцы оккупировали Бельгию, Магритт провел сначала три месяца в изгнании в Каркассоне (Франция), а затем вернулся в Брюссель, где и пережил военное лихолетье.

Сразу после войны, Магритт решил писать картины размашистыми мазками, в стиле Ренуара и Матисса, объясняя это необходимостью поиска радости в противовес общему пессимизму тех лет. Этот период в творчестве Магритта чаще всего называют периодом «яркого солнца» („plein soleil“). Но мотивы импрессионизма и фовизма в творчестве мастера картин-загадок не убедили публику и критику, и к 1948 году художник вернулся в собственный стиль.

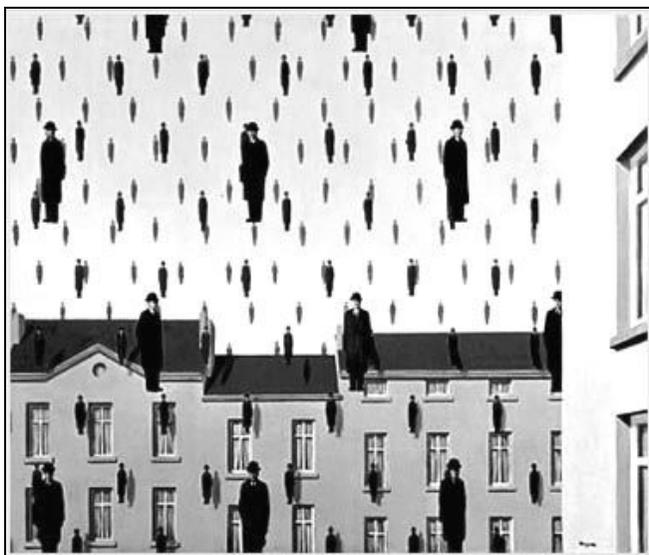

Влюбленные

Первая монография о творчестве Магритта была опубликована в 1943 году. В последующие годы о нем написали исследования сразу несколько крупных искусствоведов.

Сам художник подробно изложил свой творческий метод в работе «Страница с природы» (1952).

«Я беру произвольный предмет или тему в качестве вопроса, – писал он, – и затем принимаюсь за поиски другого объекта, который мог бы послужить ответом. Чтобы стать кандидатом на ответ, искомый объект должен быть связан с объектом-вопросом множеством тайных связей. Если ответ напрашивается во всей ясности, то связь между двумя предметами налаживается». И еще: «Для меня мысль изначально состоит только из видимых вещей, и она сама может стать видимой, благодаря живописи».

Голконда

Образы Магритта пугающе красноречивы и убедительны в своей ирреальности: влюбленная пара с замотанными тканью головами («Влюбленные», 1928); человеческий глаз, пристально глядящий прямо на зрителя из куска бекона на тарелке («Портрет», 1935); расшнурованные ботинки, переходящие в человеческие ступни («Красная модель», 1935); голова античной статуи с кровавым пятном на виске («Воспоминание», 1948); гробы на балконе, имитирующие картину Мане («Балкон», 1951);

гигантские каменные фрукты на фоне морского пейзажа («Воспоминание о путешествии», 1952) и другие.

В 1950 годах художник создает несколько своих самых знаменитых работ. В их числе и картина «Голконда» (1953). Художник изобразил зависших в безграничном пространстве несколько десятков аккуратно одетых рантье (при котелках, галстуках и модных пальто), сохраняющих при этом абсолютную невозмутимость. Голконда – древний город в Индии, ставший синонимом несметных сокровищ и богатств, ведь именно здесь было найдено множество знаменитых алмазов и других драгоценных камней. Люди на картине как бы притягиваются сокровищами Голконды.

Еще одна из знаменитых картин Магритта, «Готовый букет» (1956). Человек в неизменном котелке, стоящий спиной к зрителю на террасе, созерцает «вечереющий» парк, а на его спине изображена шествующая в блеске цветов «Весна» Боттичелли. Что это? Реализация афоризма «Жизнь коротка, искусство вечно»? Или, быть может, человек, любующийся парком, просто вспомнил картину Боттичелли?

Готовый букет

Большое значение Магритт придавал названиям своих картин. Многие из них рождались в кругу друзей во

время еженедельных встреч, центром которых был Магритт. Названия его картин всецело принадлежат картинам и помогают понять их метафорический язык.

Многие названия картин нарочито наукообразны, и в них проглядывает ирония: «Философская лампа» (1937), «Похвала диалектике» (1937), «Естественное познание» (1938), «Трактат об ощущениях» (1944). Другие названия создают атмосферу поэтической тайны: «Диалог, прерванный ветром» (1928), «Ключ к грезам» (1930), «Мучительная длительность» (1939), «Империя света» (1950), «Гостиная Бога» (1958).

Темой многих картин Магритта стала так называемая «скрытая реальность». Часть изображения, например, лицо главного персонажа, чем-либо закрывается (яблоком, букетом цветов, птицей). Магритт так объясняет смысл этих работ: «Интересное в этих картинах – внезапно ворвавшееся в наше сознание присутствие открытого и скрытого, которые в природе никогда друг от друга не отделяются».

В 1950 годы Магритт приобрел большую известность, работая как художник-монументалист. Он создает великолепные росписи «Заколдованное королевство» для казино в Кнокк-Ле-Зут и «Невежественная фея» для Дворца изящных искусств в Шарлеруа. В 1954 году в Брюсселе состоялась первая большая ретроспективная выставка художника. За ней последовали выставки в Лондоне, Нью-Йорке, Риме, Париже.

В 1950-60 годы картины Рене Магритта взорвали арт-рынок США, где как свидетельство всемирного успеха мастера прошла цепь его больших выставок. Фанфары славы в честь скромного бельгийца зазвучали в полную силу повсеместно, но сам Рене Магритт, его скромный быт оставались прежними.

Шли годы, а Магритт не устал повторять: «Без тайны ни мир, ни идея невозможны». Так картину «Сын человеческий» (1964) Магритт писал как своеобразный автопортрет. На ней изображен мужчина во фраке и в шляпе-котелке, стоящий около стены, за которой видно море и облачное небо. Лицо человека практически

полностью закрыто парящим перед ним зеленым яблоком. Своим названием картина, как полагают, обязана образу современного потомка библейского Адама и яблоку, символизирующему искушения, которые продолжают преследовать человека в нашем мире. Магритт так сказал об этой картине: «Во всем, что мы видим, прячется что-то другое, мы всегда хотим увидеть то, что прячется за тем, что мы видим, но это невозможно. Люди очень тщательно хранят свои секреты...».

Большое семейство

Интересно отметить, что у Магритта только образы птицы свободны от ассоциативных сложностей. Птицы несут позитивную энергию полета, ничего более. Нет птиц умерших, упавших, с перебитыми крыльями. Птицы живы, а крылья их полны ярко-голубыми и белыми перистыми облаками Магритта («Большое семейство», 1963).

В 1967 году в роттердамском Музее Бойманса-ван Бёнингена состоялась последняя прижизненная выставка работ Магритта.

15 августа 1967 года Рене Магритт скончался от ракового заболевания. Ушел из жизни один из художников-магов XX столетия, в жизни так похожий на добропорядочного аптекаря.

Он вел тихую и спокойную жизнь бельгийского обывателя, далекого от богемной суеты – человек, которого трудно выделить из толпы. Мечты, парадоксы, страхи, таинственные опасности переполняли лишь его картины, а не жизнь. Художник боролся со скукой только в творчестве. Размеренность каждого дня его вполне устраивала, он даже большинство из своих картин написал в столовой и до конца жизни предпочитал трамвай остальным видам транспорта.

Как-то незадолго до своей смерти Магритт, этот изощренный мастер, произнес: *«Я так и не понял причины, по которой мы живем и умираем»*. Может быть, разгадки причин и тайн бытия художник как раз и зашифровал в своих картинах-ребусах? Все может быть. Тогда стоит к ним приглядеться повнимательнее!

О Сальвадоре Дали замолвим словечко

«В 6 лет я хотел быть Наполеоном, но я им не стал.

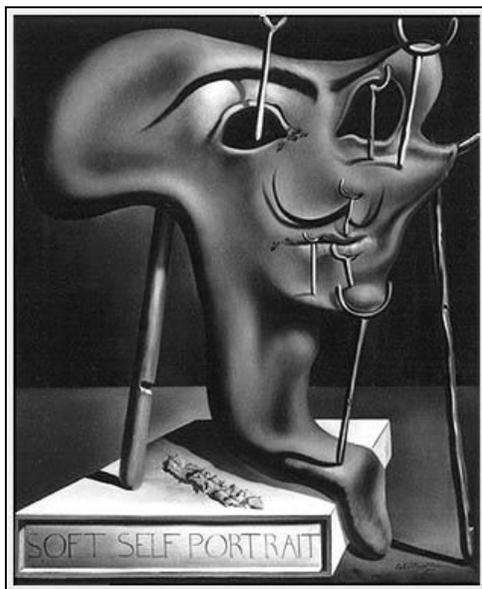
В 15 лет я хотел быть Дали – и стал им»

С. Дали «Пятьдесят волшебных секретов»

Трудно назвать другого художника, о котором слагалось бы такое количество мифов, как о Дали. К тому же он сам провоцировал скандальный интерес к своей персоне. Но сегодня ясно, что этот универсальный мастер: живописец, график, скульптор, дизайнер, писатель, поэт – действительно уникальное явление в культуре XX века.

Сальвадор Фелипе Хасинто Дали родился 11 мая 1904 г. в городе Фигерас (Каталония) в семье нотариуса. Он стал рано рисовать и любил, по собственному признанию, всяческие игры с переодеванием. Мальчик посещал муниципальную школу, затем колледж в Фигерасе.

Ещё в колледже Сальвадор сам себе постановил, что «просто обязан... явить гениальность любыми путями».

Автопортрет

Уже в 1918 г. 14-летний Дали представил две работы на выставке каталонских художников. Некоторое время он с друзьями выпускает журнал “Studium”, где публикует свои первые статьи, посвященные Эль-Греко, А. Дюреру, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Ф. Гойе и Д. Веласкесу, перед которыми Дали преклонялся.

В 1922 г. Сальвадор поступил в мадридскую Королевскую школу изящных искусств (Академию Сан Фернандо), где познакомился с поэтом Ф.Г. Лоркой. Это были очень разные люди.

Дали – эгоцентрист, Лорка – «дитя добра и света», но они глубоко понимали и поддерживали друг друга, что исключительно редко бывает, если встречаются два гения.

Дали увлекался Фрейдом, носил кудри до плеч, бакенбарды, ходил в длинном плаще и шляпе с полями. Он был фанатично предан искусству, но был непрактичен в жизни, был, что называется «не от мира сего».

Фото. С. Дали и Ф.Г. Лорка, 1927

Но главным оставалось творчество. Дали писал натюрморты, портреты, композиции с громкими названиями типа «Мёд слаще крови», «Дохлый осел», декорации к драме Гарсиа Лорки «Марианна Пинеда». Он продолжает публиковать свои статьи об искусстве в барселонской газете «Гасета де лез Арте». Дали исключили из Академии Сен-Фернандо в 1926 г. за постоянные нарушения учебного процесса и дерзость.

Дали уже тогда великолепно овладел академической манерой, техникой импрессионистов и умел, как кубисты, геометризовать образы.

Он как бы примерялся к различным стилям и всё более склоняется к сюрреализму. Слово «сюрреализм» каталонцы впервые услышали на выставке итальянских футуристов.

В 1929 году, уже будучи известным художником, Дали познакомился с Андре Бретоном и Полем Элюаром, исповавшими сюрреализм. Дали присоединился к группе, и очень скоро его имя в сознании публики стало олицетворением сюрреализма.

Портрет Л. Бунюэля

Тогда же Дали познакомился с Еленой Дмитриевной Дьяконовой, женой Поля Элюара, дочерью московского адвоката. Он, по его словам, полюбил её «больше, чем отца, больше, чем мать, больше, чем Пикассо и даже больше, чем деньги». Любовь оказалась взаимной.

Фото. Гала, 1930

В 1930 г. Дали переехал в Париж. В 1934 г. Елена становится женой художника.

Дали зовет её Гала (по-французски – «праздник»). Она была и добрым ангелом, и злым гением великого художника.

Первые сюрреалистические работы Дали помечены 1929 годом. Обычно в них на фоне пустынного ландшафта возникали фантастические видения, растекающиеся или разрушающиеся формы которых выписаны художником не как миражи, а абсолютно чётко. Каждая картина становилась своеобразным интеллектуальным ребусом.

Постоянство памяти (Растёкшееся время)

На одном из самых известных полотен XX века – «Постоянство памяти» (1931 г., Музей современного искусства, Нью-Йорк) – мягкие, словно расплавленные циферблаты часов свисают с голой ветки оливы, с какой-то кубической плиты, со странного существа, похожего и на лицо, и на улитку без раковины. Каждую деталь можно и интересно рассматривать самостоятельно, а все вместе они создают магически загадочную картину. В этой и в других работах, таких, как «Частичная галлюцинация: шесть портретов Ленина на фортепиано» (1931 г.), «Метаморфоза Нарцисса» (1934 г.), «Горящий жираф» (1935 г.), «Осеннее каннибальство» (1936 г.), «Мягкая конструкция с вареными бобами: предчувствие гражданской войны в Испании» (1936 г.), «Лебеди, отражающиеся в виде слонов» (1937 г.), «Лицо войны» (1940 г.), прочитывается абсолютная продуманность композиционного и колористического строя.

Совмещение реальности и бредовой фантазии (иначе и не назовёшь) как бы конструировалось, а не рождалось вдруг по воле случая.

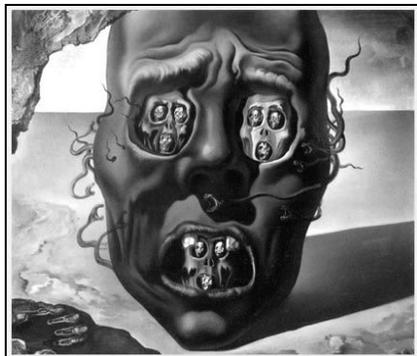
Мягкая конструкция с вареными бобами: предчувствие гражданской войны в Испании

В 1930 годах Дали много путешествовал. Когда художник прибыл в США, страну охватила «сюрреалистическая лихорадка». В его честь устраивались сюрреалистические бал-маскарады, костюмы гостей были экстравагантные и провоцирующие, словно вдохновленные фантазией художника. Балы и выставки с успехом проходили и в Европе.

Дали предлагал потрясенным зрителям не только картины, но и сюрреалистические предметы: ножи с зеркальцами, калейдоскопические очки для автомобилистов, туфли на пружинах и т. д.

Успех принес богатство, но сам художник как-то обмолвился: «Я понятия не имею, богат я или беден. Всем распоряжается жена. Деньги для меня – мистика».

Культ индивидуализма, который всегда проповедовал Дали, привел к тому, что в 1938 г. художника исключили из группы сюрреалистов. В этом же году состоялась знаменитая встреча с тяжело больным З. Фрейдом, кумиром Дали. Фрейд, в целом плохо относясь к сюрреалистам, был покорен личностью Дали.

Лицо войны

Когда нацисты оккупировали Францию, Дали уехал в Америку, где был уже «оглушительно» знаменит. Дали много времени уделяет книжной графике, он иллюстрирует Шекспира, Сервантеса, Монтеня, Челлини, работает и как театральный художник.

Дон Кихот

В американский период художник приступил к религиозной живописи, которую продолжил по возвращении в Европу, в родной Фигерас, в 1948 г. Это «Искушение Святого Антония»(1946 г.), «Мадонна Порталигата» (1949 г.), «Открытие Америки Христофором

Колумбом»(1959 г.), «Христос святого Хуана де ла Крус» (1951 г.), «Тайная вечеря» (1955 г.) и др. Они создали Дали славу «католического живописца». Папы Римские (Пий XII и Иоанн XXIII) приглашали на аудиенции в Ватикан и всячески одаривали его.

Тайная вечеря

Художественный мир с неослабевающим интересом следил за творчеством и поступками Дали. Он часто бывал в Париже, выезжал в Америку с выставками и лекциями.

В Фигерасе, на месте разрушенного ещё в Гражданскую войну муниципального театра, Дали сотворил в 1973 г. свой Театр-музей, ставший местом паломничества туристов со всего мира.

В 1979 г. Дали избрали во Французскую Академию. Высшим орденом Испании – Большим крестом Карлоса III – Дали был награжден в трагический для мастера год: в 1982 году умерла жена Гала, умер праздник.

Роль «гениального безумца», которую Дали разыгрывал на людях, сделалась не под силу осиротевшему художнику, и с тех пор до конца дней он жил затворником.

Художник мечтал, чтобы хотя бы одна из его картин попала на родину его несравненной Галы, в Россию. А здесь Дали почти до самой его смерти считали олицетворением «разложения буржуазного общества».

Фото. Театр-музей Дали в Фигерасе

Сальвадор Дали при жизни стал классиком живописи, но его перу также принадлежат разнообразные литературные произведения, в том числе серьезные труды по искусству и философии.

Геополитический младенец, наблюдающий рождение нового человека

Умер художник 23 января 1989 года, оставив потомкам таинственный и неразгаданный мир своих полотен. Когда Дали спрашивали, почему же часы у него

растекаются, он отвечал: «Суть не в том, что растекаются!
Суть в том, что мои часы показывают точное время».

Этим временем, временем великого Сальвадора
Дали, стал XX век.

Штутгарт, февраль 2010

Яна Кане

Стихи

ечалю жажду утолив, весельем – голод,
Свободен тот, кто всё простил. Он снова молод.

Ему не в тягость дальний путь открытый взору.
И ясен свет, и внятен зов его простора.

Время

Дом. Пламя. Пепел.
Пустошь. Ветер. Дождь. Ростки.
Трава. Забвенье.

Голос

Как евнух, которого мучит желанье желать,
Как после обвала река, обращённая вспять,
Как призрак полночный, грозящий за чёрным окном,
Всё бродит и бредит, кричит и молчит – об одном:
«Родившемуся в Атлантиде, покой – лишь на дне.
Из Трои бежавшему, всё же – погибнуть в огне».

Слово

Соль моря пересохшего давно,
Слияния солёный, жаркий пот,
Кровь проступающая грозно сквозь бинты,
Июльский мёд сочащийся из сот,

Вершины горной осиянный снег,
Провала чёрного неведомое дно –
Всё в мире создано из слова, всё в него
Вливается, всё в нём заключено.

Антология

Лепрозорий, кунсткамера, оранжерея,
Где цветут напоказ наши язвы печали.
Здесь мы ищем в кривых зеркалах отраженья
Тех, кем стать не смогли, тех, кем быть перестали.

Планетарий, музей, где мы все – экспонаты,
Каждый полон значением собственной тайны,
И тоской по разгадке, и надеждой напрасной,
Что вот-вот забредёт посетитель случайный

Словно рыбы в подземном потоке,
Настороженны, слепы, тихи,
Проплывают в моём подсознании
Ненаписанные стихи.

Ощущают чутьём незрячим
Где быстрины, где острова,
Жадно ловят круглыми ртами
Затерявшиеся слова.

Берегут полу-жизнь в надежде
Выплыть в жизнь, и не знают что течь
Будут воды подспудно до устья,
Где вливается в Лету речь.

Лукоморье

Где-то там, в Дали от Босха,
В завтра протекло вчера.

Папа Карло вырезает
Буратино из ребра.

Порождает Афродиту
Первозданный пенопласт.

Спит Снегурочка во гробе –
Хрусталём мерцает наст.

Елисей, меж тем, вломился

По ошибке в Мавзолей.

В небесах застучал с Девой
Козерога Водолей.

Вий открыл глаза Колумбу
Сдёрнув с Лорелей парик.

“Nevermore!” прорёк из ванны
Архимеду Моби Дик

Первый Снег

*...Прежде Евы была Лилит...
Не из глины не из ребра –
Из рассветного серебра.*

Вадим Шефнер

Лыжи как длинные языки
Лижут снежный пломбир.
Все печали под снегом спят,
Ясен морозный мир.

Первозданный снежный Эдем
Не знает ни зла, ни добра.
Бежит по рассветному серебру
Лыжница из серебра.

Человек-амфибия

Человек-амфибия обращает время вспять.
Человек-амфибия возвращается в лоно вод.
Отныне бездна станет его землёй,
Отныне вода ему заменит небесный свод.

Не надо его окликать, жалеть, вспоминать.
У кромки воды оборвалась цепочка слов.
Он сам избрал свободу вместо судьбы,
И он познает мир до рожденья миров.

По дороге идёт прокажённый.
Отвернись, притворись, не смотри.
Не давай разрастаться безмолвью:

Говори, говори, говори.

Скрой и имя своё, и прозвание,
Зеркала простынями завесь.
Затверди, как слова заклинанья:
«Не у нас, не сейчас и не здесь».

Эта поступь бульжники плавит,
Эта тень опаляет траву.
По дороге идёт прокажённый.
Хорошо хоть, что не наяву...

Глина

Как луч преображённый витражом,
Как воздух в слово перекованный в гортани,
Душа желает влажной глиной стать,
Во всём покорной всемогущей длани,
И пусть потом – пройти через огонь,
И век служить, и не копить заслуг.

Она желает, и творит себе сама
Предназначение, и гончара, и круг.
Copyright Yana Kane-Esrig, 2010

Борис Шапиро

Портрет поэта

одился.

Рот открыл
и сразу в рифму:
– Уа, уа!!!

Потом подрос,
купил словарь,
учил слова.

Понять
словами захотел,
что это,
красота.

Ему как бездна,
звёзд полна,
открылась немота.

Ах, красота, ах, красота,
бесмыслица и тлен.

Но красота не пустота,
ей нужно перемен.

Ей нужно рифмы и одежд,
курортов и духов,
она доступна для невежд,
тупиц и стариков.

И вот поэт наш стал старик,
услышал звон в ушах:
смотри скорей на красоту
на свой и риск, и страх.

Он посмотрел на красоту,
в ушах услышал зуммер.
И, **пóняв** всё про красоту,
он рот закрыл и умер.
21.05.2009

И СКАЗАЛ ГОСПОДЬ старейшинам общины:
«Соберите умных и способных,
дипломатов ловких и речивых,
лицедеев, чтобы на театре
притворялись, будто бы в натуре,
и купцов, которые копейку
сосчитают со рублёвой пользой,
а ещё радивых лейтенантов,
чтоб умели одного солдата
в три широких выстроить шеренги
и на штурм в атаку повести.

Обещайте им большой прибыток,
посулите золотые горы
и награды, и почёт в народе,
и огромный, жирный пенсион.
Отберите тех, кого посулы
соблазнят, в ком разожгут надежду,
кто себя захочет посвятить
дольнему служению народу
в форме укрепления государства,
Федеральных Служб Благословенья,
и его вооружённых сил».

И сказал Господь старейшинам общины,
повторил и далее продолжил:
«Изо всех пригодных аспирантов
изыщите истинно ретивых
и устройте тайный им экзамен,
отыщите вора среди них.
Отыщите вора-демагога,
чтоб не голова, а синагога,
чтобы вместе дума и парламент,
директория, совет, синод и Кнессет,

и консилиум была его глава.

Потому что лучшим дипломатом,
потому что лучшим лицедеем
и купцом, вождём и паханом,
тем, кто может одного солдата
в три широких выстроить шеренги
и на штурм в атаку повести,
и хранить о том крутую тайну,
и почётом тешиться народным,
притчею страшиться во языцех,
на кону играть и жить в законе
может только настоящий вор.

Среди всех таких найдите вора
и поставьте во главу общины.
Пусть водитель будет он народа,
будет предводитель государства,
Федеральных Служб Благословенья
и его вооружённых сил.
С вором будем мы непобедимы,
с вором во главе свершится чудо –
воровство в масштабах всей страны
обратит зелое зло на пользу,
а ту пользу превратит в добро».

Господи, яви Твоё нам чудо!
Помоги найти такого вора,
чтобы пользу превратил в добро.
Зло всегда кому-нибудь на пользу.
Дай нам мудрости, о Боже, дай нам чуда
отличить добро от нашей пользы!
Господи, яви такого вора,
просвети его и образумь!
Чтобы он не пользу, а добро
созидал себе и нам во славу.
Всей общиной скажемте: «Аминь!»
31.01.2010

На смерть Елены Шварц

Ушёл большой поэт.
И чёрное стало белым.
На жизнь ответа нет,
а на смерть – телом.

Жизнь не кончается никогда,
смерть кончается похоронами
за подписью «Полынь, Лебеда»,
а жизнь начинается всеми нами.
15.03.2010

Всем пятистишием шуйцы

Наташе Гутман

Сама вся в чёрном,
и внесла
убитого орла,
держа его за шею,
как трофей.

Вот она села
царственно на трон
без подлокотников и спинки,
а орла зажала между ног,
держа его за шею

всем пятистишием шуйцы,
а лёгкою десницей
своей крылу подобной
держала лук тугой,
наверное, волшебный.

И этим луком
начала клевать
орла в живот.
И вдруг проткнула
границу между жизнью и смертью
и завершила превращенье:

Из мёртвого орла
живая сделалась
виолончель
и стала петь.

И пела А – УА,
как новорождённый поёт
о том, что смерти нет.
Потом она кричала
клёкотом орлиным

о том, что смерти нет!
О том, что смерти нет
и не было в помине.
Что только жизнь
суть то, что есть.

Жизнь и любовь,
и память, и Олег,
что значит «светоносный».
Жизнь и любовь –
клекочущий бессмертьем

орёл, а смерти нет!
Но есть граница жизни.
Олег-орёл, тугой смычок,
царица жизни
с виолончелью между ног.
20.03.2010

*На посвящённом Святославу Теофиловичу Рихтеру концерте
Наталии Гутман и Элисо Вирсаладзе, благодарный Борис
Шапиро*

НЕРАВНОСТОРОННИЙ треугольник,
то ли амфибрахий, то ли дольник.

Биссектриса делит медиану
на две части – жигу и павану.

В этой точке, где пересечение
не судьбы и звёздного свечения,

а на две неравные кулисы
медиана делит биссектрису.

В си-бемоль мажоре льётся хорда
доминантой рваной терц-аккорда

и переливается неспешно
в квинту ля-минора, тонко, нежно.

Биссектриса делит медиану
там, где только дырка от кармана.

Но из этой дырки вечной, вёщей
бабочка-душа крылом трепещет,

бабочка, ресницами порхая,
о пяти ногах прекрасная, нагая,

как любви небесной оболочка,
ля-ля-ля, ля-ля-ля, просто точка.

16.10.2005 Б.Ш.

Три стихотворения на память

1.

ГОТИЧЕСКАЯ дева –
взлетает голова
от светлого напева
в стрельчатые слова.

Пусть, может быть, комета
явление твоё,
как песня не распета –
любуюсь на неё.

Любуюсь – забываю
про то, как дни тесны,
и в три ручья смываю
затмение весны.

2.

СПРОСИМ СЕБЯ, забегая вперёд, как же так,

нет, не Каин и Авель, Эрот и Танат – тоже братья?
Их ли спор нескончаем, размолвка не их ли пустяк?
И любовь навсегда – уж не смерти ли это объятья?

Снова спросим себя, отчего эта странная грусть,
если снова и снова мечту и надежду хороним.
Не бессмертье ли это, как осень, стучит в нашу грудь,
ту, где сердце одно на двоих и дыхание – акроним?

Красный с синим возможны ли вместе? Индигокармин,
синий с красным – на золоте осени – пурпур замешан.
И не слишком ли лёгким окажется господин,
что в господней горсти будет скоро оценен и взвешен?

Пусть московское аканье синее небо взорвёт.
Вдох прекрасен, а выдох вдвойне – прекрасен и гласен.
Ясным золотом листьев дорога ведёт в разворот
там, где светлая осень уже превращается в асень

3.

На станции УКТЫ февраль,
девятнадцать градусов теплынь.
Зацветают медуница и полынь.
Ярко светит женщина без тени.

Сини тени от меня. Та синь
словно глухота. В воображеньи
бросить и проснуться – свет светимый.
На проснуться не хватает сна.

Не хватает. Остановимся на том –
на заказ не ходит сновиденье.

Если пять и даже меньше лет
не меняется лицо любимой,
то она – фантом.
2006-2010

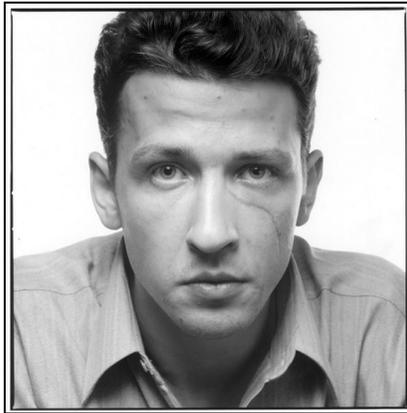
Виктор Каган

Памяти Бориса Рыжего

(8 сентября 1974-7 мая 2001)

ворчество Бориса Рыжего – одна из самых ярких страниц русской поэзии на рубеже веков, явление самой Поэзии вопреки столь распространённым нынче её оплакиваниям. Есть встреча и Встреча. Первая моя встреча с ним состоялась тринадцать лет назад на страницах «Звезды» – от неё осталось: «Я жил тут, пользуясь свободами на смерть, на осень и на слёзы». Были и другие – до и после того, как он ушёл, оставив записку с последними в ней словами: «Я всех любил. Без дураков». А Встреча – пару лет назад, когда я провёл несколько месяцев с его книгой «Оправдание жизни». Некоторые блики этой Встречи сложились в цикл стихотворений.

Борис Рыжий

1. В дом заходя, где нет ни стен, ни крыши –

один шесток для грустного сверчка
да звёзды в тишине, – споткнувшись на пороге,
хозяев окликаешь, но ни звука тебе в ответ.
Печаль колышется, как на окошке штора.
Сверчок, ночной росы набравши в рот,
молчит. Лишь бродят неприкаянные тени
растаявших теней коротких лет.
Протянешь руку – тень её пропустит
сквозь бестелесность тела, будто нож
по рукоять – в распахнутое горло,
и пальцами упрёшься в яркий свет,
строкой стиха плеснёшь на боль ожога,
прильнёшь к шестку спины тугой струной,
раскинешь рук томящиеся крылья
и отразишься в темноте прозрачной
звонящим на семи стихах крестом.

2.

Тот с крестом, да безбожник.
Этот свят без креста,
как счастливый острожник,
как небес чистота.

Жизни боль неземная –
от неё не уйти,
разве только благая
встанет Смерть на пути,

словно Летнего сада
белый мрамор весной
за решеткой ограды
повстречался с Невой –

– и не наговориться,
и темнеет слюда,
и возносятся лица,
что слизнула вода.

3.

Спасибо за ... За всё благодарю –
за малое, великое и просто

за привкус жизни в вечере погоста,
за привкус смерти, вылитый в зарю,
за свет любви в растерянном грехе,
за тень греха в любви высокой муке,
за встречу с жизнью в алтаре разлуки.
...Осколок льда качается в стихе.

4.

А жизни больше, может быть, на дне,
где истина растворена в вине
и на просвет стакана не видна,
как миру моя смертная вина
за эту жизнь с её глухой тоской
и домовинной струганной доской
в конце, и неизбежностью конца,
записанной на бересте лица,
и где без экивоков говорит
распивший с нами на троих Аид
о жизни, о любви, о Божьей душе,
ко мне щекой прильнувшем малыше –
он на меня восторженно глядит,
и я его люблю, он мне простит,
какого был, такого и любя,
что я его оставил без себя.

5.

Не торопись, постой.
А в судьи призови
поэзию – настой
на смерти и любви.

Кому тебя судить?
Она одна – судья.
Натянутая нить,
две чаши бытия.

Любовь глядит в глаза,
воркует ни о чём.
А шёпот Смерти – за
расправленным плечом.

И жизнь летит строкой,
и миг вмещает век,
и тает под рукой
дыхание, как снег.

6.

Во время, что наутро – оно,
он уже небо обнимал.
Не знаю, знал ли он Вийона,
но, если и не знал, то знал.

Метафора на землю встала
и красно слово ни при чём.
Поэт, как строчка нагадала,
от жажды умер над ручьём.

7.

Чёрной бабочкой – к шее петля.
Дух отбросил ненужное тело:
духу – вечность, а телу – земля.
Время треснуло. Жизнь отлетела.

Дождь по карнизу – майская гроза
смывает накипь с дымного Урала.
Таращатся в окно берёз глаза,
а листьев губы шепчут: «Мало, мало...»

Белой бабочкой вьётся душа
над оборванной трещиной строчкой
словно облаки слов вороша,
чтобы строчка закончилась точкой.

Посмертных книг живые голоса.
Он сделал всё, что жизнь ему сказала.
Ушла душа в небесные леса.
И всё-таки, как мало... мало... мало...

Марк Азов

Аваддон

н лежал среди крови и копоты на черном снегу. Рядом валялся сапог с остатками ноги. Но это была не его нога, судя по сапогу. Впрочем, ему было безразлично: он не чувствовал боли.

Облака, такие же грязные, как снег, пронеслись над ним на брющем полете...

И вдруг к нему слетел гриф-стервятник. Громадный горбатый. Обошел по кругу, крылья за спину, и, склонив набок головку на красной мозолистой шее, уставился на него, как бы примеряясь, куда обрушить клюв.

В глазах этой пернатой сволочи сквозила мутная глубина безразличия, подобная полету облаков.

Откуда здесь гриф? Он видел этих нелепых птиц в предгорьях Памира, когда из него делали лейтенанта – «Ваньку взводного» в училище. А здесь даже ворон, ко всему привычных, и тех распугали артиллерией...

– С чего ты взял, что я птица?

И, правда, с чего я взял? Он только показался грифом. На самом деле, этот, с безразличными глазами, либо санитар, либо из похоронной команды: человек, как человек, в армейской телогрейке без погон. Нестроевой дядя.

– Са-а -ни-и-тар.

– Бери выше.

– Фельдшер.

– Выше!

– Врачи здесь не ходят.

– Еще выше.

– Но уж не господь бог?

– Нет, не Бог. Всего-навсего, ангел смерти. Аваддон. Может, слышал? Хотя откуда вам знать?.. Я за тобой пришел, «елед»¹.

– Я Саша.

– Для меня ты «елед».

– Это на каком таком языке?

– На твоём, которого ты не знаешь. У нас там только на нём и говорят – он закатил к небесам, которые летели, свои безразличные глаза. Вставай, мальчик. Здесь тебе больше делать нечего.

– Я не мальчик, мне девятнадцать лет будет в июле...

– Уже не будет.

– Я лейтенант, я командир взвода.

– Где он, твой взвод?.. Только одна нога и осталась от взвода.

Он вспомнил, чей это был сапог с ногой. Боец Сорокин рук не мыл, лица не ополаскивал, а за сапогами ухаживал, как за родными. У себя в колхозе он в колошах ходил, вырезанных и из камеры от грузовика, а тут ему достались яловые сапоги. Так он ночью просыпался и драил их бархоткой. Бархотка торчала из сапога вместе с тем, что осталось от Сорокина.

– Неужели никто не уцелел?

– Меня это не интересует. За ними скелеты ходят с косами, или еще, кого там они себе напридумывали при жизни. А ты наш «елед», тебе, как солдату убитому, положена доля в вечности. Вот уже небо опустилось, давай поднимайся. Ну, чего разлегся?

– Подожди. Может, я не совсем убит? Может, это ошибка?

– Думаешь, ты у меня один?

– Товарищ, как вас?

– Аваддон.

– Дяденька. Я понимаю, вы ангел смерти, у вас должность такая. И ничего вы плохого не делаете, даже

¹ мальчик – ивр.

наоборот... Вот мне по марксизму-ленинизму говорили, что ни бога, ни того света нет, а вы предлагаете даже долю в вечности... Это сколько?

– Вечность, как ты ее не дели, остается вечностью.

– Вот я и говорю, вы добрый человек.

– Я не человек.

– Ну, добрый ангел.

– Я ангел смерти!

– Добрый ангел смерти, Почему бы нет?

– Не крути! Чего ты хочешь?

– К маме.

– Что?!

– Хоть на один день! Час! Минуту!.. Чтобы она увидела, будто я еще живой. Не надо мне вашей доли в вечности, возьмите ее всю себе за эту одну минутку.

– А мне зачем?

– Ну не знаю... Она очень больная, я у нее один... И, вообще, вы представить не можете, какой это удар для еврейской мамы.

– Маму вспомнил. А если бы пуля пролетела мимо?

– Ну, пожалуйста. Бог вас простит. Он добрый.

– Что ты вообще знаешь о Боге... Что Бога нет – вот и все, что вы знаете.

– Пожалуйста! Товарищ ангел! Ну, поставьте себя на ее место. Пусть она подумает, что я прибыл на побывку или проездом... промелькнул, и ей останется надежда...

– Отстань, надоел! В особый отдел обращайся с такими просьбами, в трибунал, в НКВД – там настоящие ангелы смерти. Я, по сравнению с ними, Санта Клаус с мешком подарков.

–Что вам стоит оставить моей маме надежду? Я же все равно умер.

– Черт с тобой! Но только проездом на тот свет.

– Спасибо.

Ангел зашагал не оглядываясь. Убитый едва поспевал за его ватником... Небо над ними гудело – тяжелая артиллерия пахала перепаханное поле мертвых.

– Вы хотя бы пригнулись! – крикнул ангелу лейтенант.

– Зачем? – отвечал тот не оборачиваясь. – Ты мертвый, я – бессмертный.

Навстречу из второй линии траншей выскочил синерожий генерал, с глазками испуганной мыши, и заиграл перед мальчиком пистолетиком.

– Где ваши бойцы, лейтенант?! Рррастррреляю, трус!

Пистолетик трясся в его руке, выхаркивая пулю за пулей...

– Ну, в кого ты стреляешь, дурак? – сказал ангел генералу. – Он мертвый, я бессмертный.

Генерал так и остался в недоумении, как он мог в упор промахнуться?

А они уже вышли на дорогу в колдобинах, будто переболевшую черной оспой.

Ангел проголосовал шоферу полуторки – такому же с виду нестроевику, в таком же зеленом ватнике и ушанке.

Они быстро договорились, лейтенант полез в кузов... Там уже лежали четверо.

Машина пошла гарцевать по колдобинам, и мертвецы заплясали. Они становились почти вертикально и, раскрывая объятия, норовили навалиться на лейтенанта.

– Ничего они нам не сделают, – сказал ангел, – ты мертвый, я бессмертный.

Небо летело над ними в одну сторону, война уходила в другую. Не стало слышно переднего края. Над горизонтом не дрожало зарево. Здесь уже курили, не пряча закуток в рукав шинели.

Они сменили множество попутных машин. И, наконец, увидели железную дорогу. Рельсы, даже не взорванные.

Через всю страну, голодную и разбитую, ехали долго и скучно. И никто не спрашивал, куда они едут, ни пассажиры, ни патруль, проверяющий документы.

– Кому мы нужны, – говорил ангел, – ты мертвый, я бессмертный.

Саша ему рассказывал о маме. В его рассказах мама была только молодая и только красивая. Но очень одинокая, потому что сначала у нее был муж, потом муж и сын, а

сейчас ни мужа, ни сына...Никого, кроме соседки, которая за ней ухаживает, потому что она не встает с постели.

– Давай скажем ей правду, – предложил Аваддон, – пусть знает, что тебе гарантирована вечность, ты с приходом Машиаха² встанешь из могилы...

– Ну, зачем же так сразу и про могилу? Ты моей мамы не знаешь. У нее сердце. Лучше скажем ей, что ты в штабе служишь писарем и меня устроишь по благу, чтобы подальше от переднего края.

– Вообще-то, ангелам врать не положено.

– Но ты же с благими намереньями.

...Они приехали в этот город ночью, транспорт еще не работал, пришлось от вокзала идти пешком. Для живых людей это было бы, пожалуй, утомительно.

– Во всем есть своя положительная сторона, – сказал ангел смерти. И не натрешь ноги, и увидишь свою мамку, наконец. Но, учти, мы проездом по служебным делам. Только между поездами. Ты же не хочешь, чтоб меня из керувов, ну, серафимов... разжаловали в рядовые ангелы.

Было уже светло, когда они позвонили в двери с тремя звонками и тремя почтовыми ящиками.

Соседка спрашивала из-за двери «кто?», не верила ушам своим, сперва открыла на цепочку, потом все-таки пустила.

Мама сидела в постели, накрытая по пояс двумя пледами, белая, как рубаха на ней, и казалась мертвее сына.

Никогда у его красавицы-мамы не было таких синих губ.

Только пружинки волос ее на висках, да биение жилки на шее выдавали в ней женщину, а не камею.

– Мама! Я Саша. Проездом. У нас сорок минут.

– Ну да...Саша, – шевельнули синие губы...– А вы? – она обращалась к гостю, боясь взглянуть на сына: а вдруг этот сон исчезнет? – Вы Сашин друг? А я не одета.

С пледа, сполз на пол журнал «Врачебное дело».

– Вы доктор, – сказал ангел, – а я тоже... что-то в этом роде.

² Мессии – ивр.

– Коллега.

– Можно и так сказать.

– Вы наверно устали? Садитесь. Я скажу, чтоб вам чаю принесли и что-нибудь поесть.

– Нам уже не надо... – чуть не сболтнул ангел, но Саша так глянул на него, что рот захлопнулся, как мышеловка.

– Сашенька, скажи Софье Соломоновне, чтобы взяла там не кухне. Она знает. А вас как зовут?

– Вообще-то я Аваддон, но можно просто Ави.

– Мой отец, Сашин дедушка был меламедом в хедере, и я учила в свое время...

Ангелу только этого не хватало. Вот уж, не думал, что его здесь могут разгадать.

Саша принес чайник, соседка – картошку с селедкой. Хотела что-то сказать. Но мама остановила.

– Сонечка, я прошу вас, пожалуйста.

Та проглотила заготовленную речь и затворила за собою двери.

– Мама, – встревожился Саша, – ты как будто не рада! Я еще приеду навсегда. Меня обещали перевести в штаб полка, писарем. Вот он обещал. Он очень влиятельный там.

Саша и сам уже верил в свою ложь, грязно-зеленый ватник ангела, представился ему каменной стеной.

Аваддон же ерзал на стуле, и глазам не находил места. За свою бесконечную жизнь он привык иметь дело с мертвыми, но никогда не навевывался к их матерям. Поднять мальчишку с поля боя – святое дело. А вырывать из материнских рук единственное дитя, выкормленное пустеющей грудью в голодные годы, спасенное от дифтерии... Саша рассказывал в поезде, как мама ослепла, когда он болел, месяц она видела мутное молоко, вместо света. Ни один ангел не в силах утешить эту женщину. Даже ангел смерти не может упокоить ее навек. Ее час не пробил, а он только исполнитель. Ей еще жить и жить без сына, а без сына для нее нет жизни. Проклятая профессия, я бы никому не посоветовал идти в ангелы смерти.

Саша держал мамину руку с голубыми жилками. Аваддон смотрел на картошку, остывающую на столе.

Стрелки напольных часов нетерпеливо прыгали. Только селедке было все равно.

– Мама, ну мамочка, – спрашивал Саша, – почему ты не рада? Я же вот. Вот он я! Рядом.

Бездонные мамини глаза были переполнены горем, и время, отпущенное ангелом на свидание с сыном, тянулось невыносимо долго для всех троих.

– Мама, ну мамочка!

– Идите уже. Опоздаете. Вам попадет.

Она осторожно вынула свою руку из ладоней сына, он склонился, она коснулась губами его лба и упала лицом в подушку.

Сын, не оглядываясь, шагнул за дверь. Ангел виновато нахлобучил свой треух, и вышел следом, шаркая по паркету, совсем как человек.

Но на свободе он вдруг превратился в грифа, железные когти его сгребли мальчика, и гриф вырос мгновенно так, что город под ним стал игрушечным. Четыре человеческих головы с женскими волосами были у ангела смерти, и тысяча крыльев его издавали шум, подобный стучу колесниц, когда тысячи коней несут их на войну. И не из перьев был этот ангел-гриф, заслонивший небо, а весь он соткан из глаз и ртов с языками. Рты вопящие, глаза отчаянные. Теперь к ним прибавилась пара глаз мальчика – воина из печального и большого божьего племени.

Только за ними закрылась дверь – вбежала соседка.

– Ну, что я говорила? Что я говорила?! Сядь! – Софья Соломоновна силой отрывала ее голову от подушки. – Они, конечно же, по ошибке прислали тебе эту похоронку!

– Оставь, Соня, оставь, дай мне умереть.

– Но он только что был здесь, я его видела, как тебя, своими глазами!

– Ты не врач, ты не знаешь, что такое фациес гиппократика.

– Зачем мне ваши фациусы-шмациусы? Это был Саша, его лицо, или я сумасшедшая!

– Маска Гиппократата – лицо смерти у моего бедного мальчика. Нос цвета стеариновой свечи, лоб ледяной, и глаза, запавшие в синие ямы. Не утешай меня. Это правда, Соня. Я не выдержу правды! Ничего на свете ужаснее правды люди не придумали.

Лина Городецкая

Проводники

Смерть – прекращение жизни
С.И. Ожегов

Пролог: «Начало конца»

на была младшей дочерью Черного Монарха и росла озорной и беспечной. Ее щеки всегда розовели румянцем, а две смоляные косы укладывались надо лбом в игривую корону. И смех ее был веселым и заразительным.

Но однажды отец позвал ее. Он напряженно смотрел на ее улыбающееся лицо и, наконец, сказал:

Пришло время поговорить с тобой, дочка, и рассказать что-то важное. Тебе подарена Вечность.

А что это значит, папа? – безмятежно спросила она, играя завитком волос.

Это значит, что ты будешь всегда, потому что Вечность – понятие бесконечное.

А я не знаю, папа, радоваться этому или огорчаться.

Я тоже не знаю, дочка, – грустно сказал Черный Монарх. – Никому раньше не дарили Вечность, это редчайший подарок. Но я не все тебе еще рассказал. На тебя возложена одна важная Миссия.

Миссия? – переспросила она. Черный Монарх собирался с мыслями:

– Да. Ты будешь прекращать существование Землян на их планете и отвечать за то, чтобы они вовремя покинули Землю.

– Кто это, земляне? – опять удивилась она.

– На планете Земля вскоре появятся люди. Они будут ее хозяевами. Но пребывать на Земле они смогут

только временно. И конец каждого из них будет в твоих руках, Смерть.

– Но это, же плохо, – возразила она – Я не хочу такую миссию.

– У тебя нет выбора, Смерть. Так повелело Великое Созвездие. Оно выбрало тебя. А ты ведь знаешь, что Его решения не обсуждаются. Очень скоро ты получишь все инструкции и будешь жить отдельно от нас.

Она заплакала:

– Я не хочу быть одна вечно. Я не хочу нести людям Конец. А как же ты, папа, и мои сестры?

– Мы станем звездами, дочка, – ответил Черный Монарх – Но еще Вечность подарена самой старшей твоей сестре.

– А-а, Жизнь будет вместе со мной нести Конец?

– Нет. Великое Созвездие определило ей совсем другую обязанность. Она будет отвечать за появление Землян, и определять День их Рождения. Ваши назначения на Земле диаметрально противоположны. Вы не сможете жить вместе и не сможете общаться. Таков Приказ.

– Тогда я ненавижу ее! – в запальчивости закричала дочь Черному Монарху, и румянец сошел с ее лица.

С тех пор Смерть ненавидит Жизнь.

Приказы Великого Созвездия не обсуждаются. Тысячи лет Смерть неслышно ступала по Земле и несла Конец, а потом возвращалась к своим спискам, подготовленным на много лет вперед. Прозрачное облачко смеха больше не вылетало из ее рта, уголки губ опустились, и щеки никогда не расцветали бутонами роз.

С сестрой она не виделась ни разу. Жизнь передавала ей День Начала каждого нового Землянина через Ангела Смерти, единственное связывающее их звено. А Смерть по разработанной Великим Созвездием формуле заносила его в свой светящийся настенный список и выводила День его Конца.

Имя Землянина светилось до этого Дня, а потом исчезало из списка, уступив место новому человеку.

Формула, разработанная Великим Созвездием, называлась Аксиомой Судьбы. К ней не было доказательств,

не могло быть опровержений и ошибки по этой формуле не допускались. Эмоции, симпатии и антипатии в расчет не брались. Иногда появившееся на стене имя светилось многие годы, а иногда – сразу гасло, маленький человек уходил из жизни.

Среди этих мерцающих стен Смерть проводила свои дни. Она ни с кем не общалась и чувствовала себя одинокой. Иногда она очень нуждалась в жалости, но кто пожалеет Смерть?

Но потом притупились все чувства. Смерть перестала смотреть на Звезды, на ушедших отца и сестер, перестала искать в себе сострадание, слышать плач и стоны. Она только устала, и усталость ее была тоже бесконечной.

Однажды Смерть ослепла. Серая пелена стояла перед ее глазами. Но она по привычке спустилась на Землю. Непричесанная, седая, невидящая, она металась по пыльным дорогам восточного полушария, и оказавшиеся на ее пути города и села вымирали от чумы.

В тот период нарушилась хронология списков. Не родились Земляне, которым было суждено родиться, а умерли те, которым по Аксиоме Судьбы была назначена долгая жизнь.

– Теперь Великое Созвездие сменит меня, – с едким и колючим удовольствием подумала Смерть.

Но Великое Созвездие вызвало к себе Ангела Смерти и сказало:

– Ей нет замены. Пока есть Земля – будет Смерть.

Оно передало ей линзы, заменившие глаза и зрение восстановилось.

Прошло еще много сотен лет. Стены жилища Смерти больше не светились списками. Наступил век двадцатый и еще до того, как у Землян появились компьютеры, Великое созвездие создало для ее работы Программу, легкую и оперативную. Смерть больше не выводила вручную День Конца для каждого человека. Достаточно того, что Аксиома Судьбы была занесена в Программу, и Смерти только оставалось привести Конец в исполнение.

Но Смерть чувствовала себя глубокой старухой, давно забыла всех, и, ни о чем не мечтала. Она справлялась со своей Миссией, хотя сосредоточиться ей становилась все тяжелей.

Однажды она пришла к молодой женщине в День ее Конца. Женщина лежала на больничной койке и говорила, растворяя свои слова в тишину серой палаты:

– Я никогда не была счастлива. В детстве меня бил отчим, в юности я осталась без дома. Только сейчас я оказалась на острове Надежды, только теперь я собралась вступить в долину Любви, а болезнь скосила меня. Неужели этот маленький луч света, который я сейчас вижу, больше не будет моим? Мне холодно думать об этом.

Смерть почти дотронулась до женщины, но рука ее дрогнула и опустилась. Женщина заснула, и Смерть неслышно отошла от нее.

Что случилось с тобой? – удивился Ангел Смерти – к чему тебе эти эмоции? Но Смерть ничего не ответила. Ангел полетел с докладом о случившемся к Великому Созвездию.

Она слишком стара, – сказала Великое Созвездие, – ей не под силу одной справляться с такой работой. Вот что, ей нужны помощники... много помощников.

Ангел Смерти молчаливо и покорно слушал, а Великое Созвездие продолжило:

– Помощниками Смерти будут обычные Земляне. Но им совсем не обязательно об этом знать. Просто в силу разных обстоятельств они будут подталкивать Ожидающего к приведению Конца в исполнение. Ты будешь подбирать этих людей. Мы назовем их Проводниками.

Ангел Смерти поклонился Великому Созвездию. Он понял свою задачу.

Митька

Митька сосредоточенно изучал свои покрасневшие уши. Он промыл их спиртом, но решил, что сережки не снимет, ни за что. Слишком легко досталась бы матери победа. В правом ухе серьгу носят «гомики», в левом – остальной люд. Продев серьги в оба уха, Митька исключил любые вопросы.

– Что из тебя выросло? – безнадежным голосом сказала мама.

Митька искусственно сосредоточил лицо, сложив брови в одну дугу. При этом он продолжил активно прокусывать жвачку «Орбит» боковыми пломбами. Наконец он глубокомысленно ответил: «Что выросло, мамуля, то выросло».

В его глазах мать давно уменьшилась в размерах. Во-первых, к пятнадцати годам он обогнал ее на сантиметров десять. Во-вторых, его бесила ее слишком сладкая речь, все эти «слиха» и «бевакаша»⁴⁶ никак не подходили к резиновым перчаткам и красному халату, в которых она убирала туалеты и раздевалки спортивного комплекса для богатеньких буратиночек. На халате было написано: «услуги фирмы "Престиж"», и прилагался телефон маклерской конторы, от которой мама работала.

У Митьки же всегда четко возникали ассоциации, что по этому телефону его маму можно купить и продать.

– Я поработаю здесь временно, – пообещала мама, – все-таки нам будет легче платить за квартиру.

«Временно» она работала уже три года. Отец молчал. Это было его естественное состояние. Обычно в течение двенадцати часов он разговаривал со сварочным аппаратом и дома на маму и Митьку у него сил не хватало. А у Митьки сейчас переходной возраст. Когда его старший брат Максим был в таком критическом возрасте, родители опекали его со всех сторон. Поэтому он вырос паинькой и маменькиным сыном. У мамы, например, от любви становится совершенно ослепшим взгляд, когда Максим на выходные возвращается из своих боевых, передовых. А Митька из поговорки «в семье не без урода», выбрал себе почетную роль семейного урода и успешно справляется с ней.

В интернате он просуществовал месяц. Его били, он бил. Он бил, его били. До изучения тайн будущей хлебной специальности зубного техника он не дотянул. Когда чересчур коллективная жизнь в развитом интернатском

⁴⁶ «слиха» и «бевакаша» – «извините» и «пожалуйста» (*иврит*)

обществе надоела ему, Митька выпрыгнул в окно второго этажа, прямо в квакающий «гвалт» обалдевших лягушек, и без особых приключений добрался домой. Дома он клятвенно пообещал выбросить всю дурь из головы, учиться только на «хорошо» и «отлично», и стать паинькой, как Максим.

Но тут появилась Агнеска. Она носила на шее крест и шестиконечную звезду и красила ногти прозрачно-голубым лаком в тон помаде, и еще, она вся светилась голубым светом. Так, во всяком случае, Митьке казалось. Когда она его поцеловала в первый раз, на облезлой скамейке, в каком-то гадючном пенсионерном парке, этот парк расцвел розами. Агнеска была старше Митьки на год, а выглядела на все восемнадцать. И Митька остался при ней и при ее компании. Мамочка по-прежнему строила светлые планы в адрес его будущего, а Митька коварно – бессонными ночами мечтал завоевать любовь Агнески, а не только один ее поцелуй.

Ах, Агнеска... русые волосы, собранные гребешком над затылком, лохматые белесые ресницы, узкие ноги, обутые в джинсовые кеды, небрежная бретелька черного лифчика... Агнеска – веточка молодого дерева, Агнеска – бабочка, выпорхнувшая из цветка. Агнеска смеется, Агнеска плачет, Агнеска рассказывает уличный анекдот, и все это делает идеально.

Но Агнеска – подружка Кота, и поцеловала его она просто по-дружески, за какую-то удачную шутку, которую Митьке удалось изречь одеревеневшими губами. А центр ее Вселенной, ее Экватор и ось ее Земли – Кот. Она дышит часто и приоткрывает рот, даже если Кот просто садится рядом и по-хозяйски кладет ей руку на колено. Коту – двадцать лет, он здорово научился прикидываться шизиком и досрочно списался из армии. При этом он мускулист и накачан, все-таки – Второй юношеский по вольной борьбе. Остальная его компания: мальчики и девочки «двенадцатиклашки», пролетевшие мимо стартовой площадки аттестата зрелости.

Теперь к ним прибился Митька, которого Кот ласково называет Шкетик. Кот подкупил хорошего и умного

студента – сторожа на стройплощадке, и теперь никакая погода его ребятам не страшна. Пока дом достроят до шестнадцатого этажа, у них персональная прописка на первом. Кот спокойно оправляется в углу на месте будущего туалета и при этом рассказывает занюханный анекдот про сумасшедших, которым обещали налить воду в бассейн, когда они научатся плавать.

– Ничего смешного и даже противно, – подумал Митька, но все смеялись и он тоже смеялся.

Как локаторы перехватывают вражеские радиоволны, так ловил Кот Митькин перепуганный взгляд, брошенный на Агнеску, и подмигивал ему: мол, хороша Маша, да не ваша. И Митька понимал его, краснел и отворачивался.

А Агнеска, она улыбалась Митьке, иногда мимолетно прижималась к нему, и Митька захлебывался от ее прикосновения. Она переименовала его в «Офер» и называла: «мой олененок». Но мощная спина Кота стояла между ними, как вечная стена плача. Только плакать Митька не мог, он понимал, что женщины не любят слабых.

Сегодня позвонил Кот и выпульнул в Митьку:

– Шкетик, у меня к тебе предложение. Я знаю, что Неся тебе нравится, и еще я знаю... что ты нравишься ей, – он помолчал, чтобы произвести впечатление и продолжил, – у тебя есть редкий шанс, вроде, как выигрыша в «Лото-Миллион». Сегодня вечером она будет твоя, и обойдется это тебе всего в двести шекелей.

–Понял?

Митькино сердце находилось на взлетной полосе, а Митькины зубы стучали так сильно, что говорить он не мог. Кот выдержал паузу и сказал:

– Как расценивать твоё молчание, Шкетик? Я тебе ничего не навязываю. Просто сегодня мне нужно двести шекелей, не идти же их красть. Ты был у меня первой кандидатурой, но не последней. Так что решай.

–Я согласен, – прохрипел Митька, не узнав свой голос.

Тогда пополощи хорошо горлышко, – рассмеялся Кот, – встретимся в девять после сказки «Спокойной ночи, малыши». Бай-бай.

Митька мог не согласиться, спокойно досмотреть какой-то фильм-страшилку и пойти спать, мечтая во сне целоваться с Агнеской. Но он ответил: «Я согласен». Он ответил так, потому что очень хотел этого и от желания у него вздулись вены на руках.

– Кот сказал, что я нравлюсь Агнеске, – пытался заставить себя думать Митька, – и это я покупаю не ее любовь, а откупаюсь от него.

Осталось найти двести шекелей. Отец еще не пришел с работы. Максим не вернулся с военной базы. Он оканчивал офицерские курсы, и вся семья гордилась этим. Мама сидела за кухонным столом и переписывала чужой конспект. Она, наконец, собралась учить бухгалтерию и должна была срочно догнать уже сформировавшуюся группу.

– Мамуля, – начал издали Митька, – как у тебя дела?

– Митя, – строго ответила мама, – поговорим позже.

– А я хотел тебя что-то спросить...

– Обед на сковороде.

– Мне нужно немного денег.

– Опять диски, – возмутилась мать, – ты бессовестный, Митька, тратишь деньги на всякую чушь. Не получишь ни копейки.

Она закрыла ладонью левое ухо, чтобы продемонстрировать Митьке всю тщетность его требований.

Минуту Митя стоял раздумывая. Мамина сумка лежала в прихожей, а в ней серебрилась ее гордость, недавно полученная карточка «Визы». В первый раз, когда родители собрались ее опробовать, они взяли Митьку, чтобы он помог прочесть все указания на экране. Код маме достался удивительно простой: две двойки и две четверки.

Мама не отрывалась от конспекта. Митька быстро вынул «Визу», поглубже засунул ее в карман и крикнул: – Я сделал уроки. Пойду, погуляю.

– Не задерживайся, Митя, – пригрозила мать из кухни, – а то закрою дверь и не впусшу тебя.

– У меня ключи, – ответил он уже из коридора.

Операция по добыванию денег прошла успешно. Четыре синеньких полтинника с заумной физиономией какого-то очкастого писателя Митька свернул в трубочку. Все равно они противно шуршали.

Кот посмотрел на часы.

– Молодец, Шкетик, – сказал он, – люблю точных мужчин.

– Агнеска знает про деньги? – спросил Митька, стараясь не слышать своего голоса.

– Разве деньги женского ума дело? – удивился Кот, – Агнеска как-то сказала, что ты ей нравишься. Вот я и решил, что совмещу приятное для вас с полезным для себя. Она говорит, что ты мальчик на все «десять».

Сегодня в их явочной квартире не собралась компания. Только Агнеска сидела на соломенной пляжной подстилке, полученной за преданность банку «Дисконт». Голубой свет от контрольного фонаря пересекал проем будущего окна и освещал ее фигуру, посиневшую, словно от холода.

– Иди ко мне, – позвала его Агнеска. Митька подошел к ней и тоже посинел.

– Какой ты смешной, – сказала Агнеска – и совсем еще мальчик, даже усов нет. Она провела пальцем по контуру его губ и осторожно поцеловала в шею.

– Ну же, будь смелее, – сказала она.

Месяцами ждал Митька этого дня. И сейчас он должен был ей все сказать... Рассказать о своей любви к ее гребешку, ее кружевной бретелечке, узким стопам ее ног. Он должен был ей сказать:

– Брось этого дылдона Кота. Разве он нужен тебе? Ты боишься его, а не любишь.

Но Митька ничего не сказал. Он стоял в оцепенении от пронизывающего холодом голубого света, несколько не шокирующего Агнеску. и от ее прикосновений.

Тогда Агнеска взяла инициативу в свои руки. Она скинула трикотажную майку, И осталась в одних шортах,

ладная, миниатюрная, с загорелыми плечами и маленькой грудью, на которой золотилась ее привязанность к двум религиям.

– Можешь меня поцеловать, – подсказала ему она.

Да что он сам не знал или не хотел этого?! Он обнял ее и глубоко вдохнул простые сладкие духи, и поцеловал ее и услышал биение ее сердца, хороший здоровый ритм.

Агнеска расстегнула его рубашку и больно царапая, провела, ногтем по его позвоночнику. Уже не разговаривая, она сняла шорты и расстегнула замок на его джинсах. Загадочно улыбнулась и привлекла к себе на подстилку. И девятибалльная волна, даже вернее, цунами, от которой Митька отбивался ночами, когда думал об Агнеске, опять прибилась к его телу, напрягла его руки, покрыла кожу Мурашковой дрожью и обещала сейчас воплотиться в реальную силу...

И тут Митька услышал под окном приглушенный кашель Кота... Агнеска, виртуозно изогнувшись на подстилке и закрыв глаза, ждала продолжения. Она же видела, что мальчик на верном пути. Потом удивленно посмотрела на него. Митька, растрепанный, с обмякшими плечами неуклюже возвышался над ней, бессмысленно свесив руки.

– Что-то случилось? – спросила она

Митька, опустив голову, ничего не ответил. Агнеска, осторожно подобрав к животу коленки, высвободилась из-под него и встала.

– Значит, кина не будет, – улыбнулась ему ласковой домашней улыбкой, – это случается, когда в первый раз.

Она, одев трусики и шорты, и перекинув майку через плечо, осталась сидеть на подстилке в эпицентре голубого света. А у Митьки в ушах эхом продолжал хрипеть кашель Кота. Но Кот не заставил себя долго ждать:

– Что, слюнявчик, не долетел? – добродушно спросил он, – Значит, подрасти еще немножко.

Кот стоял высокий, широкий, басистый и довольный собой.

Ты уж извини, – подмигнул он Митьке, – гонорар не отдам. Не договаривались. Это, как в казино, купил билет,

зашел. А если продул, это уже проблема клиента. Он засмеялся удачному сравнению:

Если захочешь, слонявчик, я тебя подучу. Могу, прямо сейчас, не отходя от кассы, практический курс с Агнеской продемонстрировать и забесплатно. Или слабо?

Митька застегивал рубашку, но пуговицы не попадали в петли. Оказалось, что он одел ее наизнанку. Потом кое-как натянул джинсы.

– А ты чего выгрудилась здесь, – прикрикнул Кот на Агнеску, – одень майку.

Поднимаясь по лестнице своего дома, Митька обнаружил, что «Визы» в кармане нет. Наверное, она выпала, когда он снимал брюки.

В полночь вся трудовая Митькина семья спала. Митька заглянул в спальню к родителям. Отец лежал с открытым ртом и храпел, но мама привыкла к этому. Она укрылась с головой махровой простыней и бросила на тумбочку недописанный конспект.

В Митькиной комнате на его, не застеленной, с утра кровати спал Максим в военной форме. Накануне он получил звание сержанта. «Большой, как слон, – беззлобно сказал вслух Митька, – а себе постелить поленился». Максим вздрогнул и повернулся на другой бок.

– Максимка, – как в детстве позвал его Митька, – я хочу тебе что-то сказать.

Он хлопнул брата по спине, но Максим только невнятно промычал и накрыл голову подушкой.

– Максим, – повторил Митька. Он старался не заплакать, но две первые слезинки уже скатились по проторенной дорожке.

Максим, мне нужна твоя помощь.

– Но не ночью же, – простонал сквозь сон Максим – Дай мне спать. Утром помогу.

...А Агнеска ушла с Котом... Молча, надела майку по его приказу и ушла с ним. Сейчас, Кот, наверное, выясняет подробности Митькиного позора, потом резко повалит Агнеску на землю и продемонстрирует свои боевые способности.

Максим вздрагивал во сне и крепко обнимал подушку. Отойдя от кровати, Митька споткнулся об его рюкзак и услышал тяжелый металлический стук. Он поискал в темноте предмет падения и поднял новенький пистолет, полученный недавно Максимом.

– Какой он гладкий и холодный, – подумал Митька.

– И какой он простой и надежный, – подумал Кто-то в нем.

Чтобы не мешать никому, Митька закрылся в туалете. Он изучал полированную поверхность пистолета и уже не мог оторвать от него взгляд.

...Завтра мама обнаружит пропажу «Визы», будет думать, где она могла ее потерять, будет плакать и кричать о своей горькой судьбе и об их сплошном безденежье.

Завтра Митька встретит Агнеску и Кота в обнимку, и Кот не преминет сострить что-то типа: «Как дела, слюнявчик? Еще не набрался силенок?»

А если Завтра не наступит?

Мама забудет про все свои беды с «Визой». Агнеска ладошкой задумчиво закроет глаза, и Кот уважительно скажет: «Так он был мужик».

А если Завтра не наступит?

Митька опять погладил пистолет. Он сидел на голубой крышке унитаза и почти засыпал. Встрепенулся, когда внизу в чьей-то машине включилась сигнализация, противно-будоражащая. От ее звука заныло сердце.

Митька поискал курок и заглянул в дуло пистолета. Оно было холодное и пустое, как Митькина душа. А если нажать на курок, дуло наполнится горячим обжигающим огнем и огонь этот заполнит всего Митьку и Завтра не будет.

Он посмотрел на небо, но окно в туалете было слишком маленьким, и нельзя было рассмотреть ничего, кроме сгущенной тьмы.

Митька приложил пистолет к голове, но держать его так оказалось неудобно. Тогда он взял его в рот и, чтобы не передумать, крепко стиснул зубы.

– Как странно, – подумал он, – а что же будет Завтра?

И нажал на курок.

Над Митькиной могилой поставили памятник с портретом. На нем он выглядел совершенным пай-мальчиком, смотрел задумчиво и ласково улыбался. Мама настояла, чтобы на плите выгравировали:

ПРОСТИ, РОДНОЙ, ЧТО НЕ СМОГЛИ УБЕРЕЧЬ ТЕБЯ...

РОДИТЕЛИ И СТАРШИЙ БРАТ

Ах, если бы Митька мог прочитать эти слова, он вовсю посмеялся бы над высокопарной фразой на голубом мраморе.

Евгений Самойлович

– Илана, – доктор Реуен выглянул из кабинета, – ты мне нужна в роли переводчика.

Медсестра Леночка отпросилась раньше с работы и уже направлялась в сторону раздевалки, когда доктор Реуен позвал ее.

– Конечно, я помогу, – ответила она.

Напротив врача сидел высокий старик в коричневом костюме давно не современного покроя и напряженно молчал.

– Объясни доктору, деточка, – обрадовано сказал он, увидев медсестру – болит спина в районе позвоночника. Совсем терпеть нет сил.

Леночка перевела и успокоила старика:

– Ну что делать, дедушка. Сейчас у молодых все болит. Что же вы хотите?

– А, может, он поможет, – сказал старик.

– Может быть, – подтвердила Леночка, – он хороший доктор.

Она посмотрела на часы. Внизу, под окнами поликлиники уже должен был притормозить машину Итай, и нервничать, ожидая ее. Сегодня они едут заказывать свадебный зал и это их особенный День.

А доктор Реуен рассматривал рентгеновский снимок, который принес старик. Налицо была явная и необратимая деформация позвонков. У старика болит спина, но никто ему в его возрасте и при его больном сердце позвонки не восстановит и на новые не заменит. Возможно, какое-то местное лечение. Доктор тоже посмотрел на часы. До конца его дежурства оставалось минут сорок, за дверь в

очереди к нему сидели шесть человек, плюс этот старичок, которого прислали из кардиологического кабинета со срочным направлением.

Минуту доктор Реувен размышлял. Пациент не был его постоянным больным. Вполне вероятно, он к нему больше никогда не обратится. Но сегодня человек пришел, значит, надо помочь.

– Илана, – попросил он девушку, – сделай одолжение, Проводи больного к медсестрам. Я выписал ему укол от боли, чтобы человек не страдал. А потом пусть пойдет к своему лечащему врачу.

– Идемте, дедушка, – Леночка торопилась, но старалась говорить спокойно, – сейчас вам сделают укольчик, и все у вас пройдет.

На первой своей работе в гериатрической больнице Леночка усвоила, что со стариками нужно общаться, как с детьми. И тогда у них меньше претензий. Старик заохал и встал:

– Вот, спасибо, доктор, что помогли.

Слово «спасибо» доктор Реувен знал уже и на русском языке. Он с готовностью улыбнулся старику и крикнул в приоткрывшуюся дверь: – «Следующий».

Возвратившись домой, Евгений Самойлович тяжело опустился в кресло.

Меньше болит спина, Женечка? – спросила Анна Михайловна, его жена. Он кивнул и прикрыл глаза. От усталости ныло все тело.

Ты бы лег, – посоветовала жена.

А я так подремлю, – ответил Евгений Самойлович

Уютное кресло, теплые домашние тапочки, внимательные глаза жены... Евгений Самойлович был доволен всем. Одно грустно: далеко осталась молодость, застолья с друзьями и мускулистое здоровье его тела, которое всегда выручало. Сперва ушла за угол харьковской многоэтажки молодость, потом уходили друзья, а здоровье покидало его самым незаметным образом: когда-то где-то что-то кольнуло, потом боль сконцентрировалась под левой

грудью, затем микроинфаркт и, наконец, два инфаркта за два года.

Когда сердце загонялось в алюминиевую спираль боли, Евгений Самойлович стонал и говорил жене:

– Конченный человек я, Анюта.

А когда боль отходила, он радостно шурился и говорил совсем иначе:

– Мы с тобой, Анечка, еще потанцуем.

Танцевать он любил и умел. Танго в его исполнении – это всегда было танго, а не пародия на него, а вальс – конечно же, вальс. Даже в твисте он, уже постаревший и погрузневший, лихо натирал дубовый паркет вместе с друзьями дочери.

А теперь и это тоже ушло. Осталась вставная улыбка, полысевшая голова, длинные бессонные ночи, и двадцать часов боли в день, помноженные на тридцать таблеток от нее.

Но унывать нельзя. В субботу приедут Дина с Майечкой, и их маленькая амидаровская квартира наполнится свежими ароматами, детским смехом трехлетней внучки, которая говорит ему «саба Зеня» и строит предложения сразу на двух языках.

Жена приготовит что-то особо вкусное, они вместе отобедают. Дочь после обеда вытащит пачку сигарет, и он скажет ей укоризненно:

– Зачем тебе, Диночка, эта отравка?

А дочь, его эмансипированное дитя, махнет рукой:

– Ты прав, папа, надо бросать.

Но говорит она так, чтобы отец не нервничал, а сама курит, как солдатка на фронте.

И Евгений Самойлович, в который раз вспомнит про медсестру Сашеньку, служившую с ним в одной дивизии, которая курила, как паровоз и бросила в один день. В тот день, когда влюбилась.

– Когда влюблюсь, тоже брошу, – обещает дочь.

Для внучки Евгений Самойлович приготовит мыльные пузыри и цветные карандаши, и целый день она будет счастливая ходить за ним и просить:

– Деда, нарисуй колобка и зайчика.

Иногда, к концу субботнего дня, у Евгения Самойловича к боли в сердце добавляется головная боль, но он старается держаться. Тогда дочка, всегда все замечающая по его глазам, решительно заявляет:

– Все, родители. Я вас оставляю с миром, до следующих выходных.

Жена суетится, упаковывает Дине пироги с мясом, грибами, картошкой. Внучка шумно прощается. И они уезжают в Тель-Авив, где Дина готовит докторат в университете и снимает квартиру пополам еще с одной феминисткой.

Нет у нее счастья, – потом сокрушается жена. Но Евгений Самойлович не соглашается:

Нет, Анечка, это не так. Она счастлива, только по-своему. Он хорошо чувствует дочь.

Но сейчас в квартире тишина. Жена вяжет Майечке жилетку, и они молчат. Молчать слаженно надо тоже уметь, а они за сорок лет научились этому. А, главное, отошла боль в позвоночнике и не болит сердце.

– Волшебный укол выписал мне этот доктор, – подумал Евгений Самойлович и задремал в кресле. Жена заботливо укрыла его...

...А во сне он встретился с мамой. Как давно они не виделись, и черты ее лица за годы словно смазались кистью. Но он сразу узнал маму, потому что она улыбалась своей улыбкой, улыбкой которой теперь улыбается Диночка. И не было ему страшно ее встретить, а хорошо и спокойно.

– Сынок, – сказала она, – ты не видел папу? Я давно его ищу, но не нахожу нигде. Мне очень нужно ему что-то сказать. Ты бы помог мне поискать его, Женечка.

– Хорошо, мама, – ответил Евгений Самойлович. Он был безотказным сыном. И проснулся...

– Я долго спал? – озабоченно спросил он жену.

– Часа полтора, – ответила жена, не отрываясь от спиц. Она рассчитывала количество петель для узора.

– Я никого не звал во сне? – спросил Евгений Самойлович.

– Нет, – пожала плечами жена, – ты спал и даже улыбался.

– Ну и хорошо, – ничего не объясняя, сказал он.

Через несколько дней в результатах анализа крови Евгения Самойловича были обнаружены критические изменения – отказывали почки. Лечащий врач, доктор Глузман не мог сдержать удивления:

– Что случилось, господин Красницкий? Вы нарушили курс лечения, который вам прописан?

– Да ничего он не нарушил, – заступилась жена, – я за этим слежу.

Доктор Глузман развел руками:

– Не могу понять, что могло так изменить картину крови. Стандартное лечение, вам оно подходило, а ничего нового я не прописывал.

Евгений Самойлович вдруг вспомнил про укол «вольтарена», выписанный ему от боли врачом-ортопедом.

– «Вольтарен»? – нахмурился доктор Глузман, – но его нельзя комбинировать с таблетками от сердечной боли, которые вы принимаете. «Вольтарен» категорически вам противопоказан. Он спровоцировал у вас почечную декомпенсацию, а с вашим сердцем это критично. Нужно срочно госпитализироваться.

Завтра, – сказал Евгений Самойлович – не люблю я понедельник, день тяжелый.

А вечером позвонила Дина и прокричала в трубку: «Родители, спасайте! У Майки ветрянки. В садик ее не принимают. Няньку срочно не найти. У меня два дня отчетных лабораторных работ плюс вероятные серьезные изменения в личной жизни».

– Диночка, – начала Анна Михайловна – у нас тут тоже возникли... Но Евгений Самойлович не дал ей договорить и забрал трубку:

– Приезжай, доця, мы тебя ждем. И свое Изменение вези тоже.

– Изменение привезу в следующий раз, – пообещала Дина.

Анна Михайловна возмутилась:

– Ты сошел с ума, Женя. Заниматься ребенком сейчас невозможно. Я должна быть с тобой в больнице.

– Знаешь, Аня, – сказал Евгений Самойлович, – я подумал, что Диночке больше помочь некому. А больница, она ведь никуда не убежит и через два дня.

– Ты играешь с огнем, – предупредила Анна Михайловна, удивительным образом привыкшая всегда соглашаться с мужем.

Но он только улыбнулся.

Майя вела себя великолепно. Не сопротивлялась, когда бабушка разукрашивала ее ветряночное личико белой, похожей на краску, жидкостью, и почти с удовольствием принимала жаропонижающее. Дина позвонила, что она раскрутилась с делами и приезжает за ребенком.

А Евгений Самойлович с трудом передвигался по комнате. Его щеки впали, нос вытянулся, и только глаза теплого коричневого цвета играли под неброскими ресницами.

– Сегодня Дина заберет Майю, и мы едем в больницу, – предупредила его жена и тяжело вздохнула. – Ах, если бы тебе не укололи этот злосчастный «вольтарен».

– От судьбы не уйдешь, Анечка. Она тебя везде догонит, – сказал Евгений Самойлович и подумал, что однажды он вышел на одну дистанцию со смертью и обогнал ее лет на пятьдесят. Тогда, в сорок первом, рухнул мост, по которому они пытались вырваться из кольца блокады. Машина, которую он вел, ушла под воду, и из пятерых солдатиков спасли только его.

А сейчас... разве дело в «вольтарене»? Просто он опять увидел сегодня маму. Она укоризненно качала головой и сказала:

– Ты стал необязательным, Женечка. Ты никогда таким не был.

– Я иду, мама, – ответил он и упал около дивана.

– Женя! – Закричала жена, бросившись к нему, – но губы Евгения Самойловича потемнели и глаза застыли, ничего не видя.

– Женя, Женя, Женя!!!

Дина ехала по мокрому шоссе рядом с машиной скорой помощи и разгоняла «дворниками» дождь. В какой-

то момент «скорая» с включенной сигнализацией проехала на красный свет, и Дина оказалась за ней.

– Какой противный и нервный звук, – подумала Дина. Но машина уже свернула к дому ее родителей и Дина, по непонятной себе причине, выключила радио и прибавила скорость.

Папу Дина не застала. Она ехала рассказать ему, что влюбилась без памяти, как его легендарная медсестра Сашенька, и готова вступить в любое общество антикурильщиков. Он бы обязательно обрадовался.

Это была первая Смерть в Дининой жизни. Пахло нашатырем, которым приводили в чувство Анну Михайловну. Вокруг суетилось множество знакомых и незнакомых людей, но папы не было. Он уже никогда не скажет ей: «Ты, моя Динка», и она не уткнется в плечо его старомодного пиджака.

Дождь окончился. Небо облаками промокало слезы, а над морем выкатилась однобокая радуга. Дина зажмурилась, пытаясь оторваться от ирреальности происходящего, а радуга, раз и навсегда четко построенная по детской формуле: «Каждый Охотник Желает Знать, Где Сидит Фазан» вдруг анархично распалась на миллион красных, оранжевых, желтых, зеленых, голубых, синих, фиолетовых искорок, и все небо заполнилось ими.

Евгений Самойлович этого не видел. Он шел по бесцветному коридору, в конце которого его ждала мать.

– Папа, – прошептала Дина в открытое окно, – мне нужно было тебе так много сказать...

Но отец не ответил. Он не хотел, чтобы Дина услышала его голос, из слишком Далекого Далека, и бросилась догонять.

Эпилог «Продолжение следует»

Смерть теперь редко спускалась на Землю. Она была слишком стара, а Вечность все не кончалась, и надо было экономить силы. Ангел успешно подбирал Проводников, оставляя ей лишь право приведения Конца в исполнение.

Зачем в этот день она спустилась туда? В знойный и отвратительный ей азиатский климат. Зачем заглянула в полуоткрытое окно?

На гобеленовом диване сидела молодая женщина с погасшим лицом, словно кто-то выключил в ней свет, а пришло утро, и его забыли включить. Ее глаза, не видя, были сосредоточены на орнаменте диванной подушки.

Женщина повторяла одну и ту же фразу, беззвучно падающую в пустоту:

Его нет. Я не верю, что его нет. Потом добавила: – Я не могу с этим жить.

Сможешь, – сладко подумала Смерть, – ты не в моих списках. А жалость, как и жизнь – понятие временное. И только Я – Вечна.

Смерти стало не интересно, потому что слишком банально разыгрывался все тот же сюжет статичной скорби по близкому. Тысячи лет назад она перестала этому внимать и уже собралась покинуть наскучившее окно третьего этажа. И вдруг Смерть увидела, что женщина в комнате не одна. В углу за детским столиком сидела маленькая светловолосая девочка и разрисовывала тигра зеленым карандашом. Зеленый тигр был похож на лягушку и выглядел жалким. Казалось, девочка не слышит матери. Она все время слюнявила карандаш, и тигр на картинке получался бывшим утопленником. Но вдруг она подняла голову и сказала:

– Не плачь, мама. Дедушка умер, и он в больнице. А когда его вылечат, он придет домой.

Девочка была совсем маленькой и простодушной. Она бросила рисовать и устроилась у мамы в ногах. Не умея жалеть ушедших в Конец, она стала наивно жалеть мать: дергать ее за халат и снимать с ног тапочки. Но мать, замкнутая в мертвом пространстве, очерченном погасшими глазами, не замечала этого.

Тогда девочка подкралась и со всей силы крикнула маме на ухо:

– Дедушка умер, но он скоро придет из больницы.

Наконец, услышавшая ее мать наградила девочку шлепком и та, скатившись с дивана, горько заплакала, потому что нашла причину для плача – болела попка. И женщина, у которой «включились глаза», заплакала вместе с ней.

И вдруг Смерть вспомнила себя озорной и смешливой, с завитком над виском. Воспоминание это затуманило ей взгляд, но и сквозь желтый туман она видела, как мать обнимает девочку, и уже вместе они плачут над фотографией седого человека.

Эти женщина и девочка плакали над тем, что Смерть уже тысячи лет плакать не могла. Они жалели друг друга и грелись от общего тепла. А Смерть была одинока, и ей не было Конца, и не было конца ее одиночеству.

Она отправилась на кладбище и брела между мрамором и гранитом, между выгравированными именами и портретами ушедших. Город скорби, а Смерть – его единственная королева...

– Будь проклято, Великое Созвездие! – прокричала Смерть в шифоновое небо, – Я проклиная тебя, как проклинаяют меня в каждом доме, в который я вхожу!

Я больше не могу нести этот груз.

И она упала на землю между могилой кучерявого мальчишки-подростка, застрелившегося из пистолета брата и седого мужчины, умершего от разрыва сердца. Она думала, что больше никогда не сможет встать, но прилетел Ангел Смерти и унес ее в их дом в Главном Тупике.

Она отдохнула и вернулась к работе, которой никогда не приходит Конец.

Елена Матусевич

Мужской разговор. Рассказы

Циля

илечка, душечка, ты ли это? А какая была девушка, о, вы не знаете, вас тогда не было. Да лучше бы вас и совсем не было, прости Господи. Какая была девушка, статуэточка, гордость наша, а волосы какие, наши волосы, нет теперь таких волос как были у нашей Цилечки. А умница какая, грамотная, и по-русски и по-английски умела, да. Это уж потом, прости Господи, был этот. Любил тебя, да, врать не буду, еще бы он тебя не любил! Этому болвану такая умничка досталась. Хороший был человек, любил тебя, опять же, но какой дурак! Глуп был немилосердно, бедняга. А каково это терпеть умной женщине? Все ради детей, ради детей, известно. И где теперь эти дети? Лицом-то они наши, как будто и не было этого, прости Господи, хорошего человека, а вот тем на чем лицо крепится, все как есть в отца. И как больно тебе было это видеть, Цилечка, душечка, что дети-то твои...

– Подумать только, какая обида, оба глупы как пробки.

– А не надо выходить замуж за дураков! Я тебе говорила.

– Так, Феня, помилуй, кто же знал?

– Да ты и знала, с твоим-то умом?

– Слушался он меня, ни в чем не перечил.

– Тебе поперечишь...

Сын-дурак женился дважды, оба раза на полных дурах. У дочери, дуры, невыносимой иногда даже любящему отцу-дураку, была два мужа. Первый не вынес ее глупости и ушел (о позор тебе, всемогущая Циля!), а второго

еле выносит даже такая дура как твоя дочь. Глуп, глуп безбожно. А уж внуки и правнуки, прости Господи, (это про них я говорил, что лучше бы их и вовсе не было), Цилечка, что же это такое? И глупость, и дурная привычка вступать в брак с дураками стали передаваться по наследству! Глупые гены сильнее умных, это ясно уже из того, что дураков на свете намного больше. Один неверный шаг умного человека и целые поколения потомственных идиотов! Вот она, страшная месть забитого капитана первого ранга.

И ведь учила, таскала и натаскивала, репетиторов нанимала, и пианино, и английский, сколько бессонных ночей, взятки, унижений и криков. А тебя-то вот никто не учил, да и кому было тебя у нас в местечке учить? Ты же не мальчик, тебе школы не положено было. Все сама, все слету, все в полете, Цилечка тут, Цилечка там, красавица ты наша, умница, ничего не боялась, ничего не стеснялась, везде пройдет, всего добьется, за всех за нас, пролезет, соблазнит, уговорит, голову заморочит и добьется, все равно своего добьется. Расступись. Выпустили вас, детей революции, как чертей из табакерки, та еще табакерочка была, Российская империя. Вы, как адские пружины, развернулись энергией предков, всех этих копошащихся нищих местечек, задыхающихся, удавленных собственными талантами и не находящим себе выхода честолюбием, презираемых людишек, и вдарили радостно и разом. И чего вам было жалеть? Все это было не ваше, вам это ясно, кажется, объяснили! Бешеная энергия взбаламученного гетто без разбора изрыгала революционеров, поэтов, палачей, любимых композиторов и народных артистов. Там, между Утесовым и Бернесом, которые, естественно, приходились ей родней толи через дядю Осю толи через тетю Фиру, явилась на свет и Цилия. И не хуже, а лучше других.

Всего этого Цилечка не понимала, не знала, она не рассуждала, чтобы рассуждать, надо иметь капитал, Господа! Цилия не управляла энергией, энергия управляла ей. Она действовала, всегда только действовала, делала карьеру за себя, за мужа, за детей. За первого зятя, за второго зятя, за сына второго зятя, этого недоумка, который вечно пúсал мимо унитаза, за сына, за первого внука, за второго внука, за

первого мужа внучки... На второго мужа внучки тебя не хватило, так и остался дураком без диплома. А музыкальная школа внучки? Это у тебя были и слух, и гибкие пальцы, а в ней и капли от тебя не осталось, она и лицом и всем остальным пошла в того самого зятя, который вытер об тебя ноги! И ее не приняли, несмотря на испорченное долбежкой детство, угрозы и лучших репетиторов, твою внучку не приняли в Консерваторию, Циля!

А муж, которому вечная Циля одновременно и сделала и испортила карьеру! Испортила тем, что была Цилей, да еще и Давыдовной, да еще с этим неприличным адским акцентом (ну что это за имя такое в самом деле? Нечто среднее между килькой и цаплей). Все это теперь никуда не годилось. Гегемон опомнился и резко пожалел, что выпустил на волю всю эту местечковую шваль, молниеносно, с прямо-таки сверхъестественной скоростью, превратившуюся в докторов наук, академиков и директоров всех картин на Мосфильме. Мужу даже тактично предлагали жениться на дочке замполита в обмен на повышение в должности. А сделала тем, что он дослужился хотя бы до капитана первого ранга. Но чего ей стоили все эти рефераты и переэкзаменовки по стратегии и тактике! Свою некомпетентность в этих и других дисциплинах ей приходилось компенсировать ненавистными бережливой Циле зваными обедами, когда принесенное гостями вино заедалось, в основном, камнем ложающимися в желудке пирожками с рисом, приготовленными на самом дешевом жире. И опять рефераты, репетиторы, крики, бессонные ночи, обеды, гости, взятки, унижения...

А теперь Циля, седая и неподвижная, лежит на спине в своей квартире. Скоро придет преданная дочь. Остальные даже не звонят. Она, видишь ли, им испортила жизнь! Что там было портить? Они не оценили ее битвы, ее жертвы, ее мученичества ради них – неблагодарных, бесталанных, бестолковых! Они хотели жить своей головой! Да она всегда на всех была одна, эта голова. Одна голова среди головешек испепеленной Цилей семьи.

Она не умела умереть. Эта вечная живучесть, столь унижительная и всегда особенно цепкая в старости. И все-

таки она умерла бы, но заботливая дочь, из одного чувства долга, добилась стимулятора. Теперь он одиноко и бессмысленно стучал в почти мертвой Циле. О, насмешка судьбы! Теперь, когда ей, наконец, не стало до них дела, когда их бессмысленные лица расплылись в памяти и когда времени, благодаря стимулятору, стало сколько хочешь, она уже не сможет сделать того, чего ей так хотелось, одного этого ей только и хотелось, всю жизнь – сесть и снова почитать Диккенса в подлиннике, как тогда, когда она была Цилечкой, самой-самой, не хуже, а лучше других, и когда их всех, прости Господи, еще не было на свете, провалились они все пропадом!

Мужской разговор

Подслушан на детской площадке в Петербурге, весной 2005. Скамейка, бутылка, два пластиковых стакана и двое приличных молодых людей.

Ну, давай.

Ага

Ты будешь?

Не, я уже

А ты?

А я – не это.

А чего так?

Да ну!

Ну, в общем-то, да.

Ну, так ведь и я говорю.

Ну, так и что?

Ты – про это?

Ты если не хочешь, не говори.

Да нет, почему? Я нормально.

Долгая пауза

Красивая?

Ну...

Ааа!

Да я и сам знаю.

Давно?

Да не...

Так ты сам?

Ну

А чего?

Да так... А что было делать?

Ну, это да.

Давай, еще по одной?

Ага

Только ты это, так-то сильно не надо, чего теперь!

Да не, я ничего, я нормально.

А там?

Ну, там, сам понимаешь

Ну да, это ясно. Я и сам...

Да я помню.

Ну

Ну, ты точно нормально? А то, я это, если что, то, пожалуйста.

Да не, ты только... никому об этом. Это я только тебе рассказал.

Ну.

Этот

(рассказ пожилого чеченца)

Думал сам, своими руками... Эх. Привели его нам, мол, нате, рвите. Стоит. Говорит, не он. Он, не он... Наши тоже были не они. Чистые были, хрустальные. Вообще ни при чем. Смотрю на него. Ну что я с ним? Кого они к нам присылают? Спрашиваю: отца нет, матери нет, то есть, оба есть, ясно, но он детдомовский. Из интерната. Это похоже, этих и шлют. После детдома напрямиком в армию, потом или в армии останется, если выживет (а они выживают лучше домашних, после детдома-то), или на зону. Да это все одна зона: детдом, армия, тюрьма. Его командир на траву обменял. Такого не хватятся, а хватятся, так чеченцы-злодеи в рабство увели, в яме держат.

Страшен. Такого убить, ему еще одолжение сделать. То, что его в жизни ждет, пострашнее будет. Мараться только неохота, да и что с него возьмешь? В нем и так жизни немного, так, мертвородец. В прыщах весь, худой, голова какая-то кривая, низкий. Он же не понимает ничего, только боится и ненавидит, сейчас боится, потом ненавидит, сейчас ненавидит, потом боится. Иди, говорю. Стоит. Не

верит, что ли? Иди, иди, не нужно тебя, дурак, пошел. Повернулся, стоит. Тут дошло до меня. Ведь за него уже заплачено, куда ему идти? Наши все же прибить его хотели, но когда до дела дошло, никто не нашелся. Твой он, говорят, раз за твоих тебе достался. Ну и бросили мы его, как будто нет его. Что ему рабство? Он в рабстве родился. Так и остался у нас в ауле, сначала прятался, не уходил, но и на свет не вылезал, как-то питался. Отъелся даже. Прыщи на солнце зажили. Мы народ не жалостливый, брезгливый. И потом, такому дай возможность, нелюдь ведь. Так и жил, ни кот, ни собака, и не гладили, и не пинали. Привыкли к нему, замечать перестали. Столько лет. А потом, когда мир пришел, прогнали мы его. Отвечать за него неохота было. Плакал, некуда ему идти, своих боится, от побоев отвык. Обменяли его обратно, никто ничего не помнил уже, командира его перевели, обошлось. Представьте, я и имени его не скажу, потом как не помню, может, и не знал никогда. Наши его кавказским непленником прозвали. А я просто: этот.

Ури Андрес

Шекспир и его герои

*Весь мир есть сцена и все мужчины
и женщины лишь актеры, у которых
есть свой момент появления и исчезновения.*

Шекспир «Как вам это понравится»

наши дни Стратфордская школа шекспироведения возобладала почти полностью в признании Шекспира бесспорным автором всего знаменитого литературного наследия. На протяжении четырех столетий она утверждает, что 37 самых великих пьес и 154 самых прекрасных сонета, созданных гением в Елизаветинской Англии, были написаны Уильямом Шекспиром из Стратфорда. Этому не помешал зияющий недостаток обычных для писателей прошлого фактологических и текстологических доказательств, подтверждающих их авторство свидетельствами заслуживающих доверия современников, наличием бесспорных рукописных и других материалов, связывающих писателя с его творениями.

О личности Уильяма Шекспира достоверно известно многое. Он родился 23 апреля 1564 г. в Стратфорде на Эйвоне, небольшом городке в 35 км от Бирмингема, в семье ремесленника (его отец изготавливал перчатки и торговал различными фермерскими товарами, впоследствии был избран членом муниципалитета и судебным администратором города). В 18 лет Уильям женился на Анне Хатвэй, бывшей на 8 лет старше него. У них было трое детей. В 1585 г. В 1589 г. Уильям покинул Стратфорд, а появился в Лондоне, где стал актером в театре Глобус. В 1612 г. Уильям вернулся в Стратфорд, где занялся бизнесом

и торговлей. В 1616 г. он простудился и умер в день своего рождения.

В наши дни, каждый интересующийся культурой, турист, прибыв в Англию, посещает город Шекспира. В Стратфорде Англия демонстрирует пять домов, в разное время принадлежавших семье Уильяма Шекспира. Дом Мэри Арденс, в котором провела детство мать Уильяма, дом, в котором Уильям родился и провел первые 5 лет жизни, дом жены Уильяма Анны Хатвэй с ее прекрасным садом, Холл Крофт – дом старшей дочери Уильяма Сусанны и ее мужа – известного в городе доктора Джона Холла и, наконец, Нэш Хауз – дом первого мужа внучки Уильяма, на месте которого стоял сгоревший Новый Дом, в котором в 1616 году Шекспир умер. Это впечатляющая экспозиция реалий не оставляет сомнений в существовании Уильяма Шекспира, которого нация и мир вслед за стратфордцами считает величайшим поэтом и драматургом, когда либо писавшим на английском языке. Авторство Уильяма Шекспира подтверждается авторитетом королевского дома. В 1879 г. в Стратфорде был открыт Королевский Шекспировский театр и создана Королевская Шекспировская Компания, финансируемая из государственного бюджета. Компания имеет свои театры в нескольких городах Англии.

Однако есть сомневающиеся в авторстве Уильяма Шекспира. Им не дают покоя не только отсутствие достоверных литературных свидетельств, но сама личность мастера слова. Вызывает сомнения недостаток в его образовании, отсутствие информации о его расширяющих интеллектуальный горизонт путешествиях, противоречие между следующим из пьес детальным знанием придворного этикета и далеко не аристократическим происхождением Уильяма. Его жизнь горожанина небольшого городка, бизнесмена, актера, ростовщика, инвестора, театрального импресарио, никак не согласуется с жизнью великого поэта и драматурга.

Стратфордская версия авторства Шекспира основана почти целиком на трогательном стихотворном посвящении драматурга Бен Джонсона, современника Шекспира,

опубликованном во введении к, напечатанному после смерти поэта в 1623 г., Первому Фолио, содержащему почти все пьесы великого драматурга. Посвящение озаглавлено *В память моего дорогого друга, Автора, Господина Уильяма Шекспира*. В нем он называет Шекспира Лебедем Эвона. И это, практически, все, что связывает Уильяма Шекспира с приписанным ему литературным наследием. Привлекает внимание особая подчеркнутость факта авторства в посвящении, которая в данных обстоятельствах необычна. Казалось бы, что вполне достаточным является авторское имя Уильяма Шекспира на титульном листе книги.

Главными причинами сомнений в личности автора является непреодолимый разрыв между известными фактами жизни Уильяма Шекспира и широтой образования, знакомством автора драматургического и поэтического наследия с классической литературой, достижениями астрономии и других наук, его знанием права и законов судопроизводства. Уильям Шекспир не был студентом ни одного из университетов страны. Не существует никаких следов посещения и детального знакомства Уильяма Шекспира с городами Италии, о которых автором написано 9 из его 37 пьес, страны, в которой великий поэт и драматург и все образованные англичане почерпнули идеи европейского Ренессанса.

Огромный словарный запас поэта и его мастерство владения языком, а главное глубина и сила его мышления плохо согласуется с известными фактами жизни Уильяма.

Чаше других сомнения высказываются писателями, хорошо понимающими механизм творческого литературного процесса. В авторстве Уильяма сомневались Чарльз Диккенс, Ральф Уальдо Эмерсон, Уолт Уитмэн, Владимир Набоков, Джон Голсуорси. Сомневались актеры театра и люди кино, Чаплин, Орсон Уэллс. К сомневающимся принадлежат и некоторые ведущие актеры самой Шекспировской компании, такие как сэр Джон Гилгуд, и ныне живущие сэр Деррик Якоби, Марк Риланс, Майкл Йорк.

Генри Джеймс сказал, что «меня преследует убеждение, что божественный Уильям есть величайший и

самый успешный обман терпеливого мира». Марк Твен опубликовал в 1909 г. книгу «Умер ли Шекспир?», в которой, касаясь недостатка знаний об авторе, писал что «Сатана и Шекспир – самые известные среди неизвестных персон, когда либо существовавшие на нашей планете».

Среди исследователей возник ряд имен возможных и более вероятных авторов классического наследия. В их поддержку появилось множество работ текстологов, исследователей эпохи, собирателей биографических доказательств.

Сомнения были и относительно единственности автора, однако работы многих текстологов убедительно показали, что всё, приписываемое Шекспиру, написано одним и тем же мастером.

Однако для Нации не столь важно, какому из ее сынов принадлежит мировая слава, а наличие на нее многих кандидатов нарушает традицию поклонения гению, вносит хаос в ритуал его обожания. В этой связи Томас Элиот заявил, что «честная критика и бережный подход направляется не на поэта, а на поэзию», как бы говоря: забудьте думать об авторе и восхищайтесь поэзией!

Для национальной славы знание настоящего имени и жизни автора не так уж и важны. Есть немало интересных и любимых писателей, полностью укрывшихся за своим *nom de plume*, или, открыв свое имя, утаивших от читателей факты своей жизни. При этом их творчество не вызывает проблем интерпретации. Однако для гения шекспировской величины знание фактов его биографии имеет громадное значение. Интерпретация его произведений без знания важных событий его личной жизни и жизни его друзей, круга идей, владевших людьми его среды, без ощущения смысла, вкладываемого автором в свои слова, теряет важный якорь их понимания, оставляет профанам свободу обесценения его шедевров, их превратного, пустого истолкования на потребу невзыскательного зрителя. Достаточно вспомнить, нашумевший в 1968 г. и удостоившийся 4-х Оскаров, включая Оскара за режиссуру, фильм флорентинца Франко Зеферелли о Ромео и Джульетте. В нем драма всепобеждающей ненависти

растворилась в бесконечном балетном фехтовании и любовном танце красиво разодетых молодых актеров на фоне залитого солнцем итальянского средневекового пейзажа с замками.

С прошедшими столетиями сомнения и поиски более вероятного автора не умирают. Вот пример из российского поиска кандидата на авторство. В то время, как организованная в 1975 г. Шекспировской Комиссии Российской Академии наук придерживалась стратфордской версии авторства, Илья Михайлович Гилилов (1924-2007), бессменный секретарь этой комиссии, опубликовал в 1997 г. нашумевшую книгу *Игра об Уильяме Шекспире или тайна великого феникса*, в которой приведены тщательно обоснованные аргументы в пользу коллективного авторства сэра Роджера Мэннерса – Пятого эрла Ратленда и его жены Елизаветы Сидни, дочери известного придворного поэта, дипломата и воина, погибшего в сражении Филиппа Сидни.

Оба этих автора давно значились в списке вероятных кандидатов. Мэннерс, елизаветинский аристократ и интеллектуал, после учебы в Оксфорде и Кембридже продолжил свое образование в университете Падуи вместе с английскими одноклассниками господами Гильденстерном и Розенкранцем. Мэннерс, умерший в возрасте 36 лет, был членом дипломатической миссии в Данию и был известен рядом литературных мистификаций.

Умерший в 1987 г. Кальвин Гоффман, американский писатель и театральный критик, приводит многочисленные детальные текстологические и биографические доказательства в пользу авторства, приписываемого Шекспиру литературного наследия, Кристофера Марлоу. Он утверждал, что этот известный Елизаветинский драматург и поэт вовсе не был убит в Депфорте 1593 г. в возрасте 29 лет а, бежав из Англии, нашел убежища во Франции и Италии, где и написал все, что приписано Шекспиру.

Оксфордские шекспироведы и Зигмунд Фрейд убеждены, что автором был 17-й эрл Оксфорда Эдвард де Вере, образованный аристократ и способный поэт, у которого был конфликт с еврейским ростовщиком Майклом Локом относительно «3000 дукатов».

Попытки найти подлинного автора великой английской драматургии и поэзии продолжают и в наши дни. В пользу авторства Де Вере высказывается Курт Крейлер (Kurt Kreiler), известный германский исследователь Шекспира, опубликовавший в конце 2009 г. объемистую (595 стр.) монографию *Человек, который изобрел Шекспира*. На основании анализа известных писем и литературных работ Де Вере Курт Крейлер демонстрирует сходство его стиля со стилем Шекспира (Shakespeare). Он также указывает на прозвище Де Вере – Спиршейкер (Spearshaker), что является немаловажным аргументом в пользу идентификации Де Вере.

Эрл окончил курс в Кембридже в возрасте 14 лет и продолжил образование в Италии, где изучил итальянский язык, литературу и юриспруденцию, получив степень магистра Права. Естественно, что Де Вере был хорошо знаком с нравами аристократов.

Крейлер убежден, что «Венецианский купец», «Ромео и Джульетта» и «Юлий Цезарь» написаны Де Вере и что «Гамлет» является почти автобиографической пьесой из жизни эрла Оксфорда. Образ Полония в ней есть пародия на отца жены эрла Уильяма Сесила, лорда Барли.

Один из наиболее интересных современных шекспироведов, профессор Колумбийского университета Джеймс Шапиро, исследовал исторические события, нашедшие отражение в пьесах Шекспира. В своей второй книге о великом поэте, «Contested will: Who wrote Shakespeare?»¹, также опубликованной в 2009 г., Шапиро коснулся аргументов сомневающихся в авторстве Уильяма Шекспира. Не отрицая оправданности сомнений он выдвинул неубедительную гипотезу, по которой недостаточность опыта Уильяма, являющуюся основой неверий, могла бы легко быть компенсирована чтением книг, поскольку исторические факты, послуживших основанием пьес-хроник, были описаны и комментированы в доступных изданиях того времени. Шапиро полагает, что при наличии воображения возможно восполнить всё, что

¹ Спорное завещание: кто написал Шекспира?

познается через опыт и образование. Возможно, что сомневающиеся просто не понимают «мистики литературного творчества», заявил Шапиро.

Марк Твен и ряд других исследователей убеждены, что автором приписываемых Шекспиру пьес и поэзии является Френсис Бэкон, известный елизаветинский философ, ученый, юрист, государственный деятель.

Однако детальный анализ возможного авторства вышеназванных кандидатов неизбежно наталкивается на непреодолимые противоречия, не давая достаточно веских доказательств ни одному из кандидатов и не позволяя надежно исключить из них Уильяма, неизбежно оставляя в силе имя Шекспира.

Но и на перечисленных именах список кандидатов не заканчивается. Существуют исследователи, убежденные в том, что под именем Шекспира выступал Уильям Стэнли эрл Дерби и даже сама королева Елизавета.

Королева любила и поддерживала театры, публика их обожала, но пуританская и англиканская церкви боролись с актерами и обвиняли театр во вредном влиянии на нравы, в богохульстве, в кощунственном переодевании мужчин в женское платье, поскольку женщинам запрещалось выступать на сцене.

В 16-м столетии Лондонская Корпорация вела беспощадную войну с театрами, объявив их местом беззакония, дебошей, насилия, помех городскому транспорту, рассадником сомнительных таверн и проституции, возникающих вокруг театров, а главное – зоной распространения эпидемии чумы.

Среди аристократии театр считался вульгарным видом искусства, и ее члены не были склонны обнаруживать свой интерес к нему. Отсюда возникло предположение о скрывающем свое имя титулованном авторе шекспировских пьес.

Кто бы не был этим гением театра, называемым сегодня Шекспиром, созданные им образы пережили столетия и существуют независимо от сомнений в личности их создателя. Автор был великим знатоком человеческих душ, гуманистом и редким для своего времени человеком,

лишенным расовых предрассудков, писателем объявшим противоречивость своих персонажей, сделавшим убедительными двойственные голоса своих героев, описавшим в своих творениях сосуществование альтернативных миров.

В судьбах многочисленных и разнообразных характеров пьес, мастерски обобщенных без потери реализма и правдивости, концентрируются драматургический анализ поведения людей в различных критических ситуациях человеческой жизни.

Уже более четырех столетий шекспировские образы живут среди нас, заставляют размышлять над их чувствами, мыслями и поступками. Образы Гамлета, Клавдия и Офелии; Ромео Джульетты, членов семей Монтеки (Монтегю) и Капулетти, Меркуцио и Тибальдо; Короля Лира и трех его дочерей; Фальстафа; Просперо; Макбета, Леди Макбет и короля Данкена; черного венецианского генерала Отелло, Яго и Дездемоны; еврея Шейлока, Антонио, Басанио и Порции известны читающей публике во всем мире.

«Ромео и Джульетта» – пьеса о непобедимой силе ненависти. В Вероне между членами клана Ромео и клана Джульетты существует давняя незатухающая вражда. Ее олицетворяет жаждущий крови родственник Джульетты Тибальдо. В уличной схватке Тибальдо убивает Меркуцио, друга Ромео. В ответном поединке Ромео убивает Тибальдо, и ненависть кланов получает кровавую подпитку. Несмотря на вражду кланов, юный Ромео и четырнадцатилетняя Джульетта полюбили друг друга. В Вероне возникает надежда, что любовь молодых людей приведет к забвению вражды кланов. Но Шекспир не тешит зрителей пустой надеждой. Он знает, что человеческая ненависть сильнее любви. Великий знаток человеческих душ не следует либеральному христианскому тезису о природной доброте человека. Трагедия заканчивается смертью героев.

«Гамлет» – бесспорно самая великая из написанных для театра пьес. Эссе о Гамлете писали, Гёте, Кольридж,

Гегель, Ницше, Тургенев, Фрейд, Элиот, Азимов, Деррида и многие другие. В ней речь идет о трудном выборе человеком долга своего пути в лабиринте жизни, где торжествует Зло. Столкнувшись с ним, вернувшийся из университета принц Гамлет размышляет, следует ли ему выйти из лабиринта, где коварный враг, используя вероломство и преступные методы, неизбежно побеждает, оставив поле сражения, «умереть, иль может быть заснуть». Альтернативой является вступление в битву и неизбежность прибегнуть к грязному оружию врага.

Отчаянье Гамлета перед триумфом Зла созвучно с мотивом знаменитого 66-го сонета Шекспира.

История датского принца далеко выходит за рамки жанра елизаветинской трагедии реванша. «Трагедия датского принца Гамлета», является не только величайшим шедевром драматургии, но и одной из самых совершенных и глубоких литературных попыток создания образа идеального героя, человека, каким он должен быть, по мнению автора.

Прошло уже более четырех столетий со времени публикации пьесы о Гамлете, трансформировались нравы людей и нормы морали, углубились знания человеческой психологии. Однако ни актуальность проблемы Гамлета, ни признание моральной силы этого молодого человека не утратили своей силы. Не уменьшилась и необходимость борьбы с меняющим формы Мировым Злом и неразрывно связанная с ней трудная проблема выбора эффективного, но не загрязняющего руки, оружия.

Гамлет оставил двор своего отца – датского короля, став студентом знаменитого Виттенбергского университета, с именем которого связана Реформация 16-го столетия и имя его выпускника – Мартина Лютера.

Гамлет (так же, как и его создатель), агностик, не верящий в вечную жизнь. Он в курсе современной науки и литературы. В связи со смертью отца принц возвращается домой, где его ожидает беззаботная, придворная жизнь наследника престола, племянника нового короля. Однако при дворе Гамлет сталкивается со Злом, требующим восстановления справедливости, наказания преступника,

опасной борьбы, смертельного боя. Гамлет обнаруживает, что его дядя – новый король, вероломно убил своего брата – отца принца, а его мать стала женой нового короля. Король Клавдиус – олицетворение преступной жажды власти, коварства, готовности к убийству. Однако Шекспир рисует в нем реального человека, наделяет его государственным умом ответственного монарха, дипломатически избегнувшего конфликта с агрессивной Норвегией, способностью помочь Гамлету преодолеть депрессию. Клавдиус признает свои грехи и в тиши своей личной часовни пытается вымолить прощение.

Гамлет – человек мысли, вовсе не жаждет скрестить свой меч, пролить кровь врагов, окунуться в сражение, сулящее ему при существующей расстановке сил почти неизбежную гибель. Он знает, что борьба с коварным врагом, который для своей победы готов на все, потребует от него действий, противных его душе. Он размышляет о самоубийстве, но после долгих размышлений он выбирает борьбу. Перед вступлением в смертельную схватку, он добивается неопровержимых доказательств виновности своего врага – ставит следственный эксперимент с помощью бродячей труппы актеров.

Зло стремится не только победить, но и запачкать своего противника. Но Гамлет понимает, чтобы не проиграть борьбу придется отвечать коварством на коварство и кровью на кровь. Он принимает это неизбежное условие – необходимость использования оружия врага для защиты правого дела. Шекспир показывает, что и при этом Гамлет остается чистым. На примере истории Лаертиса – друга детства Гамлета, сына советника короля Полония, подчеркивается различие между честным боем и убийством отравленным оружием. По ошибке Гамлет убивает отца Лаертиса. Он доводит до самоубийства Офелию – его сестру. Жаждущий мести Лаертис вызывает Гамлета на поединок. Однако в поединке с принцем Лаертис соглашается драться покрытым ядом оружием, предложенным ему Клавдиусом.

Современное поколение вновь стоит перед трудной проблемой выбора формы борьбы в решительной схватке с

врагом, придерживающимся иных моральных правил и использующим бесчеловечные методы, проблемой выбора оружия для обороны, не противоречащего гуманным этическим нормам.

Отношение к Гамлету, как к благородному герою, несмотря на его «невегетарианские» действия в конфликте с врагами, связано с побудительными мотивами его действий. Гамлетом движет таинственный моральный императив, о котором почти через два столетия Кант писал, как о недоступной разуму данности, заложенной в сознании людей. Борьба Гамлета со злом лишена личной выгоды, он – бескорыстен.

В трагедии – все ее герои погибают. Норвежец Фортинбрас – новый монарх, пришедший править Данией, емко, в двух словах, заключает историю датского принца, называя его – “noble Hamlet” – благородный Гамлет.

Гамлет не ожидает небесного воздаяния за свою благородную борьбу со Злом. Он умирает со словами *the rest is silence*, означающими, что миссия окончена, и после этого есть лишь желанная тишина.

«Венецианский купец» – пьеса о еврее, живущем среди христиан. Причина обращения автора к еврейской теме неизвестна. Непосредственным поводом для обращения Шекспира в 1596-97 гг. к истории Шейлока, к трагедии еврея в средневековой Венеции, послужил судебный процесс, закончившийся казнью доктора Родриго Лопеса (1525-1594), жившего в Лондоне “converse” (крещеного еврея). Спасаясь от португальской Инквизиции, доктор Лопес бежал в Англию, где сделал успешную медицинскую карьеру и стал личным медиком королевы Елизаветы I. В эту эпоху еврейские врачи нередко служили при дворе монархов. У королевы Франции доктором был еврейский “converse”, испанского короля и папу Павла III также лечили еврейские доктора.

Дон Антонио, поддерживаемый Англией претендент на португальский престол, живший в изгнании в Лондоне, был в центре интриг и шпионажа со стороны захватившего Португалию испанского короля Филиппа – давнего врага

Английской короны. Роберт Де Веро, 2-й эрл Эссекса, страдавший шпиономанией фаворит королевы, в связи с испанскими интригами вокруг Дона Антонио обвинил доктора Лопеса в измене и в заговоре против королевы Елизаветы. Под пытками Лопес признался, что испанцы пытались уговорить его отравить королеву, но измену он отверг. Несмотря на сомнения королевы в виновности Лопеса и ее длительный отказ подписать ему смертный приговор, эрл Эссекса добился его осуждения и казни (практикуемых в то жестокое время для государственных преступников – последовательных повешения, утопления и четвертования).

Очевидно, что и пятиактная трагедия Кристофера Марлоу «Еврей из Мальты» (1590 г.), тема которой и отдельные сюжетные элементы повторены в «Венецианском купце» Шекспира, оказали влияние на пьесу великого поэта о еврее Шейлоке.

Сюжет пьесы заимствован из одной из историй в опубликованном в 1565 г. в Милане сборнике рассказов Джiovани Фиорентино, озаглавленном «Il Pecorone (Простак)» (1378 г.). Этот сборник по форме сходен с «Декамероном» Боккаччо (1350 г.). Современный Шекспиру английский перевод этого сборника неизвестен, что позволяет предположить, что он был прочитан автором пьесы в итальянском оригинале. В рассказе описана история богатой флорентинки, сеньоры Бельмонт, вышедшей замуж за молодого, нуждающегося в деньгах антрепренера, готовящего экспедицию для поисков сокровищ за морями. Необходимые для экспедиции деньги его друг помог найти у еврея-ростовщика. Залогом долга назначен фунт мяса должника, (обычай, заимствованный из практики античного Рима). Экспедиция оказалась безуспешной и купец предстал перед судом для неминуемого выполнения условий займа. Однако сеньора Бельмонт – жена купца убеждает судью в несправедливости контракта с евреем и спасает своего незадачливого мужа.

Пьеса, которая могла бы называться «комедией реванша» – считалась в то время развлекательной, поскольку никто в ней убит не был и «злоумышленник» был

наказан. Она появилась на сцене театра Глоб под названием «Комическая история Венецианского купца или по иному называемая Венецианский Еврей», в действительности является одной из наиболее сложных по своему моральному месседжу. В ней автор рассказывает историю ростовщика Шейлока со своей обычной мудростью и объективностью.

Неизвестно, посещал ли автор пьесы Венецию, но с еврейством непосредственно он знаком не был. Пьеса написана в 1596-98 гг., более чем через три столетия после изгнания евреев из пределов английского королевства по эдикту короля Эдуарда I. С тех пор в стране сменились более десяти поколений и непосредственного знания еврейства не существовало. Антисемитизм был лишь традицией, питаемой воспоминаниями прошлого, или заимствовался из опыта стран континентальной Европы. В Англии в 1275 г. был издан закон, обвинивший евреев в ростовщичестве, выпуске неполноценных золотых и серебряных монет и запрещающий евреям заниматься денежным кредитованием. Эдикт требовал от евреев полного отказа от ростовщичества в течение следующих 15-ти лет. Поскольку все другие способы заработка им были практически запрещены, они были вынуждены продолжать кредитование. В 1290 г. за нарушение эдикта они были изгнаны из страны.

Позже, отдельные евреи, спасаясь от испанской и португальской инквизиций, селились в Англии, перейдя в христианство. Король Генрих VIII, отец королевы Елизаветы, привез из Венеции в Лондон изгнанные из Испании еврейские семейства музыкантов и композиторов Бассано и Люпоса. (Предполагается, что 27 сонетов Шекспира (со 127-го по 152-й) посвящены «Смуглой леди сонетов», поэтессе и феминистке Эмилии Ланье, дочери Батиста Бассано).

Естественным является выбор ростовщика в качестве еврейского персонажа. Происхождение необычного имени Шейлока, героя пьесы «Венецианский купец» неизвестно. Следует отметить, что сюжет пьесы построен на поведении этого героя, несвойственном религиозному еврею, каким, безусловно, был Шейлок. Описанное

Шекспиром желание Шейлока убийством отомстить за нанесенные ему оскорбления не соответствует еврейской морали, запрещающей убийство человека. Кроме того, нанесенное Шейлоку оскорбление, даже самое тяжелое, убийству не равно и превосходит требование возмездия, паритетного преступлению (око за око, зуб за зуб), на котором основано еврейское правосудие. (В случае юридической коллизии, когда перед еврейским судом предстает убийца, которому как равное преступлению наказанием является смерть, суд предлагает ему вечное изгнание). Однако отношение к Шейлоку со стороны венецианских сограждан представлено с полным реализмом.

В *Juden Frei* Англии Шекспир и Марлоу, знакомые с проблемами еврейской диаспоры в Европе, не обладали достаточным знанием иудаизма и его моральных норм и, поэтому, во многих чертах наделили свои еврейские персонажи – Шейлока и Барабаса (героя пьесы Марлоу «Еврей Мальты») – характерами и моралью современных им христиан.

Венеция, как место, где развернулась история Шейлока, выбрана Шекспиром не случайно. Именно в этом городе, где в 15-м столетии образовалась крупная еврейская община испанских, португальских и германских еврейских изгнанников, возникли и первые еврейские гетто. Жизнь евреев Венеции стеснялась рядом запретительных законов. Им возбранялось выходить из гетто после наступления темноты, появляться без специальной красной шапки, а позже без желтого шарфа. Разрешенные им занятия ограничивались содержанием меняльных лавок, кредитованием денег, торговлей текстилем, печатаньем еврейских книг и медицинской практикой. При этом размер процента, взимаемого за кредитование денег, устанавливался властями Венеции.

Действие пьесы концентрируется вокруг взаимоотношений еврея Шейлока с ее нееврейскими характерами. Гордый Шейлок, очевидно выходец из испанских изгнанников, немолод, вдов, богат. Он живет одиноко со своей любимой дочерью Джессикой и бережно хранит память и кольцо своей умершей жены Леи. В его

трудном и презираемым, но необходимым бизнесе Шейлок постоянно испытывает незаслуженные издевательства и унижения со стороны венецианцев.

Грациано, друг героя пьесы венецианского купца Антонио, воплощает чувства венецианцев к евреям, оскорбляет Шейлока, говоря ему: «О, будь ты проклят безжалостный пёс, чей дух управляется волком с кровавыми жадными волчьими желаниями <...>. О, каменный, бесчеловечный, презренный враг». Подобные поношения Шейлок часто слышит в свой адрес.

Шейлок – человек с чувством собственного достоинства – считает себя равным гражданином Венеции. Он с трудом переносит постоянные унижения и мечтает о возмездии. По существующим в Европе законам чести лишь пролитая в поединке кровь может смыть позор оскорблений. Однако, даже забыв о еврейском запрете убийства, сама идея поединка престарелого еврейского ростовщика со знатным венецианцем кажется гротеском. Да и поводы для такого поединка возникают слишком часто.

Бедный аристократ Басаньо просит у своего друга, богатого купца Антонио 3 000 дукатов для брачной поездки в Бельмонт к богатой невесте Порции. У Антонио свободных денег не оказалось, так как его капитал вложен в морскую экспедицию, но гарантировать необходимый заем он готов. Басаньо находит в городе еврея-ростовщика Шейлока. Антонио обращается к нему за ссудой, но на оскорбительных условиях нулевого интереса. Шейлок взбешен, но видит в этом возможность возмездия за перенесенные унижения. Он соглашается на беспроцентную ссуду, но требует в качестве залога в случае неуплаты жизнь должника. Антонио соглашается, и они подписывают контракт, по которому в случае дефолта к установленной дате несостоятельный должник обязан расстаться с «близким к сердцу фунтом мяса»! Оба участника сделки знают, что отделение от тела фунта плоти, «близкого к сердцу», неизбежно означает смерть.

Шейлок вовсе не хочет возврата денег – он жаждет возмездия и мечтает о возможности убить венецианца.

Описывая Шейлока, Шекспир отвергает господствующий в Европе стереотип еврея, по которому он был особым, низшим, уродливым существом, физически и духовно отличным от христианина. Шейлок не наделяется ни отвратительной внешностью, ни отвратительным характером. Шекспир описывает глубоко оскорбленного человека, жаждущего реванша, человека равного и понятного другим людям. В своем известном монологе Шейлок говорит:

«Да, я еврей. Разве у еврея нет глаз? Разве он не имеет рук, внутренних органов, размеров, чувств, привязанностей, страстей? Он питается той же пищей, его ранят тем же оружием, он страдает теми же болезнями, лечится теми же лекарствами, замерзает и испытывает жару от тех же зимы и лета, что и христианин. Разве мы не кровоточим, когда нас ранят. Разве мы не смеемся, если нас щекочут? Разве мы не умираем, если нас отравляют и, разве мы не мстим, если вы поступаете с нами несправедливо?»

Экспедиция Антонио потерпела неудачу. У него нет денег для возврата долга. Шейлок арестовывает его и приводит его на суд герцога. Басаньо и Порция, получив письмо Антонио о грозящем ему суде, спешат на помощь и возвращаются в Венецию. В суде в мужской одежде молодого доктора права Бальтазара появилась хитроумная Порция. Чтобы Шейлок сразу знал свое место, Порция вопрошает: «Который из вас здесь купец, и который еврей?»

Право Шейлока не оспаривается. В виде компенсации ему предлагается двойная сумма долга. Но он отказывается и требует неукоснительного исполнения контракта. Герцог не хочет принимать трудного решения и передает дело молодому ученому доктору права Бальтазару – Порции.

Порция взывает к милосердию и предлагает Шейлоку тройную сумму долга – 9 000 дукатов! Но для гордого человека его достоинство дороже денег. Шейлок отказывается и от этого предложения, продолжая настаивать на выполнении контракта. Здесь автор приписывает Шейлоку явно несвойственный еврею средневековой

Европы слишком бескомпромиссную позицию в венецианском суде.

Настроение суда меняется. Порция вдруг заявляет, что контракт не действителен, поскольку в нем говорится лишь о мясе, но ничего не говорится о крови, без которой оно не может быть отделено от тела.

Более того, поскольку контракт на отделение мяса от тела «вблизи сердца» содержит умысел убийства – по закону Венеции это равносильно посягательству иноземца (еврея) на жизнь венецианца. А такое преступление карается лишением злоумышленника всего его имущества, половина которого идет потерпевшему, а другая поступает в казну. На этом суд окончен!

Шейлок беззащитен и разорен. Его дочь оставляет дом отца, переходит в христианство, выходит замуж за христианина. Великодушный Антонио отказывается от своей половины имущества Шейлока при условии перехода еврея в христианство и завещании его имущества после смерти его дочери. Отказ Шейлока от веры отцов, который психологически значительно больше, чем удовлетворение его мстительности, здесь объясняется незнакомством автора с иудаизмом, но отражает реальность еврейской жизни. Спасая жизнь от преследований инквизиции, евреям приходилось оставлять свою религию.

Владимир Жаботинский, анализируя образ еврея в литературе, писал: «Но ничего настоящего, ничего такого, что если не по силе, то хоть по настроению, по проникновению в еврейскую душу могло бы стать рядом с «Натаном Мудрым» или с «Шейлоком», русская литература не дала²». Писатель и мыслитель Жаботинский правильно понял замысел Шекспира и отверг антисемитское клише поверхностного истолкования истории Шейлока, как истории отвратительного еврея.

Шекспир был великим писателем и редким человеком, свободным от расовых предрассудков. Шейлок наделяется «испанской гордостью» и бескомпромиссностью.

² Жаботинский, Русская ласка, 1909 г.

Хотя христианам – героям пьесы свойственны любовь друг к другу, чувство дружбы, великодушие, в то время как Шейлок показан лишь незаслуженно оскорбленным и, поэтому мстительным и жестоким, главный вектор пьесы обращен не на обвинение Шейлока, а на критику антисемитизма. Законы не защищают Шейлока от постоянных оскорблений, они обращены против еврея. У Шейлока нет шанса на справедливость. Он ставится в безвыходное положение, в то время как венецианцы торжествуют, унижают Шейлока, заставляют его креститься.

В период возникновения работорговли в Елизаветинской Англии, в 1603 г. Шекспир написал трагедию «Отелло», в которой черный африканец наделен военной доблестью и благородством. В пьесе вокруг имени черного Отелло раздаются расистские оскорбления. Венецианцам трудно принять брак Отелло и белой аристократки Дездемоны. Наивный и неопытный в области чувств черный венецианский военачальник, падает жертвой навета вероломного и хитроумного венецианца, садиста Яго, убивает любимую им жену.

Венецианский еврей стал жертвой хитроумной венецианки Порции. В столкновении еврея с венецианцами Шейлок – не злодей, а жертва. В этом главный смысл истории венецианского еврея Шейлока.

Сторонники истолкования образа Шейлока, как антисемитского блюпринта отвратительного жадного и опасного еврея, ссылаются на то, что автор не наделил его симпатичными чертами, располагающими зрителей к сочувствию Шейлоку.

В пьесе о Шейлоке нет разительных контрастов в показе характеров героев. Великодушный купец Антонио требует от Шейлока 3 000 дукатов без уплаты интереса. Цель автора – сказать правду о положении еврея, человека ни чем не отличающегося от окружающих его венецианцев, но лишенного равных с ними прав и живущего в атмосфере презрения и ненависти.

С позиции справедливости и равенства людей пьеса неизбежно осуждает еврейское бесправие.

Неразгаданность шекспировской тайны авторства – потеря для литературы и мировой культуры. Духовный мир этого необыкновенного, неизвестного человека, поэта, драматурга, и мыслителя остается одной из высочайших и не размываемых временем вершин поэзии, мудрости и моральности.

Игорь Ефимов

Ясная Поляна

**Экранизация долгой семейной жизни
(продолжение. Начало в №4(5))**

Акт 3

Соня

трудолюбивые рабочие заканчивают пристройку к главному дому в Ясной Поляне, накладывают штукатурку на стены. Толстой с гордостью показывает приехавшему Фету своё детище. На нём полотняная блуза и сапоги. Фет – в летнем пиджаке и башмаках.

Л.Н.: Сам – сам сделал весь проект, все чертежи! Эта колонна посреди кабинета будет поддерживать потолок, а сверху – терраса. Она как бы явится крышей для кабинета. И прямо с террасы – лестница в аллею сада.

ФЕТ: Выглядит красиво. Но что-то мне не нравятся брёвна. Не староваты ли они? У кого вы их покупали?

Л.Н.: Задёшево продавали на своз постройку, в которой был кабак на Кабацкой горе. Этого материала вполне хватило.

ФЕТ: Ох, не вышла бы боком эта дешёвизна через год-другой.

Л.Н.: Ничего! Будет стоять крепко.

Выходят из пристройки, идут по аллее.

ФЕТ: Вы меня просили поделиться впечатлениями о первой половине «Войны и мира». Мне кажется, роман блистает первоклассными красотами, по которым автора узнаёшь, как льва узнают по когтям. Я даже не захотел возражать Тургеневу, который считает, что Кутузов и Багратион списаны с современных генеральчиков. Но есть один промах, который подрезывает крылья жадному интересу, с каким читаешь вещи вечные.

Л.Н.: Да? Какой же это промах? Я ведь ни чьему суждению так не доверяю, как вашему.

ФЕТ: Мне кажется ахиллесова пята романа в том, что князь Андрей – всего менее герой, способный сплести нить, на которую поддевают внимание читателя. Пока он был дома, где его порядочность была подвигом, рядом с пылким старцем-отцом и дурой женой, он был интересен, а когда он вышел туда, где надо что-либо делать, то Васька Денисов далеко заткнул его за пояс.

Л.Н.: Пожалуй, так. Князь Андрей однообразен, скучен, но виноват в этом не он, а я. Потому что в первой части я слишком занялся исторической стороной, а характер стоит и не движется.

ФЕТ: Как здоровье Софьи Андреевны? Сегодня она мне показалась как-то бледна и озабочена. И то сказать – трое детей. Хлопот у неё теперь так прибавилось, а она ведь не из тех, что умеет шадить себя.

Л.Н.: Я рад очень, что вы любите мою жену, хотя я её и меньше люблю, чем мой роман. А всё-таки, вы знаете – жена. Ходит. «Кто такой? Жена».

ФЕТ: Слышал я, что и вам – как и мне – довелось недавно качать весы Фемиды.

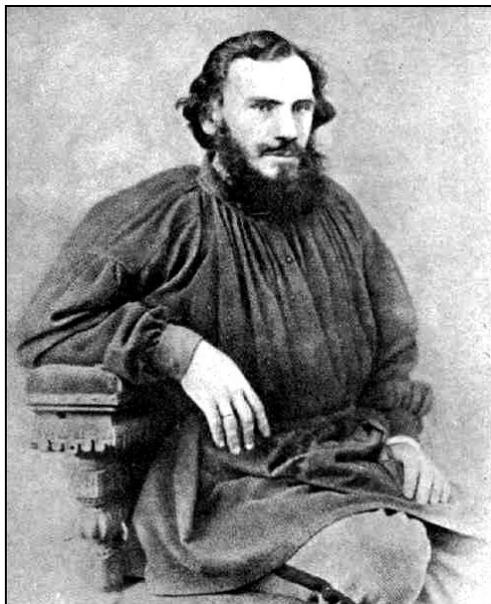
Л.Н.: О, это было ужасно. До сих пор сердце болит, как вспомню этого солдата. Василий Шабунин, служил писарем в московском пехотном полку, расквартированном по соседству, в Ясенках. Его ротный командир придирками довёл его до припадка ярости, и солдат дал офицеру пощёчину. Я вызвался быть защитником на суде. Говорил, что обвиняемого надо пощадить и объявить невменяемым. Даже расплакался. Но судьи со мной не согласились и приговорили к расстрелу.

ФЕТ: За пощёчину хватило бы прогнать сквозь строй.

Л.Н.: Я подал прошение на высочайшее имя через министра внутренних дел, но он отписал, что в своём прошении я не указал номер полка, в котором служил солдат, а без номера подавать прошение государю неловко. Конечно, это была просто отговорка. Я послал

исправленную бумагу, но пока письма ползли взад-вперёд, солдата расстреляли.

ФЕТ: Сейчас, после покушения Каракозова на государя, повсюду пошли ужесточения. Вот и журнал «Современник» закрыли. Правда, мы с Боткиным всегда считали его рассадником красной заразы, так что не горевали.

Лев Николаевич Толстой 9 сентября 1828 года

Л.Н.: Что ужасно: судили писаря интеллигентные люди, три офицера, которых мы принимаем в своём доме. Они потом приезжали к нам в гости на Сонины именины, привезли с собой полковых музыкантов, были танцы, веселье. И я тоже принимал во всём этом участие. Хотя знал, что не должен был подавать руки палачам.

ФЕТ: Что у вас слышно насчёт голода? У нас, в Мценском уезде, положение тяжелейшее. Я по пути набрал крестьянского печёного хлеба, более похожего на засохшие комки чернозёма, чем на что-либо иное. Там была и мякина, и, главным образом, лебеда. Этим ужасным хлебом питается не только взрослое население, но и дети. Необходимо

помочь – но как? Я затеваю в Москве литературные чтения в пользу голодающих. Не дадите ли новый отрывок из «Войны и мира» прочесть перед публикой?

Л.Н.: С готовностью. Хотя понимаю, что это будет капля в море. Необходимы какие-то более глубокие перемены. Вот у нас за столом редиска розовая, жёлтое масло, подрумяненный мягкий хлеб на чистой скатерти, в саду зелень, молодые наши дамы в кисейных платьях, рады, что жарко и тень. А там этот злой чёрт голод делает уже своё дело, покрывает поля лебедой, разводит трещины по высохшей земле и обдирает мозольные пятки мужиков и баб и трескает копыта у скотины.

ФЕТ: Как ваша очаровательная свояченица?

Л.Н.: Похоже, её семейная жизнь с Кузминским протекает нормально. Скоро ждут первого ребёнка. Ждём их на лето, они будут жить в том флигеле.

ФЕТ: брат ваш, Сергей?

Л.Н.: Остался со своей цыганкой. Обвенчался с ней в церкви, сейчас пытается легально усыновить своих детей от неё. Боюсь, у детей души будут поранены на всю жизнь этими переживаниями. Ах, если бы мы умели управлять своими страстями! Сколько ненужных страданий можно было бы избежать...

Сноска за кадром:

Не думай легкомысленно о Добре: Оно не придёт ко мне. Ведь и кувшин наполняется от падения капель. Умный наполняется добром, даже понемногу накапливая его.

Дхаммапада

Ясная Поляна, 1868. За столом трое детей: Сергей (5 лет), Таня (4 года), Илья (2 года). Няня, Марья Афанасьевна, кормит их гречневой кашей с молоком. Появляется английская гувернантка, Ханна Терсей.

ХАННА: Няня, так не можно делать! Я говорить, ребёнкам не есть афтер ужин! Ви их спойлинг на века! *(Пытается отнять у детей миски. Те плачут.)*

НЯНЯ: *(ворчит)* Сама-то небось нажралась. А детей готова голодными оставить.

ХАННА: Ну, пусть, ласт ложка и всё! Все в спателну, ванна горяч, ждать вас в себе.

Дети, хныча, подчиняются, Ханна уходит за ними. В столовую входят Толстой с женой и их близкий друг, Дмитрий Алексеевич Дьяков, уланский майор в отставке, помещик, имеющий поместье неподалёку, в деревне Черемошня. Ему 45 лет.

Л.Н.: Знаешь ли ты, чем я занимался всё это лето? Читал не отрываясь Шопенгауэра.

ДЪЯКОВ: А мне помнится, что немецких метафизиков ты как-то не жаловал, называл пустомелями.

Л.Н.: Это я говорил про их хвалёного Гегеля. Шопенгауэр – совсем другое. Читал все его сочинения с неперестающим восторгом и испытывал сплошное духовное наслаждение. Под его влиянием начал читать и Канта тоже. Не знаю, перемену ли я когда-нибудь своё мнение, но сегодня считаю что Шопенгауэр – гениальнейший из людей. Читая его, мне непостижимо, каким образом может оставаться имя его неизвестно. Объяснение только одно – то самое, которое он так часто повторяет, что, кроме идиотов, на свете почти никого нет. Подумываю о том, чтобы перевести его на русский.

ДЪЯКОВ: Спроси сначала разрешение у цензуры. А то потратишь только время впустую.

Л.Н.: Если цензура не разрешит, у меня есть в запасе хитрый ход. Я изложу учение Канта и Шопенгауэра от себя и пристегну его к своему роману в виде Второго эпилога.

С.А.: Лёвочка так ясно всё пересказал, что даже мне стало понятно. Хотя обычно философия меня только в сон вгоняет.

Л.Н.: Работая над романом, я всё хотел отыскать причины войны 1812 года. По общему представлению причиной считается злая воля властолюбивого Наполеона. В исторических книгах и документах я всё хотел найти, когда именно Наполеон отдал приказ о начале похода на Россию. Прочёл горы материалов и не нашёл. Каждое утро он вставал и за день отдавал двадцать-тридцать приказаний. Одни оказывались исполнимы, другие нет. Например, приказы построить мощный флот в Булонском лагере и осуществить высадку в Англии не исполнились, потому что их оказалось исполнить невозможно. А приказы о движении

вооружённых сил на восток оказывались исполнимыми, и из них-то и сложилось вторжение в Россию.

ДЪЯКОВ: Но всё же: в чём же причина?

Л.Н.: Я бился над этим, пока не пришёл мне на помощь бесценный Шопенгауэр. Он объясняет, что данная нашему рассудку способность отыскивать причины может оперировать только в мире явлений, в том, что индусы называют Пеленой Майи. Благодаря ей, физика раскрывает законы движения тел, химия – взаимодействие элементов, астрономия – движение планет. Но каждая из этих наук должна принять какую-то силу за первооснову, по отношению к которой вопрос «почему?» оказывается неприменимым. Мы не можем спросить «почему сила тяжести?», «почему магнитное поле?», «почему сила света?». Точно так же и наука история должна признать силой, движущей исторические события, суммированную волю микрочастиц этих событий – волю каждого отдельного участника события.

ДЪЯКОВ: А как же тогда «всё в руке Божьей»? Разве не Божьим промыслом привыкли мы объяснять все загадки истории?

Л.Н.: Одно другому вовсе не противоречит. Господь не сам работает над творением своим, а посылает нас, как Хозяин посылает работников на поле. И как Хозяин не всегда уверен, что посланные справятся с делом хорошо, так и Господь оставляет на нашу волю исполнение порученного. Отсюда и слова осуждения в Евангелии в адрес того, кто зарыл дарованный ему талант в землю. Но все эти вопросы – уже сфера богословия и метафизики, а никак не естественных наук, где господствует вопрос «почему?». И я, по мере сил, буду стараться прояснить это.

ДЪЯКОВ: Я первый буду тебе благодарен. Когда думаешь закончить роман?

Л.Н.: Сейчас правлю корректуры четвёртого тома. Надеюсь, что в следующем году удастся выпустить всё целиком.

С.А.: Но Лёвочка продолжает править и в отпечатанных листах. Типография грозитя взыскать с нас за переделки.

Л.Н.: Не могу я себя переломать. Если я замечаю, что фразу или слово можно улучшить, я обязан это сделать.

ДЪЯКОВ: И твой читатель это чувствует и благодарен. Помнишь, как моя Долли, царство ей небесное, даже всплакнула, когда ты читал нам отрывки из «1805 года»? Кстати, откуда взялось окончательное название: «Война и мир»?

Л.Н.: Помнишь, у Пушкина, Пимен говорит: «Описывай, не мудрствуя лукаво, войну и мир, управу государей...» Кроме того, я читал недавно весьма интересную новую книгу Прудона: *La Guerre et la paix*. И вдруг подумал: да ведь это самое краткое и точное описание моего романа – «Война и мир».

ДЪЯКОВ: А что дела хозяйственные? Как урожай? Что ты решил с оранжереей? Будешь восстанавливать её после пожара?

Л.Н.: Не знаю, дойдут ли руки. Нам в первую очередь надо новую пристройку делать при растущей семье.

ДЪЯКОВ: Расследовать пожар так и не стал?

Л.Н.: Да что тут расследовать? Послал Бог огонь – видно, за грехи наши.

ДЪЯКОВ: Думаю, что кто-то Богу сильно помог. С чего бы в тихую ночь, без всяких молний, пустой постройке взять и загореться?

С.А.: Вы думаете, кто-то поджѣг? Да какая же кому-то корысть?

ДЪЯКОВ: Вы меня за обедом угощали чудным салатом из помидоров и огурцов с зелёным луком и укропом? Откуда эти овощи?

С.А.: Купили в деревне.

ДЪЯКОВ: Вот именно. А раньше вам в том нужды не было, всё выращивали сами в оранжерее. Это к вопросу о корысти.

Л.Н.: Чтобы я пожаловался становому или уряднику на крестьянина? Да никогда в жизни.

ДЪЯКОВ: Слышал я, что в Мценском уезде один поверенный по-другому устроил. Там в одной деревне крестьяне, при нынешней безнаказанности, повадились воровать друг у друга. Староста боялся вмешиваться, знал,

что могут поджечь в отместку. Но он согласился тайно доносить поверенному о кражах и получать за каждый донос по семи рублей. Потом поверенный приезжал и публично сообщал пострадавшему на общей сходке, что украденные у него сёдла и сбруи он найдёт под соломой в сарае у такого-то. В округе этого поверенного стали почитать за колдуна.

С.А.: Лёвочка так ярко описал в последней части романа, как Николай Ростов один подавил бунт богучаровских крестьян, спас княжну Марью. Не знаю, в ком из наших знакомых он подсмотрел такую твёрдую волю. Не в вас ли, Дмитрий Алексеевич? Сам он даже детей не решаете приструнить как следует.

Как будто в подтверждение её слов, в коридоре раздаётся детский смех, топот ножек, и в комнату влетает голенькая Таня с намыленной головой. За ней в панике бежит гувернантка с кувшином в руке. Но Таня успевает стать в позу и громогласно заявить:

ТАНЯ-ДОЧЬ: Вот она, Таня!

Л.Н.: *(спешит ей навстречу, подхватывает на руки)*
Ах ты, озорница! Разве можно так шалить на ночь глядя? Смотри, как ты огорчила Ханну. И мамá тоже тобой недовольна. Ох, не остаётся бы тебе завтра без сладкого. *(Уносит ребёнку обратно в спальню, гувернантка следует за ним.)*

Сноска за кадром:

Разум человеческий так склонен к созиданию, что много раз он уже возводил башню, а потом опять сносил её, чтобы посмотреть, крепко ли лежит фундамент.

Иммануил Кант

Москва, 1869. В большом зале – литературные чтения в пользу голодающих. На трибуне докладчик – Николай Николаевич Страхов (ему 41 год).

СТРАХОВ: Хотя мы ещё не имеем заключительной части романа «Война и мир», уже сегодня ясно, что роман этот является полной картиной человеческой жизни, полной картиной того, что называется историей и борьбой народов, того, в чём люди полагают своё счастье и величие, своё горе и унижение. Граф Толстой – поэт в старинном и наилучшем смысле этого слова. Он носит в себе глубочайшие вопросы, к каким только способен человек, он прозревает и открывает

нам сокровеннейшие тайны жизни и смерти. Толстой – богатырь, который не поддался никаким нашим язвам и поветриям. Из тяжкой борьбы с хаосом нашей жизни и нашего умственного мира он вышел только могучее и здоровее, и разом поднял нашу литературу на высоту, о которой она и не мечтала. Смысл истории, сила народов, таинство смерти, сущность любви, семейной жизни – вот предметы этого автора. Но эти предметы не всякий человек может охватить и оценить глубину их раскрытия. Отсюда и появляются нападки на роман в нашей критике. То, чего человек не понимает, он торопится объявить совершенной глупостью. Будем надеяться, что голоса этих людей скоро ослабнут до уровня комариного писка и вскоре забудутся всеми мыслящими читателями. (*Аплодисменты*).

Граф Толстой глубоко сочувствует жертвам голода в Орловской губернии и любезно предоставил для чтения в нашем благотворительном концерте ещё неопубликованную главу из романа «Война и мир». Прочтёт её наш известный критик Владимир Васильевич Стасов.

Встречаемый бурными аплодисментами, Стасов (45 лет) поднимается на трибуну, раскрывает несброшиурованные листы набора, начинает читать.

СТАСОВ: «Бородинское сражение с последовавшими за ним занятием Москвы и бегством французов, без новых сражений, есть одно из самых поучительных явлений истории. Все историка согласны в том, что... (Часть 3, глава 1, стр. 137)

Страхов между тем спускается в зал, идёт по проходу, кланяясь знакомым, выходит в вестибюль. Там его встречает Фет, благодарно и восторженно жмёт руку.

ФЕТ: Успех, Николай Николаевич, полный успех. Уже набрали около трёх тысяч рублей, а публика всё подходит. (*Указывает на двух студентов, проверяющих билеты и принимающих пожертвования. Страхов достаёт портмоне, но Фет останавливает его.*) Нет-нет, ваш взнос – приезд из Петербурга в Москву для участия в чтениях. Небось и так разорились на железнодорожных билетах. А как вам удалось уговорить Стасова принять участие?

СТРАХОВ: Помогло то, что он тоже – большой поклонник таланта Толстого.

ФЕТ: Жалко, что Лев Николаевич не слышал вашей речи.

СТРАХОВ: Она скоро будет напечатана в журнале «Заря». Тогда непременно пошлю ему в Ясную Поляну. Ого, смотрите, кто пожаловал! *(Указывает на сухопарого, высокого господина с бородой, лет сорока, одетого скромно, но аккуратно, покупающего входной билет.)*

ФЕТ: Кто это?

СТРАХОВ: Писатель и публицист Берви. Сейчас все зачитываются его новой книгой «Положение рабочего класса в России». Книга имеет свои достоинства, не спорю. Но в прошлом году он напечатал в журнале «Дело» под псевдонимом отвратительную рецензию на «Войну и мир», обвиняя автора во всех смертных грехах. Нет, я должен высказать ему в лицо своё мнение об этой статье. *(Направляется к вновь пришедшему.)* Имею ли я честь видеть перед собой господина Берви? Моя фамилия Страхов. Или вы предпочитаете, чтобы к вам адресовались по фамилии Навалихин?

БЕРВИ: *(окидывает Страхова холодным взглядом)* Мне ваше имя известно. Как и ваши отзывы о моих писаниях.

СТРАХОВ: Да, я с большим вниманием прочёл статью некоего Навалихина под названием «Изящный романист и его изящные критики». Вы действительно считаете роман «Война и мир» «беспорядочной грудой наваленного материала», а в персонажах его обнаруживаете «умственную окаменелость и нравственное безобразие»?

БЕРВИ: Эти люди распорядились судьбами тысяч крепостных. И ни один из них не имел понятия о реальных условиях жизни и труда своих рабов, ни один не пытался сделать ничего для облегчения и улучшения их существования. Как ещё можно оценить подобную жизненную позицию, кроме слов «нравственное безобразие»? Я помню графа Толстого ещё по Казанскому университету. Он и тогда уже был невозможным снобом – таким и остался.

СТРАХОВ: Подобные высказывания... Подобные мнения... Им не должно быть места в общественной жизни России!..

БЕРВИ: О, эта позиция наших славянофилов мне хорошо знакома. На словах они все против цензуры. Но на самом деле просто хотели бы заменить правительственную цензуру свою. Чтобы запрещались не высказывания, направленные против правительства, а мысли, противные их мыслям.

Наступает напряжённая пауза. В тишине из зала доносится голос читающего Стасова.

СТАСОВ: «...дубина народной войны поднялась со всей своей грозной и величественной силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, с глупой простотой, но целесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло всё нашествие».

Сноска за кадром:

Убить хорошую книгу – то же, что убить хорошего человека; тот, кто убивает человека, убивает разумное создание, подобие Божие; но тот, кто уничтожает хорошую книгу, убивает самый разум.

Джон Мильтон

Комната во флигеле рядом с Яснополянским домом. За окном поздний мартовский вечер. На стене – школьная доска, плакат с буквами алфавита и картинки с изображениями животных. Софья Андреевна у стола смазывает крестьянскому мальчику распухший глаз. Его мать стоит рядом, тихо причитает. Таня Кузминская-Берс подаёт сестре ватки, смоченные в крепком чае.

С.А.: *(матери)* Вот тебе пачка чая для компрессов. Две ложки в кружку, залей кипятком, потом дай остыть, заверни заварку в тряпочку и приложи к глазу минут на пять. Повторяй утром и вечером. Но потом обязательно выброси тряпку вместе с заваркой. Этот гной на веках очень заразный, от него может ячмень на других детей перекинуться.

МАТЬ: Спасибо тебе, графинюшка, благодетельница наша. Дай Господь тебе и деткам твоим счастья и здоровья. *(Уходит, ведя сына за руку.)*

С.А.: Таня, посмотри, есть ещё кто на крыльце.

ТАНЯ: Слава Богу, нет, эта последняя. Ты бы себя поберегла, сама еле на ногах стоишь.

С.А.: Это всё послеродовое. Так тяжело Машу рожала, не сравнить с первыми четырьмя. Хочу упротить Лёвочку, чтобы дал мне перерыв. Есть же нынче всякие средства. Но боюсь подступить. У него ведь взгляды такие строгие. Для него брак без деторождения – это что-то вроде блуда.

Сёстры переходят в главный дом. Их встречает экономка Марья Афанасьевна (бывшая няня), со свечой в руках.

МАРЬЯ АФАНАСЬЕВНА: Барыня, пора бы нам провизии на деревне прикупить. Яиц, цыплят к обеду, солёных огурцов.

С.А.: Хорошо, я завтра попрошу денег у барина, и ты пошлешь кого-нибудь.

М.А.: И в Тулу пора тоже за покупками посылать. Свеч стеариновых, да и сальных фунтов по пять – не меньше. И окорок в мясной лавке хорошо бы. А то понаедут гости – а у нас в погребе пустота.

С.А.: Ты выпиши что нужно в заборные книжки и пошли Семёна. Пусть там запишут на наш счёт. А что Лев Николаевич?

М.А.: Ушли уже почивать. И дети все спят, и Ганна с ними.

С.А.: Мне через час Машу кормить, я её разбужу потом тихонько.

ТАНЯ: Марья Афанасьевна, ну как, помирились вы с англичанкой?

М.А.: А чего нам ссориться-делить? Поначалу скучно мне было без детей, будто родных отняли. А теперь ничего. Но, бывает, прибежит Таня-маленькая и начнёт передразнивать, как англичанка по-русски лопочет. «Вера хэппи, очен найс». Я так и покачусь. *(Уходит.)*

С.А.: Ты знаешь, я почти перестала делать записи в дневнике. Да и Лёвочка тоже редко-редко что-нибудь запишет. Наверное, мы оба почувствовали, что искренность невозможна, когда знаешь, что другой тут же прочтёт

написанное. Перечитала недавно старые записи и подумала, что выгляжу там самой несчастной женщиной. На самом же деле, есть ли счастливее меня? Найдутся ли ещё более счастливые, согласные супружества?

ТАНЯ: Просто у каждого из вас образовался свой особый мир, и обоим бывает трудно понять, что составляет главные радости и горести другого мира.

С.А.: Лёвочка пугается и не любит, когда я выхожу из интересов детской, кухни, хозяйства. Сам он оберегает свой внутренний поэтический мир, любит жить и наслаждаться им один, не пуская в него других. Я открывала журнал всегда после ссор. Ссоры бывают и теперь, но от таких тонких душевных причин, что если б не любили друг друга, то так бы и не ссорились. Он часто говорит, что это уж не любовь, а мы так сжились, что друг без друга не можем быть. И ты заметила, что в «Войне и мире» он такое же чувство приписал Николаю Ростову по отношению к жене, княжне Марье.

ТАНЯ: Это там, где он говорит: «Разве я люблю свой палец? Я не люблю, а попробуй отрежь его?»

С.А.: Да, именно. У меня даже некоторое время жила надежда, что княжна Мария написана с меня. Некрасивая, но с лучистыми глазами.

ТАНЯ: Это ты-то некрасивая? А кому Фет посвятил строки: «И вот, исполнен обаянья, / перед тобою, здесь, в глуши, / я понял, светлое созданье, / всю чистоту твоей души».

С.А.: Фет – поэт. Кроме того, пишет о чистоте души, не о красоте лица. Нет, Сергей Николаевич объяснил мне, что княжна Марья явно написана с матери Лёвочки. Ту ведь и звали Мария Волконская, и тоже не была красавицей, а брала обаянием. А мне в романе оставлена только Соня. Про которую Наташа в конце объясняет княжне – или уже графине – Марье, что она – «пустоцвет». Я родила ему пятерых детей и названа пустоцветом.

ТАНЯ: Ты просто раздуваешь свои маленькие обиды, придумываешь их там, где их нет.

С.А.: Конечно, я уже знаю, что когда Лёвочке пишется с вдохновением, он преобразается, становится

добрым, приветливым, внимательным. А когда провал, пустота, как сейчас, то не дай Бог. И каждую мою горькую обиду он пытается не заметить, перетолковать как нездоровье. «Что ты не в духе, верно, ещё натошак, не ела ничего». Или: «Что ты сердисься, верно, желудок твой не действовал сегодня». На самом же деле, у него самого больная печень, которая вызывает разливы желчи и сердитость. И никогда, никогда ни за что не похвалит! Но мрачнее всего он бывает после особенно страстной ночи. Будто недоволен собой, что поддался слабости. Зато уж когда уедет куда-нибудь, то в письмах – издали – одна нежность и любовь.

Внезапно раздаются шаги на лестнице. Появляется Толстой, он спускается осторожно, как слепой, выставив руки вперёд.

Л.Н.: Соня! Соня!.. Кто-нибудь... Кто здесь?..

С.А.: *(спешит ему навстречу со свечой в руке)* Лёвочка, я здесь, здесь... Что случилось?.. Что с тобой?!..

Л.Н.: *(наощупь опирается на её плечо, спускается вниз)* Где я?

ТАНЯ: *(подбегает с другой стороны)* Лёвочка, ты у себя, в Ясной. Всё хорошо. Тебе сон какой-то приснился. *(Вдвоём сёстры подводят его к скамье у стены, усаживают, сами садятся с обеих сторон.)*

Л.Н.: Да, видимо, сон... Такое уже было со мной... Тогда, в Арзамасе... Что-то мучило меня... Я вышел из спальни. Но оно вышло за мной и омрачило всё... «Чего я тоскую, чего боюсь?» подумал я. «Меня, – ответил голос, и я понял, что это голос смерти. – Я тут». Да, смерть придёт... Она – вот она, тут рядом, а её не должно быть... Я видел, чувствовал, что смерть наступает, а её не должно быть... Всё существо моё чувствовало потребность, право на жизнь и вместе с тем – совершающуюся смерть... Это внутреннее раздирающее ужасно. Я попытался стряхнуть этот ужас... Вот я смотрю на огонь свечи, а вижу всё то же: ничего нет в жизни, есть смерть, а её не должно быть...

Сёстры в растерянности глядят его по плечам, по волосам, не знают, что сказать.

Сноска за кадром:

И меня постигнет та же участь, как и глупого; к чему же я сделался очень мудрым?.. Участь сынов человеческих и участь животных – участь одна: как те умирают, так умирают и эти... Кто знает, дух сынов человеческих восходит ли вверх, и дух животных сходит ли вниз, в землю?

Екклесиаст

Беседка рядом с прудом в Ясной Поляне, солнечный летний день (лето, 1871). Толстой, в своей холщовой рубаше, подпоясанный ремнём, наливает приехавшему в гости Страхову квас из кувшина, подвигает блюдо со сливами.

Л.Н.: Признаюсь, дорогой Николай Николаевич, что ваши статьи о «Войне и мире» явились в своё время, как опасный мех, раздувающий огонь моего тщеславия. Тут вам и «громадный талант», и «художественная глубина», и «полная картина человеческой жизни», и «полная картина жизни России».

СТРАХОВ: Вы, Лев Николаевич, живёте здесь отшельником, в своём Яснополянском раю, и не представляете, как вы обогнали сегодняшнюю читающую публику, как много ей приходится разъяснять, как упорно нужно учить её отличать настоящее искусство от наплыва тысяч подделок и подражаний. Большинству ещё недоступна та высота, на которую вы поднялись в своём произведении. Даже такой талант, как Достоевский, мне кажется, недостаточно оценил его. Написал мне в письме, что в основном согласен с моими оценками, кроме двух строчек в статье.

Л.Н.: Да? Какие же это строчки?

СТРАХОВ: Это там, где я говорю, что Толстой равен всему, что есть в нашей литературе великого. Вот, могу прочесть прямо из его письма: «Это решительно невозможно сказать! Пушкин, Ломоносов – гении. Явиться с «Арапом Петра Великого» и с «Повестями Белкина» значит решительно появиться с гениальным *новым словом*, которого до тех пор совершенно не было нигде и никогда сказано. Явиться с «Войной и миром» значит явиться после этого *нового слова*, уже высказанного Пушкиным».

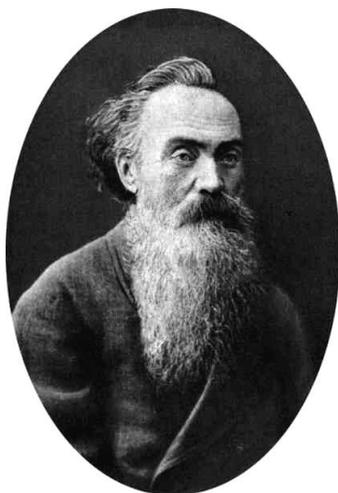
Л.Н.: Я совершенно с ним согласен. «Повести Белкина», «Капитанскую дочку» могу перечитывать без

конца. Достоевского же больше всего ценю за «Записки из Мёртвого дома».

СТРАХОВ: К вам он относится с огромным почтением.

Л.Н.: Да? Думаете, это случайность, что в романе, носящем название «Идиот», он дал главному герою имя Лев Николаевич?

СТРАХОВ: Уверен, что случайность!

Николай Николаевич Страхов

Л.Н.: Вы ведь с ним сотрудничали ещё в его журналах «Время» и «Эпоха» до их закрытия. А чем вы занимались после этого?

СТРАХОВ: В основном переводами с немецкого и французского.

Л.Н.: Ну, конечно! «История новой философии» Куно Фишера сначала попала мне в руки в вашем переводе, а не в оригинале. Превосходный русский язык и смысл воспроизведён бережно до последней детали.

СТРАХОВ: Судя по Второму эпилогу к «Войне и миру», наши с вами философские пристрастия лежат очень близко. Но мне было жалко, что свою философию вы не напечатали отдельной книжкой, а поместили в столь близком соседстве с этим могучим эпосом. Многие

высказывались критически в том смысле, что эпос у вас подавляет философию, а философия мешает эпосу. Особенно, конечно, были раздражены историки за многочисленные нападки на их профессию.

Л.Н.: Да как же не нападать! Вот я сейчас погружён в книги об эпохе Петра Великого, читаю и знаменитую «Историю государства Российского» Сергея Соловьёва. По ней получается, что в допетровской России царил сплошной безобразия: жестокость, грабёж, правёж, грубость, глупость, неумение ничего сделать. Будто история России совершалась рядом безобразий. Но как же они могли произвести единое великое государство? И кто же производил те богатства, которые грабили и разоряли? Кто и как кормил хлебом весь народ и всех правителей? Кто ловил чёрных лисиц и соболей, которыми дарили иностранных послов, кто добывал золото и железо, кто выводил лошадей, быков, баранов, кто строил дома, дворцы, церкви, кто перевозил товары?

На ведущей к дому дороге появляется коляска. В ней сосед Толстых, Александр Николаевич Бибиков (42 года), и его экономка-сожительница, Анна Степановна Пирогова, женщина лет 35, про которую Софья Андреевна написала в своём дневнике: «высокая, полная женщина, с русским типом и лица, и характера, брюнетка с серыми глазами, но не красива, хотя очень приятная».

БИБИКОВ: *(не выходя из коляски)* Простите за вторжение, Лев Николаевич, не знал, что у вас гость. Мы на минутку, по дороге в Тулу. Хотели узнать, не надо ли вам купить там чего?

Л.Н.: *(Страхову)* Вот, Николай Николаевич, какие у нас в глуши добрые соседи. *(Бибикову)* Вы, Александр Николаевич, остановитесь около дома, спросите у Сони. Наверняка, найдётся какое-нибудь поручение. А с кем же дети остались?

БИБИКОВ: О, теперь у нас настоящая немецкая гувернантка. И сын, и племянница под её надзором, так что мы с Анной Степановной, наконец-то можем поехать в Тулу вдвоём. Она там и матушку свою заодно проведает.

Л.Н.: Анна Степановна, мы осенью опять откроем Яснополянскую школу. Привозите к нам Николеньку на уроки, я его плохому не научу.

АННА СТЕПАНОВНА: Я ему как раз вчера на сон читала кусочек из «Отрочества», видела, как ему понравилось.

Л.Н.: У нас будет не только чтение и письмо, но и математика, и физика, и даже астрономия. Так что привозите.

АННА СТЕПАНОВНА: Если Александр Николаевич не против, так я с удовольствием.

БИБИКОВ: Отчего это я могу быть против. Конечно, пусть малец поумнеет в свои десять лет. *(Прощально снимает шляпу, кланяется. Коляска отъезжает.)*

Л.Н.: *(смотрит вслед отъехавшим, вздыхает)* Овдовел давно, и уже сколько лет вместе живут, а жениться он всё не хочет. Она – дальняя родственница его жены, жила вместе с ними как экономка. Мой брат Сергей тоже пятнадцать лет тянул со своей цыганкой, только на пятом ребёнке решился жениться. Почему тянут? Всё ждут настоящей – новой – любви?

СТРАХОВ: Дошла ли до вас уже книга Стюарта Милля «О подчинении женщины»? Её русский перевод сейчас наделал много шума в наших столицах. У нас ведь из всего умеют сделать *вопрос*. Я в своей рецензии написал, что русская семья в корне отличается от английской и что книга Милля нам не указ.

Л.Н.: Я так доверяю нашему установившемуся взаимопониманию, Николай Николаевич, что решусь перед вами высказать мысль, которой я не посмею поделиться ни с кем из родных и близких. Мысль эта сводится к тому, что при нынешнем развитии огромных городов, правила моногамных и целомудренных отношений между мужем и женой становятся невыполнимыми. Женщина теряет возможность рожать примерно на 20 лет раньше, чем мужчина утрачивает интерес к плотским отношениям и исчезает для него необходимость в них. Что же делать мужчине эти оставшиеся двадцать лет?

СТРАХОВ: *(несколько смущённый)* Вы обращаетесь к закоренелому холостяку, который вряд ли может с уверенностью ответить на этот вопрос.

Л.Н.: Появление огромного числа женщин лёгкого поведения в больших городах – явление повсеместное и неизбежное. Представьте себе город Лондон без его восьмидесяти тысяч магдалин. Что бы случилось с семьями? Много ли бы удержалось жён, дочерей чистыми? Что бы стало с законами нравственности, которые так любят блюсти люди? Мне кажется, что этот класс женщин необходим для сохранения семьи при теперешних усложнённых формах жизни.

СТРАХОВ: *(ему явно хочется сменить тему)* Что же нам следует ожидать от пера графа Толстого в ближайшем будущем? Как я понимаю, готовится новая эпопея из эпохи Петра Великого?

Л.Н.: Трудов и времени затрачено неслыханное количество. Образы, исторические фигуры, детали быта клубятся в сознании так, что головная боль сделалась ежедневным спутником жизни. Мне ведь, при моей дотошности, нужно влезать в любую мелочь. На днях пытался выяснить, правда ли, что в XVII веке короткие кафтаны имели высокие воротники. Но центральной идеи всё нет, никак не ухватить главный нерв – центральную нить – повествования.

СТРАХОВ: Да ведь и с «Войной и миром» поначалу было так же. Вся она, как я помню, выросла из замысла романа о декабристах.

Л.Н.: Скажу вам правду, я совершенно охладел к этому роману. На днях заглянул в него для решения вопроса о том, исправить ли для нового издания, и, переглядывая многие места, испытал чувство раскаяния и стыда, вроде того, какое испытывает человек, видя следы оргии, в которой он участвовал. Одно утешает, что я увлекался этой оргией от всей души. А над чем работаю сейчас с сердечным увлечением, с полной уверенностью и наслаждением – это моя «Азбука».

СТРАХОВ: То есть книга – учебник – для начальной школы?

Л.Н.: Это должен быть учебник совершенно нового типа. Я вложу в него весь свой педагогический опыт. Гордые мои мечты вот какие: по этой Азбуке будут учиться поколения русских детей, от царских до мужицких, и первые поэтические впечатления получают из неё. Написав Азбуку, я смогу спокойно умереть. Но она должна быть издана в отличном виде, а моим московским издателем я не очень доволен. Как вы думаете, не найдётся ли в Петербурге издатель-печатник высокого класса?

СТРАХОВ: Я с удовольствием займусь поисками такого и готов служить посредником между вами и им. Если вы доверяете моему опыту, готов даже держать корректуры, чтобы не тратилось время на пересылку гранок в Ясную Поляну.

Л.Н.: Как я буду вам признателен, дорогой Николай Николаевич! *(Прочувствовано жмёт руку гостю.)*

Сноска за кадром:

Пока у мужчины не искоренено желание к женщинам, – пусть даже самое малое, – до тех пор ум его на привязи, подобно телёнку, сосущему молоко у матери.

Дхаммапада

Помещение суда в Мценском уезде. Фет, в судейской тоге мирового судьи, на председательском месте. Перед ним тяжущиеся: молодой столяр и его жена со своим отцом. В зале, среди зрителей, Толстой и Бибииков.

ФЕТ: *(обращаясь к молодой жене)* Значит, муж, говоришь, тебя мучает.

МОЛОДАЯ: Мучает, батюшка, трудом истязает! Корову заставляет доить, навоз в огород носить, огурцы солить, тесто месить. Разведи нас, Христа ради, мочи моей больше нет.

ФЕТ: *(мужу)* А ты желаешь жить с женою?

СТОЛЯР: Очень желаю!

ФЕТ: *(жене)* У отца твоего была корова?

МОЛОДАЯ: Никогда не было.

ФЕТ: Так муж тебе завёл корову, а ты это называешь мученьем? Если тебя отец ни до чего не допускал, тем хуже; а ты должна слушаться мужа, а не отца, который ходит да тебя смущает.

СТОЛЯР: От него-то вся и беда!

ФЕТ: А ты зачем его к себе пускаешь? Гони его вон.

ОТЕЦ: Как! Меня-то?..

ФЕТ: Известно, тебя-то!

ОТЕЦ: Как же это так?

ФЕТ: Кулаком по шее – вот как. Ты отдал добровольно дочь в чужой дом, а в чужой дом можно ходить, только угождая хозяину, а супротивника закон позволяет наладить в шею. Поэтому в последний раз говорю вам: не желаете ли подобру-поздорову помириться?

МОЛОДАЯ: Меня куда угодно, только не с ним жить. Разведи, батюшка, окажи божескую милость.

ФЕТ: Разводить никого мне закон не позволяет. То дело архиерейское. Я судья мировой, а вам для начала надо пойти в волостной суд. Но там-то ведь порядки другие. Там тебя, милая, для начала хорошенько высекут, чтобы знала, как мужа слушаться. Хочешь ли попробовать или подумаешь в последний раз? Идите, с вами всё. Перерыв на десять минут. *(Спускается в зал, пожимает руки Толстому и Бибикову)* Как я рад, что вы смогли приехать! Ещё одно дело должен разобрать, а потом сразу к нам домой. Мария Петровна, небось, заждалась уже дорогих гостей.

ТОЛСТОЙ: Ну, Фетушка, грозно вы выглядите в своём кресле! Я присяжным несколько раз заседал, и то потом каждый раз ночь не спал. Как это – чужую судьбу решать? Нет, не по мне это.

ФЕТ: Последнее дело – занятное. Местные мужики обокрали проезжих купцов, сняли ночью колёса с трёх подвод на постоялом дворе, спрятали в стогу. А подводы подпёрли чурбаками, чтобы колёса сподручнее снимать. Но дело раскрылось, воров – к ответу. Так они что удумали: подкупили местного пьянчужку, чтобы взял вино на себя и отсидел за них в остроге. Вот его-то и предстоит мне судить. Долго не займёт, потерпите ещё немного. *(Уходит)*

Л.Н.: Как у вас дома, в Телятинках, Александр Николаевич, все ли здоровы? Как Николенька, племянница, Анна Степановна?

БИБИКОВ: Дети, слава Богу, здоровы. И охота в этом году была – чистое дело марш. Одна только беда сердце сосёт...

Л.Н.: Что такое?

БИБИКОВ: Помните, я вам рассказывал про новую нашу гувернантку, фрау Фирекель? Так вот моя Анна Степановна к ней отчаянно меня приревновала.

Л.Н.: Без всяких, я думаю, оснований?..

БИБИКОВ: Как вам сказать... Наверное, что-то такое появляется на моём лице, когда наша фрау входит в комнату... Женщины ведь чувствуют такие вещи порой раньше, чем мы сами... И вот скандалы, слёзы... Тяжело...

Фет возвращается на судейское место. Становой выводит и ставит перед ним тщедушного мужичонку, который мнёт шапку в руках.

ФЕТ: *(заглядывая в бумаги)* Пархомов Никон – это ты, что ли, будешь?

ПАРХОМОВ: Я, батюшка, Никоном был крещён, точно.

ФЕТ: И пришёл ты, стало быть, с повинной, сам следователю сознался в краже колёс?

ПАРХОМОВ: Точно так. Нечистый попутал, я и взял грех на душу, преступил заповедь.

ФЕТ: Как я на тебя посмотрю, не похож ты на силача, который мог один такое дело повернуть. Расскажи-ка мне поподробнее, как тебе удалось управиться. Вот ты прокрался ночью на постоялый двор – и что?

ПАРХОМОВ: И вижу – подводы эти стоят. Ну, я и...

ФЕТ: Поснимал колёса, а потом?

ПАРХОМОВ: Потом унёс их и спрятал под стог.

ФЕТ: На себе нёс или катил по одному? Стог-то от постоялого двора – почитай, верста будет.

ПАРХОМОВ: На себе, батюшка, на своём горбу.

ФЕТ: По сколько же поднимал зараз? По два, по три?

ПАРХОМОВ: По два, кормилец, по два.

ФЕТ: Это ж, получается, ты должен был шесть ходок сделать, верста туда, верста обратно. Как тебе ночи-то хватило?

ПАРХОМОВ: Уж я не знаю, как, благодетель ты мой. Пожалей мою головушку, не суди строго. Богом клянусь, больше никогда красть не буду.

ФЕТ: А подводы, значит, оставил стоять во дворе, прямо на земле?

ПАРХОМОВ: Точно так, кормилец, точно так. С подвод-то я ничего не брал, только колёса.

ФЕТ: Я тебе так скажу, раб божий Никон: плохо тебя твои наниматели подготовили. Не догадались помянуть, что подводы были найдены стоящими на чурбанах. Надавать бы тебе по шее за всё враньё, да времена у нас теперь не те. Иди и больше не попадайся мне на глаза. А за нанимателей твоих я возьмусь, они у меня так легко не отделаются.

Сноска за кадром:

Раз мы не можем осуждать других без того, чтобы тотчас же не осудить самих себя, нужно сначала обвинить себя и тогда получишь право осуждать других. Раз всякий судья приходит, в конце концов, к покаянию, надо идти в обратном порядке и начать с покаяния, а кончить осуждением.

Альбер Камю

Лужайка перед Яснополянским домом. На ней установлен высокий столб с верёвками – «гигантские шаги». Дети с криками и визгом катаются на верёвочных петлях, с разбега подлетают в воздух, описывают дугу. Софья Андреевна и Таня Кузминская сидят в стороне на скамейке, перед ними коляска с новорожденной Машей.

С.А.: Совсем, совсем не знаю, как я буду без тебя. Как приедете, сразу пришли мне адрес, буду хоть в письмах отводить душу. Неужели для Саши не нашлось места ближе, чем Кавказ?

ТАНЯ: Ты же знаешь, его чувство ответственности за дело – превыше всего. Но и оклад главного прокурора в Кутаиси заметно выше, чем то, что он получал в Киеве. Также и для здоровья детей южный климат будет гораздо полезнее, чем наши зимы, я в этом уверена. А на лето мы обязательно приедем сюда снова. Ясная Поляна для меня и вы с Лёвочкой – это уже на всю жизнь.

С.А.: Мы ведь с тобой никогда не расставались так надолго. У меня такое чувство, будто отрывают часть души. Нет человека в мире, который бы мог меня оживить более, утешить во всяком горе, чем ты. Смотрю на эту природу, на жизнь впереди – и всё без Тани грустно, пусто, всё мне представляется мертво и безнадежно.

ТАНЯ: У тебя всегда есть Лёвочка, дети. Навещают гости и соседи, приходят ученики в школу. Нам в Кутаиси будет на первых порах гораздо более одиноко.

Толстая Софья Андреевна (урожд. Берс)

С.А.: Беспокойство за здоровье Лёвочки отзывается во мне постоянной болью. Вот ездил он в Самарскую губернию лечиться кумысом, два месяца пил, но не поправился. Болезнь в нём сидит. Я это не умом вижу, а вижу чувством по тому безучастию к жизни и всем её интересам, которое у него появилось с прошлой зимы. И что-то пробежало между нами, какая-то тень, которая разъединила нас.

ТАНЯ: Ты сама показывала мне его летние письма. Как он жадно ловит каждую весточку от тебя, как не может без слёз читать твои послания. Не заметила я в них никакой разъединяющей тени.

С.А.: Да, разлука оживляет в нём любовное чувство. Но я всегда боюсь, что он отвыкает в своих поездках от семейной жизни, а вернётся – и ещё тяжелей ему будет крик детей, заботы и однообразие. Он мне недавно объяснял, что это дурно – не думать о смерти, не быть готовой к ней. И я стала думать слишком много. Он меня тянет в то унылое,

грустное и безнадёжное состояние, в котором сам находится. И во мне переломилась та твёрдая вера в счастье и жизнь, которая была.

ТАНЯ: А если ты спросишь себя наедине с собой «чего бы мне хотелось?», что сама себе отвечаешь?

С.А.: Сказать правду? Лёвочке никогда не признаюсь, но тебе скажу: хочется веселья, пустой болтовни, хочется нарядов, хочется нравиться и чтоб говорили, что я красива, и чтоб Лёвочка это видел и слышал. Меня радуют бантики, новый кожаный пояс, хочется завиваться, даже зная, что меня никто не увидит. А потом задумаюсь и начинаю презирать себя за все эти суетные желания. И сижу весь день в тоске, с остановившимися глазами, с мыслями в голове, которые меня мутят, мучают и не дают покоя.

На дорожке появляются Толстой и Александр Кузминский. Слышен конец их разговора.

КУЗМИНСКИЙ: ...Вы так часто нападаете на королей и императоров, а вот Франция снова стала республикой, и это, я вижу, вас ничуть не радует.

Л.Н.: Республика? Чем она лучше того, что было при Наполеоне Третьем? Национальные гвардейцы расстреливали несчастных коммунаров без суда сотнями если не тысячами.

КУЗМИНСКИЙ: Я уверен, что бесчинства военного времени прекратятся, и в стране воцарится власть закона.

Л.Н.: Под властью закона вы понимаете надёжную защиту богатства богачей от обездоленных бедняков.

КУЗМИНСКИЙ: И бедняков – от богачей и друг от друга. Как это делает, например, по мере своих сил, ваш друг Фет.

ТАНЯ: Саша, ты проверил рессору у коляски?

КУЗМИНСКИЙ: Да, кузнец заклепал её на славу. Всё готово, можно ехать. Лучше подождём на станции, чем опоздать на поезд.

Л.Н.: Саша, когда оглядитесь на месте, порасспрашивай про цены на землю. Ходят слухи, что казённые земли там продают по 10 рублей за десятину. Я

был бы очень непрочь купить имение на тысячу десятин на берегу Чёрного моря. Как бы славно съезжались там на лето.

С.А.: Лёвочка, ты ещё не знаешь, как расплатиться с долгами за Самарское имение. Пока оно приносит одни убытки.

Л.Н.: Дело пойдёт на лад, когда я заведу конный завод и сумею скрестить степную лошадь с нашими.

ТАНЯ: Прощайте, дорогие мои, давайте постараемся не плакать – хорошо?

Все обнимаются друг с другом, но сёстры не могут удержать слёз. Кузминские забирают своих троих детей, идут к запряжённой коляске. Рассаживаются, машут руками в последний раз, уезжают. Дети Толстых бегут за коляской выкрикивают прощальные напутствия.

Сноска за кадром:

О, память сердца, ты сильнее / рассудка памяти печальной / и часто сладостью своей / меня в стране пленяешь дальней.

Константин Батюшков

Лунный зимний вечер. Крестьянские дети, галдя и толкаясь, покидают Яснополянскую школу. Толстой провожает их на крыльце, потом возвращается в дом. В его кабинете задержалась Анна Степановна Пирогова с десятилетним сыном Бибикова, Николенькой.

Л.Н.: Ну, что, Николенька, весело тебе было в школе?

НИКОЛЕНЬКА: Да, ничего... Только я Кыски боялся. Ждал, что он и на меня набросится с кулаками... Как он этого мальчика за вихры таскал и головой бил о стену...

ПИРОГОВА: А вы, Лев Николаевич, смотрели и не вмешивались. Почему так?

Л.Н.: Мой принцип: оставьте детей разбираться между собой, и они найдут путь к примирению гораздо лучше, чем мы, взрослые, со всеми нашими выговорами и наказаниями.

НИКОЛЕНЬКА: А чем кончилась та страшная история про абреков и казаков? Вы только начали рассказывать, а потом прибежали старшие и не дали вам кончить.

Л.Н.: Там были не только старшие, а из младшего класса тоже. Я заметил, что есть дети, которым трудно

сосредоточить своё внимание надолго. Поэтому им разрешается ходить из класса в класс и задерживаться там, где им будет интересно. Они у нас получили прозвище «гуляющих».

ПИРОГОВА: Значит, никакой дисциплине ученики не должны подчиняться? Нет, ни начала уроков, ни конца, каждый слушает, что хочет и где хочет?

Л.Н.: Дисциплина есть красивое название для нашей жажды подавлять творческое воображение и свободу ученика. Яснополянский ученик является в школу без книг и тетрадей, никакого урока, сделанного вчера, он не обязан помнить нынче. Его не мучает мысль о предстоящем уроке. Он приносит только себя, свою восприимчивую натуру и уверенность в том, что в школе нынче будет весело так же, как вчера. Он не думает о классе до тех пор, пока класс не начался. У многих молодых учителей, приезжавших к нам, такой порядок вызывал протест. Мне кажется, вы тоже отнеслись к нему с неодобрением.

ПИРОГОВА: Мой отец, как вы знаете, был полковником. У нас в доме дисциплина была чем-то вроде одиннадцатой заповеди.

Л.Н.: Да, я пытаюсь искать новые пути. В Яснополянской школе никогда никому не делают выговоров за опоздание. И учитель тоже ведёт урок, вслушиваясь в настроение класса. Иногда начнёт арифметику и перейдёт к геометрии, начнёт священную историю, а кончит грамматикой. Иногда увлечётся и вместо одного часа продлит урок до трёх.

ПИРОГОВА: Ваш старший, Серёжа, уже учит малышей грамоте. И я слышала, как он сердито кричал на того, кто не знал буквы «а»: «Пошёл вон!».

Л.Н.: Боюсь, что это моя вина. Когда я учу своих, я часто раздражаюсь и начинаю кричать на них. Но потом раскаиваюсь и прошу всех меня останавливать. А с крестьянскими детьми я всегда остаюсь спокоен. Моя мечта – предоставить преподавание грамотным из крестьян. Они бы вели своё хозяйство, а учительствовали в свободное время. Такие учителя стоили бы совсем недорого.

ПИРОГОВА: Чему же может научить преподаватель, знающий ненамного больше ученика?

Л.Н.: И своих детей, и деревенских я учу математике. Почему? Потому что сам не очень силён в ней. Именно поэтому я лучше знаю трудности. Например, таблицу умножения мои дети учат только до пяти. Всё, что свыше пяти, подсчитывается при помощи разных комбинаций на пальцах. В следующий раз я вам покажу.

ПИРОГОВА: Итак, ваше правило: никаких наказаний ученикам, так?

Л.Н.: Однажды мальчик украл у своего соседа пятиалтынный. Все были возмущены, и я придумал наказать его, повесив на спину его зипуна ярлык с надписью «вор». Он плакал ужасно, но вскоре снова украл. Мы опять навесили ему ярлык, и опять началась уродливая сцена. Я взглянул в лицо наказанного, ещё более бледное, страдающее и жестокое, чем обычно, вспомнил почему-то колодников, и мне так вдруг стало совестно и гадко, что я сдёрнул с него глупый ярлык, велел ему идти, куда он хочет, и убедился вдруг – не умом, а всем существом убедился, – что я не имею права мучить этого несчастного ребёнка. Есть тайны души, закрытые от нас, на которые может действовать жизнь, а не нравоучения и наказания.

ПИРОГОВА: То есть, взрослые не должны даже стыдить ребёнка?

Л.Н.: Наказать его стыдом – это я слышу часто. А зачем? Что такое стыд? И разве доказано, что стыд уничтожает склонность к воровству? Может быть, он поощряет её? Мы обманываем себя, думая, что наше чувство мести становится справедливым, когда мы называем его наказанием. Ещё мне говорят, что есть дети, которые очень хотят учиться, а есть шалуны, которые подбивают их убежать из школы и даже грозят побить, если те не послушаются. А я убеждён, что возможность убеганий полезна и необходима как главная гарантия чувства свободы в учениках.

ПИРОГОВА: Вы, Лев Николаевич, с таким увлечением и бескорытием отдаётесь школьному делу. Эдак наша Ясная Поляна может вскоре стать самой

грамотной деревней во всей Тульской губернии. Но мне запомнилось, что в своём романе «Война и мир» вы назвали книгопечатанье «самым мощным орудием распространения невежества». Нет ли тут противоречия?

Яснополянская школа

Л.Н.: Есть, милая Анна Степановна, и ещё какое. За свою жизнь я часто переходил от одного убеждения к другому и каждому отдавался со страстью. Естественно, что прежние убеждения при этом зачёркивались и отбрасывались. И, зная себя, боюсь, что конца этому не будет.

ПИРОГОВА: Ну, нам, пожалуй, пора. А то Александр Николаевич будет волноваться.

НИКОЛЕНЬКА: И фрау Фирекель тоже просила не опаздывать.

ПИРОГОВА: Николенька, ты в следующий раз не бойся в школу идти. Если этот Кыска посмеет на тебя напасть, я его по-простому, по-старинке так за уши оттащу, что будет плакать и маму звать. У Льва Николаевича новые теории, а нам, людям простым, надо, чтобы дети стыд имели и Бога боялись.

Л.Н.: Нет, на родительские права и чувства я пока не смею покушаться. Кланяйтесь Александру Николаевичу.

Ночь лунная, безветренная, доедете до Телятинок спокойно. Надеюсь увидеть вас обоих завтра снова. Прощайте.

Сноска за кадром:

Человеческие законы, обращающиеся к уму, должны давать предписания, а не советы. Религия, обращающаяся к сердцу, должна давать много советов и мало предписаний.

Шарль Монтескье

Январь, 1872. Комната Софьи Андреевны в Яснополянском доме. За окном – солнечный зимний день. Софья Андреевна сидит за ножной швейной машиной, шьёт мужу полотняную блузу. Сам он здесь же, послушно подставляет ей для замера гибким сантиметром то руку, то плечи, то шею.

Л.Н.: Ты меня часто упрекаешь в эгоизме, но согласись, что я эгоист только в своей умственной деятельности. Мои мысли, мне кажется, всегда должны быть интересны для всех, и я готов навязывать их всем. Но свою персону я считаю за очень малое и для самого себя, не только для других, и совсем неинтересною.

С.А.: Это верно, себя ты не навязываешь. Но порой это-то и огорчает твоих близких. Как все дети веселились, когда ты в Рождество появился на маскараде в виде козы! И плясал, и хлопал дощечками, и пугал их. Они до сих пор вспоминают и ёлку, и подарки, и как Дьяков играл поводыря двух медведей. Такие воспоминания и формируют характер весёлый, жизнеутверждающий. А когда ты уходишь снова в свою задумчивую печаль, они очень это чувствуют, воображают, что это они тебя огорчили.

Л.Н.: Но внутренне, поверь, я сейчас в очень хорошем настроении. Недавно в письме к тетушке Александрин перечислял свои радости – умные и глупые. Учить грамоте крестьянских детей, выезжать лошадь молодую, любоваться на вновь пристроенную к дому большую комнату, рассчитывать будущие доходы с купленного в Самаре имения, хорошо сыгранная с племянницей Варей в четыре руки симфония, хорошие телята – это всё глупые радости. Большие же радости, написал я, – это семья страшно благополучная, все дети живы, здоровы и, почти уверен, умны и неиспорченны, и

занятия. В прошлом году это был греческий язык, в этом – моя азбука.

С.А.: Мне кажется, что ты так увлёкся своей «Азбукой», имея заднюю мысль, что и наши дети будут по ней учиться. Вот летом появится шестой – и сможет учить буквы не по Псалтырю, а по твоей азбуке.

Л.Н.: Страхов думает, что к осени удастся выпустить первые книжки. Я пошлю сразу и Кузминским, и сестре Маше.

С.А.: Ну, Машиным дочерям уже пора философов читать. Разве что их будущим детям. Мне так хочется, чтобы у Вари с её Нагорновым всё сложилось счастливо. А ты так ясно показал им обоим своё неодобрение по поводу вступления в брак, что Варя потом тихо плакала в моей комнате.

Л.Н. Виноват, не совладал с собой. Но знаешь, я впервые испытал чувства *жесток*ого отца, какие бывают в комедиях. В Нагорнове нет ничего дурного, отличный молодой человек, но подвернись он мне на охоте, я мог бы убить его. Избави Бог дожить до невесты дочери. Вскипает чувство жертвоприношения, заклания на алтаре какого-то страшного и цинического божества.

С.А.: Так вот с кого ты писал старого Болконского! С самого себя. Как он не хотел княжну Марью отдавать замуж – очень убедительно написано. Он ведь и сыну не разрешал жениться во второй раз. Читатели «Войны и мира» говорили мне, что это единственное место в романе, которому трудно поверить: чтобы взрослый сын, офицер, послушался отца и отложил свадьбу на год. Если ты ждёшь такого послушания от наших сыновей, когда они повзрослеют, боюсь, тебя ждёт горькое разочарование.

Л.Н.: Это отцовское чувство не имеет под собой никаких реальных оснований, оно...

В это время хлопает входная дверь. Раздаются шаги и появляется Александр Николаевич Бибииков – в шубе, в заснеженной шапке, с лицом, покрытым то ли тающим снегом, то ли слезами. Пытается заговорить – но не может и с рыданиями опускается на скамью. Толстые подбегают к нему с обеих сторон.

С.А.: Александр Николаевич, дорогой, что? Что случилось?

Л.Н.: Я сейчас... Воды ему... Соли понюхать...

БИБИКОВ: Анна Степановна... Ну, как же она могла... Да, вышла ссора, она оскорбила фрау Фирекель... Я ей сказал, чтобы она не смела так себя вести... Она обиделась, уехала к матери в Тулу... Я думал, что дня через два-три всё образуется, она вернётся... И вот она вернулась!.. И прислала письмо со станции с ямщиком... *(Достаёт письмо, даёт его Софье Андреевне)*

С.А.: *(читает письмо)* «Вы мой убийца; будьте счастливы с ней, если убийцы могут быть счастливы. Если хотите меня видеть, вы можете увидеть моё тело на рельсах в Ясенках...»

Л.Н.: Да это просто угрозы, истерика... Женщины от ревности могут сказать что угодно...

БИБИКОВ: Какие там угрозы... Приезжал верховой от следователя, меня требуют для опознания тела... А я не могу, не могу даже лошадью править... Глаза застилает... Одна муть впереди... Не могу...

Л.Н.: Боже мой, как же так!.. Успокойтесь, дорогой, придите в себя... Она совсем недавно была снова в школе с Николенькой, мы так хорошо беседовали с ней...

С.А.: *(кладёт Бибику по голове, по плечам)* Какие несчастья обрушивает на нас судьба, сколько сил нужно... Только молиться Всевышнему, молиться о душе отлетевшей и о себе...

Л.Н.: Я поеду с вами... Сейчас, только возьму шубу и шапку и мы поедем... По дороге расскажете мне всё-всё, отведёте душу...

Оба уходят, Толстой поддерживает Бибику за плечи.

Пустая комната в станционном полицейском участке. Посредине стол, на нём – обнажённое изуродованное тело покойницы. Толстой и Бибику ошеломлённо смотрят, сняв шапки. Тут же следователь с протоколом в руках. Бибику поворачивает к нему голову, кивает.

Сноска за кадром:

Не подходите к ней с вопросами, / вам всё равно, а ей – довольно: / любовью, грязью иль колёсами / она раздавлена – всё больно.

Александр Блок

Яснополянский дом, сентябрь, 1872. Софья Андреевна кончает кормить грудью новорожденного Петю, отдаёт его Ханне. Входит Д.А. Дьяков.

ДЪЯКОВ: Софья Андреевна, что происходит? Какие-то слухи о продаже имения, об отъезде... Я ничего не понял из записки Лёвочки.

С.А.: Ой, Дмитрий Алексеевич, как хорошо, что вы приехали!.. Лёвочка в ужасном настроении, порой даже в ярости...

ДЪЯКОВ: Да что произошло?

С.А.: Весь год был такой хороший... Жили дружно, ждали рождения Пети... Он радовался новой пристройке, радовался своей работе над «Азбукой», готовился писать роман о Петре Первом. В июле ездил в Самарское имение. И вот пока он был в отъезде, случилось несчастье: молодой бык из нашего стада забодал пастуха, и тот умер. Казалось бы, всё ясно – несчастный случай, в котором и винить-то некого. Так нет: в августе приезжал следователь с понятыми и заявил, что затевается судебное дело по этому поводу. Будут производить дознание, расследование. Потребовал от Лёвочки дать подписку о невыезде. «А если я не дам?», спросил Лёвочка. «Тогда я посажу вас в острог». Мальчишка, сопляк!.. И смеет так разговаривать с отцом шести детей!..

ДЪЯКОВ: В каком же качестве Лёвочку привлекают? Свидетелем? Или даже обвиняемым?

С.А.: Про это я сама не могу понять... Вот он спускается, сам всё расскажет.

Толстой спускается по лестнице, обнимает Дьякова.

Л.Н.: Ну, ты слышал? Как тебе нравится эта история? Чего здесь больше – глупости или наглости?

ДЪЯКОВ: расскажи по порядку.

Л.Н.: Бык, в то время как я в Самаре, убивает человека – пастуха. Я, когда и дома, по месяцам не вижу

управляющего, не занимаюсь хозяйством. Приезжает какой-то юноша, говорит, что он следователь, спрашивает меня, законных ли я родителей сын и тому подобное. Потом объявляет мне, что я обвиняюсь в действии противозаконном, от которого произошла смерть, и требует, чтобы я подписал бумагу, обещая не выезжать из Ясной Поляны до окончания дела.

ДЪЯКОВ: Да какое же действие ты совершил, находясь в отъезде?

Л.Н.: Это самое я спрашиваю у прокурора в Туле. Он говорит, что следствие и должно определить, какое, а если я не подпишу бумагу, тогда – острог. Я подписываю и справляюсь: скоро ли может кончиться дело? Мне говорят: по закону товарищ прокурора должен кончить в неделю, то есть прекратить или составить обвинение. А я знаю их сроки – у меня в деревне мужик дожидается четвёртый год этой недели. Может протянуться сколько им угодно. Проходит три недели. Справляюсь – что же? Не только не сделано заключения, но дело ещё не доехало до них. Из Ясенок в Тулу – пятнадцать вёрст.

ДЪЯКОВ: Ах, крючкотворы!

Л.Н.: то ещё не всё. На беду в это самое время я призван исправлять должность присяжного и должен ехать в суд. Спрашиваю у председателя суда. Он мне пишет, что я прав буду, не ездя. Пишу бумагу в суд: не могу ехать, потому что под следствием. Товарищ прокурора публично заявляет, что я не могу быть присяжным, потому что я обвиняюсь в преступлении по статье 1466, то есть в убийстве. Ты понимаешь, как это приятно.

ДЪЯКОВ: Уверен, что они что-то против тебя имеют. Так издеваться над человеком можно только по личной злобе.

Л.Н.: Но ведь я никого из тульских не знаю и знать не хочу, никому ни в чём не мешаю, одного молю у Бога и людей – спокойствия, занят с утра до вечера работой, требующей всего внимания.

С.А.: Лёвочку порой за столом не видно из-за гор книг по физике, астрономии, ботанике, которые он читает для своей «Азбуки».

Л.Н.: Итак, суд накладывает на меня штраф в 225 рублей и требует, чтобы я явился исправлять должность присяжного, иначе я предаюсь суду. Нечего делать: я с письмом председателя суда, в котором сказано, что я юридически прав, не ездя на суд, приезжаю и доставляю этим господам удовольствие забавляться мною.

ДЪЯКОВ: Я вспомнил один несчастный случай в Орловской губернии. Там хозяин парома нанял мальчонку лет четырнадцати паромщиком, и он как-то ночью ухитрился упасть за борт и утонул. Хозяина обвинили в том, что он поручил опасную работу малолетнему, чтобы не платить взрослому полную плату. Ты не знаешь, сколько лет было погибшему пастуху?

Л.Н.: Не знаю и знать не хочу. Хочу лишь одного: чтоб меня оставили в покое, как и я всех оставляю в покое. Нам говорят, что закон призван охранять нас от воров, разбойников, поджигателей. Я за двадцать лет жизни в Ясной поляне не видал ни разбойников, ни поджигателей и ошибочно считал себя в безопасности. Ошибочно, потому что забыл про суды: жизнь моя безопасна от всего, кроме как от приложения закона. Я убедился, что нельзя ни одному русскому человеку при новых судах жить спокойно, несмотря на все старания обезопасить себя от незаслуженных страданий и унижений.

ДЪЯКОВ: Ты, Лёвочка, не видал разбойников, потому что не хочешь их видеть. У тебя ночью срубят дерево в роще – ты скажешь: «мужику нужнее». Тебе поджигают оранжерею – ты говоришь, что пожар произошёл случайно. Какой-то негодяй наваливает кучу хвороста на дороге, и твоя коляска ночью переворачивается, беременная жена вылетает на землю, но ты и тут отказываешься прибегнуть к защите закона. Я стою на том, что любой несчастный случай должен быть расследован судебными властями, чтобы отличить, где виновата злая судьба, а где – злой или жадный человек.

Л.Н.: Сама мысль, что мне надо будет стоять перед судьёй, которого я никак не могу уважать, потому что знаю его личную жизнь, а он будет приказывать мне, когда говорить, а когда молчать, наполняет меня чувством

невыносимого унижения. Я с самого начала решил: если будет суд, я уеду за границу. Лучшее, что может сделать человек, уважающий себя, это уехать от того безобразного моря самоуверенной пошлости, развратной праздности и лжи, лжи, лжи, которая со всех сторон затопляет тот крошечный островок честной и трудовой жизни, который я себе устроил.

С.А.: Куда же ты хочешь уехать?

Л.Н.: А хотя бы в Англию. Мне кажется, что только там свобода личности обеспечена, ограждена от всякого уродства для независимой и тихой жизни. Конечно, на переезд понадобится много денег. Я потому и попросил тебя, Дмитрий, приехать, чтобы посоветоваться с тобой о продаже. Пойдём ко мне в кабинет, ты мне расскажешь, какие сейчас цены на землю и сколько я смогу выручить за неё, если понадобится срочно продавать.

Уходят. Софья Андреевна всплескивает руками и смотрит им вслед в полном отчаянии.

Сноска за кадром:

Хороший гражданин должен знать и уметь как подчиняться власти, так и сам властвовать.

Аристотель

Конец третьего акта

Акт 4

Анна

Речной пароход стоит у пристани, на которой крупными буквами написано: КАЗАНЬ. На пароходе – название компании: «Кавказ и Меркурий». Последний гудок, матросы убирают сходни. Пароход медленно отплывает. Дата: июнь, 1873. На верхней палубе, учитель детей Толстых, Фёдор Фёдорович Кауфман (36 лет), любуется речной панорамой. Софья Андреевна, с годовалым Петей на руках, поднимается по внутренней лестнице, присоединяется к нему.

С.А.: Если бы не гудок, я бы, наверное, спала и спала.

КАУФМАН: Как раз вовремя проснулись. До заката ещё часа два, сможете полюбоваться рекой.

С.А.: Дети в таком радостном возбуждении, носятся по всему пароходу. Боюсь, не подцепили бы какую-нибудь

заразу в третьем классе. Или насекомых. Но когда доедем до Самарского хутора, вы, Фёдор Фёдорович, пожалуйста, возобновите уроки немецкого с ними.

КАУФМАН: Непременно. Пока наше путешествие проходит прекрасно, не правда ли? И граф, мне кажется, в превосходном настроении.

С.А.: А знаете – почему? Потому что у него вдруг пошёл новый роман. Это уже мною замечено: когда работа у него идёт хорошо, настроение сразу улучшается. Всю весну болел, жаловался на боли в боку. В какой-то момент подозревали даже чахотку. Поэтому и решили, что необходимо ехать в степи, лечиться кумысом. Вдобавок новое несчастье: как и в прошлом году, опять бык забодал пастуха. Лёвочка ухаживал за раненым до конца, ужасно переживал. Мы ждали, что опять его будут вызывать в суд, но обошлось. И вдруг однажды утром он выходит к утреннему кофе довольный и говорит: «Знаешь, я вчера написал полтора листа – и кажется, ничего».

КАУФМАН: Это будет роман о Петре Первом?

С.А.: В том-то и дело, что нет. Вдруг увлётся темой из современной жизни. Великосветская дама из Петербурга влюбляется в гвардейского офицера и настолько серьёзно, что всё может кончиться трагедией. Интересно, что толчком послужили «Повести Белкина». Томик Пушкина лежал на подоконнике, он взял его, открыл наугад и прочёл начало отрывка «Гости съезжались на дачу...». Воскликнул: «Вот как надо начинать романы!». И действительно, первая строчка прямо вводит в семейный скандал и в действие: «Всё смешалось в доме Облонских». Но Лёвочка не может не переделывать по двадцать раз, так что в окончательном виде может оказаться и по-другому. Однако так или иначе, Пушкина он считает своим учителем и всегда вдохновляется его прозой.

КАУФМАН: Вчера граф опять выражал беспокойство по поводу тесноты Самарского имения. Как мы там разместимся, все шестнадцать человек, считая прислугу?

С.А.: Придётся снимать дополнительное жильё по соседству. Нас могло ведь быть ещё больше: моя сестра

Таня собиралась присоединиться к нам вместе с детьми и гувернанткой. И вдруг эта трагедия – смерть её старшей, шестилетней Даши. Они уезжали на Кавказ, надеясь, что там климат более здоровый, – и нате вам...

КАУФМАН: Мальчики, Серёжа и Илья, так плакали, когда пришло это известие. Я не мог придумать, чем их утешить.

С.А.: К сожалению, у них не будет на хуторе любимых летних развлечений. Нет ни речки, ни озера для купанья, ни леса с грибами и ягодами. Голая степь, да жара, да мухи.

КАУФМАН: Но граф говорил, что охота там прекрасная. Я мечтаю подстрелить редкую птицу – дрофу.

На палубу вбегает девятилетняя дочь Таня.

ТАНЯ: Папá, папá!.. В третьем классе едет медвежонок в клетке, иди посмотри!.. А где же папá?

С.А.: Наверное, в каюте.

ТАНЯ: Нет, в каюте нет. Я обегала весь пароход – нигде не нашла. Думала, он здесь, наверху.

С.А.: Боже мой, Фёдор Фёдорович, что могло случиться?

КАУФМАН: Последний раз, я видел, как граф со старшими мальчиками сходил на берег. Объявили, что пароход будет долго нагружаться углём, и они решили прогуляться. Это было часа три назад. Я был уверен, что они давно вернулись.

С.А.: Какой ужас! Я так и ждала, так и ждала какого-нибудь несчастья от этой поездки!

КАУФМАН: *(поспешно идёт к рубке, стучит в окно; обращается к вышедшему капитану)* Господин капитан, у нас беда. Не можем найти графа Толстого и его сыновей. Есть подозрение, что они остались на берегу.

ТАНЯ: А вдруг Илья упал в воду?!.. Он такой шалун!.. И папá кинулся его спасать!.. Вдруг они утонули!.. *(Плачет)*

КАПИТАН: Если остались на берегу, приедут в Самару завтра, следующим пароходом.

КАУФМАН: А если, действительно, несчастный случай? Ведь ответственность ляжет на вас...

С.А.: Капитан, умоляю: прикажите вернуться!.. Мы заплатим за время, за лишний уголь... Представьте себе: они ночью останутся одни, без денег, в чужом городе, без тёплой одежды, без крыши над головой...

КАПИТАН: *(поколебавшись, подходит к рубке, открывает дверь и командует)* Задний ход!

Пароход делает широкую дугу по водной глади, плывёт назад. Пристань приближается. Издалека на ней видны три фигурки. Толстой, смущённый, стоит, положив руки на плечи сыновей. Десятилетний Сергей строго смотрит перед собой. Семилетний Илья рыдает.

ИЛЬЯ: Не подожда-а-а-али!.. Опять нас не подождат-а-а-али!..

Все трое поднимаются по опущенным сходням. Толстой виновато разводит руками, обращается к подбегающей жене.

Л.Н.: Хотел показать детям места моей юности, Казанский университет... Но город оказался так далеко от пристани... Прости, не рассчитал... Ты же знаешь, если чему увлекусь, время куда-то исчезает...

Софья Андреевна без слов обнимает его, прижимается щекой к груди. Таня грозит пальцем братьям. Учитель Кауфман, с Петей на руках, только качает головой. Капитан командует: «Полный вперёд!».

Сноска за кадром:

Русский человек воображает, что уж коли ему принадлежит одна шестая земного пространства, то времени, наверное, – пять шестых.

Неизвестный автор

Крупным планом – плуг взрезает сухую землю. Панорама раздвигается, и мы видим, что борозда тянется далеко-далеко по степи, образуя гигантский круг. Всё пространство вокруг скромного самарского хутора Толстых уставлено бакирскими кибитками, юртами, крестьянскими телегами. В центре – дюжина юных конников, на степных лошадаках без сёдел, готовится к скачкам, устроенным графом Толстым. Он взмахивает платком, и кавалькада со свистом и гиканьем устремляется вдоль борозды в степь. Дети Толстых забрались на крышу семейного дормеза, воят и машут

руками. Внутри Софья Андреевна, прикрывшись платком, кормит грудью Петю. Толстой подходит к крестьянской телеге, усаживается на ней рядом с пожилым крестьянином.

Л.Н.: Ну что, Василий Никитич, в этом году опять одну пшеницу посеяли?

КРЕСТЬЯНИН: А как же, ваше сиятельство. Хлебушек – первое дело.

Л.Н.: Не выдержит земля такого. Ей нужны перемены: овёс, конопля, кукуруза, гречиха, просо. Даже картофель.

КРЕСТЬЯНИН: Это чёртовы яблоки, что ли? Ещё наши отцы против них бунтовали.

Л.Н.: И какой в этом году ждёте урожай?

КРЕСТЬЯНИН: А что ж, я так полагаю, не хуже, чем о прошлом годе будет.

Л.Н.: Что-то не верится. По моим расчётам получается, что голода вам зимой не миновать. Я проверял: запасов у мужиков нет никаких.

КРЕСТЬЯНИН: Это двистительно так, двистительно... Многие не умеют запасаться, не хотят думать далеко вперёд. А как же ты, кормилец, проверял?

Л.Н.: Ходил по домам в твоей Гавриловке, заворачивал в каждый десятый двор, опрашивал. Сколько хлеба собрали в этом году, какой запас с прошлого года, сколько едоков, сколько рабочих рук, сколько долгов, сколько недоимок. Получается, что нет никакой возможности у людей пережить зиму.

КРЕСТЬЯНИН: Ты, то есть, опрашивал, а мужик тебе отвечал – так что ли?

Л.Н.: Именно так.

КРЕСТЬЯНИН: Он отвечал, и ты ему верил?

Л.Н.: С чего бы он стал мне неправду говорить?

КРЕСТЬЯНИН: Ну, сам подумай – кто ты ему есть? Ты – барин, зачем пришёл – непонятно, какая тебе в этом корысть – ему невдомёк. Неужто он тебе станет свой запас открывать? Вдруг ты подсчитаешь на своих счётах и двистительно обложишь его новым налогом. Нет, ни за что

он тебе правды не скажет. Явился бы ты ко мне – я бы не сказал.

Л.Н.: Всё равно, я ясно вижу, что беда идёт. Уже написал большую статью с призывом начать сбор пожертвований в пользу голодающим в Самарской губернии. Будет напечатана в обеих столицах, старой и новой.

КРЕСТЬЯНИН: Пожертвования – это всегда хорошо, никогда двистительно не помешают.

Издалека приближается топот копыт, свист и гиканье. Всадники завершают первый круг, растянувшейся вереницей уносятся на второй. Башкиры, кричат и машут руками своим, потом рассаживаются широким кругом на коврах, начинается музыка, пенье, пляски. Под звуки зурн и дудок танцоры выходят по очереди в открытое пространство, исполняют восточные танцы. Один музыкант исполняет старинные мелодии «горловым органчиком», его слушают с благоговением.

Софья Андреевна и учитель Кауфман прогуливаются среди табора, здороваются со знакомыми башкирами и казаками.

С.А.: Видите, Фёдор Фёдорович, кое-кто из башкир приехал с жёнами. Это я их уговорила, объяснила, как скучно женщинам проводить всю жизнь в кибитках и юртах. Они же ничего не видят в жизни, кроме лошадей и баранов. Наш знакомый мулла привёз всех троих. Я его благодарила, но, кажется, сделала одну глупость: похвалила буланую лошадку в его табуне. Забыла, что, по их обычаям, если гость что-то похвалит, надо ему это подарить.

КАУФМАН: Я тоже с трудом подчиняюсь их обычаям. Когда мы пируем у них, каждый раз с ужасом жду, что хозяин начнёт мне рукой совать в рот куски баранины.

С.А.: А детям это даже понравилось. Вчера за обедом они начали совать куски мяса в рот друг другу, и мне их было не унять. А вы опоздали к обеду – опять охотились?

КАУФМАН: Нет, ездил посмотреть на новую находку в степном кургане. Пахари нашли в земле наконечник старинного копья. Стали копать в этом месте –

открылось древнее скифское захоронение. Скелеты человека и лошади, сбруя, оружие. Надо будет сообщить об этом учёным в Москве.

С.Н.: Обязательно. Кстати, мы, наконец, вчера доели дрофу, подстреленную вами. Она, действительно, очень вкусна. Не собираетесь снова попытать счастья?

КАУФМАН: Очень осторожная птица, очень чуткая. Буду пытаться, но ведь до отъезда уже осталось мало дней. И с детьми надо заниматься. А степная жизнь их так возбуждает, что они не могут сосредоточиться на учёбе. И надо мной постоянно хихикают. Открыли мою великую тайну: что у меня не свои волосы, а парик. Не понимаю, что тут смешного.

Они приближаются к кругу, в котором состязаются борцы. Двое башкир садятся друг перед другом, упираются подошвами, а руками хватаются за крепкую палку. Задача состоит в том, чтобы перетянуть соперника, заставить его встать на ноги. Вдруг в круге появляется Толстой, принимает участие в борьбе. Одного за другим он побеждает башкир, поднимает их на ноги. Но потом к нему приближается казачий старшина восьми пудов веса и усаживается напротив. Состязание начинается всерьёз. Шея Толстого напрягается, руки дрожат от усилий. Софья Андреевна в волнении следит за противоборством. Наконец, старшина перетягивает и поднимает Толстого на ноги. Тот натянуто улыбается и поздравляет соперника.

Снова топот копыт и крики «едут, едут!». Один за другим юные жокеи завершают скачку. Толстой вручает призы: заграничное ружьё, серебряные часы, шёлковый халат.

Гости благодарят хозяина, начинают разъезжаться. Молодой башкир подводит буланую лошадку к Софье Андреевне, вручает поводья Толстому.

Л.Н.: Что такое, зачем?

С.А.: Лёвочка, прости, это я дала такой промах. Похвалила лошадку в табуне муллы – и вот результат. Мне так неловко, я ведь знала про их обычай.

Л.Н.: Ничего, не расстраивайся. Я его до отъезда чем-нибудь отдарю. Но не могу передать тебе, как мне нравится эта их щедрость. В следующий раз, как приедет Фет и похвалит какую-нибудь корову в нашем стаде – тут же отдам её ему.

Конная фигура башкира с арканом

Сноска за кадром:

И кто захочет взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два.

Евангелие от Матфея, 5:40-41

Снова в Ясной Поляне. Сентябрь 1873. Толстой, в просторной крестьянской блузе, сидит в кресле. Перед ним художник, Иван Николаевич Крамской, за мольбертом. На полотне – набросок портрета углём.

Л.Н.: Я слышал, что лет десять назад молодой художник Крамской устроил в Академии настоящий бунт.

КРАМСКОЙ: Да не я один. Нас было четырнадцать студентов, которые отказались делать дипломную работу на заданную тему.

Л.Н.: А какая тема была у вас?

КРАМСКОЙ: *(продолжая работать)* Мне предложили написать «Пир в Валгалле». Мой профессор объяснял мне, что для художника здесь открываются огромные возможности. Тела воинов можно располагать в

самых напряжённых и драматичных позах и сочетаниях. Он искренне не мог понять, как нам невыносимо наскучили все эти мифы – хоть греческие, хоть римские, хоть скандинавские. Мы вышли из Академии и вскоре образовали товарищество передвижных выставок. Оно, как вы наверное знаете, имеет нынче большой успех.

Л.Н.: Какой сюжет вы выбрали для последней выставки?

КРАМСКОЙ: В прошлом году я закончил и выставил картину «Христос в пустыне». Работал над ней несколько лет, много раз возвращался и переделывал.

Л.Н.: Очень, очень хотел бы взглянуть на неё, хотя бы на фотографию. К образу и учению Христа я тоже возвращаюсь постоянно. Ни о ком так много не думаю последнее время, как о нём. Но должен признаться, что многие церковные истолкования Евангелия мне принять всё труднее и труднее.

КРАМСКОЙ: Какие, например?

Л.Н.: В первую очередь – когда благословляют и осеняют крестом оружие православного воинства. Перед полком, выступающим в поход, поднимают хоругвь с портретом Того, кто сказал «не противься злу насилием». Можно, конечно, говорить, что учение Христа трудно, что исполнять его – не каждому под силу. Но если и дальше утверждать, что он не произносил тех слов, которые сохранились в Священном писании, или, что они значат не то, что они значат, что тогда останется от Евангелия?

КРАМСКОЙ: Работая над своей картиной, я перечитывал Евангелие много раз, и бывали моменты, когда впадал в растерянность и смущение. «Не заботься о завтрашнем дне», «враги человеку – домашние его» – как это нужно понимать?

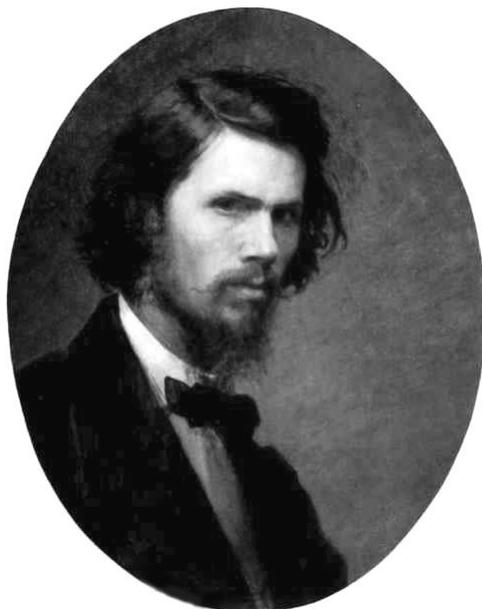
Л.Н.: А не приводило вас в смущение требование Христа: «Не клянитесь вовсе»? При том, что церковь заставляет клясться и присягу принимать под знаком креста? И ещё – чудеса. Непорочное зачатие, превращение воды в вино, воскрешение Лазаря – уверен, что всё это поздние добавки к легенде, вставленные новообращёнными эллинами. Именно чудесами дьявол в пустыне соблазняет

Христа доказать истинность своего учения. «Преврати камни в хлеба», «бросься со скалы и не разбейся» – но Христос отвергает эти искушения. Вы в своей картине изобразили дьявола?

КРАМСКОЙ: Нет – только Христос сидящий, и камни кругом, и вечернее небо.

Л.Н.: И, конечно, имя художника: «Иван Крамской», так?

КРАМСКОЙ: Да, как водится.

Портрет художника Крамского

Л.Н.: В старину так не водилось. Православный иконописец и подумать не смел бы поставить своё имя под иконой. Он священнодействовал кистями и красками. Ставить своё имя – это всё с Запада к нам пришло, от Рафаэлей с Леонардами. А кто это вам сказал, что Толстой живёт в полном одиночестве и никого к себе не подпускает?

КРАМСКОЙ: Так про вас говорят в Петербурге. Вот несколько лет назад, после невероятного успеха «Войны и

мира», Третьяков попросил через Фета у вас разрешения написать ваш портрет – и вы отказали.

Л.Н.: И на этот раз вы решили...

КРАМСКОЙ: Я, конечно, не посмел бы вторгнуться к вам незваным. Снял дачу неподалёку, на той дороге, по которой вы – как мне сказали – иногда проезжаете верхом. Надеюсь незаметно сделать несколько набросков, а потом изобразить вас на лошади, в кафтане.

Л.Н.: Точно какого-нибудь генерала перед боем – нет уж, избавьте. Хорошо, что Соня узнала о вашем пребывании в наших краях и пригласила в дом. Скоро сюда приедет совещаться целая ватага сельских учителей, тогда сами убедитесь, что слухи о затворничестве Толстого – полная ерунда.

КРАМСКОЙ: Вы сейчас работаете над новым произведением? В столице ждут роман из эпохи Петра Первого.

Л.Н.: Нет, начал другое – из нашей современности. Действие будет происходить в обеих столицах и в деревне. Я городскую жизнь не люблю, боюсь, как бы это не отразилось в романе. Постараюсь следить за собой. Надеюсь, что и наши с вами разговоры помогут мне лучше понять современный Петербург, особенно молодёжь, которую я хуже знаю.

КРАМСКОЙ: Многие мои друзья, прочитав «Войну и мир» заразились от ваших героев – от Пьера, от князя Андрея – привычкой вглядываться в собственные настроения, в свой характер. И кое-кто жаловался на то, что это оказывает на душу иссушающий эффект.

Л.Н.: Я, знаете ли, смолоду стал преждевременно анализировать всё, включая и собственные чувства, и немилостиво разрушать. Часто боялся, думал – у меня ничего не останется целого. Но вот я старею, а у меня целого и невредимого много больше, чем у многих моих сверстников, веривших во всё, что я нещадно разрушал.

Открывается дверь, и Софья Андреевна вносит поднос с пирожками и сливками. Ставит поднос на стол, смотрит на портрет на мольберте.

С.А.: Лёвочка, Иван Николаевич работает над твоим портретом только второй день, а уже успел разглядеть, каким ты можешь быть грозным. Думаю, из всех евангельских заповедей трудней всего тебе будет выполнить «не судите, да не судимы будете».

Л.Н.: Я эту заповедь понимаю так: «Не участвуйте в судах человеческих». Хотя сам, грешный, был уже много раз и присяжным, и даже защитником.

КРАМСКОЙ: Как же мы тогда должны понимать слова «кто же гневается на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему *рака*, тот подлежит синедриону». Разве здесь Христос говорит не о человеческих судах?

С.А.: Наконец-то! Наконец-то есть кто-то, кто знает Евангелие не хуже Льва Николаевича и может ему возразить. Но портрет ваш, Иван Николаевич, уже сейчас производит на меня сильнейшее впечатление. Как жаль, что вы должны увезти его Третьякову в галерею.

КРАМСКОЙ: Если вы захотите, я могу сделать для вас второй вариант. Или просто копию.

С.А.: О, это было бы чудесно. Лёвочка, я знаю, ты терпеть не можешь фотографироваться. Но разреши Ивану Николаевичу сделать копию, пожалуйста. Ты так часто в отъезде – я буду смотреть на неё и легче перенесу разлуку.

Л.Н.: Ну, хорошо, уступаю. Но это ни в коем случае не должен быть подарок, Иван Николаевич. Мы обязательно оплатим труд художника.

КРАМСКОЙ: Третьяков оплачивает этот заказ очень щедро, так что я никак не буду в убытке. Но если вы настаиваете...

Л.Н.: Да-да, непременно.

Вместо сноски за кадром – знаменитый портрет Толстого работы И.Н. Крамского (1873)

Санная кибитка подъезжает к крыльцу Яснополянского дома. Из неё выходят Дмитрий Алексеевич Дьяков, его дочь Маша и её гувернантка, Софеш (Софья Робертовна Войткевич, 29 лет). Оживлённо переговариваясь, они вносят в дом чемоданы.

ДЬЯКОВ: *(поднимаясь по лестнице)* А ну, принимайте незваных!

Вбегают в верхнюю залу и застывают на пороге. Вся семья Толстых, одетая в чёрное стоит вокруг стола. Горят свечи. На столе – маленький гроб, обитый серебристой тканью. Неподвижное тело Пети одето в белое платье. Ручки с потемневшими ногтями сложены, золотистые волосы кудрявятся на висках и на лбу. Софья Андреевна, отнимает платок от глаз, идёт навстречу Дьякову, обнимает его.

С.А.: *(негромко)* Как это случилось – Бог знает. Больше всего похоже на круп. Началось хрипотой, которая усиливалась всё более и более, и через двое суток его унесло. Последний час хрипота уменьшилась, и он как бы тихо заснул. Страдал, кажется, мало, спал очень много во время болезни. Ни судорог, ни мучений – и за то слава Богу. Я хожу как потерянная, всё жду услышать, как бегут быстрые ножки и как кличет меня его голосок.

ДЬЯКОВ: Господи, горе-то, горе какое! А мы врываемся со своими криками, ничего не зная, ехали в Москву, решили завернуть к вам...

Маша и Софеш осторожно входят в залу, обнимают по очереди заплаканных детей, Толстого, прислугу. Толстой подходит к Дьякову, прижимает его к груди.

Л.Н.: Это очень хорошо, что вы приехали, очень хорошо. Вместе поедem в церковь. Первая смерть за одиннадцать лет в нашей семье. Соне особенно тяжело. Ни один ребёнок, кажется, не был так к ней привязан, как этот.

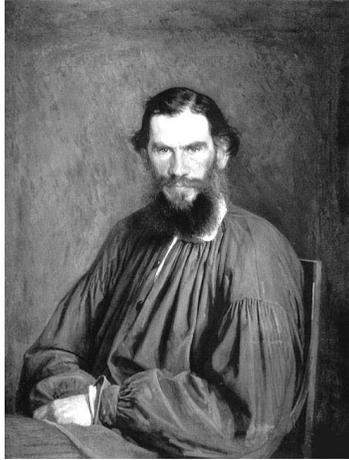
С.А.: И ни один не сиял таким весельем и такой добротой. Во все грустные часы, во все минуты отдыха после ученья детей, я брала его к себе и забавлялась им, как никem другим.

Девятилетняя Таня подходит к родителям, берёт руку Дьякова.

ДЬЯКОВ: Бедная, бедная моя крестница! Потеряла братика... Ну, не плачь, утешься...

ТАНЯ: Сначала у нас щенок заболел, а потом Петя. Щенку давали молоко с хлебом, он не хотел есть и Петя

старался его заставить. У нас проходная внизу с каменным полом, я видела, как Петя там учил щенка: сам брал кусочки хлеба из чашки и совал ему в мордочку. Тот не хотел, тогда Петя сам стал есть, показывал ему. Я ему велела не есть из щенячьей чашки.

И.Н. Крамской. Портрет Л.Н. Толстого (1873)

ДЬЯКОВ: Молодец, правильно. А куда же нянька смотрела?

Л.Н.: Марья Афанасьевна уже совсем стара, ей за детьми не углядеть. А другой няньки у нас нет.

С.А.: Ты сказал, что это первая смерть в нашей семье. А Танина Даша? Кузминские тоже наша семья. Вот год какой страшный... Весной – Даша, осенью – Петя.

Л.Н.: Когда я писал Тане Кузминской утешительное письмо, то призывал её не стараться забывать все тяжёлые минуты, которые она пережила, а жить всегда с ними. Потому что в смерти близкого существа, особенно такого прелестного существа, как ребёнок, есть удивительная, хотя и печальная, прелесть. Зачем жить и умирать ребёнку? Это страшная загадка. Одно для меня есть объяснение: мы должны делаться лучше после этих горестей. Главное, без ропота, а с мыслью, что нам нельзя понять, что мы и зачем, и только смиряться надо. Смерть – это только одна из

важных ступеней в жизни, через которую должны пройти все люди.

ДЬЯКОВ: Конечно, мы непременно поедем с вами в церковь. Но ты-то как, Лёвочка? Я помню, как ты напал на вашего попа и на обряды вообще.

Л.Н.: Год назад я ездил к брату Сергею, потому что у него тоже умер ребёнок. Он тоже против обрядов, но мать настояла, чтобы всё было по церковному. И потом я подумал: ну, а что бы брат сделал, чтобы вынести, наконец, из дома разлагающееся тело ребёнка? Как вообще прилично кончить дело? Лучше нельзя, как с панихидой, с ладаном и так далее. Хочется вполне выразить значительность и важность, торжественность и религиозный ужас перед этим величайшим в жизни каждого человека событием. И я тоже ничего не могу придумать более приличного для всех возрастов, как обстановка религиозная. Для меня, по крайней мере, эти славянские слова отзываются совершенно тем самым метафизическим восторгом, который ощущаешь, когда задумываешься о нирване. Религия уже тем удивительна, что она столько веков, стольким миллионам людей оказывала ту услугу, наибольшую услугу, которую может в этом деле оказать что-либо человеческое.

Софья Андреевна с благодарностью обнимает мужа, прижимается щекой к его груди. Потом Толстой и Дьяков поднимают гробик и начинают выносить его из залы.

Сноска за кадром:

Кажется, чем-то лёгким придавлено горе на земле, и когда-нибудь все заплачут и прижмутся друг к другу... Одно горе делает сердце человеку.

Андрей Платонов

Квартира Екатерины Фёдоровны Тютчевой в Москве, март 1874. Входит Толстой. Хозяйка (ей около сорока) встаёт ему навстречу, подаёт руку для поцелуя.

ТЮТЧЕВА: Самарин прислал записку, что дела задержат его на полчаса. Вот и хорошо – вы хоть расскажете немного про свою жизнь. Сколько мы не виделись? Кажется, восемь лет. *(Звонит в колокольчик, говорит вошедшей горничной)* Ксюша, можно подавать чай.

Л.Н.: Вы всё та же: даже не спросили меня, хочу ли я чаю или чего-нибудь другого.

ТЮТЧЕВА: В моём доме в этот час пьют чай. Если вы не захотите, то просто не станете пить. Впрочем, это правда. Все Тютчевы от рождения – тираны.

Л.Н.: А знаете ли, что я случайно встретился с вашим отцом в вагоне поезда года за два до его смерти. Мы проговорили с ним часа четыре. Какой мудрый был старик и какой поэт!

ТЮТЧЕВА: Но в домашних условиях – ужасно тяжёлый. Особенно страдала от него моя старшая сестра – Анна. Он всё пытался убедить её, что её радостное приятие жизни – чистое лицемерие, а на самом деле она пронизана таким же сплином, как он сам.

Л.Н.: Тем не менее, поэт он был великолепный. Я ставлю его выше Пушкина.

ТЮТЧЕВА: «Ставите»? Я понимаю, как поэта можно ценить, любить, как им можно зачитываться. Но расставлять по ступенькам признания и славы – это мне кажется должно остаться в ведении читающих поколений.

Л.Н.: Нет, а я верю в абсолютность эстетической шкалы. Конечно, могу ошибаться, могу менять свои мнения. Но никогда не соглашусь с тем, чтобы одному нравилось одно, другому – другое. Есть настоящие произведения искусства, а есть фальшивки, подделки, подражания.

Горничная вкатывает столик с чайными приборами, разливает чай. Толстой, поколебавшись берёт чашку, пьёт.

ТЮТЧЕВА: Во всяком случае, вы знаете, что на моей шкале ваши писания стоят очень высоко. Помните, я выражала свой восторг уже по поводу «1805 года». Но когда прочла роман целиком, несколько недель ходила как в трансе. И сейчас была очень польщена тем, что вы захотели прочесть нам с Самариным главы из нового романа.

Л.Н.: Скажу вам по совести, что выбрал вас двоих потому, что вы оба обладаете умом холодным, тонким и при этом необычайно честны в выражении своих чувств.

ТЮТЧЕВА: Тем не менее, этих замечательных свойств мне оказалось недостаточно пятнадцать лет назад для того, чтобы завлечь вас под венец. А ведь слухи про нас

ходили упорные, сестра Анна писала мне, что будет счастлива иметь такого зятя. Но, видимо, судьбе это не было угодно.

Екатерина Федоровна Тютчева

Л.Н.: Да, я много раз порывался, но так и не решился сделать предложение.

ТЮТЧЕВА: А знаете – почему? Потому что предчувствовали, что получите отказ. Я была довольно молода, но уже успела – сумела – разглядеть вашу главную страсть. Разглядела – и испугалась.

Л.Н.: Да? Какова же моя главная страсть?

ТЮТЧЕВА: Учить, наставлять, вести, исправлять, переделывать. Это знаете, не каждая выдержит. Ваша жена должна быть ангелом, чтобы сносить такое.

Л.Н.: Так или иначе, моя страсть к учительству на сегодняшний день нашла самое непосредственное применение. Я по уши погружён в создание народных школ, в разработку новых методов обучения грамоте, в писание и печатание учебников. Академия наук даже удостоила меня званием почётного члена, и мне это польстило, хотя я

напоминал себе, что Пушкин не был членом, а вот Пыпин – академик.

ТЮТЧЕВА: Читая ваши произведения, я часто поражаюсь именно тем, как вам удаётся задавить свою страсть, очистить текст от всякого морализаторства. Вы мне рассказывали, что переделываете каждую вещь по многу раз. Эта постоянная неудовлетворённость собой должна тоже быть нелегка для окружающих.

Л.Н.: Но согласитесь, что и в вашем характере были свойства, которые могли насторожить.

ТЮТЧЕВА: Интересно – какие же?

Л.Н.: Помню, после одной встречи я сделал запись в дневнике про вас: «К.Т. любит людей потому, что ей Бог приказал... Но мне это не всё равно, а досадно...»

В этот момент открывается дверь и входит Юрий Фёдорович Самарин (55 лет) – известный общественный деятель, полемист, правовед, славянофил.

САМАРИН: Простите великодушно – не было никакой возможности вырваться с заседания земской комиссии. Я ведь там председателем. Вот уже неделю спорим о проекте податной реформы. Лев Николаевич, как отрадно видеть вас в Москве и по такому замечательному поводу – новый роман!

Л.Н.: А я, Юрий Фёдорович, рад случаю лично выразить вам самое горячее одобрение по поводу вашей замечательной книги «Иезуиты и их отношение к России».

ТЮТЧЕВА: Иезуиты сами вызвали русских на полемику – и вот получили. Но что же – начнём? Лев Николаевич, вам удобно там на диване? Достаточно света?

Л.Н.: Да, вполне. Я буду пропускать те главы, которые не вполне доработаны, просто перескажу содержание. Итак, глава первая. «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему. Всё смешалось в доме Облонских. Жена узнала, что муж был в связи с бывшею в их доме француженкой-гувернанткой, и объявила мужу, что не может жить с ним в одном доме...»

Автор оставляет на волю и вкус режиссёра вопрос о том, каким приёмом вместить многочасовое чтение в две-

три минуты экранного времени. Он даже не возражает, если будет решено использовать фрагменты из разных экранизаций «Анны Карениной» – с Гретой Гарбо, с Вивьен Ли, с Жаклин Биссет, с Татьяной Самойловой. Но всё же хотелось бы, чтобы два отрывка из текста романа прозвучали.

Л.Н.: «...Ну что же? Неужели между мной и этим офицером-мальчиком существуют и могут существовать какие-нибудь другие отношения, кроме тех, какие бывают с каждым знакомым?» Она презрительно усмехнулась и опять взялась за книгу; но уже решительно не могла понимать того, что читала. Она провела разрезным ножом по стеклу, потом прижала его гладкую и холодную поверхность к щеке и чуть вслух не засмеялась от радости, вдруг беспричинно овладевшей ею. Она чувствовала, что нервы её как струны натягиваются всё туже и туже на какие-то завинчивающиеся колышки...»

Второй – заключительный – отрывок:

«– Может быть, я ошибаюсь, – сказал Алексей Александрович. – В таком случае я прошу извинить меня.

– Нет, вы не ошиблись, – сказала она медленно, отчаянно взглянув на его холодное лицо. – Вы не ошиблись. Я была и не могу не быть в отчаянии. Я слушаю вас и думаю о нём. Я люблю его, я его любовница, я не могу переносить, я боюсь, я ненавижу вас... Делайте со мной, что хотите.

И, откинувшись в угол кареты, она зарыдала, закрываясь руками. Алексей Александрович не пошевелился и не изменил прямого направления взгляда. Но всё лицо его вдруг приняло торжественную неподвижность мёртвого, и выражение это не изменилось во всё время езды до дачи».

В наступившей тишине Тютчева подходит к Толстому, берёт его лицо в ладони и целует в лоб. Он – взволнованный – целует ей руку.

ТЮТЧЕВА: Пойдёмте в столовую. Немного придём в себя и будем обсуждать за ужином.

САМАРИН: Да-да, будем обсуждать, говорить, думать... Но одно мне не терпится высказать уже сейчас: пятьдесят лет назад Татьяна Ларина совершила нечто неслыханное в тогдашнем обществе – сама обратилась к

предмету своей страсти с любовным письмом. И сегодня мы уже не смотрим на такой поступок как на что-то предосудительное. Мне думается, что и Анна Каренина произведёт такой же переворот. Сегодня все бесчисленные адюльтеры и измены общество терпит до тех пор, пока они остаются под покровом тайны. Право женщины открыто заявить о своей любви, её право оставить нелюбимого мужа – вот что представляется абсолютно невыносимым и недопустимым. О, какие споры и страсти загорятся вокруг этого романа!..

Все трое уходят из комнаты.

Сноска за кадром:

Талант похож на стрелка, попадающего в такую цель, которая недостижима для других; гений похож на стрелка, попадающего в такую цель, до которой другие не в состоянии проникнуть даже взором.

Артур Шопенгауэр

Ясный осенний день (1874). Вода из пруда льётся на мельничное колесо, убегает в ручей. Внутри мельницы Фет и Толстой беседуют, сидя за столом.

ФЕТ: Никогда я не думал, что продажа мельницы выльется для меня в такую мороку. Верхний пруд принадлежит одному владельцу, нижний – другому, и как делить воду для мельницы – никто понять не может. Сегодня, наконец, посредник обещал приехать и решить дело. Но, видимо, опять обманет. Подождём ещё полчаса – и тогда поедem домой обедать.

Л.Н.: Помните, несколько лет назад вы прислали мне письмо, в котором был горестный вопль: «Я один! Один! Приезжайте!». А я читал и думал: «Один – вот счастливец». У нас тогда был полон дом народу, никакой надежды на уединение, столь необходимое для работы. Да и сейчас мало что изменилось. Думал осенью закончить свою «Анну» – куда там! Роман только-только берёт разгон.

ФЕТ: Это замечательно. Все ваши почитатели ждут его с нетерпением. А как здоровье домашних? Как бесценная Софья Андреевна?

Л.Н. Рождение Николеньки помогло ей утешиться и она уже не так горюет о смерти Пети. Но написала сестре, что ей стала близка мысль о том, что рядом с ямой, куда

опустили её ребёнка, опустят и её. Ещё она огорчается, что я трачу столько времени на школьные дела и на «Азбуку», а не на роман. Даже отказалась переписывать тексты, которые я готовлю для учебников. Говорит: «Пусть писарь переписывает двадцать раз "Маша ела кашу"».

ФЕТ: Что хозяйство? Как идут дела в самарском имении?

А.А. Фет

Л.Н.: В первые два года я понёс убытка тысяч на двадцать. Потом, если помните, в прошлом году в тех местах была засуха и неурожай, я даже опубликовал статью с призывом о помощи. Люди откликнулись, всего деньгами и хлебом набрали чуть ли не два миллиона рублей. Нынешний год урожай огромный во всей Самарской губернии, и одно только место обошли дожди – это моё имение. А у меня был большой посев и опять большой убыток.

ФЕТ: Вы, Лев Николаевич, всё ещё верите, что хозяйство можно вести без личного присмотра, поручать нанятому управляющему. Боюсь, это иллюзия. Вы наезжаете туда на две-три недели – за такой короткий срок невозможно даже понять, что идёт не так, в чём причина неудач. Я и

мельницу продаю только потому, что понял: не смогу уделять ей столько времени, сколько необходимо.

Л.Н.: Вот и брат Сергей надо мною посмеивается. Говорит: «Лёвочке хорошо. Он наймёт пьяницу Тимофея управлять самарским имением, понесёт на этом убытку на тысячу рублей. Потом опишет Тимофея в рассказе и заработает две тысячи. Чистая прибыль в тысячу рублей. Я-то себе такого не могу позволить». Но вообще-то, я не понимаю: разве управляющий сам не заинтересован в том, чтобы имение было доходным?

ФЕТ: Он, может быть, и рад был, но ведь никакой реальной власти над крестьянами и нанятыми у него теперь нет. В прежнее время, мы, помещики, при крепостном праве вели своё хозяйство с усовершенствованиями; и сушилки, и веялки, и возка навоза, и все орудия – всё мы вводили своею властью, и мужики сначала противились, а потом подражали нам. Теперь же у нас отняли власть, то и хозяйство наше должно опуститься к самому дикому первобытному состоянию.

Л.Н.: Да почему же? Если оно рационально, вы можете наймом вести его.

ФЕТ: Нанятый рабочий не хочет работать хорошо и работать хорошими орудиями. Рабочий наш только одно знает – напиться как свинья пьяный и испортить всё, что вы ему дадите. Лошадей опоит, сбрую хорошую оборвёт, колесо шинованное сменит, пропьёт, в молотилку шкворень пустит, чтобы её сломать. Ему тошно видеть всё, что не по его. От этого и спустился весь уровень хозяйства. Земли заброшены, заросли полынями или розданы мужикам, и где производили миллион, производят одну треть этого. Общее богатство уменьшилось – от того и голод.

Л.Н.: В том, что вы говорите, есть много справедливого. Я сам, когда занимаюсь хозяйством в Ясной Поляне, оказываюсь в постоянном противоборстве с мужиками, которое очень изматывает меня. Пошлю их скосить сено, выбрав плохие десятины, проросшие травой и полынью, – мне скосят подряд лучшие семенные десятины. Пошлю сеноворошилку трясти сено – её сломают на первых рядах и будут говорить мне: «Не извольте беспокоиться,

бабы живо растрясут». Лошадей запустят в пшеницу, потому что ни один работник не хочет быть ночным сторожем, а если согласится, то непременно заснёт. Трёх лучших тёлочек этим летом окормили, потому что без водопоя выпустили на клеверную отаву, и в утешение рассказывали мне, как у соседа в три дня сто двенадцать голов выпало.

ФЕТ: Вот видите. И на какие только хитрости нам приходится пускаться, чтобы получить от них нужную работу. Мне по договору мир согласился засеять три поля, а потом закобенились и отказались. Я, не говоря худого слова, привёз полдюжины нанятых с хорошей сеялкой и пустил их на первое поле. Немедленно староста прибежал, спрашивает «кто такие?». «Это, говорю ему, рабочие, нанятые мною из соседнего уезда. Только они ох, какие дорогие! Но это ничего – счёт за их работу я вам пришлю и по суду заставлю оплатить. Потому как вы нарушили условия нашего договора». «Нет, говорит староста, так мы не хотим. Мы уж лучше сами засеём».

Л.Н.: Я тоже раньше требовал, настаивал, заставлял замерять, сколько возов в стоге сена, и пересчитывать. Но однажды сказал себе: «А ведь то, чем я занимаюсь – дело самое недостойное. Ведь в сущности, в чём состоит борьба? Я дерусь за каждый свой грош, а они – только за то, чтобы работать спокойно и приятно, то есть так, как они привыкли. В моих интересах – чтобы каждый работник сработал как можно больше, при том, чтобы не забывался, чтобы старался не сломать веялки, конных граблей, молотилки. Мужичку же хочется работать как можно приятнее, с отдыхом, и главное – беззаботно».

ФЕТ: Мужики тоже – ох, какие разные бывают! Вы сами, Лев Николаевич, описали в «Утре помещика» лентяя Давыдку, которого никакими силами – ни побоями, ни уговорами – нельзя заставить работать. Как он у вас там слезает с печи и лицо подставляет – «нате, бейте! А работать всё равно не буду». А рядом – старик Дутлов, у которого посеянное всходит, скотина плодится, женатые сыновья помогают, дом – полная чаша. Но и он никогда не согласится вступить с пришедшим к нему помещиком в совместную торговую сделку. Потому что видит его

наивность и идеализм и веру в то, что всё можно осуществить по доброму и благородному. Он же себе такой моральной роскоши позволить не может.

Л.Н.: Я, Афанасий Афанасьевич, догадываюсь, что вы о моих хозяйственных талантах невысокого мнения. И сегодня это для меня огорчительно, потому что я как раз имел в виду просить у вас в долг десять тысяч рублей. Очень захотелось купить участок земли около Никольского, пока он продаётся задёшево.

ФЕТ: Свободных десяти тысяч у меня, конечно, нет. Можно было бы переговорить с братом, но я этого делать не стану. Потому что боюсь, как бы эти одолженные – и долго неотдаваемые – десять тысяч не легли между нами тяжёлым камнем. А это для меня самое страшное, что только может быть, – потерять дружбу с вами.

Л.Н.: Очень, очень понимаю ваши опасения и ничуть не сержусь.

ФЕТ: Вы сами отмечали не раз исключительно интуитивный характер моих поэтических приёмов. Но школа жизни развила во мне до крайности и рефлекссию в вопросах практических. В жизни я не позволю себе ступить шагу необдуманно. И благодаря этому осуществил наконец свой жизненный идеал: жить в прочной каменной усадьбе, совершенно опрятной, над водой, окружённой значительной растительностью. Затем иметь простой, но вкусный и опрятный стол и опрятную прислугу без сивушного запаха. При этом у меня уединенный кабинет с отличными видами из окон, бильярдом в соседней комнате, а зимой – цветущая оранжерея. Хозяйство моё полевое идёт сравнительно настолько хорошо, насколько позволяют наши экономические безобразия.

Л.Н.: Мне остаётся только позавидовать вашему душевному покою и удовлетворённости своими условиями.

ФЕТ: А вы разве можете жаловаться на свои домашние обстоятельства? Как мне бывает хорошо в вашем оазисе! Графиня, с её прелестными волосами, Илья-богатырь, Лёвочка-младший, читающий стихи про лесного царя. Охота вам брать на себя роль медведя, ломящего зря всё, что люди считают неприкосновенным и заповедным.

Л.Н.: Очень надеюсь рано или поздно найти прочную почву под ногами души. А пока, видимо, придётся мне уступить настояниям Каткова и продать ему незаконченную «Анну» для «Русского вестника». Он как раз предлагает аванс в десять тысяч. Поеду в Москву с первыми главами, и мы ударим по рукам.

Раздаётся топот копыт, и под окнами мельницы появляется посыльный. Он снимает шапку и со словами «От их благородия письмо» передаёт Фету пакет в открытое окно. Фет читает и горестно качает головой.

ФЕТ: Так я и знал! Теперь он пишет, что в одиночку не может такое дело решить. Будет собирать целый консилиум: исправника из Ливен, депутата от купечества, трёх свидетелей дворян и трёх купцов и даже священника. И всех их моей Марии Петровне придётся кормить! Нет, едем скорее домой, пока у меня желчь не разлилась от злости.

Сноска за кадром:

Хозяева постоянно жалуются на стачки рабочих, но сами всегда и повсеместно находятся в своего рода молчаливой и единообразной стачке с целью не повышать заработной платы рабочих выше её существующего размера.

Адам Смит

Зимний вечер в Ясной Поляне, февраль 1876. В гостиной – Толстой, Софья Андреевна и приехавший в гости Сергей Семёнович Урусов (49 лет) – князь, генерал-майор в отставке, старинный друг Толстого по Севастопольской кампании. Здесь же десятилетний Илья.

Л.Н.: Вот, Ильюша, бери пример с Сергея Семёновича: вырастай такой же длинный-длинный. Тогда все тебя будут бояться и никто не посмеет обидеть.

УРУСОВ: И вдобавок носи башмаки с такими же высокими каблуками, как у меня. Рост – главное украшение мужчины.

С.А.: Уж лучше пусть поучится у вас, Сергей Семёнович, мастерству шахматной игры. Даже если не станет чемпионом, как вы, про него будут говорить: «ученик князя Урусова».

Л.Н.: Я сам люблю шахматы, но с Сергеем Семёновичем сяду играть, только если он даст мне коня вперёд.

ИЛЬЯ: Вы всегда меня учите, что надо заниматься только полезными делами. А какая кому польза от шахмат?

Л.Н.: А вот я тебе расскажу случай. Во время Севастопольской компании бились мы с англичанами за одну траншею несколько дней. То мы одолеем, то они. Уже несколько сот человек погибло в боях. И тогда полковник Урусов, вот этот самый Сергей Семёнович, пришёл к генералу Сакену и говорит: «Давайте предложим англичанам вместо следующего боя сыграть в шахматы на эту траншею». Жаль, генерал не оценил его предложение, только рассердился и прогнал. А ведь как бы хорошо было: все народы решали бы свои споры не войной, а шахматами.

С.А.: Ильюша, тебе пора спать. Завтра я буду спрашивать с тебя урок по французскому, так что лучше подготовься с утра. *(Ильюша уходит, поджав губы.)*

УРУСОВ: Как вы здесь зимуете? Не получал вестей от вас уже несколько месяцев.

С.А.: Только-только начинаем приходить в себя после всех несчастий. Подумайте: в течение двадцати месяцев трое детей умерли один за другим: Петя, Николенька, Варвара. Последняя, почитай, и двух часов не прожила. Да ещё две всеми любимые тётушки, жившие у нас. Вы сами потеряли единственную дочь, знаете, что такое – смерть близких.

Л.Н.: В ноябре Соня сама чуть не отдала Богу душу. Началось с коклюша, а потом разыгралось воспаление брюшины. Из-за этого и дочь Варвара родилась преждевременно и вскоре померла.

С.А.: Петя умер легко, за два дня. Но Николенька так мучился головной водяжкой, что сердце разрывалось смотреть.

Л.Н.: Смерть – вообще великая загадка, но смерть маленьких невинных детей – это что-то непостижимое.

УРУСОВ: Помните, у Иоанна, в девятой главе ученики спрашивают Христа про слепорождённого: «Он ли согрешил или родители его, что родился слепорождённым?» И как мудро Христос отвечает: «Ни он не согрешил, ни родители, а это чтобы явились дела Божии». Да, в таких

горестях, какие обрушились на вас, вера в Бога – единственная опора и утешение.

Л.Н.: Мы с вами много, Сергей Семёнович, на эту тему беседовали – и в письмах и за столом. И я вам сознавался, что в моих попытках обрести веру ничто так меня не отвращало и не отталкивало от религии, как когда меня старались обращать, объясняя мне религию. Чем больше объясняли, тем мне становилось темнее. Другое дело, когда сталкиваешься с человеком, искренне верующим. Такой человек ничего не доказывает и не объясняет, а только верит, и ты чувствуешь, что он счастливее тех, кто не имеет его веры. Этого счастья веры нельзя приобрести усилием мысли, а надо получить его чудом.

УРУСОВ: Да, мы говорили об этом, и я покался перед вами и обещал, что больше ничего возражать и объяснять не стану. Видимо, мною двигала гордость, что я попытался взять на себя роль проповедника. Но вы, пожалуйста, пишите мне о своём душевном состоянии – мне это крайне важно и интересно.

Л.Н.: Тётушка Александра Андреевна написала мне из Петербурга, что не знает, во что я верую. Я ей ответил, что – страшно сказать – ни во что из того, чему учит нас религия. А вместе с тем, я не только ненавижу и презираю неверие, но не вижу никакой возможности жить без веры. И я строю себе понемножку свои верования, но они все, хоть и тверды, но очень неопределённые и неутешительны. Требования моего ума оказываются несовместимы с ответами, даваемыми христианской религией.

УРУСОВ: А как подвигается «Анна Каренина»? Когда я держал корректуры «Войны и мира» в Москве, как было хорошо! Первый читатель, шёл точно охотник по свежей пороше. Грустно мне, что новый роман поручен вами другим.

Л.Н.: У Каткова в «Русском вестнике» свои правила, свои корректуры, я устаю с ним спорить. Но вообще «Анна» моя надоела мне хуже горькой редьки. Я с ней возжусь как с воспитанницей, которая оказалась дурного характера. Однако не могу себе позволить заниматься ничем другим.

Боюсь, что весной необходимая серьёзность для занятия таким пустым делом оставит меня. Не кончу раньше будущей зимы. Летом же буду заниматься теми философскими и религиозными работами, которые у меня начаты не для печатанья, а для себя.

С.А.: В августе нас навещал молодой философ Владимир Соловьёв, сын знаменитого историка. Они с Лёвочкой беседовали часами.

Л.Н.: Он, конечно, мыслит не по шаблону, и часто у него мелькают интересные соображения. Моё знакомство с ним очень много дало мне нового, расшевелило во мне философские дрожжи. Но Соловьёв слишком уж верит в науку. Я ему пытался доказывать, что целью настоящей науки может быть только одно: открыть, что хорошо всегда, везде, всем людям. А все эти нынешние астрономии, физики, математики, химии – так, барская забава от скуки.

УРУСОВ: Но как же вы хотите, чтобы что-то одно было хорошо для всех людей? Я, например, жить не смогу без шахмат, но есть миллионы людей, которые даже не знают, что это такое. В молодости человеку нужно и полезно одно, в старости – другое. Вы и многие наши друзья просто помешаны на охоте, а Софья Андреевна едва терпит эту нашу забаву. Была бы её воля – наверное, отняла бы у нас все наши ружья и собак.

С.А.: Когда меня ещё брали на охоту, моим главным удовольствием было – спугнуть зайца, чтобы он успел удрасть.

УРУСОВ: Но шутки шутками, а я очень был бы рад прочесть то, что вы напишете по этим вопросам.

Л.Н.: Ловлю вас на слове и в конце лета непременно пришлю.

Сноска за кадром:

Разум понял, что он не всё может понять, – и в признании этого великая его заслуга, честь и достоинство его, истинный его патент на благородство... Он не видит больше оснований с верой враждовать и склонен даже протянуть ей руку. Но вера медлит...

Георгий Адамович

Ужин в квартире Петра Ильича Чайковского в Москве. За столом – Чайковский (ему в 1876 году 36 лет), Николай Григорьевич Рубинштейн (41 год), Толстой,

Екатерина Тютчева и ученик Чайковского – Сергей Иванович Танеев (20 лет). Затихают последние аккорды Первого квартета Чайковского (D-дур).

Л.Н.: Как я вам благодарен, господа, что вы устроили для меня этот концерт! Такого счастливого вечера давно уже не было в моей жизни. Пётр Ильич, на последних звуках анданте Первого квартета я не мог сдержать слёз. Да вы сами видели.

ЧАЙКОВСКИЙ: И для меня, Лев Николаевич, узнать, что автор «Казак» и «Войны и мира» ценит мою музыку – ни с чем не сравнимое счастье. Польщён необычайно. И вообще ваш визит для всех нас – событие знаменательное.

Петр Ильич Чайковский

РУБИНШТЕЙН: А вы заметили, как старались сегодня музыканты? Они играли в этот вечер, как никогда. Вы можете из этого вывести заключение, Лев Николаевич, что пара ушей такого великого художника, как вы, способна воодушевить артистов в сто раз больше, чем десятки тысяч ушей обычной публики. Вы один из тех писателей, которые заставляют любить не только свои сочинения, но и самих себя. Видно было, что, играя так удивительно хорошо, они старались для очень любимого и дорогого человека.

Л.Н.: В том, что звучало сегодня в зале, мне явно слышался искренний голос души композитора. Как много вещей сочиняется не по внутреннему побуждению, а с расчётом на эффект. Однако тот, кто насилует свой талант с целью понравиться публике и заставляет себя угождать ей, – тот не вполне художник, его труды непрочны, успех их эфемерен.

ЧАЙКОВСКИЙ: Как это верно! Именно такие мысли приходили мне в голову, когда я на днях перечитывал стихи вашего отца, Екатерина Фёдоровна. Вот уж кто слышал только внутреннее побуждение, кто не кокетничал перед читателем. Мечтаю написать романс на его стих «Как над горячею золой / дымится свиток и сгорает...» Но всё никак не ухватить правильную тональность.

ТЮТЧЕВА: Как жаль, что вы не успели сделать это при жизни отца. Он был большим поклонником вашей «Ундины».

Л.Н.: Если вы позволите, Пётр Ильич, я пришлю вам записи народных песен, которые я собирал последнее время. Мне было бы очень интересно узнать ваше мнение о возможности составления и издания сборника с нотами.

ЧАЙКОВСКИЙ: Буду очень рад ознакомиться. Хочу лишь предупредить, что народные песни следует записывать, насколько возможно, согласно с тем, как их исполняет народ. Чаще всего мне присылают песни, искусственно и насильственно втиснутые в правильный размеренный ритм. А ведь только русские плясовые песни имеют ритм с правильным и равномерно акцентированным тактом. Обычные же песни почти всегда имеют неопределённую тональность, ближе всего подходящую к древним церковным ладам.

Л.Н.: Недавно мне довелось слушать французские народные танцы и восточные народные песни. Мне подумалось, что это и есть настоящее народное искусство, на котором воспитывались эти Вагнеры и Бетховены и исказили его.

ТАНЕЕВ: *(робко)* Неужели вы не признаёте Бетховена?

Л.Н.: Я только хочу сказать, что настоящее искусство, созданное рабочим народом, понятно всякому: персиянин поймёт русского, русский – персиянина. У меня были в Самаре башкиры, отец с мальчиком, они пели очень похоже на персидские народные песни. А господское враньё никто не поймёт – они и сами-то не понимают. Впрочем, господа, мне следует бежать в гостиницу. Всю ночь предстоит вычитывать корректуры «Анны Карениной» для декабрьской книжки «Русского вестника». Издатель Катков выламывает мне руки, умоляя поскорее.

РУБИНШТЕЙН: И мы, Лев Николаевич, без выламывания рук – но с самым горячим нетерпением – ждём окончания этого романа.

Толстой раскланивается и выходит. Оставшиеся переглядываются в некотором смущении.

ТЮТЧЕВА: Могли ли мы ждать, что такой великий талант будет столь пренебрежительно отзываться о Бетховене? Всё же низводить до своего непонимания всеми признанного гения – свойство людей ограниченных.

ЧАЙКОВСКИЙ: Ожидая визита Толстого, я находился в страхе и растерянности. Мне казалось, что этот величайший сердцевед одним взглядом проникнет во все тайники моей души. Перед ним, мне казалось, уже нельзя скрывать всю дрянь, имеющуюся на дне, нужно выставлять лишь казовую сторону. Если он добр, думал я, то он деликатно, нежно, как врач, будет избегать задеваний и раздражать душевные раны, но тем самым даст мне почувствовать, что ничего от него не скрыто. Если он не особенно жалостлив, он прямо пальцем ткнёт в центр боли. И того, и другого я страшно боялся. Но ни того, ни другого не произошло. В своём обращении с людьми он оказался простой, цельной, искренней натурой – не правда ли?

ТЮТЧЕВА: Я знаю Льва Николаевича много лет, и могу вас заверить, господа: нет натуры более переменчивой, более увлекающейся, более способной таить в себе самые, казалось бы, несовместимые свойства и порывы.

Сноска за кадром:

Невыразимо-задушевное всякой музыки, то, благодаря чему она проносится перед нами как родной и всё же вечно далёкий рай, столь понятная и всё же столь необъяснимая, – это

основано на том, что она воссоздаёт все сокровенные движения нашего существа, но вне всякой реальности и далеко от её страданий.

Артур Шопенгауэр

Май 1877. Софья Андреевна и Страхов пьют кофе на террасе Яснополянского дома.

С.А.: Сегодня ждём в гости Фета. Вы ведь уже познакомились с ним?

СТРАХОВ: Да, и он мне очень понравился.

С.А.: Он человек очаровательный, Лёвочка в нём души не чаёт. Даже однажды написал ему приглашение в стихах. Там были такие строчки: «Сухим доволен буду летом, / пусть погибают рожь, ячмень, / коль побеседовать мне с Фетом / удастся вволю целый день». Недавно Фет прислал Лёвочке восторженное письмо о последних главах «Карениной».

СТРАХОВ: Этот роман заполонил и покориł российского читателя совершенно. О выходе каждой новой части в газетах извещают так же поспешно и толкуют так же усердно, как о новой битве или новом изречении Бисмарка. Недавно, наконец, и Достоевский признал его выдающимся произведением, в художественном отношении – совершенным. Новизна романа, по его мнению, состоит в том, что там представлен взгляд русского автора на виновность и преступность людей, выраженный в огромной психологической разработке души человеческой.

С.А.: Обязательно сообщите это Лёвочке. Он делает вид, что критика ему безразлична, а на самом деле переживает её очень остро. Недавно кто-то передал ему мнение старого Вяземского о том, что мол «Толстой блеском своего таланта прикрывает все свои парадоксальные понятия и чувства и таким образом заражает ими читателя». Лёвочка целый день ходил мрачный. Те два фельетона из газеты «Голос», которые вы прислали ему весной, он сжёг не читая.

СТРАХОВ: Боже мой – но они ведь были весьма хвалебными! А я, читая седьмую часть, часто вскакивал с места от волнения и восторга. Смерть брата Николая – это, безусловно, автобиографичные впечатления. А роды описаны так, как не снилось всем адептам натуральной

школы – от Бальзака до Золя. Вообще, в Кити так много ваших черт, и образ её – очарователен.

С.А.: Да, многие близкие говорят мне то же самое.

Вбегает Илья. В руках у него сачок для ловли бабочек. Он осторожно протягивает Страхову свою добычу.

ИЛЬЯ: Николай Николаевич, смотрите, ведь правда – это махаон?

СТРАХОВ: Я же не специалист, Ильюша. Для того и подарил тебе атлас и сачок, чтобы ты ловил бабочек и просвещал меня. Пойди, сравни её с картинками – уверен, что ты найдёшь правильное название. *(Илья убегает.)*

С.А.: А вот и Афанасий Афанасьевич!

Из подъехавшей брички выходит Фет, спешит по лестнице на террасу, целует руку Софье Андреевне.

ФЕТ: Графиня! Ещё прелестнее, чем в прошлый раз. Если это только возможно. Николай Николаевич, ужасно рад вас видеть. А что наш новый Гомер? Погружён в волны фимиама, считает лавровые венки?

С.А.: Куда там! Полный скандал с «Русским вестником», разрыв, взаимные обвинения.

ФЕТ: Как так?! Что случилось?

С.А.: Катков попросил Лёвочку убрать некоторые места из Восьмой части, из эпилога. Ему не понравилось, что Левин так неодобительно отзывался о русских добровольцах, поехавших помогать сербам против турок. Лёвочка, конечно, отказался, потому что... Да вот и он – пусть сам расскажет.

Толстой выходит на террасу, обнимает Фета.

Л.Н.: Ну что, слышали?! Я, видите ли, оскорбил высокие чувства русских патриотов, готовых пролить кровь за правое дело освобождения славян от поганых турок.

ФЕТ: Где? В какой главе?

СТРАХОВ: Эта та заключительная часть, которую вы читали в рукописи, которая ещё не напечатана. Там, если помните, действительно, Левин говорит, что в любом большом народе всегда найдётся несколько тысяч потерянных людей, готовых на любое отчаянное предприятие: хоть к Пугачеву, хоть в Хиву и Бухару, хоть в

Сербию. Но ему возражают другие персонажи и с энтузиазмом отстаивают точку зрения панславизма.

Н.Н.Страхов

Л.Н.: Мне давно уже опротивел Катков и вся их редакция. И когда я отказался сделать требуемые ими вымарки, они напечатали вместо эпилога деликатнейшую заметочку. Нет, я должен вам прочесть. *(Открывает журнал, читает)* «В предыдущей книжке под романом "Анна Каренина" выставлено "Окончание следует". Но со смертью героини собственно роман кончился. По плану автора, следовал бы ещё небольшой эпилог, листа в два, из коего читатели могли бы узнать, что Вронский в смущении и горе после смерти Анны отправляется добровольцем в Сербию, и что все прочие живы и здоровы, а Левин остаётся в своей деревне и сердится на славянские комитеты и на добровольцев. Автор, быть может, разовьёт эти главы к особому изданию своего романа».

ФЕТ: Какая низость!

Л.Н.: И ни слова о том, что эпилог уже был набран и что редакция отказалась его печатать из-за того, что автор отказался убрать спорные места. Остаётся неясным, зачем

редакция три года томила своих читателей печатанием длинного романа, когда она могла так просто, в таком же грациозном тоне, изложить его примерно так: «Была одна дама, которая бросила мужа. Полюбив графа Вронского, она стала в Москве сердиться на разные вещи и бросилась под вагон». Я потребовал, чтобы мне вернули рукопись и порвал с ними всякие отношения.

ФЕТ: Неужели эти мудрецы не понимают, что «Каренина» без эпилога – это не корова без хвоста, а змея без хвоста, то есть без необходимой части организма, без чего она неполна и непонятна.

С.А.: Тем более что раздавались заслуженные упреки читателей, считавших конец слишком внезапным и сухим. Говорили, что безжалостный автор не простил Анну даже в минуту её смерти.

СТРАХОВ: Я уверен, Лев Николаевич, что типография Риса возьмётся быстро напечатать восьмую часть отдельной книжкой. При таком успехе «Карениной» это издание будут брать нарасхват. А вскоре подоспеет и книжное издание романа. Я готов вам помогать с корректурами и того, и другого. Катков ещё горько пожалеет о своём решении.

Л.Н.: У меня ведь Левин, ясно объясняет, что война – это такое животное, ужасное и жестокое дело, что ни один христианин не может взять на свою ответственность начало войны. Это может только правительство. И российское правительство, противодействовало добровольческому движению, оно запретило генералу Черняеву ехать на помощь сербам, он проскользнул туда тайно. То есть позиция Левина совпадала с позицией двора. Значит, и императора можно обвинить в антипатриотизме?

СТРАХОВ: Может быть, теперь, когда война Турции объявлена официально, Катков изменит свою позицию?

Л.Н.: Но я не изменю. Недавно я ездил в Тулу и пошёл посмотреть на первых турецких военнопленных. Содержат их в неплохих условиях. Я разговаривал с ними через переводчика, спросил, есть ли у них Коран. Оказалось, что Коран есть у каждого и что они совершают свои молитвы регулярно, как положено по их вере. Как, почему в

сердце нормального образованного человека может загореться ненависть к этим людям, желание убивать их? Я никогда этого не пойму.

С.А.: (*желая сменить тему*) Афанасий Афанасьевич, вы не захотите поехать с нами на свадьбу Дьякова? Он в следующем месяце таки женится на Софеш – гувернантке своей дочери.

Л.Н.: Я дружу с Дмитрием столько лет, не поехать нельзя. Но не могу передать, как мне это тяжело и неловко. Смотреть, как 55-летний старик будет ласкать 32-летнюю девушку на глазах у своей замужней дочери, – всё внутри закипает. А осуждать нельзя.

ФЕТ: Я вам, Лев Николаевич, свои восторги по поводу «Карениной» уже описал подробно. Но забыл написать об одном недоумении. Это относится к тому месту, где Левин отмечает сначала философию, включая Шопенгауэра, потом богословие, как оно выражено у Хомякова. И заявляет самому себе, что без знания, что я такое и зачем я здесь, жить нельзя. А раз знать этого человек не может, значит нельзя жить.

Л.Н.: Да, я стою на этом. В чём же недоумение?

ФЕТ: о вот взять, скажем, телёнка. Или дерево, как оно описано у автора рассказа «Три смерти». Телёнок и дерево знают о том, что они такое, ещё меньше меня. Но при этом вы не отказываете им в праве на жизнь. Почему же им можно жить без всякого понимания себя, а мне нельзя?

Толстой взглядывается в лукавое лицо Фета – серьёзно он или с иронией? Потом только грозит пальцем и берётся за кофейник, стоящий на столе.

Сноска за кадром:

Всякая трагедия создаётся лишь соединёнными творческими силами художника и зрителей: надо, чтобы в сердце народа была способность к трагическому, чтобы трагедия действительно родилась.

Дмитрий Мережковский

Большой деревянный стол под липами перед Яснополянским домом. За ним сидят Александр и Таня Кузминские, Сергей Николаевич Толстой, Александр Берс (брат Софьи Андреевны, офицер, 33 года), дети – Илья и

Таня. Входит запыхавшаяся Софья Андреевна. Дата – август 1878.

С.А.: Кажется, ничего не забыла. Постель для гостя постелена, пол в гостиной подметён, повару обед заказан... Что ещё?..

ТАНЯ КУЗМИНСКАЯ: А откуда мы знаем, что любит Иван Сергеевич? Небось, во Франции он так избаловался парижской кухней, что у нас всё ему покажется невкусным.

С.А.: Тургенев – охотник, он не может не любить дичь. А уток Николай печёт не хуже ресторанных поваров.

КУЗМИНСКИЙ: Как же это случилось, что после семнадцати лет ссоры со Львом Николаевичем Тургенев удостоит его визитом?

С.А.: Всё произошло совершенно внезапно. Ещё в апреле Лёвочка вдруг говорит: «Как глупо, что наш разрыв с Тургеневым длится до сих пор. Я ведь не испытываю к нему никаких враждебных чувств». Сел и написал очень доброе письмо ему. В том смысле, что, если нет вражды, то давайте подадим друг другу руки. Что он просит прощения за то, в чём был виноват перед ним. Что помнит только хорошее, а хорошего между ними было так много, что забывать о нём – грех. Ведь когда Лёвочка только вступал на литературное поприще, Тургенев уже был признанный мастер и сразу отнёсся к новому молодому таланту с восторгом, рекомендовал его произведения журналам. Кроме того, он был очень дружен с любимым братом Лёвочки, Николаем Николаевичем, а с сестрой Машей у них даже была романтическая переписка, когда муж оставил её.

БЕРС: Но на чём же они поссорились?

С.А.: Это произошло за год до нашей женитьбы, так что я знаю только по Лёвочкиным рассказам. Да ещё Афанасий Афанасьевич добавил какие-то детали. Это всё произошло в доме Фета в Степановке. Два знаменитых русских литератора приехали в гости, вместе охотились, проводили вечера в оживлённых разговорах. Вдруг, в одно утро, за завтраком, зашёл разговор о благотворительности. Тургенев с гордостью рассказал, что его дочь Полина, живущая во Франции в семье Виардо, много помогает

бедным. Лёвочка вдруг помрачнел и заявил, что такая помощь оказывается не для того, чтобы улучшить положение бедных, а лишь для того, чтобы испытать приятное довольство собой: «Вот, мол, какой я добрый».

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ: Он ведь и сегодня проповедует то же самое.

С.А.: Тургенев обиделся и спросил: «Значит, вы считаете, что я дурно воспитываю свою дочь?». На это Лёвочка отвечал, что настоящая благотворительность есть та, которая вытекает от сердца и непосредственно, отдаваясь чувству, делает добро. Дальше уж не знаю, верить или нет, но он уверяет, что Тургенев сказал ужасную грубость. Что-то вроде того, что «если вы так будете говорить, я вам дам в рожу».

ТАНЯ КУЗМИНСКАЯ: Прямо трудно поверить, что такое мог сказать автор «Дворянского гнезда».

С.А.: Так или иначе, Лёвочка разгневанный выскочил из-за стола, уехал на станцию Богослов. Оттуда он послал за ружьями и пулями, а к Тургеневу – письмо с вызовом за оскорбление. В письме этом он писал, что не желает стреляться пошлым образом, то есть что два литератора приехали с третьим литератором, с пистолетами и что дуэль бы кончилась шампанским, а желает стреляться по-настоящему и просит Тургенева приехать в Богослов к опушке леса, с ружьями.

БЕРС: Дуэль на ружьях – я про такое вообще не слышал.

С.А.: Всю ночь Левочка не спал и ждал. К утру пришло письмо от Тургенева, что, напротив, он не желает стреляться как предлагает Толстой, а желает дуэль по всем правилам. На это Лёвочка написал ему примерно так: «Вы меня боитесь, а я вас презираю и никакого дела иметь с вами не хочу».

КУЗМИНСКИЙ: Да, после такого письма помириться нелегко.

С.А.: Тургеневу надо было срочно уехать во Францию, однако обмен гневными письмами продолжался ещё несколько месяцев. Но, в конце концов, Лёвочка написал Тургеневу формальный отказ от дуэли, что-то

вроде: «Вы мне сказали, что вы ударите меня по роже, а я отказываюсь драться. Можете показывать это письмо всякому, кто упрекнёт Вас в трусости».

ТАНЯ КУЗМИНСКАЯ: Я пытаюсь вспомнить, есть ли в каком-нибудь произведении Тургенева описание дуэли?

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ: Ну, как же – в «Отцах и детях», дуэль Базарова с Павлом Кирсановым. Помню, когда я читал этот роман первый раз, я обиделся на автора. Он написал про Кирсанова: «Вошёл старик сорока трёх лет». А мне только стукнуло сорок. И уж никак стариком я себя не чувствовал.

ТАНЯ КУЗМИНСКАЯ: Интересно, что роман этот вышел как раз через год после ссоры с Толстым. Но у Тургенева дуэль описана с иронией. А в «Войне и мире» сцена дуэли Пьера с Долоховым – незабываема. И только от раненного Долохова мы узнаём, что и он способен на нежные чувства – думает в первую очередь, какую боль он причинил любимой матери.

С.А.: Лёвочка уехал в Тулу с утра. Поезд уже должен был бы придти. Почему-то я так волнуюсь по поводу этого визита. А что если они снова поссорятся? Ведь оба – таланты, а талант всегда непредсказуем.

ТАНЯ КУЗМИНСКАЯ: Не бойся, я уверена, что всё пройдёт хорошо. Это в молодости Лёвочка так увлекался людьми, что часто не мог простить им, если их ответное чувство не было таким же горячим. Мне кажется, именно это и произошло между ним и Тургеневым двадцать лет назад. Ему нужна была ответная любовь старшего по возрасту собрата по перу, а тот был способен и готов только на дружелюбие. Именно это показалось молодому Льву Толстому оскорбительным.

С.А.: А вот и коляска! Господи, помоги и пошли мир дому сему!

Из подъехавшей коляски выходят Толстой и Тургенев. Оба улыбаются, идут навстречу собравшимся. Тургенев целует руки дамам, треплет по головам детей.

ТУРГЕНЕВ: Софья Андреевна, как много я слышал дифирамбов вам от наших общих знакомых – Фета, Боткина, Страхова. Но и в малейшей степени они не способны были

передать ваше очарование!.. (*Поворачивается к Толстому*).
Вы хорошо сделали, что женились на своей жене.

Все направляются к дому, оживлённо беседуя, входят в столовую, рассаживаются за столом, украшенным букетами полевых цветов. Лакей начинает вносить блюда.

Сноска за кадром:

Тогда Пётр приступил к Нему и сказал: Господи! Сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? До семи ли раз? Иисус говорит ему: не говорю тебе «до семи», но до седмижды семидесяти раз.

Евангелие от Матфея, 18:21-22

*Конец четвёртого акта
(продолжение следует)*

Андрей Чередник

Корсика

свероятная штука – память. Выхватывает бессвязные обрывки слов, ситуаций, картин, которые порой невозможно сложить в членораздельный ответ на вопрос о том, как ты съездил.

– Как съездил?

– Ничего особенного...

– Как ничего? Ну а в целом?

– Ни в целом, ни в частности.

–Издеваешься? Две недели в отпуске и ничего?

–Почти ничего...

Они уверены, что я издеваюсь, и уходят. А я усердно копаюсь в своих впечатлениях, пытаюсь выстроить их в ряд, чтобы самому себе ответить на эти вопросы.

Не получается. Вот и сейчас, пытаюсь воспроизвести все, что было со мною, а перед глазами ничего кроме извилистой полоски, опоясывающей красноватые горные булыжники, утопленные в воде и зелени. Остальное, по всей видимости, вторично.

Еще из окна самолета я обратил внимание на невзрачную худую ленточку. Что-то в ней меня зацепило, и я подумал: любопытно, а как она держится за голые, почти отвесные стены? А ну как серый поясok – подвижный от струящихся по нему машин, ослабнет и сорвется вниз, а вслед за ним расплзутся и сами скалы, стянутые живым корсетом?

Но, едва я ступил колесами автомобиля на извилистый выступ шириной в полторы машины, мои отвлеченные мысли сменились самой неподдельной тревогой.

Пробую колесом поверхность, пытаюсь угадать, хватит ли у несущей опоры прочности на полтора-два часа,

чтобы доставить меня до цели. Но поверхность молчит, ничего не обещая и не гарантируя.

Оглядываюсь окрест – других дорог нет. Единственный путь от аэропорта до гостиницы. Собираюсь с духом, и мы трогаемся. Сначала машина, а потом и ленточка. Дрогнула и побежала.

Первое время я целиком поглощен дорогой, которую ощущаю почти физически, будто пробую почву босой ногой. Каждая впадинка, неровность, выступ разносятся по всему телу. Такая сверхчувствительность понятна: я все еще не доверяю хлипкому мостику.

Однако через полчаса я уже стыжусь своих сомнений, с которыми ощупывал колесами поверхность, набираю скорость и все чаще поглядываю в сторону. А в следующий час мне становится отвратительной моя личность, жмущаяся к скалистой стене, и я подвигаюсь все ближе к внешней кромке дороги, за которой медленно плывет изумрудно-голубая и оранжевая Корсика. Первое впечатление – мираж. Иначе просто быть не может. Краски и формы, завладевшие моим вниманием, и не думают приближаться, оставаясь вдали, сколько ни кружи над ними. К тому же, то, что я наблюдаю, мало напоминает реальность.

А тем временем я уже поладил с дорогой и без возражений уступаю ее бесконечным выкрутасам.

Вдруг она взмывает в небо, и я, замедляясь, натужно тащусь к верхушке горы. А потом падает, увлекая за собой.

Стараюсь реже тормозить, чтобы не портить всю прелесть полета, который тем слаще, чем труднее восхождение. И все же прижимаю педаль. Нет, я уже не опасаясь скатиться кубарем с горы. Просто хочется придержать стремительно охватывающую меня панораму, чтобы до конца разобраться, куда же я попал. Затормозил, огляделся. Нет, все это неправда. Слишком хорошо мы знаем правду, чтобы спутать со сказкой.

А коль скоро это сон, бог с ним, с тормозом. Хоть во сне испытаю блаженство полета, во сне выскользну из-под вечного прессы и, во сне, наконец-то, по настоящему,

пробужусь, стяхнув с себя мутно-серую летаргию, которую издевательски или по неведению называют жизнью...

Но полет отменяется. Пока я мечтал, незаметно оказался внизу. Любопытная метаморфоза: в горах скалистая дорога – вертлявый ручеек, порхающий между камнями, а внизу – ленивая, тучная, река, оплывшая по бокам зеленым и до зевоты предсказуемая, как салонная музыка. И я на время остываю к ней.

Зато... впереди радость! Мираж, наблюдаемый сверху, стал осязаемым. Влажная морская пыль... она уже на щеках, на лбу. А белые барашки вдруг зашевелились... И тут только я заметил, что от жары почти закипаю. «Всего лишь на одну минутку», – зачем-то обещаю машине и окунаюсь в ожившие барашки.

Это не море, а сущий дьявол. Не отпускает, растворяя в солоноватой воде обещанную минутку, за ней другую, а за ней и чувство меры. Покачиваясь в волне, я то прибываю к берегу, то отступаю назад и лежу лицом вниз, распластав руки в морском парении над ракушками и мелкими рыбками.

Лежу и слушаю, как оставляющая берег волна с шипящим свистом откатывает назад камушки, которые под водой приглушенно пощелкивают, как испанские кастаньеты.

На первый раз довольно. Нечеловеческим усилием воли заставляю себя выбраться на пляж. А чуть поодаль машина вибрирует в раскалившемся воздухе. А может быть дрожит от гнева... Я же дал слово. Все еще лежу на песке, наслаждаясь коротким промежутком, пока тело мокрое и солнце не обжигает. Но полотенце уже начинает топорщиться и вскоре нахлестывает меня по лицу, пытаясь поднять на ноги. Я мешкаю. Как вдруг ветер резким движением срывает пляжный зонтик. Это уже не намек. Это приказ. И я, то и дело оглядываясь назад, все еще не решаясь сделать окончательный выбор между камнем и морем, медленно покидаю берег, уступая капризной настойчивости ветра, который подталкивает нас с зонтиком к машине. Бросаю вещи в багажник и снова в путь.

И опять стремительный полет и дразнящие сумасшедшие выкрутасы дороги. Кажется, что она мстит за измену с морем, озадачивая все новыми выходками, и неизменно опережает меня. Скоро я устаю и сбавляю скорость. Но тут дорога, словно угадав мою усталость, вдруг выпрямляется и... дает мне фору, пропуская вперед. С победным видом кидаю взгляд в зеркальце и злорадно наблюдаю, как она все больше отстает, провожая меня мелкими глазками, которые я – все еще глупое и лишенное воображения дитя города – первое время принимаю за фары автомашин.

Но вот сзади два белых огня... они растут и уже почти касаются багажника автомобиля. Упиваясь своей победой, я замешкался, и дорога догнала меня. Миг – и она опять впереди. Отрывается все дальше и перед каждым изломом мигает красными глазами, маркируя растущую дистанцию, чтобы не оставить никаких сомнений в том, кто победитель.

Еще несколько вялых попыток помериться силой, и я окончательно сдаюсь. Раз и навсегда снижаю скорость и предлагаю дружбу. Делай со мной что хочешь. Швыряй вниз, тяни вверх, раскручивай, подбрасывай на кочках – я никуда не сверну, даже к морю. Даю слово. Прошу только об одном: открой и объясни мне этот странный мир, который все больше притягивает к себе.

И она великодушно соглашается. Еще один мучительный подъем, за ним – захватывающий спуск, и меня несет прямо на оранжевые скалы. Почему они все время ярко-оранжевые, а некоторые совсем красные? Но времени на ответ нет. Я мчусь прямо на эти камни. Там же нет пути!!! Опьяненный скоростью, я не в силах нажать на тормоз. И вдруг дорога истончается и узкой полоской, на которой едва умещаются четыре колеса, огибает скалу в самом неожиданном месте, и я делаю остановку. Выхожу из машины и замираю – один среди оранжевых исполинов.

Издалека они были похожи на камни, но вблизи, где все оживает, оказались уличными актерами, изображающими скалы. Картинно застыв в артистичных позах, облачились в нарядные платья, снизу гладкие и

зеленовато-кирпичные, отутюженные морем, а выше, – куда не дотянулся морской прибой, апельсиновые или лиловые – сильно взлохмаченные и обтрепанные ветром и временем.

Продолжая восхищаться их мастерским перевоплощением, я подбираюсь к краю обрыва и вижу Корсику. Она все еще вдали, но у меня уже шальная мысль, – а не сигануть ли с обрыва прямо в ее сочную бездну, а там... Глядишь – подхватит, и я полечу. Вдаль, вверх, вниз... – какая разница лишь бы в сумасшедшем вихре. Обжигая глаза, он ворвется внутрь и сорвет все створки и заслоны, за которыми мы прячем от себя и других бесстыдное желание жить и еще раз жить!!!

Я раскинул руки и замер, готовый сорваться в эту дикую мечту, которой уже почти касаюсь носком ботинка.

Нет, не сорвусь. Слишком тяжелы мысли и поступки, чтобы с такой ношей легко оторваться от земли, отдавшись бесшабашному полету. Еще рано. А, возможно, уже поздно...

Вдруг за спиной шепот. Оглядываюсь и только сейчас вижу, что не один. Вокруг люди. Оказывается, они все время были рядом, но я их не замечал, потому что, как и я, они оцепенели от нахлынувшего на них зеленого и оранжевого очарования, омываемого то бирюзовой, то изумрудной волной.

Сегодня никто из нас не взлетит. Но мы и не тронемся с этого места. Зачем? Куда? Разве не сюда мы стремились? Разве не здесь смыкаются время и пространство, открывая все тайны? Разве не здесь заканчиваются наши суетливые, бестолковые поиски счастья и смысла бытия?

Однако ветер теребит за рукав. Еще не все... С силой отрываюсь от скал, и опять бесконечные изгибы дороги. И вдруг она начинает сужаться и скоро тает. Машина тормозит, я выбираюсь и вижу вместо нее слабую тропинку, которая тянется в гору. Послушно ступаю на нее и забираюсь все выше и выше. А вскоре и эта тропка рассыпается... остаются лишь разбросанные валуны, камешки, кустики.

Продолжаю взбираться в гору, выискивая дорожку, помеченную желтыми пятнами краски на камнях, а мне навстречу плавно снижаются странные неземные люди со светлым взглядом. Планируют прямо на меня и молчат. Далеко ли? И что там? Ответа нет. Лишь улыбки – рассеянные и задумчивые. Через час беспорядочные камушки и кусты снова собираются в тропинку, а летящие навстречу красавцы все шире улыбаются, но уже не в сторону, а мне в лицо. И скоро один из них, угадав мой немой вопрос, произносит «уже недолго, всего километр».

Замечательное свойство языка сжимать время и расстояние, чтобы они не казались мучительно долгими. «Километр», «всего лишь километр», «час», «часик». Как сильно разнятся эти отрезки!

И вот тропинка заводит в сосновый бор, звенящий, от ручейков, рождаемых бесчисленными подземными источниками. Я припадаю к земле и смакую вкус ключевой воды, наслаждаясь редким в наш замусоренный век счастьем пить прямо из ручья.

А вдали уже поблескивает чудо – горное озеро. Тихая гладь в кувшинках и лилиях, окаймленная соснами, за которыми ущелье и скалы. Забыв об усталости и перестав чувствовать мокрую рубашку, подхожу к озеру все ближе и ближе, пока почва не начинает утопать под ногами и... Нет, тропинка не обманула, заманив в эту райскую обитель.

И вдруг меня осенило! Я понял, почему так чертовски красивы были люди, спускающиеся с горы. Увидел божество, заискрился от его сияния и обернулся сказочным принцем.

Я возвращаюсь, убаюкиваемый вечерней дорожкой, притихшей и ласковой. А актеры, продолжающие собирать вокруг себя очарованных путников, темнеют, окрашиваясь из апельсинового цвета в алый, затем в пунцовый, а потом в коричневый. Скоро они оденутся в черные платья, которые скроют праздничность, оставив глазу только строгие силуэты. Расстилающийся под ними зеленый ковер поблекнет, и лишь вдали, как гигантская свечка, все еще будет мерцать море. Оно потухнет позже всех – с последним выдохом заходящего солнца.

Пора домой. Зачем? Не знаю. Вероятно, для того, чтобы дома проснуться и на следующий день вновь захотеть обратно, где меня уже заждалась Корсика.

Анастасия Ерохина

Аниматор

рудно сказать, почему люди внезапно решают уехать в другую страну, чтобы там жить и работать. Когда дело касается аниматорской деятельности – развлечения туристов на Египетских и прочих курортах, людей вводит в заблуждение напускная жизнерадостность аниматоров, а так же ложное представление о том, что это такая легкая ненавязчивая работа, больше напоминающая развлечение. Это правда только в том, что касается развлечения, но вот только веселить придется других, а не себя. Чтобы через неделю не вернуться домой, разочаровавшись в этой затейливой профессии (а такое случается со многими), нужно хорошо представлять себе ее реалии. Те, кто думает, что это такой дешевый вид пляжного отдыха, ошибаются сильнее всего. Ничего общего с отдыхом аниматорская деятельность не имеет, более того, это весьма тяжелая и малооплачиваемая работа. Обычно туристам, валяющимся возле бассейна, кажется, что ежедневная аквааэробика с Таней или Машей – приятная забава, но вот бедная Таня так не думает. Да, для нее это единственная возможность залезть в запретный бассейн, но она очень устает за час дрыганья ногами и руками, а может спала всего часа три, свозив накануне туристов в ночной клуб, ну и разумеется, еще у нее впереди ее пятнадцатичасовой рабочий день. Однако наша Маша не унывает, она громко и весело выкрикивает указания, а еще она улыбается. Всегда. А когда после работы она раздевается, соседки по комнате посмеиваются над ее, как это называют аниматоры, «рабским загаром»: на загорелом теле выделяются следы от кроссовок, шорт и майки. Однако, глазами расслабленного туриста, Маша, или как ее скорее

всего зовут здесь, Мэри – просто наслаждается жизнью в теплой стране.

Мальчики-аниматоры любят ночные клубы и девочек. Они спортивные, подтянутые, борются с собственным алкоголизмом, а по утрам – с похмельем. Они хорошо говорят на одном языке (родном), плохо – на другом (который учили в школе), и ужасно – еще на двух-трех. У девочек-аниматоров длинные волосы; глаза блестящие и практически всегда пустые. На их лицах много косметики, а духи пахнут сладко-сладко. Они любят ночные клубы и мальчиков, а также разводить туристов на деньги, танцевать и покупать дешевую бижутерию. В остальном же все аниматоры разные. С высшим образованием и без, в возрасте от 18 до 30 (а бывает и старше). Есть аниматоры, совсем непохожие на описанных мной. Причины, по которым они оказались там, где оказались, тоже разные. Кто-то приехал подтянуть английский, кто-то – сбежал от нищеты своего родного города, кому-то было скучно дома, кто-то обзавелся египетским бой-френдом и планирует остаться навсегда. Кто-то, как я, решил провести зиму в теплой стране и освоить новую профессию. Многие уезжают, не проработав и недели. Работа оказывается слишком тяжелой для тех, кто верил в распространенные мифы и рассчитывал на легкие деньги и отдых. Бывает, аниматоров увольняют – за секс с туристами, просто за нахождение в номере у туристов (это строжайше запрещено), а то и за курение гашиша у себя в комнате.

Девушки часто сталкиваются с проблемой, когда «и хочется, и колется» – хочется пожить в Египте и работать аниматором: вроде и интересно, и климат замечательный, да вот арабы – страшный, дикий народ. Пристанут, изнасилуют, продадут в рабство в пустыне. Или еще чего, уволят с работы, выкинут ночью на улицу с чемоданом, и тогда уже со всех сторон напрыгнут арабы, пристанут, изнасилуют, далее по списку. Скажите это любому аниматору, и будете заслуженно подняты на смех. Шарм-Эль-Шейх, где я проработала полтора месяца, один из самых безопасных городов в мире. Самое плохое, чего можно ожидать от местных жителей – они будут орать вам вслед на

всех языках мира, но достаточно просто не обращать внимания, чтобы самый приставучий араб уgomонился. При возникновении конфликтов (что само по себе редкость), достаточно упомянуть туристическую полицию, и местные жители прыснут в стороны, как тараканы. Если же вас вдруг уволят с работы (ничего страшного, это случается), бояться не надо – увольнение обычно означает переезд в другой отель. Более того, вы и сами можете сменить отель, достаточно попросить своего шеф-аниматора. Но если вы серьезно и неоднократно проштрафились, могут и отправить домой. В любом случае, пока вы будете ждать дня вылета, никто вас не выгонит на улицу. Более того, чтобы получить неприятности, нужно на них целенаправленно нарываться. Да, если вы напьетесь в ночном клубе и отправитесь продолжать новое знакомство с местными жителями напрямик в пустыню, стоит рассчитывать на проблемы, но вы их сами нажили. Все правила, которые стоит соблюдать здравомыслящему человеку в чужой стране, действительны и здесь. Чтобы работать аниматором, надо уметь существовать автономно и справляться с возникающими трудностями. Крышу над головой и питание три раза в день обеспечат, а все остальное зависит только от вас. Одно могу сказать сразу: арабы действительно навязчивы, но понимают и русский, и английский, и прочие языки, и если с ними не заигрывать, проблем никаких не будет.

Касательно иностранных языков

Знание английского – обязательно. Это требование подразумевает, что по приезде в Египет вы уже будете знать хотя бы несколько слов по-английски, а также гореть желанием научиться говорить лучше. Для начинающих учить язык это действительно хорошая практика: говорить на нем придется много и часто. Помимо английского, можно также освоить французский или итальянский, это зависит от контингента туристов. В отеле, где я работала, в основном отдыхали русские и англичане, иногда встречались итальянцы и немцы. Однако не все так радужно: работа аниматора вовсе не напоминает курсы иностранного языка, и то, чему вы научитесь за время работы в Египте, шокирует

любого грамотного преподавателя. Речь аниматоров – всего лишь набор слов, не связанных между собой грамматически. Словарного запаса хватает лишь на то, чтобы впарить билеты в клуб и рассказать о мероприятиях текущего дня. Произношение ужасает. Ну и разумеется, навыкам письма взяться неоткуда. Английскую речь аниматоры воспринимают также с трудом, особенно большие трудности вызывают ирландцы и жители Уэльса. Единственное, чему можно научиться за время работы – более-менее внятно изъясняться по-английски, а также немного понимать, о чем говорят другие люди. Желающие выучить язык могут достигнуть цели, но если знания свои вы почерпнете не у носителей, а у шеф-аниматора и коллег местного происхождения, с таким прононсом потом ни в одну серьезную контору не возьмут. Более того, те, кто и до приезда прекрасно говорил по-английски, могут испортить себе и произношение, и грамматику, нахватавшись дурного от коллег. У меня как-то получалось правильно говорить с англичанами, переходя на пиджин-инглиш в общении с шефом, коллегами и местными, но дурной пример заразителен, и не раз потом приходилось ловить себя на ошибках, которых я нахваталась за полтора месяца пребывания в Египте. Смысл прост: чтобы освоить язык, нужно жить в стране, в которой на этом языке говорят местные жители. В Египте можно выучить арабский, и почему людям взбрело в голову, что там можно научиться говорить по-английски? Разве что так же хорошо, как арабы, но их уровень весьма сомнителен.

Как устроиться на работу

Однако, давайте обо всем по порядку. Допустим, вы с чего-то надумали, что аниматор – это весело, и намерены присоединиться к отельной тусовке. Если решение стать аниматором принято на Родине, нечего там оставаться – покупайте дешевую горящую путевку и езжайте в тот город, где хотите работать. В отеле найдите шеф-аниматора и обсудите с ним вопрос вашего трудоустройства. Вакансии есть всегда; вас свяжут с руководством и быстро пристроят к делу. Если хочется работать в конкретном отеле – топайте

туда, ищите аниматоров, спрашивайте, узнавайте. Если вы по какой-то причине боитесь, или не умеете чего-то из вышеперечисленного, или еще чего доброго, не владеете английским хотя бы на базовом уровне – оставайтесь дома. Пугаться вообще не надо: никто ничего плохого не сделает, потребность в аниматорах есть, так как работа тяжелая и малооплачиваемая, желающих прыгать по жаре весь световой день и большую часть вечера немного.

Можно, конечно, устроиться и у себя дома, сидя на диване с ноутбуком. Для этого надо связаться с рекрутинговым агентством, как это сделала я. Вы заплатите около 150 евро, подпишете контракт, и будете сидеть и ждать, пока вас не пригласят в отель, тогда уже остается лишь купить билет на самолет и лететь на работу. Но лично я пожалела, что потратила деньги: контракт не имеет никакого значения там, где вы будете работать, а о визе и страховке можно забыть сразу. Не верьте обещаниям агентств, они заинтересованы лишь в том, чтобы выжать из вас деньги и не дают никаких гарантий. Лично мне обещана была забота куратора: «Не бойтесь, мы вас там не оставим», но с тех пор, как я приехала в Египет, моей судьбой никто, кроме родных и близких, не интересовался. Если у вас есть лишние 150 евро, можете устроиться через посредника, но лично я к ним больше ни ногой. Если вдруг захочется повторного трудоустройства, поеду сама – меньше нервотрепки, не то что когда контракт обещают прислать со дня на день, а в итоге тянут месяц. Поймите, вы все равно сами по себе, но если вдруг вас уволят, не бойтесь остаться на улице: неудачливого аниматора перевозят в другой отель, работающий с той же анимационной компанией, либо оставят пожить, пока не улетит, если захочет вернуться обратно. Рекрутинговое агентство занимается лишь тем, что представляет вашу кандидатуру анимационному агентству в Египте, а после ее утверждения умывает руки, оставляя вас разбираться со всеми проблемами самостоятельно.

Как оформить документы

Что касается документов, то здесь все просто. У вас должен быть загранпаспорт – и все. Аниматорам оказывают

медицинскую помощь бесплатно в отеле, но если заболевание серьезное, а страховки нет, лечение однозначно влетит в копеечку. С другой стороны, в аниматоры идут только люди с железным здоровьем, больным не выдержать 15-ти, а то и 20-часовые рабочие дни. О визе не беспокойтесь: практически все работают с просроченной туристической, которую вы купите в аэропорту. Ее срока хватит на месяц, а дальше либо продлевайте за свой счет, тратя время, которое лучше потратить на сон и отдых (один выходной в неделю), либо работайте, как все – нелегально. Рабочая виза стоит три аниматорских месячных зарплаты. Получение ее крайне затруднительно, а отсутствие ничем не грозит: в крайнем случае, вас посадят в тюрьму, потом депортируют. Шутка. На самом деле все проблемы с полицией решает ваше начальство. Самые осторожные вовремя продлевают туристическую визу, безалаберные по полгода живут и работают нелегально. Когда будете улетать, заплатите штраф за просроченную визу, долларов тридцать, или, как я, проскочите паспортный контроль незамеченными, бывает и такое. Если возникают проблемы с полицией (что бывает довольно редко), достаточно позвонить своему начальнику, и вас скорее всего прикроют. Когда я приехала в отель, в котором проработала полтора месяца, как раз шла проверка документов. В итоге у аниматоров, виза которых была в порядке, посмотрели паспорта, а остальные просто закосили под туристов, надев кофты с рукавами поверх форменных маек. Но когда нет проверки, паспорт остается у вас: никому и никогда его не отдавайте.

Возьмите с собой деньги, они могут пригодиться. Первые десять дней работы не оплачиваются вообще, зарплата будет лишь через месяц, а жить на что-то надо. У меня получалось жить на комиссию от продажи билетов на дискотеку, но это не повод приезжать, не имея ни гроша в кармане. Далеко не во всех отелях аниматоры что-то продают, к тому же вы можете передумать жить и работать в Египте, а значит, понадобятся средства на обратный билет. Кормить вас будут три раза в день, напитки в баре выдадут по требованию, комнату убирают два раза в неделю, а в

прачечную сходите сами, если надо – все это бесплатно. Но если вы курите, любите пожрать на ночь или выпить пивка после работы, гулять придется на свои.

Как собрать чемодан

Майки (иногда шорты и кепки) вам выдадут. Это все. Поэтому собраться нужно основательно. Часто запрещено ходить в открытой обуви, поэтому кроссовки и кеды необходимы как воздух. Если что, можно сходить и купить на месте; цены от десяти долларов. Днем обычно ходят в шортах, вечером – в джинсах. Сарафаны и платья оставьте до выходного, либо ходите в них на работу, натягивая поверх майку, как колхозницы. Вечером (в зависимости от сезона) бывает прохладно, но надпись “Animation” на груди должна быть видна, так что кофты с рукавами только на молнии или пуговицах. Возьмите с собой достаточно одежды, чтобы иметь возможность спокойно сдавать вещи в прачечную, не боясь, что ваши единственные джинсы там испортят. А вот солнечные очки можете и вовсе оставить дома: на работе их носить запрещено – общение с гостями предполагает зрительный контакт. Позаботьтесь о теплой одежде, в Египте порой бывает холодно и ветрено. Тащите с собой все, что считаете нужным, но не забывайте, что в эконом-классе лимит багажа составляет 20 килограммов. Берите все, что носите постоянно, никаких там «а вдруг надену» – зачем тащить за тысячи километров то, что останется лежать в чемодане? Девушкам пригодится выходной набор: косметика, босоножки на каблуках. Особенно если придется работать в новогоднюю ночь или на Рождество. Хорошо иметь ноутбук для связи с окружающим миром, обязательно телефон (местную сим-карту приобретете на месте), и очень желательны наручные часы: жить придется по расписанию, и опоздания даже на пять минут крайне нежелательны. Также позаботьтесь о своей личной аптечке; в ней главные места займут желудочные и противопростудные средства. Будьте аккуратны с едой и не спите с включенным кондиционером. В любом случае, возьмите с собой все необходимое, чтобы автономно просуществовать по крайней мере месяц-полтора до

зарплаты. За время работы вы сносите часть вещей, и в чемодане освободится место для сувениров (которые вы купите за полцены как человек, работающий в Египте, а не отдыхающий). Не жалейте места для носков: стирать их лучше в выходной, когда есть время, а менять придется часто, так как ходить в кроссовках по жаре надо будет много и долго. Многим аниматорам со временем становится неохота стирать носки, и они отказываются от их использования, расплачиваясь за свою лень ногами, пораженными грибок и сопутствующими заболеваниями. Итак, вы собрали чемодан и готовы ехать на заработки, но сперва послушайте мою историю.

Первые дни

Oriental Resort. Вот, где я буду работать. Вопреки моим страхам, все оказалось решено довольно быстро. Вкатив свой чемодан в лобби, я улыбнулась охраннику и сказала, что мне нужен шеф-аниматор. Он появился через пять минут – молодой тунисец по имени Момо, и познакомил меня с руководством. Я, кажется, произвела приятное впечатление, рассказав о своем опыте работы и умениях, и меня тут же назначили детским аниматором, и это значит, что большую часть дня я буду проводить в детском клубе. Другие аниматоры в это время будут развлекать туристов на пляже и у бассейна. Теперь у меня есть форменная майка, и я могу назвать себя волшебным словом «стафф», или по-простому – персонал.

Да-да, это очень важно. Принадлежность к касте служащих сразу проводит черту между аниматорами и массой туристов. Торговец в магазине ломит цену, не краснея? Гордо скажите: «Стафф!», и она снизится процентов на тридцать. В ночном клубе (туда, кстати, вы попадете совершенно бесплатно) скажите это слово в лицо трущимся возле вас местным хлопцам, и они тут же начнут искать другую мишень. Кстати, волшебное слово «стафф» можно использовать к своей немалой выгоде, даже если вы просто приехали в Египет отдохнуть, и к персоналу отеля никакого отношения не имеете. Выдавать себя за аниматора

нетрудно и однозначно полезно – для этого достаточно просто быть молодым и уверенным в себе. Итак:

1. Снимите свой браслет. Для этого изначально не надо надевать его впритык, а если не снимается – размочите горячей водой. Если дела совсем плохи, наденьте кофту с рукавом.
2. Узнайте, как зовут шеф-аниматора в вашем отеле.
3. Ведите себя уверенно.

Это все. Допустим, вам надо куда-то поехать. Такси однозначно влетит в копеечку, так что тормозите синий микроавтобус (туристы редко ими пользуются, страшась местных аборигенов), назовите водителю пункт назначения (есть шанс, что данный конкретный автобус туда не едет), и если все в порядке, забирайтесь внутрь. Никогда не спрашивайте, сколько будет стоить поездка, это говорит о том, что вы не в курсе местных цен. Просто попытайтесь всучить водителю два египетских фунта, а если этого ему, жадине, будет мало, добавьте еще один. Это примерно полдоллара, и за эти деньги можно проехать весь Шарм-Эль-Шейх.

Теперь настало время шопинга. В магазине не надо сразу орать, что вы – аниматор. Сначала ведите себя, как обычный турист. Улыбайтесь, шутите и несите всякую чушь, торговцы это любят. Неулыбчивые покупатели остаются с носом. Когда присмотрите что-то, полюбопытствуйте о цене. Названную сумму мысленно разделите на два, и больше ни пиастра отдавать не думайте. Но сперва надо поторговаться. Цену выше той, за которую вы вещь планируете купить, не называйте, лучше сперва сказать еще меньше. Когда поторгуетесь, и торговец откажется снижать цену, настало время хода конем: гордо заявляйте: «Стафф!». Вас могут спросить, в каком отеле вы работаете, и на кого, вот тут пригодится имя вашего шеф-аниматора. Если вас дурят и ни в какую не хотят делать скидку, просто говорите, что знаете реальную ситуацию и то, какая должна быть цена, и направляйтесь в другой магазин. В любом случае, волшебное слово «стафф» позволит вам сэкономить немало денег.

Адаптация

Даже если вы созданы для того, чтобы быть аниматором, периода адаптации вам не избежать. Первое время неизбежно будет казаться, что вы совершили ужасную ошибку, приехав сюда, и что эта работа ну совершенно вам не подходит. Главное в эти тяжелые времена не совершить еще одну ошибку, купив обратный билет на ближайший рейс. Подождите хотя бы две недели, прежде чем сматывать удочки. Привыкнете к нагрузкам, получите необходимые навыки, подружитесь с коллегами, а там, глядишь, и понравится. Адаптации не удастся избежать никому, и этот нелегкое время нужно просто переждать. Самые глупые девочки, устроив истерику, хватают так и не разобранный чемодан и летят домой. Те, кто поумнее, терпеливо ждут, и только когда проходит две-три недели, принимают решение: оставаться и работать дальше, или все-таки возвращаться, пока не просрочена виза. Полное представление о том, чем придется заниматься, вы получите за неделю – увидите все вечерние шоу, научитесь танцевать необходимый минимум, перепробуете все блюда в ресторане. Через две недели начнете жить с постоянным ощущением дежавю, а через месяц и шоу, и еда, и коллеги вам до смерти надоедят. А потом привыкнете, и вот тут-то время помчится вскачь, и полгода стандартного контракта пролетят незаметно. В конце (если, конечно, продержитесь шесть месяцев) вам выдадут последнюю зарплату, и еще дадут денег на обратный билет. Однако рано говорить о конце работы, когда вы еще толком не начали работать. А если и начали, то не стоит забывать о том, что вас могут уволить или лишить зарплаты за нарушение правил отеля.

Правила

Руководство отеля очень не любит платить аниматорам их честно заработанные деньги, и вездесущие менеджеры так и норовят поймать вас за нарушением каких-нибудь правил, чтобы вычесть из зарплаты как можно больше, хотя она и так мала. Обычная зарплата аниматора –

300 долларов в месяц, выплачивается в местной валюте. А правила такие:

Во время контакта с гостями запрещается обсуждать темы политики, религии и секса. Это логично, но если гости сами затрагивают эти темы, обсуждать их или нет – на ваше усмотрение. Однако если гости начинают предлагать секс (а такое периодически случается), можете смело разворачиваться и уходить.

Аниматорам запрещается нецензурно выражаться. Услышат менеджеры или пожалуются гости – вычтут из зарплаты. Все ругаются матом, просто надо делать это тихо и только среди своих.

Аниматорам запрещается носить солнечные очки в рабочее время. Потому что общение с гостями – немаловажная ее часть, и во время этого люди хотят видеть ваши глаза, а не свое отражение в стеклах темных очков.

Аниматорам запрещается носить открытую обувь на территории отеля. Такое правило существует не во всех отелях, но есть шанс, что придется, как и мне, ходить в кроссовках по жаре. Стирка носков станет вашим основным занятием в выходной.

Аниматорам запрещается обсуждать с отдыхающими личные проблемы и политику работы отеля. Услышат менеджеры – останетесь без зарплаты. Поэтому, когда будете жаловаться, как плохо руководство обращается с аниматорами, делайте это тихо, а лучше вообще не делайте – уши есть везде, вскоре ваше нытье дойдет до менеджмента, а то и до руководителя вашей анимационной конторы: так увольнение из призрачной угрозы становится суровой реальностью.

Аниматорам запрещается употреблять алкоголь и наркотики. Употребление наркотиков оставьте до выходного, если есть такая потребность. Алкоголь можно принимать и во время работы, но с осторожностью. В баре, само собой, вам не нальют, поэтому выпивку придется отжимать у гостей. Безопаснее всего выпивать в туалете: туда точно никто из руководства отеля не зайдет. Но не напивайтесь допьяна, это уже ни в какие ворота не лезет. Хотя наш шеф-аниматор частенько вел вечернее шоу в

стельку пьяным, и никто не поднял скандал. Но то шеф, ему можно.

Аниматорам запрещается использовать мобильный телефон во время работы. Если нужно позвонить или отправить СМС – бегом в туалет. Только и всего.

Аниматорам запрещается уделять много времени одному из гостей. Если уж вам кто-то понравился настолько, что хочется посвятить все время ему и только ему, будьте готовы рискнуть зарплатой, и не забудьте следующее правило, очень важное.

Аниматорам ни при каких условиях нельзя переступать порог гостевых комнат. Предложения пообщаться и выпить «в номерах» отменяйте сразу, за нарушение этого правила увольняют моментально, сами не заметите, как вас выкинут.

Аниматорам запрещается портить имущество отеля. Не расплатитесь потом.

Еще нельзя во время работы (шоу или гостевой контакт) общаться с другими аниматорами. За это ругает шеф-аниматор. Конечно, не так страшно, как урезанная зарплата, но тоже неприятно.

Условия проживания

Если бы не тотальное разгильдяйство нашего шеф-аниматора Момо, условия можно было бы назвать хорошими. Но в день приезда он не смог сразу найти мне кровать, и потому мне пришлось спать в одной комнате с мужиками: самим Момо и коллегой Сергеем из славного города Киева. Такие накладки случаются, к тому же мне было клятвенно обещано, что уже на следующий день все проблемы будут решены. Однако я целую неделю жила в той же комнате, воняющей носками, в душе не было горячей воды, и у меня не было ничего, кроме койки и собственного чемодана. Для меня также не нашлось одеяла, поэтому спала я одетая и закутанная всем, чем только можно. Одеяло, правда, со временем удалось добыть. Днем в комнате было полно мух, а ночью – комаров. Они очень злые, так что если из под простыни торчит хоть кончик носа, уснуть не получится. Я привыкла спать, накрывшись с головой

простыней и завернувшись в нее, как в кокон. Через неделю уехала аниматор Софи, и меня переселили на второй этаж к двум девушкам: Оле и Ларе (к счастью, у них было средство от комаров, и эти злобные насекомые больше меня не тревожили). Обычно аниматоры живут по два человека в комнате, но у нас в основном жили втроем – места-то не было. Условия проживания очень сильно зависят от отеля. Где-то аниматоры живут в номерах наравне с гостями, где-то – в стафф-хаусах, до которых приходится ехать на автобусе минут десять. Наш скромный двухэтажный домик находился в двух минутах ходьбы от отеля, что являлось большим плюсом. В любом случае, в комнате должны быть туалет и душ, горячая вода. Уборка и смена белья два раза в неделю. Кроме этого, аниматорам положена кормежка в главном ресторане три раза в день.

О еде

Сторонники раздельного питания были бы в ужасе, увидев содержимое моей тарелки за обедом или ужином. За сорок пять минут надо успеть наложить полную тарелку, налить чай, кофе, сок, попросить колу и пепельницу, принести фрукты и десерт, а самое главное – все это поглотить и покурить. Недостаточное насыщение неминуемо приведет к голодной смерти, поэтому никаких там салатиков. На тарелке громоздятся рядом кучки разноцветного риса, картошка, спагетти, мясо, птица и рыба. Спагетти с томатным соусом, баранья корейка, люля-кебаб. Или рис с мясной подливкой, запеченный картофель, филе сибаса, индейка, куриная котлетка и бефстроганов. Надо есть, по возможности стараясь, чтобы все не перемешалось и не стало однородной массой. И, кстати, это вкусно. Иногда я еще брала суп. Кормят хорошо, только говядина ужасно жесткая, зато рыба и морепродукты хороши. При виде десертов разбегаются глаза, и становится обидно, что я не ем сладкое. Из фруктов наиболее вкусны дыня, бананы, мандарины, гранаты и физалис, безвкусная гуава и незрелые финики обычно игнорируются всеми. Есть нужно много, равно как и спать, да вот второе не получается, особенно в праздники.

Новый Год

Для аниматора Новый Год – довольно тяжелый рабочий день. До шести часов все работали как обычно, а потом мне пришлось натянуть вечернее платье, босоножки на каблуках, и накраситься. Само собой, в платье с непривычки я чувствовала себя как обезьяна в парике. В шесть тридцать должен был состояться ужин для детей в отдельном ресторане, но вместо славного застолья дети получили ненакрытые столы и отсутствие напитков. Через какое-то время появилась еда: пареные овощи с куриными наггетсами и картошкой фри. Это было ужасно. Еще пришлось ругаться с немцами, которые жаловались, что из аниматоров никто не говорит по-немецки. И действительно, по-немецки я могу высказываться лишь цитатами из Раммштайн либо Кольца Нибелунгов, ну и еще знаю несколько площадных ругательств. Дети просили кетчуп, который к тому времени кончился, и жаловались, что картошка фри холодная. Приходили новые дети и садились за неубранные столы. Вот веселуха-то. В сложившейся ситуации я была ни капельки не виновата и старалась сделать все, что могла, но что можно было сделать? К счастью, вскоре позорный ужин кончился. Мы походили и попроставали к гостям, чтобы толкнуть как можно больше билетов в клуб Pacha, потом начался ужин; мы помогали гостям найти свои места. Через полчаса дали поужинать и аниматорам. Однако вот незадача: свободных мест не было. Я об этом сначала не знала и набрала еды непригодной к тому, чтобы накалывать на зубочистку и запихивать целиком в рот. Вилка и ножик тоже не было, само собой. Первые пять минут я расхаживала по залу с тарелкой, полной крабов и других морских гадов, все как на подбор в твердом панцире. Потом я аккуратно их сбросила куда-то, набрала разных нарезок, канапе, суши и всякой другой удобной снэди, ходила с величественным видом, елозила зубочисткой по тарелке и улыбалась набитым ртом гостям. Началось шоу, приходилось ходить (на каблуках) и хлопать, и это дурацкое шоу длилось так долго, что пару раз я просто убежала в туалет, садилась враскоряку на унитаз, снимала босоножки, закуривала и пыталась дать хоть какой-то отдых

ноющим ногам. Ну и разумеется, до полуночи пришлось ходить и хлопать, ходить и хлопать, так что к двенадцати часам я не чувствовала ни рук, ни ног. Новый Год застал меня где-то посредине танцпола. Конечно же, бокала с шампанским в руках не оказалось – на работе пить нельзя. Народ вокруг весело орал и пьянствовал. Я попыталась продать еще билетов, и наконец удалось толкнуть целых два. И вот, переодевшись в джинсы и топик, я еду в мини-автобусе, окруженная туристами. Они задают кучу вопросов про клуб Расха и Шарм-Эль-Шейх, ответа на которых я не знаю. Я говорю, что работаю четвертый день, и это расценивается как хорошая шутка. Я говорю, что если они не перестанут задавать вопросы, водитель отвезет всех в пустыню и продаст в рабство. Эту шутку понимают не все. Наконец приехали в Наама Бэй, дождались остальных аниматоров и туристов, ну и двинули в Пашу. На мне был топик с открытой спиной, так как по наивности и глупости я думала, что в клубе будет жарко. О том, что не оделась теплее, пришлось пожалеть уже в автобусе. До клуба пришлось топтать минут пятнадцать пешком. Далее началось самое интересное: наших гостей пропустили по билетам, а аниматоров не пустили вообще ввиду отсутствия у них удостоверений или какого-то другого подтверждения того, что они аниматоры, а не какие-то уличные проходимцы. Долго ли, коротко ли, но несмотря на кучу звонков разным важным людям, в клуб мы так и не попали. Пустили туда двух аниматоров, у которых нашлись бэйджи, а я с одного из них сняла пиджак. Это меня и спасло: в одном топике я бы точно околела от холода. Но вся эта возня заняла много времени, так что новогоднюю ночь я провела на ступеньках возле клуба, не только в чужой стране, но и в чужом пиджаке. И знаете, я даже ни капельки не расстроилась: в этом была своя ирония. На такси мы вернулись обратно, бросив гостей на двух попавших в клуб аниматоров.

Рутинa

Мой распорядок дня меня убивает. Это и неудивительно, когда рабочий день начинается в 9 утра, а

заканчивается в 12 ночи, а то и в 4 утра, это как повезет. Все выглядит примерно так:

8.30 – будильник ревет дурным голосом, душ обжигает горячей водой, зубная паста кончилась, туалетная бумага – тоже. Себе на заметку: купить пасту и свистнуть бумагу в детском клубе. Дневная форменная майка немного грязновата, но ничего не поделаешь, она у меня всего одна, а значит, стирка подождет до выходного.

9.00 – завтрак. Спасибо, два блинчика, яйца разболтать, лук не класть. Всем здравствуйте. Всем приятного аппетита. Кофейных чашек опять нет, ну да зато супных мисок хоть отбавляй. Да и кофе в них помещается не в пример больше.

9.30 – собрание. Шефы спят, мы сидим, разместившись впятером в четырех креслах, и курим, ожидая начала рабочего дня. Кофе, минералка, всем доброе утро. За пять минут до конца брифинга появляется сонный помощник шеф-аниматора и сообщает, в какой ночной клуб мы продаем сегодня билеты, и сколько все это будет стоить. Хоть на этом спасибо.

10.00 – открываю дверь детского клуба и шелкаю рубильником. Свет, кондиционер, телевизор – детский канал. Детей нет. А если есть дети, то нет бумаги, фломастеров, красок, игрушки сломаны, да и вообще, нечего тут детям делать. Тут и взрослые помирают с тоски.

12.30 – второе собрание. Усталые аниматоры лежат на диванчиках и курят, кидая окурки в бутылки с недопитой водой.

В 13.00 все стоят на входе в ресторан и приветствуют гостей. «Добрый день. Good afternoon». И так – полчаса. Проводив взглядом стройную русскую девушку, мой коллега – египтянин по имени Шериф, говорит с сильным арабским акцентом: «Хороша Маша, да не наша», демонстрируя окружающим щербатую улыбку.

13.30 – обед. Серега нашел в куске торта камень, размером с голубиное яйцо. Нервно ощупав языком зубы и вспомнив, во сколько обошлись коронки, я порадовалась, что практически не ем сладкое.

С 14.00 до 15.00 – перерыв. Чем его занять, думать не надо – вдвоем с девочками мы зашториваем окна и спим. Каждый день.

С 15.00 до 17.00 я снова в детском клубе. Детей нет, мне скучно, я подпеваю телевизору: «Baby chef, baby chef, cooking is a lot of fun», а потом начинаю читать очередную книгу. За время работы в Египте их было прочитано немало, уж поверьте.

В 17.04 я врываюсь в комнату и снова ложусь спать – так проходит второй перерыв. Мы встаем около шести, по очереди принимаем душ. Я – последняя, потому что не крашусь. Натягиваю джинсы, севшие после стирки в прачечной, кеды, вечернюю аниматорскую майку (отличается от дневной цветом). На ужин прихожу ровно в 19.00, чтобы успеть как следует поесть: рабочий день закончится нескоро, а кормить больше не будут. Еда в нашем отеле первоклассная, но через месяц и она надоедает.

В 19.45 ужинать идет вторая смена, а я стою на энтрансе. Всем гостям надо сообщать, какое вечером будет шоу. Вчера на шоу «Мистер Ориентал» пьяный англичанин спустил штаны вместе с трусами, а сегодня будет «Мисс Ориентал». Всем приятного ужина.

В 20.30 начинается детская дискотека – мое вечернее активити. Сначала приходится драть глотку, чтобы собрать детей, а потом плясать с ними, пытаюсь одновременно показывать движения и организовать круг. Некоторые дети послушно стоят, где им сказано, и танцуют. Некоторые бегают, толкаются и орут. Родители в любом случае рады: после получаса такой движухи сил у их чад порядком поубавится. Возможно, они без проблем уснут.

В 21.00 я выхожу из зала, окруженная детьми. Те разбегаются, а я, поправив на груди броневую майку с надписью «Animation», подсаживаюсь к гостям. Это страшно только в первый раз. Обычно я выбираю небольшие компании англичан в возрасте: с ними интересно поговорить. Мои коллеги предпочитают большие компании русских: им можно что-то продать.

Ровно в 22.00 мы выстраиваемся в ряд и орем: «Show time!» четыре раза. Это значит, что надо собирать народ на

шоу. Сперва перед нами стоит задача всех загнать в зал, а потом мы просто ходим и хлопаем. На танцевальном шоу все аниматоры, кроме меня и Сереги, танцуют. Нас тоже пытались научить, но, побившись несколько часов, бросили эту дурацкую затею. Не всем дано плясать, друзья мои.

Когда заканчивается шоу, остается самое сложное: набрать народ в ночной клуб. В январе в отеле было мало молодежи, а пожилых англичан спрашивать на эту тему бесполезно. Поэтому в клуб мы ездили далеко не каждый день, к моей великой радости. Потому что если мы никуда не ехали, в полночь рабочий день заканчивался, и можно было идти спать. Если же вдруг находилось достаточное количество гостей, приходилось везти их в клуб, и тогда рабочий день становился на четыре часа длиннее.

Рабочие часы и дни, полные однообразия, неумолимо сливаются в один бесконечный день. С нетерпением жду, когда закончится очередной день перед выходным, чтобы, наконец, выспаться и постирать носки. Начальство отменило обеденный перерыв, потому что мы плохо продаем билеты на какую-то вечеринку, и, наспех перекусив, мы обходим весь отель, чтобы хоть что-то заработать, но практически безрезультатно. Остатки дня смазаны: вот за ужином я с усилием пилю баранью корейку тупым ножом. Вечером шоу «Мисс Ориентал», хотя мы весь день говорили гостям, что будет «Мистер». Разъяренный бой-френд уводит одну из конкурсанток прямо в разгаре шоу. После на танцполе женщина сняла туфли и танцует босиком, ее большие крестьянские ступни подсвечивает ультрафиолет. Полночь. Я в автобусе, везу тринадцать русских в ночной клуб. Половина из них пьяны и в голос орут: «По танку вдарила болва-анка», а я подпеваю. В клубе сижу за барной стойкой: в одной руке бутылка бесплатного пива, другой ем чипсы, которые светятся в ультрафиолете. Потом перебираюсь в туалет, забираюсь на столик у зеркала и читаю «Молчание ягнят» в оригинале с телефона. В три часа мы выходим из клуба. Потерялся только один человек, самый пьяный, и мы уже в курсе, что он взял такси и уехал в отель. Едем и мы. В автобусе играет «Hotel of California», никто не поет. Кровать приближается с пугающей

скоростью, и я проваливаюсь в сон. Так проходит каждая неделя.

Детский клуб

Устав от нищеты детского отделения Комплексного Центра Социального Обслуживания, в котором я работала до поездки в Египет, я была практически уверена, что уж в пятизвездочном-то отеле детская комната будет просторна, светла и полна игрушек и материалов для творчества. Оказалось, что большую часть светового дня мне придется проводить в помещении, где девяносто процентов игрушек сломаны, и нет даже фломастеров. Радует лишь то, что дети не столь шепетильны, как взрослые, и умудряются весело играть в боулинг без шаров, ездить на машинке без руля, и насыпать песок в треснутые ведерки гнутыми лопатками. Одна девочка попыталась прокатиться на самокате, который, ко всеобщему удивлению, был на ходу, и сказала: «Вот единственная штука, которая здесь работает». Мой ответ был: «Нет. Единственная штука, которая здесь работает – это я». Однажды утром ко мне пришел милый улыбчивый мужчина по имени Стив – проверить, насколько клуб отвечает правилам по технике безопасности. Он обошел со мной все помещение и прилегающую к нему детскую площадку, выслушал все жалобы, согласился, что настольный футбол травмоопасен (вернее, опасны торчащие из него металлические штыри), и что провалившуюся в стену розетку необходимо починить, пока туда не сунулись детские пальцы: «This socket is quite dangerous, Steve, fortunately my fingers are too thick to fit through, but i'm afraid some of the kids won't be so lucky». Он нашел огнетушитель, но не аптечку, сделал какие-то заметки и обещал, что все будет исправлено. После этого и я, и Стив, которого часто вижу в лобби отеля по утрам, жаловались и говорили всем вокруг о бедственном положении детского клуба, но воз и ныне там. Хотя розетку через две недели все-таки исправили.

Работу утреннюю несколько осложняют ночные клубные вахты. Когда глаза слипаются, а руки трясутся от недосыпа, трудно наносить грим на детские лица, поэтому

однажды я позволила довольно смышенной на вид одиннадцатилетней девочке раскрасить лицо своей маленькой сестренки. Та запросила бабочку. В итоге ее физиономия, включая веки, была полностью покрыта толстым слоем белой краски, а губы и область вокруг приобрели кроваво-алый цвет. На лбу красовались толстые черные усы, размахом и шириной превосходящие брежневские брови, и такие же черные круги были нарисованы на щеках. Я тихо радовалась, что в клубе нет зеркала, потому что на меня смотрел маленький клоун-вампир, уверенный в своей неотразимости и красоте. Однако ребенок умудрился разглядеть свое отражение в металлическом отблеске сушилки для рук, и помещение затопил пронзительный крик и плач: «Это не ба-а-абочка!». Несчастное дитя было успокоено, отмыто и ободрено, но боюсь, что личико с боевым раскрасом будет долго преследовать меня во сне. По детскому каналу начали показывать передачу, которую я окрестила «эксплуатацией детского труда», так как в ней дети то выжимают сок из апельсинов, то давят оливки, получая масло, то есть выполняют взрослую работу. Отмытый ребенок завопил: «Мутация детского труда началась!», и уселся перед телевизором.

Интимная жизнь аниматоров

Аниматор Сергей работает в отеле уже два с половиной месяца и живет в одной комнате с шеф-аниматором Момо. Он здесь, потому что хочет подтянуть английский, но на мой взгляд, не сильно в этом преуспел. Но речь не об этом. «А как у вас тут с личной жизнью?» – спрашиваю я Сергея. Он рассказывает, что не является сторонником длительных отношений, и что предпочитает ни к чему не обязывающий секс с туристками. Для этого достаточно иметь 200 фунтов, чтобы заплатить за ночь в дешевом отеле, а лучше найти подружку для Момо, чтобы вчетвером затусить в их комнате, таким образом сэкономив деньги (само собой, их лучше пропить).

Вечером после работы Момо говорит мне: «Иди в комнату и переоденься, мы едем в клуб». Вдвоем. Ехать

куда-то с пахнущим потом тунисцем мне совершенно не хочется, но я подчиняюсь, так как не могу найти причину отказать – начальство надо слушаться. В джинсах и толстовке, с банкой пива в руке я сижу на заднем сиденье такси и слушаю, как Момо поет дифирамбы моим рабочим качествам, размахивая руками и как бы случайно задевая мое колено. Интуиция подсказывает, что надо держать ухо востро, уровень адреналина подскакивает и держится весь вечер, а значит, алкоголь на меня практически не действует. Я спокойно поглощаю пиво и пытаюсь отползть в сторону тем дальше, чем сильнее пытается ко мне прижаться Момо. В клубе он приносит мне еще пиво, потом джин-тоник, снова пиво. Это не оказывает практически никакого влияния на мой закаленный в боях с зеленым змием организм, однако нарастает раздражение, вызванное его приставаниями. В танце Момо похотливо вертит бедрами, пытаюсь лапнуть меня за какую-нибудь часть тела, но я легко уворачиваюсь, так как абсолютно трезва, а злополучный шеф-аниматор нажрался в хлам. Пива пополам с джин-тоником недостаточно, чтобы я потеряла контроль даже в обычном спокойном состоянии, а этим вечером все сигнальные системы кричат об опасности; я не расслабляюсь ни на минуту и могу выпить хоть бутылку водки без особого эффекта. Терпеливо жду, когда начнет лезть по-настоящему, чтобы начать активное сопротивление. Возникать сейчас не имеет смысла, так как на данный момент еще можно нелепо отмазаться: «Я просто танцую, ничего личного». Наконец Момо не выдерживает и пытается меня облобызать в районе уха, на что получает решительный отказ. Мы разговариваем. «Ты отличный чел, Момо, в плане бухнуть и потусить я всегда за, но не более того – мое сердце отдано другому мужчине». Тунисец врет, что у него девушка в Швейцарии, и что он сам ни с кем не занимается сексом, позволяя себе лишь невинные поцелуи. «Но ведь нужен кто-то, чтобы заботиться о тебе, пока ты здесь». «Спасибо, я прекрасно существую в одиночестве». Момо продолжает вешать мне лапшу на уши, но я помню разговор с Серегой и доподлинно знаю, что меня просто хотят завалить в постель, притом весьма неуклюже. Все

попытки Момо хоть как-то меня развести не имеют успеха. Мы едем обратно, он в стельку пьян и несет какую-то чушь. В душе я готова сменить отель, и мне абсолютно на все наплевать. Но больше Момо не пытался ко мне приставать.

Днем позже в разговоре с моими соседками по комнате, Ларой и Олей выяснилось, что наш славный шеф-аниматор страдает комплексом неполноценности, а потому пытается самоутвердиться за счет побед на любовном фронте. «Девочки, но ведь от него страшно воняет, как с ЭТИМ можно вообще иметь какие-то интимные отношения?». Оля и Лара хором меня поддерживают. На следующий день мы едем в клуб. Момо в открытую пристаёт к Оле. Они долго стоят у барной стойки и шепчутся. Я сижу за столиком, потом выхожу на танцпол, и почему-то всегда они оказываются в пределах видимости, тискают друг друга, никого не стесняясь. По возвращении в отель оказывается, что на Олиной кровати будет ночевать Серега. Все происходящее мне кажется каким-то сюрреалистическим бредом, но я просто напоминаю себе впредь не распускать язык в присутствии Оли, и больше не говорю с ней о Момо, исключая рабочие моменты. Через пару дней ситуация повторяется, и Серега снова спит на соседней кровати. Но мне на это глубоко наплевать. Что важнее, потный шеф-аниматор меня практически полностью игнорирует. Это прекрасно, так как я не выношу приставаний, но с того дня намного труднее стало выбивать из него комиссионные, да и замечаний по поводу качества моей работы изрядно прибавилось. Впрочем, меня это не сильно заботит: один телефонный звонок, и я начинаю работать в другом отеле. Пока в этом нет нужды, но возможность избавиться себя от проблем не может не радовать.

Хотя стресс осложняет и без того тяжелые рабочие будни: случаются неприятные ситуации. Момо отказывается вернуть мне 50 фунтов, чтобы дать сдачу англичанам, которым я продала билеты в клуб, объясняя это тем, что якобы их было не двое, а четверо, и значит, никакой сдачи не полагается. Однако комиссию выдает за двоих. Я еще в момент покупки билетов отдала сдачу из своего кармана, а

значит, попадаю на 50 фунтов (10 долларов). Ругаться или жаловаться не имеет смысла, поэтому днем позже, продав три билета в лотерею (общая сумма 75 фунтов), я оставляю деньги себе – 50 по праву, и 25 за моральный ущерб. Не с той связался, Момо. К тому же я зарубила себе на носу: никому не давать сдачу из своих денег.

Начальство

Скоро Момо должен уехать в отпуск. Вместо него, по идее, главным должен был стать Макси, строгий, но справедливый египтянин. Относительно справедливый: он где-то «раздобыл» диски с музыкой для детской дискотеки. По идее, я должна брать их в отеле, продавать по 15 долларов, 5 оставлять себе, а 10 отдавать менеджменту. Но мы с Макси шабашим вдвоем, если это можно так назвать, так как продажей занимаюсь я, а он просто выдает диски, забирая себе две трети выручки. Я бы предпочла 50 на 50, но не хочется спорить. Однако идет время, Момо еще не уехал, а Макси так и не стал главным, так как на место Момо приехал Билли – шеф-аниматор из другого отеля. В итоге они целый день тусуются втроем и практически не работают: на утренних брифингах мы с Олей, Ларой и Серегой дремлем в креслах, не получая необходимых указаний, а потому часто не знаем, в какой клуб нужно продавать билеты, сколько это будет стоить, какое шоу вечером, и так далее. Начальство в это время спокойно дрыхнет. На дневные брифинги дружная тройка таки является, устраивает нам веселую жизнь за плохие продажи, и порой вместо перерыва на обед мы ходим по территории отеля, безуспешно пытаюсь впарить жадным туристам очередную развлекаловку. Тем же самым мы занимаемся по вечерам, а в это время Макси, Момо и Билли пьют кофе и весело болтают на арабском.

Отношение к гостям

В час пополудни все аниматоры (кроме Макси, Момо и Билли) стоят на энтрансе: так называется приветствие гостей и информирование их о предстоящих

мероприятиях. Происходит все у входа в главный ресторан. Голодные гости часто спешат мимо, игнорируя улыбки и приветствия на всех языках мира. Сперва я не понимала, как различать людей из разных стран, а потом стало очевидно, что на бодрое: «Good afternoon! Enjoy your meal», англичане оборачиваются, приветливо улыбаются и отвечают на приветствие, а русские часто спешат мимо с постными лицами, и на: «Приятного аппетита! Добрый день!», реагируют настороженными взглядами. Не все, разумеется, и не всегда, но очень часто. Сперва меня это раздражает, потом привыкаю. «Ненавижу гостей» – говорит мне Оля: «Они ни хрена не делают, только валяются у бассейна, не участвуют в активити и не ездят в клубы». Я робко замечаю: «Но ведь люди приехали отдыхать и расслабляться, почему мы должны навязывать им какие-то развлечения?», но Оля непреклонна: «Потому что наша работа – продавать билеты, а для того, чтобы делать это эффективнее, надо сперва втереться в доверие, зазывая гостей на волейбол и йогу». Я начинаю понимать, в чем истинный смысл аниматорской деятельности. Мои размышления прерывает очередная реплика: «Больше всего ненавижу англичан. Они вообще никуда не ездят и ни в чем не принимают участие». Мне же, напротив, жители туманного Альбиона весьма симпатичны, и я решаю за них вступиться, рассказываю о своих знакомствах и милых вечерних беседах. Олю все мои доводы не волнуют: во-первых, она не понимает, о чем можно разговаривать с англичанами, а во-вторых, как выяснилось, смысл контакта с гостями заключается в том, чтобы расположить к себе и что-то продать. Становится ясно, почему шеф-аниматор бросает на меня неприязненные взгляды, когда я мило беседую с какой-нибудь пожилой супружеской четой из Англии. Я пускаю в ход последний довод: «Но ведь наша работа – делать людям хорошо, и раз они мило со мной побеседовали и поблагодарили за приятно проведенное время, значит, я выполняю свою задачу и улучшаю их отдых». «Хуйня» – отрезает Оля: «Срать на их отдых». На это мне сказать нечего, и я отворачиваюсь, чтобы поприветствовать очередную пару русских, которые спешат мимо, оставившись себе под ноги.

Однажды мы должны были набрать 15 человек, чтобы поехать на вечеринку в Black House. Дело продвигалось с трудом. Приходилось прибегать к отчаянным мерам: вот я вижу, как Оля ведет ко мне в стельку пьяного русского парня; она занята тем, что помогает Момо в процессе шоу, поэтому деньги собираю я. Парня зовут Саша: он из Воронежа, он шатается и распускает руки, и, кажется, не понимает, куда ему предстоит поехать, но деньги сдает. Выбрав удачный момент, я ловлю Олю и выражаю свое возмущение тем фактом, что она притащила этого налузгавшегося красавца, и говорю, что с ним возможны проблемы. «Что, если он уснет в туалете или потеряется где-нибудь?» – негодную я, но на все вопросы есть взвешенный ответ: «Это не наши проблемы. Мы должны привезти их в клуб и обеспечить вход. Если в назначенное время кто-то не выходит обратно, ждем 10 минут и уезжаем». Как и было мной предсказано, Воронеж потерялся через полчаса после того, как мы попали в Black House. Оля выяснила, что он взял такси и поехал обратно в отель. Остальные аниматоры несколько не были взволнованы судьбой Воронежа; прошло два дня, а его никто так и не видел. Я спросила у Оли, куда он пропал, а она с восторгом ответила: «Да какая разница, классно же я его развела, а?». Потом Воронеж объявился, исправно ходил на ужин, но ни с кем из аниматоров не здоровался.

Когда гости не хотят ехать в клуб, аргументируя отказ тем, что их друг/подруга уже спит, а в одиночестве тусоваться не хочется, аниматоры восклицают: «Ну почему в одиночестве? Мы будем с вами!». Это ложь. Вернее, не всегда правда. Иногда аниматоры, загнав толпу туристов в клуб, уходят гулять и пьянствовать, и возвращаются лишь для того, чтобы забрать гостей обратно в отель. В целом, ездить таким образом в клуб можно, ведь вас в любом случае доведут, доведут и проведут внутрь, но не ждите, что с вами будут носиться как с писаной торбой – люди-то все взрослые, сами по себе, а аниматоры вам не няньки. Хотя порой приходилось брать на себя и эту роль, особенно когда требовалось вытащить из клуба Pacha молоденьких девочек, которые не желали покидать прекрасных принцев в лице

местных туземцев, выдающих себя за итальянцев. И такое бывало.

Новичок

Одним прекрасным утром мы обнаружили пополнение команды в лице египтянина по имени Шериф. Начальство к тому времени уже перестало работать вовсе, а девочкам новичок не понравился, так что учить его, что нужно делать, было некому. Никто, например, не сказал ему, что нельзя находиться в отеле после полуночи, и задержавшемуся бедняге влетело от ночного менеджера. Футболки с надписью «Анимация», обязательной для ношения в течение дня и вечера, ему сперва не досталось вовсе, а потом Серега по указанию шефов отжалел ему одну свою. Представляю, каково ему носить одну и ту же футболку целый день, по такой-то жаре. Но это мелочи жизни. Причина, по которой Шерифа невзлюбили мои соседки, наградив его прозвищем «Хмырь», мне сперва была не ясна – я сама не фанатка египтян, но у нашего нового коллеги определенно есть обаяние, чувство юмора и хорошие манеры. Поэтому я стою с ним на вечернем энтрансе, а значит и ужинаю. Шериф угощает меня какими-то подозрительными местными яствами со своей тарелки, приносит сок и учит, что подозрительную серую жижу хорошо есть с хлебом и сыром (и ведь приучил), и что круглые шарики из теста принято поливать медом и сахарным сиропом, а не посыпать кокосовой стружкой. Позже оказывается, что у Шерифа такое же положительно-уважительное отношение к работе и гостям, как и у меня, но я научилась держать язык за зубами, а он постоянно об этом трещит и возмущается пофигизмом и цинизмом остальных аниматоров, и постепенно его начинает игнорировать практически вся команда. Я бедолаге сочувствую, но благотворительность – не мое жизненное кредо, а потому брать его полностью под свою опеку я не собираюсь. Интересно, сколько он здесь продержится, и что доконает его раньше – равнодушие и пренебрежение коллег или запах носков и трусов в комнате, где ему приходится жить, и откуда я, к счастью, выселилась.

Жалобы туристов

Кого в Египте хуже всех обслуживают? Конечно, русских. Правда, не всегда и не всех. Я попытаюсь пролить свет на эту неоднозначную ситуацию. Каждый день мне приходится выслушивать жалобы туристов на то, как плохо к ним относится персонал: англичан и итальянцев в ресторане обслуживают первыми, а русских практически игнорируют. Пару дней назад, после вечернего шоу на площадке через дорогу, одна женщина попросила меня проводить ее в отель. Учитывая то, что мы находились в двух минутах ходьбы от него, я была немного удивлена, почему она не в состоянии пройтись в одиночестве. По ее словам, Шарм-Эль-Шейх – город настолько страшный, что находиться одной на улице опасно: арабы пристают так, что никакого спасу от них нет. С другой стороны, стоит переместиться с улицы в отель, как ситуация меняется на противоположную: местные официанты равнодушны к призывам страждущих русских туристов, и выпивку приносят разве что минут через двадцать, если приносят вообще (а то ведь забывают). Успокоив напуганную даму, я уверила ее в том, что Шарм – один из самых безопасных городов в мире, и чтобы избавиться от навязчивости арабских продавцов на улице, достаточно не обращать на них внимания и идти своей дорогой. С персоналом отеля сложнее. «А вы пробовали улыбаться, здороваться, вежливо разговаривать?» – задала я наводящий вопрос. «Нет, вы что, нам знакомые посоветовали вообще на них не смотреть». Этим и было все сказано.

Я здесь не отдыхаю, а живу и работаю, и каждый день вижу огромное количество людей. Поэтому могу сказать честно: русские туристы действительно в большинстве своем плохо воспитаны. Они никогда не здороваются с персоналом, не говорят ни спасибо, ни пожалуйста, лезут без очереди, разговаривают таким тоном, будто им все должны, а после этого еще чему-то удивляются. Как-то раз за ужином образовалась очередь за уткой. Прямо передо мной влезла девочка-подросток, и повар брякнул ей на тарелку маленькое обугленное крылышко, а мне положил хороший кусок, пока мы

обменивались стандартными «здравствуйте-спасибо». Девочку я знала, и она с возмущением спросила: «Видела, что он мне дал?». «Ну а ты еще влезь без очереди, и посмотрим, что тебе достанется в следующий раз».

Русские привыкли думать, что если они заплатили за «все включено», официанты должны прыгать перед ними на задних лапках. Ничего подобного. Египет – чуждая нам и дикая страна, и если вы арабу не нравитесь, ничего вы от него не получите. Да, это его работа, он должен обслуживать всех, но если не хочет – не будет. Смиритесь. Я сама нравлюсь не всем, и это нормальная ситуация, поэтому стараюсь обращаться к тем барменами и официантам, с которыми лучше знакома. Если вы на это не готовы, или не способны быть образчиком хороших манер, либо не приезжайте сюда отдыхать, либо ждите плохого обслуживания.

Когда мне жалуются на сервис русские, это одно, но недавно пожилая англичанка с негодованием сказала: «Это так возмутительно! Русских официанты просто игнорируют, а нас обслуживают в первую очередь. Мне так неудобно». Меня это обескуражило, честно говоря. В общем, перед отпуском потренируйтесь улыбаться не только тогда, когда вам рассказали анекдот. Англичане может быть и лицемерны, но весьма хорошо воспитаны, и от них жалоб на плохое обслуживание я не слышала. А еще они оставляют чаевые, и это, скорее всего, главная причина, по которой их обожают персонал отеля.

Galabea Party

По средам мы обычно работаем без перерыва: с утра начальство устраивает всем разнос за то, что продажи идут плохо, и сразу после обеда мы наворачиваем круги по отелю, пытаюсь втюхать билеты на Галабея-вечеринку по 15 долларов каждый. Галабея – это такое традиционное египетское платье, которое носят как мужчины и женщины, так иногда и аниматоры. Что же представляет собой одноименная вечеринка? В душном зале (кондиционер сломался после грозы, и его так и не починили) накрываются столы. Гости наслаждаются коктейлями из

алкоголя местного производства и ненатуральных соков, в то время как приглашенные артисты услаждают их взоры восточными танцами. За нубийским шоу следует африканское, за танцами живота – выступление факира, который ходит по битому стеклу и безуспешно пытается себя покалечить острыми предметами. Людям, заплатившим по 15 долларов с носа, невдомек, что через час мы поведем оставшихся гостей на площадку через дорогу, где они смогут увидеть практически такие же танцы бесплатно. Ну разве что факира не будет. Чтобы недовольные гости не начали задавать ненужные вопросы, все происходит в тайне. За десять минут до начала бесплатного шоу мы тихо подходим ко всем, кто пожалел денег на билеты, и выводим их из отеля. Без лишнего шума и криков, чтобы те, кто заплатил непонятно за что, ничего не знали и не скандалили.

Лотерея

По субботам у нас лотерея и караоке. Ну, с караоке все понятно, а вот лотерея достойна отдельного описания. Все просто, как две копейки: игрок покупает билет с номером, и если его номер вытаскивает ведущий, счастливчик получает приз. Призов всего пять: бутылка местного алкоголя, поездка на банане, то же на катамаране, еще есть путешествие на остров Тиран с масками и трубками, ну и ужин на двоих в итальянском ресторане.

Учитывая то, что билет стоит пять долларов, а продаем мы их не так уж и много, играть в лотерею довольно выгодно: призы-то стоящие. И вероятность выиграть немалая. Ну и нам в радость продавать эти билетки, потому что с каждого комиссия в два доллара. Остальное забирает шеф-аниматор. А отелю – фига. Потому что на самом деле билеты бесплатные. Поэтому продавать их надо тайно, чтобы менеджмент отеля не пронюхал, чем мы все занимаемся. Тс-с-с.

Интересные знакомства

По долгу службы я часто знаколюсь с интересными людьми, но еще чаще – с посредственными. Контакт весьма

поверхностен, ибо строго лимитирован по времени: с одним гостем не рекомендуется говорить больше 10 минут, чтобы не навлечь на себя гнев вездесущих менеджеров, так и шныряющих по отелю в попытках уличить аниматоров хоть в каких-нибудь нарушениях дурацких правил. Впрочем, иногда из рутинного гостевого контакта получается что-то захватывающее. Однажды я, взмыленная после детской дискотеки, заметила сидящую у барной стойки знакомую мне супружескую чету из Индии, а с ними немолодого мужчину арабской внешности. «Вот» – подумала я: «Пойду, поболтаю с ними, все лучше, чем пьяные или престарелые англичане». Оказалось, что араб был не просто гостем отеля, а вполне себе известным фотографом и специалистом по подводной съемке, совершившим более одиннадцати тысяч погружений, призером мировых кинофестивалей, весьма и весьма уважаемым, и, разумеется, до неприличия обеспеченным человеком по имени Tamer El'Anna. О его финансовой состоятельности говорил не внешний вид, на деле весьма скромный, а скорее то, что рядом на стойке стояла бутылка виски с золотой этикеткой (не местного производства), и официанты бара так и крутились вокруг, пытаясь услужить. Тамер вежливо предложил мне выпить, я попросила колу, он сделал жест рукой, и вредный крикливый бармен, который всегда обслуживал меня в последнюю очередь, наливая требуемое до половины в пластиковый стаканчик, достал откуда-то жестяную баночку с ледяной кока-колой и высокий стеклянный стакан. Видели бы вы, как перекосилось его лицо, когда он понял, кому предназначался заказ.

И мы вчетвером начали увлекательный разговор, хотя рассказывал в основном Тамер, и столько всего интересного, что я прокляла свою плохую память, сохранившую от силы треть всей информации. Снимает он подводные фильмы, причем не цветастых рыбок около рифа, которых может запечатлеть любой однорукий идиот, купивший камеру, а что-то интересное, например, роды дельфинов, или бешенство акул при охоте. Он также преподает азы подводной съемки, но не простым смертным,

а большим шишкам вроде принца Катара, так что телефон не просите – записаться на урок не так-то легко.

В итоге мы легко и непринужденно общались до вечернего шоу, и в процессе я узнала много вещей, относительно которых раньше заблуждалась. Например, почему нельзя кормить рыбок в Красном море, особенно акул. С акулами вообще отдельный разговор. Дело в том, что это очень стеснительные существа, и чтобы научить их принимать пищу из рук человека, нужно года три, не меньше, и когда они начинают это делать, жди беды. Потому что глупые рыбы со временем смеются, но, тем не менее, с трудом отличают пищу от кормящей руки. И во всех странах, где есть такое развлечение туристов, как кормление акул, со временем учащаются несчастные случаи. А обычных рыбок кораллового рифа кормить не стоит по другой причине. Дело в том, что человеческая пища вносит дисбаланс в экосистему хрупкого подводного мира. Одна рыбка чистит другую, а маленькие рыбки поедают растительность с кораллов. Если заменить привычную пищу одних рыб на яйца и хлеб из ресторана вашего отеля, другие могут захиреть и погибнуть, а кораллы – остаться без маленьких помощников и задохнуться под облепившими их водорослями. По той же самой причине нельзя трогать кораллы: они покрыты защитной слизью, которую можно легко стереть пальцами, и оставить их беззащитными. Все в море продумано, и это природное равновесие поддерживается на протяжении тысячелетий. Присутствие человека нежелательно, но если уж вы надели ласты и маску, ведите себя как вежливый гость: не ломайте мебель, не пачкайте стены и не избивайте хозяев.

Мы проговорили почти целый час, а потом началось вечернее шоу. Мне пришлось попрощаться. «Вы так интересно рассказывали, что я совсем забыла о времени» – сказала я и рассмеялась: «Думаю, меня уволят». «Ничего, у меня всегда есть работа для людей, хорошо говорящих по-английски» – ответил Тамер, и отправился в зал вместе с индийцами, а за ними гуськом потянулись официанты с закусками. Это вообще был первый раз, когда я видела, чтобы кому-то приносили закуски вне времени ужина.

Оказывается, арабы бывают очень изобретательны и постигают основы европейского обслуживания в считанные секунды, стоит в воздухе запахнуть большими деньгами. В тот вечер в зале, где мы проводим шоу, впервые за две недели включили кондиционер.

Конец истории

Последние три недели мне нездоровилось. Как только проходил насморк, начинался кашель, и наоборот. Работать с девяти утра до полуночи в таком состоянии было весьма сложно, однако температуры до недавнего времени не было. Таблетки, которые выдавал щедрый отельный врач, помогали примерно как припарки – мертвому. Термометр показывал 37,8, но ведь надо было кому-то танцевать на детской дискотеке. Горло болело так, что подпевать я не могла, и лишь загадочно улыбалась детям.

Заполненный пожилыми англичанами, наш отель напоминал дом престарелых. Приглашенный певец исполнял песни Элвиса, а аниматорам приходилось танцевать со стариками и старушками. Кажется, температура поднялась еще выше, но мне уже тогда стало абсолютно на все плевать: важно было лишь время, с течением которого приближался конец рабочего дня. В ушах шумело, горло болело все сильнее и сильнее, глаза покраснели то ли от высокой температуры, то ли по какой-то другой, неведомой мне причине. Общаться с гостями в таком состоянии было страшно. Наконец я упала в кресло в туалете и закрыла глаза. Но расслабиться не удалось: через минуту зашла Лара и спросила: «Как ты? Макси попросил меня посмотреть, что с тобой. Он думает, что ты употребляешь наркотики».

На следующее утро, обнаружив, что встать с кровати я не могу (термометр показывал 39), я позвонила сестре и попросила заказать мне билет домой на ближайшее число. Вот так не вышло из меня аниматора, и сухой египетский климат одержал верх в борьбе с моей дыхательной системой.

Через три дня я уже сидела в самолете с заложенным носом и ушами. Кстати, при прохождении паспортного

контроля, я пристроилась к очереди, которая двигалась быстрее всего, и штраф за просроченную визу платить не пришлось: никто ничего не заметил. Так и закончилась моя рабочая деятельность в качестве аниматора в Египте.

Это история одного человека и одного отеля. Вполне может быть, что в других отелях все по-другому. Мне говорили, что везде одинаково, но все же хочется верить, что где-то анимация действительно развлечение, а не выжимание денег из туристов. Я знаю, что многие ребята, работающие в этой сфере, любят свою работу и не променяют ее ни на какую другую. Это активный образ жизни, тусовки, ночные клубы, общение с людьми из разных стран. Жалею ли я, что поехала? Ни в коем случае. Работа аниматора – это огонь, вода и медные трубы, и ни с чем не сравнимый жизненный опыт. За полтора месяца я научилась: стирать носки, танцевать танец маленьких утят, ругаться матом по-арабски, разговаривать с незнакомыми людьми, как будто так задумано, быстро поглощать еду в больших количествах, засыпать, как только голова касается подушки, а также заниматься любой ерундой с непринужденным видом. Сплошная польза. А если серьезно, то это действительно интенсивный опыт самостоятельной жизни за границей. Не для плакс и неженюк, однозначно. Пробовать или нет – решать вам, а мое дело – рассказывать, по возможности честно, что я и сделала.

Грета Ионкис

У истоков еврейской духовности

«стера современной прозы» – серия, хорошо известная в читательских кругах. Книги с характерным знаком – трилистник на обложке – когда-то шли нарасхват. Шутка сказать, Мастера! Это ведь высшая оценка.

Эфраим Баух

Признаюсь, не надеялась, что в социальных потрясениях и передрягах серия уцелеет, но вопреки всему она живёт. Доказательство – роман русскоязычного израильтянина Эфраима Бауха «Пустыня внемлет Богу», вышедший в 2002 году. И раньше быть изданным «под трилистником» было лестно, но сейчас – особенно. Теперь ведь над редколлегией не довлеют идеологические установки: не нужно непременно искать мастеров слова в джунглях Африки или Вьетнама. Ныне отбор идёт по

гамбургскому счёту, и наш бывший соотечественник по нему и прошёл.

Эфраим Баух – не новичок в литературе. В Молдавии, откуда он родом, его помнят как поэта. В один из трёх поэтических сборников, изданных там, включена была его поэма о Моисее. Но уже более двадцати лет он работает в эпических жанрах, не раз бывал лауреатом литературных премий. «Пустыня внемлет Богу» – шестой роман его эпопеи под общим названием «Сны о жизни». Тематически эпический цикл связан с древнейшей историей еврейского народа, запечатлённой в Пятикнижии.

Прошли тысячелетия, а история эта по-прежнему волнует своей всеобъемлющей первичностью и универсальностью. В XX веке к ней не раз обращались художники слова. Громадой Монблана высится тетралогия Томаса Манна «Иосиф и его братья». О Моисее только в последние 50 лет появилось три романа известных авторов: Шолома Аша, Говарда Фаста и Ицхака Орена (на русский язык они не переводились). И вот на пороге нового тысячелетия Эфраим Баух выступил со своим Словом о Моисее. Мартин Бубер, современный еврейский мыслитель, к мнению которого в мире прислушиваются, считал личность Моисея движущей силой в истории не только иудеев, но всего человечества и полагал, что оно (человечество) «в наши дни, пожалуй, нуждается в нём более чем какую-либо другую эпоху».

Казалось бы, в Библии всё сказано. Четыре книги Ветхого Завета (Исход, Левит, Числа, Второзаконие) повествуют о деяниях еврейского пророка и законоучителя. Томас Манн был в худшем положении: его Иосифу посвящено лишь пятая часть Книги Бытия. Манн рассказывал, как машинистка, перепечатававшая его рукопись, возвращая текст, сказала: «Теперь хоть знаешь, как всё это было на самом деле!» Я не могу, прочитав книгу Бауха, повторить её слов, ибо, как это было на самом деле, мы знаем из Торы.

Знаем, что рождён был Моисей в еврейской семье, проживавшей в стране Кемет – Египте, рождён в лихое время для чужеземцев – хабиру, ибрим. По приказу фараона

новорожденных мальчиков этого племени, которое он держал в рабстве, убивали, ибо боялся Повелитель Вселенной, что, размножившись, евреи станут угрозой для него. Трёхмесячного Моисея, уложив в плетёную корзинку, мать доверила водам Нила, и был найден он в тростниках у берега и усыновлён дочерью фараона. Воспитанный во дворце как внук наместника бога Амона-Ра на земле, он мог бы вкусить всю полноту царской власти, но однажды, движимый то ли зовом крови, то ли добротой, он вступился за еврея, которого избивал надсмотрщик, и, не рассчитав сил, убил египтянина.

Вынужденное бегство в землю Мидьян. Брак с Сепорой, дочерью местного правителя Итро. Моисей становится пастухом у тестя. Однажды, когда он увёл стадо далеко в пустыню, ему явился Господь и воззвал к нему из ежевичного куста – неопалимой купины. Он возложил на Моисея миссию вывести народ Его, Израиль, из рабства египетского. В Книге Исход в деталях рассказано, как шли переговоры Моисея и брата его Аарона с фараоном, как тот упорствовал и ожесточался против евреев, рассказано о казнях, которые наслал Господь на египтян, и о том, как начался исход евреев, о том, как защищал и охранял Бог народ свой во время их долгого трудного пути, как гневался Он на неразумие и упрямство избранного Им народа, как карал его. За сорок лет блужданий по пустыне много чего случилось. Обо всём – и о манне небесной, и о каменных скрижалях Завета, и о поклонении золотому тельцу, и об изготовлении скинии-ковчега Завета, и о посвящении Аарона в священство, и о самом Законе, дарованном Богом народу через Моисея – каждый может прочесть в Пятикнижии Моисеевом.

Так что же толкает писателей вновь и вновь обращаться к преданьям старины глубокой, повествующим о младенчестве древнего народа, когда он, можно сказать, только становился народом? Чем притягателен для наших современников образ величественного старца, единственного посредника между Богом и народом? На мой взгляд, этой побудительной силой оказывается растущая тоска по духовности. Об этой тоске писал в начале века

национальный поэт Бялик, он предсказывал, что от неё пойдёт «великий, дивный Голод»: «Голод не о хлебе и зрелищах, но Голод – о Мессии!» Нелишне знать, что многие каббалисты считали, что душа Моисея переселится в Мессию. Их верования, конечно же, известны Бауху: ведь он недавно закончил перевод на русский язык (первый в истории!) священной книги «Зо́гар». Духовный голод неутолим, неудивительно, что взоры современников устремляются к Моисею.

Его образ в сознании человечества с течением времени трансформируется. В каждую эпоху на первый план выдвигается то, в чём нуждается данное время. Для Гёте, занимавшегося на исходе XVIII века государственной деятельностью (пусть в рамках небольшого княжества) и понимавшего свою задачу как устроительную, образовательную, воспитательную, Моисей был образцом. Он восхищал его как Герой, как избавитель своего народа, сумевший вывести его из рабства и привести к Богу.

Образ Моисея, созданный Эфраимом Баухом, лишён внешней героики, величественности. Присутствие мистической тайны делает Моисея до конца не постижимым, отсюда и одиночество героя, о котором так часто говорится в книге. С юных лет томимый духовною жаждой, которую он утолял книжной мудростью, учёбой под руководством жрецов Египта, наблюдениями и размышлениями над тайнами природы, Моисей под конец становится сам источником духовности. Общение с Всевышним на Синае способствовало превращению пастуха в пастыря. Доводя до мира людей Его замысел, Моисей создаёт царство духа, с которым всем народам, и весьма скоро, придётся считаться. Дух, как известно, всегда опережает действительность. Этот путь или это преображение и составляет сюжетную основу книги Бауха.

Этот роман шире, чем жизнеописание Моисея, это – попытка осмыслить значение Исхода в истории человечества. В прологе к роману содержится небольшой, но ёмкий текст – «Синай – Эверест времен»:

Исход – это не просто переход.

Это – *жизнь-странствие, кочевье души иудейской.*

Жизнь по времени – солнечному, водяному, песочному.

Огромные песочные часы: *пустыня*.

Над временем Исхода работали часовщики Вечности.

Пространство Исхода как творения – круг гончара: огромные ладони пустыни.

Слуховой настрой Исхода: *пустыня внемлет Богу*.

Это, собственно, и есть зачин романа. Сразу бросается в глаза афористичность – примета поэтического мышления, лаконизм – показатель современности стиля. Книга Эфраима Бауха – это творение поэта-философа. Система поддающихся расшифровке повторяющихся знаков и символов позволяет представить путь героя как путь его народа. И путь этот – вечное движение, изменение, развитие. Они возможны лишь во времени и пространстве. Тяга Моисея к морю и пустыне – это голод по пространству. Вначале безотчётная тяга к простору, затем – осознанная возможность быть, существовать лишь в нём. «Вода – незамутнённое зеркало души», «пустыня – свобода, омывающая душу», «время нетерпеливо, а пространство лениво» – истины, к которым приходит Моисей. Сорокалетнее кочевье по пустыне – *прививка про-стран-ством целому народу*: «Народ не просто покинет пустыню – понесёт её в себе». Это станет, по определению автора, его *стран-ностью*, по мне, так лучше сказать его особостью, которая обусловит его долгую и трагическую жизнь. Но если продолжать игру, то от себя добавлю: он станет народом-*стран-ником*.

Ритмика Бауха, его синтаксис, передают безостановочное движение. Это не бег по прямой и не подъём по вертикали, это кружение, движение по спирали, свободное парение или колебания, подобные морскому приливу-отливу или подъему-спуску. Именно в движении, в подвижности – исток жизненности народа Моисея.

Чуткость писателя к слову, осознание его диалогичности, интерес к словопреобразованию («скорнению», по Хлебникову) влияют на структуру знаковых образов в романе. Часто в книге звучит музыка,

это не только музыка сфер, это и голоса Пустыни, и журчание, плеск, рёв воды. Удивительно, что музыка записана не нотами, а словами. А впрочем, чему удивляться? Автор и в прозе остаётся поэтом.

Коль мы уже говорим о главном – мастерстве писателя, невозможно не отметить искусство архитекторики. Роман трёхчастен и развивается по законам симфонии. Кольцо композиции подчёркивает его завершенность. Лейтмотивны не только отдельные образы-символы, в самой структуре книги лейтмотивы выполняют несущую функцию. Каждой из трёх её частей предшествует вступление – «На горе Нево». Завершает роман эпилог под этим же названием. Следовательно, этот текст несёт большую смысловую нагрузку.

И в самом деле, Моисей поднимается на гору Нево, когда круг его жизни вот-вот сомкнётся, накануне смерти. Так повелел Он: «Взойди на эту гору перевалов, гору Нево, которая в земле Моава, на пороге Иерихона, окинь взглядом страну Ханаан, которую Я даю сынам Израиля во владение, и умри...» Оставленный людьми и Богом, припоминает Моисей всю жизнь. Автор не приберегает эту сцену для финала, он начинает ею свой роман, он трижды возвращается к этому мотиву, развивая, углубляя его. Три части романа Бауха соответствуют возрастным периодам человеческой жизни (детство и юность, зрелость, старость). Каждый из этих периодов Моисей видит как бы заново. С высоты горы Нево в последние миги его жизни минувшее предстаёт в особенно резком свете. Эпилог же завершается не крещендо, а лёгким, тихим вздохом: «Ощущает Моисей прикосновение, печальное и нежное, – то ли лунного света, то ли губ, то ли Ангельского крыла, – вздыхает и прикрывает веки».

Моисей в романе Бауха – фигура историческая и одновременно мифологизированная. Приблизившись к Богу, а через Него – к тайнам мира, став медиумом Творца (записанная им Книга – Его текст), Моисей занят выработкой высших нравственных норм человеческого поведения, которые станут Законом. После встречи «лицом к Лицу» собственное «я» уже не было существенным.

Моисей научился жить с этим безличием. «Забота о Боге» для него выше собственной индивидуальности, в этом смысле он – раб Божий. Но «забота о Боге» – это не смирение бездействия, не безрассудная покорность. Человеку дарован разум, «искра Божия». «Думать о Боге» – это значит думать о том, чтобы выполнить Его волю: распознать дурное, то, из чего человек уже внутренне вырос, что стало нестерпимым, или, на языке Израила, превратилось в «скверну», и при этом не упустить сделать то, чему пробил срок на часах истории. Так понимает Моисей своё служение.

В последние часы в нём пробуждается, выражаясь словами Ницше, этого философа-поэта, человеческое, слишком человеческое. Моисей знает, что он должен спокойно уйти в смерть, но в нём нет спокойствия. Читаю эпилог и слышу Дилана Томаса:

Не уходи покорно в добрый мрак,
Под вечер старости пылать пристало.
Гневись, гневись – как быстро свет иссяк...

Не рискую назвать все источники, к которым припадал автор, создавая образ своего Моисея. Быть может, он сам когда-нибудь поделится с читателями тайнами рождения его романа. Опыт филолога позволил подметить знакомые аллюзии. В частности, образ из пушкинского «Пророка»: «уголь, пылающий огнём». В младенчестве Месу (так назвала его мать Бития, извлёкшая из воды) испытывали золотом и тлеющей головешкой. Он взял в рот горящий уголь и стал косноязычен. Тогда ещё никто не знал, что ожогом снимается печать скверны, что этот «уголь, пылающий огнём», предвестие превращения Моисея в Пророка.

Каждый, кто возьмётся читать книгу Бауха, вольно или невольно будет оглядываться на роман Томаса Манна об Иосифе, сравнивать. Я этого искушения не избежала. Понимаю: тянуться за Манном – дело пустое. Баух и не пытается подражать. Но пройти мимо этой глыбы, не оглянувшись, и он не в состоянии. Воспоминание о нём

присутствует на уровне генетической памяти, ведь Баух – художник, Мастер.

В его романе находим и сходство ситуаций с романом Томаса Манна, и зеркальные (до наоборот) отражения знакомых коллизий. Они не придуманы автором, они заложены в текст Книги. Моисей у Бауха, записывая историю праотцев, дивится переключкам в судьбах Авраама и своей собственной: «Точка на горе Мория и точка на горе Синай – равнозначны».

Иосиф и Моисей пережили сходжение в царство мёртвых: один был брошен братьями в колодец, другой – опущен в воды Нила. Существенная часть жизни обоих связана с Египтом, но их восприятие и оценки страны Кемет диаметрально противоположны. У Манна Иосиф и весь дом отца его Иакова переселяются из земли Ханаанской в Египет. Моисей же ведёт народ из низин Кемета на вершины Ханаана, ибо перед нами – Исход. Томас Манн и его герой восхищены высокой культурой древнего царства на Ниле. Приход евреев в Египет – шаг вперёд в их истории, «это путь от благочестивой примитивности, от праотцев, идиллически созидавших и созерцавших Бога, к высокой ступени цивилизации». Для Моисея, которого от Иосифа отделяет два столетия, страна Кемет всё больше представляется лавкой древностей, каменным лабиринтом, голой геометрией пирамид и дворцов. Оказавшись в Пустыне, испив воздуха свободы, ощутив великое Соприсутствие на Синае, Моисей все больше «ощущает в египетской цивилизации обломки, на вид склеенные в колоссы и дворцы, чьё время прошло». Сознание Египта, по его мнению, *логично*, сознание пустыни – *мифологично*. Он выбирает пустыню.

Идя по пути гуманизации мифа, Баух продолжает традицию Манна и обогащает её. Впрочем, традиция очеловечивания Бога была заложена ещё Гёте. Если обратимся к «Фаусту», к предваряющему трагедию «Прологу на небе», мы окажемся свидетелями диалогоспора между Богом и Мефистофелем. Завершается он словами падшего ангела: «Как речь его спокойна и мягка! Мы ладим, отношений с ним не портя./ Прекрасная черта у

старика/ Так человечно думать и о чёрте». Конечно, так домашнему говорить о Боге мог себе позволить только Гёте-Олимпиец, но и в романе Бауха Бог приближен к человеку. Центральная в Ветхом Завете идея союза между Богом и человеком (Богу не обойтись без человека, человеку – без Бога), которая одним представляется абстракцией, другим «последней глупостью», обрастает под пером писателя плотью и кровью. Бог в книге Бауха признаётся Моисею, что со времён потопа Он продолжает каяться, что сотворил человека. Он глубоко страдает от неосуществимости своего замысла «создать существо с *челом века*». Вечность для человека – невозможность, для Бога – неотвратимость.

Моисей во время последнего явления ему Бога почти физически ощущает «боль уже воистину абсолютного Его одиночества». И это несмотря на то, что явился Он ему во всей своей силе. Моисей уверен, что Авраам в своё время тоже смог глубоко прочувствовать Его страдания, страдания Бога, изверившегося в преданности смертных созданий. Потому так страшно и испытывал Он Авраама. Исчерпаны были все обеты преданности, лишь жертвоприношение сына могло вернуть Ему веру. Моисею, записывающему историю Авраама, показалось, что при словах «И занёс нож...» голос, диктовавший ему, дрогнул. На всём протяжении Книги только в этом единственном месте Его голос дрогнул.

Именно боль и страдание приближает Бога к человеку. И человеческая душа лишь «в ощущении одиночества, раскаяния и скорби возвышается до горького вкуса вечности», иначе говоря, приближается к Богу.

Некоторые мысли Моисея о народе, пастырем которого он стал по Его воле, звучат донельзя современно, мы имеем дело с «анахронизмом наоборот». Таковы его рассуждения о толпе, племени или народе, способном впасть в массовый психоз, который легко возбудить посулами всякого рода и сбить с толку любому краснобаю. В таком состоянии люди – лёгкая добыча соседей-врагов. Всё настолько прозрачно, что не нуждается в комментариях.

Томас Манн писал свою тетралогию в страшное для Европы время. Писатель был убеждён, что написать роман о духовном мире иудейства в пору, когда взяли верх

тенденции фашистского мифа, очень даже своевременно. Книга Эфраима Бауха появилась в момент, когда набирают силу тенденции панисламизма. Зелёное знамя джихада отбрасывает кровавую тень на всю планету. Сейчас, когда иудео-христианской цивилизации угрожает реальная опасность, роман «Пустыня внемлет Богу» как никогда востребован.

Евгений Майбурд

Если...

О книге воспоминаний Вадима Туманова

(продолжение. Начало в №4(5))

3. Бригадир

так, «запахло освобождением». Но что в его досье, кроме «подвигов»? Чтобы выкарабкаться, нужно, говоря языком тюремщиков, «встать на путь исправления». Он набирает бригаду. Шестьдесят человек, кого знал и кому доверял. Условие: работать по-настоящему, чтобы вырваться. Когда один сказал, что все равно будет бежать, ему было сказано: вали, только не из моей бригады! Был 1954 г., уже обозначились некоторые послабления и кое-какие изменения в отношениях к заключенным.

Бригаду бросали туда, где нужно было быстро отработать месторождение золота. Вкалывали без дураков. В период 1954-56 гг. бригада Туманова считалась лучшей в Дальстрое.

Проходка шахт с пластами золотосодержащих песков. Работа тяжелая, грязная, опасная. Однажды шахта «садилась». Бригада поспешно вытаскивала оборудование. Обвалился кусок породы, сильно ударив по спине. Вдвоем с напарником еле выскочили из забоя к стволу шахты. Тут на них хлынула холодная жидкая грязь, окатив с ног до головы. Удалось выбраться наверх. Там – июльская жара, солнце. Отогреваются. Обсыхают. На душе тоскливо – могли ведь там и остаться. За что? И во имя чего?

Что делать? У меня срок 25 лет. «Наверное, хуже положения не придумаешь», – мелькнуло в голове. Не успел я подумать об этом, как поблизости возникло грустное зрелище. Измученный, мокрый конь с трудом тащил двуколку, а на ней

электромотор и стальной ковш. Недавно прошел дождь, он почти по брюхо в грязи, оводы его кусают, а возчик, тварь, еще и кнутом бьет. Смотрю и думаю: все-таки хорошо, что не конем родился!

Только что случайно избежал смерти. Впереди – беспросвет. Куда уж хуже!.. А вот поди ж ты, нашел, что могло быть и хуже...

Чего не хватало для счастья

Жизнь продолжается. За первый год работы многие члены бригады стали бесконвойными. Свободно выходи из зоны, езжай в райцентр, иди в кино, на танцы, знакомься с девушками. Всегда радовался, когда кто-то еще получал такой статус. Но самому ему никто этого не предлагал, даже и подумать никто не мог о таком.

Пошел к начальнику лагеря: работаю, как обещал, претензий нет, но больше не хочу быть бригадиром. Узнав о его «уходе в отставку», бригада отказывается выходить на работу. Проходка встала – ЧП! Тем более, начальство уже привыкло к высоким темпам работы и соответственно планировало свои обязательства. Приезжает чиновник из политуправления Заплага. Говорит резко, напирая на то, что за срыв плана придется отвечать. Как говорится, испугал девку муд...ми! Уезжает ни с чем. Через два дня приезжает на легковушке незнакомый лейтенант – Туманова вызывают в Заплаг.

Кабинет полковника Племянникова, начальника управления. За длинным столом – множество офицеров: начальники режима, спецчасти и т. п., и т. д.

– Такое дело, Туманов, – говорит Племянников. – Никто не хочет подписывать тебе право на выход из зоны без конвоя.

– Ну что же, – пожимаю я плечами.

Еще бы! Одни побеги, драки, «нарушения режима», нападения на надзирателей, штрафняки...

Наступает тягостное молчание. Я стою, как приклеенный. Выдержав паузу, полковник говорит:

– Не офицеры – я один подписываю тебе разрешение... Надеюсь, ты понимаешь: у меня есть семья и что может быть...

Он не договаривает, но я его понимаю.

Полковник вызывает лейтенанта, который привез меня, берет у него из рук бумагу, что-то пишет.

– Лейтенант, сопровождать Туманова больше не надо. До Челбаньи он доберется сам. На попутке!

Выхожу на улицу. В первый раз за столько лет рядом со мной нет конвоя и не надо прятаться. Бесконвойный! Вот, оказывается, чего мне не хватало для счастья.

Уже получив официальное разрешение, все еще не может поверить. Подходит к вахте, протягивает пропуск... Выпускают! Потопчется за зоной, идет назад, протягивает пропуск... Впускают! Да что же это происходит?

Через некоторое время я слышу, как за моей спиной удивляются новички-надзиратели: «Говорили – бандит, а он из них самый культурный...»

Спустя несколько месяцев, к ним приедет Племянников и лично расконвоирует всю бригаду. Накануне встречи Нового, 1956 года тот же Племянников почти принудил его пойти на новогодний карнавал в Центральном клубе. Друзья помогли с одежкой, принесли – кто костюм, кто белую рубашку, кто галстук. Попасть осужденному в Центральный клуб – все равно как человеку с улицы оказаться на правительственном приеме в Москве. На этом балу он встретит девушку своей мечты.

Лагерные будни

Nur der verdient sich Freiheit wie das Leben,
der täglich sie erobern muß.
Goethe. "Faust"

Начал вести дневник. Потом сам удивлялся: как эта тетрадка сохранилась? Из дневника:

20 ноября. Не писал целую неделю. По-прежнему работа, надоело все. Сегодня переругался со многими бригадниками. Не знаю, отчего люди пьют и пьют, как самые отъявленные пьяницы. Со мной делается что-то непонятное. Я сегодня сам себя ударил табуреткой, так ударил по голове, что из носа пошла кровь. Если бы кто-нибудь знал, как мне тяжело. Правда, от этого мне было бы не легче, но... Как освободиться? Это все, о чем я сейчас думаю. На улице минус 50, ночь. Темно, противно. Когда все кончится?

Пьянства в бригаде не терпел. Сам вовсе не трезвенник, но всему – свое место и свой час. Позже, в артели, ввел сухой закон на весь сезон работ. Прием на работу – первое условие: не пить! Но сейчас скандал с

бригадниками, конечно, только добавил к общему угнетенному состоянию. И еще не раз скажет, как ненавистны ему эти шахты и все остальное... И в то же время:

Странно устроен человек: у него срок – 25, практически пожизненный, его никто не будит, он сам просыпается без пятнадцати шесть, за четверть часа до момента, когда в морозной тьме раздастся удар по рельсу, и мысли его только о том, как сегодня забурить лаву, как будто ничего главнее в жизни нет. А если разобраться – ну зачем ему эта лава? Или услышал, что бригады Быкова, или Огаркова, или Чеснокова вышли вперед и могут к двадцатому числу выполнить месячный план, и он чувствует себя участником бешеной гонки, которую невозможно проиграть. Они к двадцатому? Мы должны – к девятнадцатому!.. Господи, думал я по ночам, кто меня неволит за кем-то гнаться, опережать, приходить к финишу первым, загодя зная, что ни сейчас, ни в ближайшие четверть века за это никто слова теплого не скажет...

Так странно устроен *этот* человек. Кто, что в самом деле, его неволит? Конечно, азарт, завод. Но наверное еще что-то. Примерно в таком духе: взялся за что-то – так делай на всю катушку, выкладывайся до конца, всю душу туда вкладывай... И еще: он лидер. Он в ответе за своих ребят. Они в него поверили и тоже вкалывают изо всех сил. И ответственность эту чувствует не только на работе. Вот обычные лагерные будни...

Не могу вспомнить хотя бы один лагерный день без приключений. Здесь постоянно что-то происходит... Ты живешь напряженно, в круговороте дня, с предчувствием, что в любой момент с тобой может что-то случиться. Чаще всего события происходят, когда их меньше всего ждешь.

Например, такое. Заходит к ребятам. Видит: у Феди Шваба голова в крови, поцарапано лицо. В чем дело? Рассказывают. Сидел себе, играл на балалайке. Входит вор по кличке Зубарик. Пьян и не в духе. Выхватывает балалайку и с размаху бьет ею Федю по голове, разбивая инструмент вдребезги. – Где Зубарик?! – Спит пьяный. Добудиться невозможно. Просит Федю умыться, успокаивает бригаду. Обстановка в зоне тревожная. Продолжается война воров и сук.

Через пару часов Зубарик приходит в себя и поднимается. Бригада притихла, все молчат.

– Ты за что ударил Шваба?

Он набычился:

– Ты обнаглел, Туманов, и бригада твоя обнаглевшая!

Ну как тут сдержать себя?

– Ты что, мразь, не узнал меня? – И бью Зубарика в челюсть.

Не знаю, что было с его челюстью, но от удара у него почему-то вывернулась нога, и он потом полтора месяца лежал в больнице.

Дальнейшее предсказуемо. Воры не могут спустить нападение на «своего». Утром на подходе к вахте замечает группу воров и слышит: «Что-то Туманов совсем развязался...» Это не просто констатация. В устах воров это – намек на предстоящую разборку.

Я с трудом держу себя в руках, подхожу к ним и говорю Мишке Власову, по кличке Слепой, одному из влиятельных в этом мире людей, с которым знаком еще по Широкому:

– Миша, посоветуй им, чтобы вели себя поумнее.

– Да ты успокойся, Вадим!

Как видно, Власов почувствовал, что он вот-вот сорвется и натворит. Между ними двумя отношения хорошие. Притом Слепой – один из самых близких друзей Ивана Львова и других членов тогдашнего «Центрального Комитета» воров. Каким-то образом он уладил дело.

Не успела утихнуть та история, возникает другая. Бригадир Строганов разругался с горным мастером и стал его избивать. Туманова это не касается, но он знает, что мастер ни в чем не повинен, и вступается. Его ли дело? Выходит, его. Через день в барак вбегает зэк: «Вадим, Строганов идет с ножом, короче, пьяный!» Как только Строганов входит, Вадим накидывает телогрейку на его заточку и бьет его в голову. Оружие падает на пол. Подбегают его ребята. Оттаскивал их потом, чтоб не убили насмерть.

Вот уж действительно, в лагере не соскучишься. К тому же, у разного начальства разные интересы. Какие-то инстанции с гордостью рапортуют о перевыполнении плана, а какие-то другие гнут свою линию, стравливая заключенных, поселяя вместе несовместимые категории

заклученных. Например, на КОЛПе в Сусумане. Привезли человек шестьдесят с Амгуня и почему-то поселили в барак, где размещалась его бригада.

Вернувшись в барак с работы, ничего не можем понять. Видим, что новые люди и ведут себя развязно...

Все ясно. Конфликта не избежать. Поэтому лучше сразу все расставить по местам (и всем указать их место).

Сажусь на свои нары и стягиваю сапоги. Слышу:

– Тут какие-то широкинские...

– А что тебе широкинские? – говорю я, не поднимая головы. – Поверь, парень, они тебе могут показать, как нужно вести себя.

Амгунец взрывается:

– Мне? Да еще не родился человек, который коснется моей морды!

– А что ты сделаешь? – Я спокойно стягиваю второй сапог.

– А ты попробуй!

Широкинские насторожились.

– Что ты сказал? – поднимаюсь я.

– Кто коснется моей морды – убью!

Мой удар валит его на пол.

– Во-о-ры! – зовет он на помощь.

Из левого рукава комбинезона я выхватываю нож. Поворачиваюсь в сторону амгуньского этапа:

– Так, твари, еще секунда – и будете выпрыгивать через окна.

Все широкинские были наготове.

Подхожу к упавшему:

– А ты, сука, не истеричничай! Убивать я тебя не буду. Просто перережу сухожилия, – говорю я ему.

Не стал, конечно. Психологический дожим.

Ночью – сходка у амгуньских и широкинских воров.

Весь барак не спит, все ждут беды. Утром его зовут.

– Ты ударил вора! – говорят мне.

– Нет, – отвечаю, – я ударил сволочь, которая ни с того ни с сего начала оскорблять людей, которых не знала.

Новоприбывшим, похоже, уже рассказали, кто такой Туманов. Оттого они в нерешительности. Но факт налицо, и закон есть закон: вора ударили! Хотя известно, что испытание трюмиловом тот не проходил. Так сказать, не подтвердил свой статус.

– Вы чего хотите, парни? – обращаюсь я к амгуньцам. – Чтобы он тоже ударил меня по лицу, и мы были квиты? Но вот этого не будет.

Это значило: я готов ко всему, ваш ход. Происходило все утром, а днем пришел новый этап. Там был Мотыка, многократный солагерник Туманова по штрафнякам, который «подтвердил свой статус», пройдя весь ад трюмиловок. Он серьезно поговорил с амгуньцами, а пострадавшему врезал еще раз.

Строчку моего эпиграфа Пастернак переложил так:

Лишь тот, кем бой за жизнь изведен,

Жизнь и свободу заслужил.

В оригинале есть указание: *ежедневно (täglich)*, пропавшее у Пастернака. Холодковский перевел лучше:

Лишь тот достоин жизни и свободы,

Кто каждый день за них идет на бой...

Насколько помню, сам Фауст, которому автор поручил это сказать, больше наблюдал, искал новых ощущений и размышлял о смысле жизни, чем бился за нее.

Сказать по правде, не совсем ясно, что точно имел в виду Гете, когда писал про ежедневный «бой за жизнь». Но поэт – пророк! О чем Гете думал, нам не узнать, но теперь понятно, что писал-то он про Вадима Туманова. Действительно, каждый день. Буквально. Вот уже на Челбанье. И снова эти амгуньцы...

Одна смена нашей бригады, отработав, отдыхала в бараке, заступила вторая смена. Я люблю эти часы, когда ребята, выйдя из шахты, приведя себя в порядок, тихо ложатся спать. В другом углу секции режутся в карты. Я попросил играющих сдерживать свои эмоции. Ну как потише, когда играют в «очко». И опять крики, споры, ругань. Повторив свою просьбу в третий или четвертый раз, подхожу к ним, уже с трудом сдерживаясь:

– Вы не могли бы потише, видите – люди спят.

С нар поднимается вор из амгуньского этапа <...>, теперь уже работающий в комендатуре. У меня, как всегда, на всякий случай (такова была жизнь – кто первый успеет) в левой руке нож. Хотя злость переполняла меня, убивать его я не хотел, но, предупреждая его удар, слегка ткнул ножом, на самом деле слегка, чтобы дать ему почувствовать холод металла. Держась за рану, он попятился назад:

– Вадим, извини, я столько о тебе хорошего слышал...

– Больше никогда обо мне ничего не слушай, – говорю я.
– И веди себя нормально, сука, понял? Теперь, когда увидишь меня, идущего навстречу, говори мне «здравствуй» и улыбайся. Понял?

Когда я успокоился, мне стало стыдно за то, что я наговорил.

И чего стыдиться? Провел воспитательную работу, привил хорошие манеры... Может быть, в сказанном напоследок ощутил налет дешевой киношности?..

В общем, он *подтвердил свой статус*.

А кстати, что это такое – его статус? Были в лагерях довольно четкие категории заключенных: воры, суки, политические, бытовики... Он не вписывался ни в одну из этих рубрик. Правда, посадили по 58-й, и сдружился одно время кое с кем из политических, но принадлежность к ним как к группе не ощущал и группы этой не держался. Вообще никакой группы не держался, всегда оставался сам по себе. Если можно так сказать, он учредил новую категорию заключенных, которая называется: **Вадим Туманов**. Отличительным признаком ее стала *неприкасаемость*. И не только для себя самого, но и для всей его бригады. Тумановцы! Как назывался когда-то военный корабль русского флота: «Не тронь меня!»

Такая была среда, такие люди. И каково его последнее суждение об этой публике?

Когда я думаю о людях, окружавших меня, почему-то чаще вспоминаются не эти истории, а один эпизод колымской жизни, к которому мы часто возвращаемся в разговорах с женой. Нашему сыну было два года, он заболел, врачи рекомендовали кормить ребенка куриным бульоном. Можно себе представить, какой редкостью тогда была курица. Нам принесли цыпленка. Живого! Но как его зарезать? Казалось бы, чего проще. Вокруг столько лагерников, на совести многих убийства. А вот отрубить голову цыпленку никто не хотел.

Бригада Туманова

В ту пору мы уже нарезали бесконечное количество шахт. От нас во многом зависит план Сусуманского управления – самого большого на Колыме.

У каждого – три-четыре профессии. Всегда один подменит другого. Бурильщик сядет в кабину бульдозера, скреперист пойдет в забой и т. п. Потому оборудование не

стоит ни часа, работа не прерывается. Результат: рекордные скорости проходки. Наклонный ствол – до 15 метров, нарезка штреков – до 36 метров. В сутки.

В своей бригаде. Сусуманский КОЛП, 1954
(Позднее В. Высоцкий, побывав в артели, скажет: «Лица рогожные, а души шелковые»)

Ни до нас, ни после таких темпов проходки Колыма не знала. Наш коллектив был признан лучшим в горном управлении края. Так было на протяжении почти трех лет.

Бывает часто, что «ни до» – это рекорд. Но вот чтобы «ни после» – это уже нечто, это рекорд, который никто не смог побить. Из других управлений к ним направляют перенимать опыт – инженеров! Бригаду бросают на прорывы, когда только она могла предотвратить срыв плана всего управления. Туманов предлагает нестандартные организационно-технические решения, вызывающие сомнения у руководства, но обещающие хороший конечный эффект. В одной ситуации (прииск «Большевик»), начальство отвергает его вариант, но его поддерживает главный бухгалтер. Вопрос решается в его пользу, наперекор варианту, предложенному инженерами.

Бригадир (вероятно, однажды в президиуме)

Я далек от того, чтобы принижать значение профессионализма. В любом деле. Наверняка в упомянутом случае вариант специалистов был вполне грамотен. Не в том дело. Вариант Туманова был результатом нешаблонного мышления – от чего советских людей отучали десятилетиями. И отучили.

Не раз бывало, что за столом президиума я теперь оказывался рядом с теми, кто меня недавно охранял. Многие из них при встрече со мной отводили глаза.

О тех, кто закрепился в бригаде, принял тумановский стиль работы, много добрых слов будет сказано в этой книге. И о тех, кто в критических ситуациях брал не себя инициативу, совершая подчас настоящие подвиги, спасая технику или вытягивая сроки, когда создавалась угроза срыва работы для всей бригады. В местной газете появлялись такие сообщения в духе времени:

«Бригадиру скоропроходческой бригады Туманову... Поздравляем шахтеров бригады с большой производственной победой – выполнением суточного задания по проходке стволов на 405 %. Выражаем уверенность, что горняки, не останавливаясь на достигнутом <...> Начальник управления В. Племянников, начальник политотдела М. Свизев».

Обыкновенная фикция – это «суточное задание». Туфта. Но для реноме бригады такие поздравления были важны.

1956 г. Бригаду бросают на участок «Контрандья». Дорог нет, особо сложные условия бурения и проходки. Один ручей там геологи даже назвали Мучительным – вероятно неспроста.

В первые же дни на «Контрандье» я заменяю своими семь человек из прежнего руководящего персонала. Не учел только одной «мелочи»: часть уволенных – члены партии, и снимать их с работы можно только с разрешения партийных инстанций. Обиженные начальники обращаются в райком партии. Мне позвонил А.И. Власенко, первый секретарь райкома.

– Это же коммунисты, ты должен понимать, – укоряет он меня.

– Да я все понимаю, – говорю. – Они авангард, в первых рядах... Но работать не умеют!

Секретарь райкома ни на чем не настаивает. Шло бы золото: судьба начальника, в том числе партийного, здесь зависит от выполнения плана по золоту, а план Заплага в значительной мере обеспечивала наша бригада.

Мы, нынешние, уже подзабыли, какие были времена. Первый секретарь райкома (в обиходе, нередко просто «Первый») – царь и бог в своем районе. Конечно, судьба его связана с золотом. Именно поэтому он и позволяет Туманову вещи, каких не позволил бы никому другому. Из одного такого эпизода видно, каков был уже тогда профессиональный авторитет Туманова и насколько руководство в него верило.

Первый

Кажется, я обещал выше, что, как в хорошем кино, будет здесь в рассказе секретарь райкома партии, который даст самые правильные указания?..

«Контрандья» уже стабильно работает. Золото, золото, золото – бесперебойно идет добыча. И внезапно – вызов к начальнику прииска. Что там еще? Приезжает туда на лесовозе и видит знакомую всем синюю «Победу» первого секретаря райкома. Входит в кабинет начальника прииска – там сидит Власенко. «Как дела?» – «Идут помаленьку». В чем дело? К чему бы это все? Вдруг Власенко говорит:

– В Сусумане работает комиссия с правами Президиума Верховного Совета СССР. Она пересматривает дела осужденных по политическим статьям...

Интересно, при чем тут я?

– Ты готов ехать со мной в Сусуман?

– Всегда готов, – отвечаю, – только зачем?

Власенко смотрит на меня, как будто видит в первый раз.

– Ты же начинал с политической... Так что едем!

На Контрандые

Что творится на белом свете? За ним лично приезжает первый секретарь райкома КПСС, чтобы отвезти его в районный центр! Скажете, были у него вопросы к начальнику прииска, а уж заодно и Туманова прихватил с собой? Уже это одно было бы необычно. Но мир устроен так, что когда у Первого, есть вопросы, не он едет – к нему вызывают. Выходит, пожалуй, что он приехал за Тумановым, а заодно уж и решал вопросы с начальником прииска...

Еще раз: 1956 год. Только что прошел XX съезд партии. Политзаключенных начали потихоньку выпускать. Но подавляющее большинство заключенных не очень-то доверяет правительству и опасается быть обманутыми еще раз.

Я тоже не строю на этот счет иллюзий. Пройдено двадцать два лагеря, пять лет заключения в самых страшных – на

Широком, Борискине, Случайном, жизнь по заведенному кругу: следственная тюрьма – больница – БУР или ШИЗО – снова побег – следственная тюрьма... Конечно, безумно хочется вырваться, но я не думаю и не надеюсь, что это может случиться, во всяком случае – скоро.

Приезжают. Власенко велит узнать в *первом отделе* (всегда и везде – местное отделение КГБ), когда завтра собирается комиссия. Там сказали: в 10 утра. Ночью спал кое-как, встает на заре, бродит по городу, чтобы скоротать время до 10 утра. Наконец приходит, а ему: «Где тебя носит? Власенко ждал, Племянников искал, все спрашивали...» Оказывается, соврали в первом отделе – комиссия начала в 8, и уже все разошлись. Наконец, его по телефону связывают с Власенко. Тот в раздражении: «Я же тебя просил...» и т. п. Пытается оправдаться. Наконец слышит: «Жди меня там!». Приезжает Власенко, снова собирается комиссия. Ради одного Туманова!

До сих пор я знал кабинеты, где добавляют «срока», как говорят колымчане, но в первый раз оказываюсь в помещении, где срок могут убавить.

Ждет в коридоре, потом его вызывают. Сидят человек тридцать, в большинстве незнакомые. Военные и штатские. «Заклученный Туманов, садитесь!» – это Тимофеев из Москвы, председатель комиссии

Я опускаюсь на стул и вместе со всеми слушаю. Один из офицеров зачитывает документы на меня: когда родился, где работал, за что осужден, как вел себя в лагерях, сколько раз бывал в зонах наказан. Я столько слышу о себе дурного, просто жуткого, что самому неприятно. Сижу и думаю: «Господи, когда же я все это успел? Какой же я на самом деле плохой человек!»

Офицер переходит к моей жизни после 1953 года. Туманов – читает он – в это время резко меняет поведение... Теперь я не без удивления слышу так много доброго о себе, сколько не приходилось слышать за всю прежнюю жизнь. Тут и о бригаде, уже три года лучшей на Колыме, и о моих рационализаторских предложениях, и как мы по-новому организовали на шахтах добычу золотоносных песков, и о наших рекордах. «Господи, – думаю, – какой же я все-таки хороший!»

Пересмотр дела обычно занимал 15-20 минут.

Со мной говорят больше двух с половиной часов... Уже не помню всех вопросов, но один совершенно неожиданный:

– Скажите, Туманов, что вам не нравится в сегодняшней жизни?

Ничего себе вопрос.

Заключенным много чего не нравится. Что бы сказать? И приспособленцем выглядеть не хочется (мол, все-все уже нравится), и как бы не сморозить такое, что не скостят срок, а еще и добавят.

И меня осеняет:

– Знаете, – говорю я тоном старого большевика, – мне не понятно, почему до сих пор в Мавзолее на Красной площади рядом с вождем партии лежит человек, который наделал столько гадостей!

Воцаряется гробовое молчание.

Доклад Хрущева состоялся только что. Еще не все сказано и совсем неясно, куда что повернется. Особенно для военных, да еще в системе ГБ.

Члены комиссии молча и с любопытством разглядывают меня, озираясь друг на друга. Меня как обожгло: не лишнее ли ляпнул?

Конечно, он и его солагерники много уже понимали насчет Ленина, больше многих других. Просто хотел использовать шанс...

– Хорошо, идите, – нарушает молчание Тимофеев.

– До свидания, – обреченно говорю я и поднимаюсь.

– Подождите в коридоре, – слышу вдогонку. – Мы вас пригласим.

В коридоре меня окружают офицеры с расспросами, но я не знаю, что сказать. Минут через пятнадцать меня зовут снова. Навстречу поднимается Тимофеев:

– Комиссия с правами Президиума Верховного Совета СССР по пересмотру дел заключенных освобождает вас со снятием судимости – с твердой верой, что вы войдете в ряды людей, строящих светлое будущее...

Я одурел, не могу говорить. В глазах слезы.

И все-таки что-то тут не так. С кем-то путают? Ведь срок – 25, там ограбление кассы... Вот кто-то сейчас встанет и скажет: «Но позвольте...» Однако мир не перевернулся, кругом улыбки... Значит, все правда... «Трудно выразить чувство благодарности... Вам никогда не будет стыдно...» Конечно, это говорилось из глубины души.

Пора уходить, но что-то его удерживает. Вдруг представил, как возвращается, весь сияющий, к тем, кто три

года ишачил вместе с ним. Как он будет смотреть им в глаза? По логике, вроде, не в чем себя упрекнуть, а вот...

Возьму на себя смелость объяснить, что его смутило. Решающую роль в решении комиссии сыграли успехи бригады. Бригады! Это были достижения всего коллектива. Да, он лидер, на нем держится многое, если не все. Но вкалывали, как проклятые – все. И не давала совесть смириться с тем, что пользу из этого извлекает он один. Неосознанное нравственное чувство было сильнее логики.

– У меня только одна просьба, – говорю я.

Все головы, как по команде, поворачиваются ко мне.

– Гражданин начальник, – обращаюсь к Тимофееву. – Вы понимаете, какой я сегодня счастливый человек. Но сейчас мне возвращаться к людям, которых я все эти годы тащил за собой по приискам. Можно ли их чем-то обрадовать, пообещать хотя бы, что через какой-то промежуток времени...

Тимофеев все понимает с полуслова.

– Федор Михайлович, – обращается он к Боровику, – подготовьте список всех, кто проработал с Тумановым больше двух лет, послезавтра представьте мне характеристики.

Я выхожу в коридор. Перед глазами все плывет.

Чувство ответственности за своих ребят. Не они для него, а он – для них. Отличительная черта настоящего лидера. Позже, вспоминая уже период артелей, он сформулирует четко: Удача – всегда заслуга артели, провал – вина только председателя.

Что собираешься делать? – спрашивает Власенко. Честно отвечает: «Вернусь на "материк"». Власенко просит его задержаться еще на два месяца – до конца промывочного сезона. Он соглашается. А Струков, начальник управления, предлагает ехать учиться в Магадан, чем его смешит: к нему уже сейчас специалисты приезжают учиться.

Проезжая на попутном лесовозе мимо сусуманского КОЛШа, вдруг видит плакат на воротах: «Сегодня досрочно освобожден Вадим Туманов!» И сколько лагерей ни проезжал он в этот день, везде тот же самый плакат. Культурно-воспитательная часть постаралась дать урок всем заключенным. Было 12 июля 1956 года.

Итак, лагерная жизнь позади. Впереди – свобода, вольный труд, устройство личной жизни. И обыденная повседневность простого гражданина. Ну, теперь-то уж все?

Дальше без экстрима? Не спешите. Это ведь не «простой» гражданин. Это – экстремальный Вадим Туманов...

О море, море...

Не мог дожидаться снова увидеть море. Уже на руках паспорт – легальный, не поддельный, – серпастый, молоткастый... На «Контрандье» все шло нормально, план выполнялся. Мыслями уже был во Владивостоке. Но не отпускает Колыма. Вдруг Власенко и Струков вызывают к себе в Сусуман.

Серьезная просьба, говорят. Плохи дела в управлении, валится план добычи золота. Есть очень богатое месторождение – Танкелях. Если бы вы смогли давать по 8-10 кубов в сутки... Но тяжелые геологические условия – пласт круто уходит вниз.

Танкелях... Это был твердый орешек. Труднейшая задача со многими неизвестными. За нее могли браться только люди, готовые рисковать всем – своими заработками, репутацией, даже жизнью. У меня не было никакого желания задерживаться на Колыме, да еще ввязываться в эту сомнительную затею. Но теперь, когда меня не охраняют и я в некотором смысле в самом деле свободен, я понял, что не могу уехать, пока не выполню то, о чем меня попросили люди, благодаря которым я оказался на воле.

Умение быть благодарным, не забывать о добре, которое тебе кто-то когда-то сделал...

Наверное, все скажут: да, конечно, а как же... Тогда поставим вопрос так: вот это самое умение быть благодарным – имеет ли оно пределы? Конкретнее: чем дорогим для себя и до какой степени готовы мы пожертвовать из благодарности к тем, кто когда-то сделал нам добро? Не бывает ли подчас, что у нас находятся *весомые* причины отказать недавним благодетелям (о, с массой извинений и с просьбами понять нас правильно), а себе (жене, лучшему другу...) говорить при этом, что всему ведь есть свои пределы. И тебя поймут и поддержат. Ибо ведь и вправду всему есть свои пределы. Например, тебе помогли в трудную минуту – крепко выручили с деньгами или устроили на хорошую работу – но не жертвовать же за это, ну, скажем, своей квартирой, или образованием детей, или... Так что, есть она, есть – мера благодарности. Как ее правильно найти? Спросите свою совесть.

Человек ненавидит эти шахты и весь этот каторжный труд. Ненавидит золото, ради которого гноят людей в лагерях. Ненавидит Колыму, где все пропитано человеческим горем, где, куда ни ступишь, может статься, что ступаешь по костям безвинно загубленных и без памяти пропавших людей. Ненавидит Колыму и за то, что здесь пришлось – не по своей воле – провести лучшие годы жизни человека, свою молодость. Он рвется назад к морю, с которым его насильно разлучили. Снова вдохнуть вольного соленого ветра, почувствовать корабль, идущий своим курсом, ощутить простор открытого моря... Да просто вернуться к любимому делу!

Где она, мера благодарности? Снова, как и в случае «биться смело», мы сталкиваемся с экстремальными проблемами бытия... Что, нельзя сказать, мол, извините, братцы, и поймите: я вам благодарен сердечно, но ведь я уже раз воздал вам добром за добро, мол, вы попросили – я остался, не уехал сразу, как хотелось, а теперь вы мне этот Танкелях сватаете, где черт ногу сломит и где можно завязнуть по самые уши, да неизвестно еще за что? Так что – спасибо и до свидания!

Можно было так сказать? Вполне. И вряд ли на него бы так уж обиделись. Все – человеки, все всё понимают, все его уважают... Наверняка никто бы даже не сказал: эх ты, а мы-то про тебя думали... Он сам – себе – сказал: эх ты, а сам-то про себя думал... И понял, что не может уехать.

...О море, родная стихия, как же я рвусь к тебе! Но свидание с тобой опять откладывается. Сентябрь, уже первый снег выпал, дороги развезло. С трудом затащили на место лебедки, компрессоры и прочее. Работы начались уже с началом холодов. Жили в вагончиках на полозях. Очень пригодился накопленный опыт и многосторонняя квалификация рабочих. Стали давать не по 8-10 кубов, а много больше – в иные сутки аж до 220!

И тут впервые возникает из ничего темная сила, которая будет преследовать его потом везде и всюду, отравляя жизнь ему, его близким и его соратникам. То, чего нет в нормальных странах. Порождение «самого

прогрессивного строя». *Социализм – это учет! Учет и контроль!*

Почему большие заработки? Сколько сожгли солярки? И т. п. Прокуратура начала следствие. Не уехал к своему морю, остался спасать план управления – теперь пожиная плоды своего благородства... Выручило хорошее отношение со стороны обкома партии и руководства совнархоза (забыли, возможно: то была короткая эпоха совнархозов).

Солярки действительно сожгли уйму. Потому что занаряженные сперва самосвалы, крутясь круглосуточно, не успевали вывозить руду, пришлось прикрепить к бригаде еще колонну большегрузных «Татр» с другой автобазы.

Платили бригаде по минимальным расценкам. Не секрет, что расценки по зарплате создавались в СССР из соображений обеспечить только минимальный заработок, и в расчет брались самые легкие условия труда (с запутанной системой поправок на сложность). Знаю, потому что приходилось и самому применять подобные расценки (на строительных работах), и быть свидетелем их разработки. В данном же случае расценки были рассчитаны на труд по старинке. Установлены они были на единицу добытого золота (не знаю, на 1 кг, а может и на 1 г). У него рабочие и так получали больше начальника прииска. А тут наложились сразу два фактора: неслыханная производительность труда и высокое содержание золота в породе (до 1,5 кг на кубометр песка). Так что начисленная сумма зарплаты ошаршила колымское руководство.

– Туманов, – сказал главный бухгалтер, – ты, я думаю, понимаешь, что расплатиться с бригадой в полном объеме мы не можем. Если расплатимся, завтра нас самих посадят. Назови сам, какая сумма устроила бы бригаду. Пусть это будут большие, хорошие деньги, но не так много, как вы на самом деле заработали.

Мы договорились...

Если кто не знает. Очень даже легко можно было посадить руководство при желании (и желающие всегда найдутся!). Обвинить в том, что бригада делилась с ними. И ничего не докажешь. Обычное дело: презумпция виновности.

Вскоре он попадает в автомобильную аварию. Ехали вдвоем на самосвале. В них врезалась, вылетев из-за поворота, «Победа». Такой была у нее скорость, что самосвал, доверху груженный мешками с рудой, перевернулся и скатился в обрыв. Внизу был глубокий снег, и это спасло их с шофером. Пассажир «Победы» погиб.

Он понимает, что это просто несчастный случай. Но что-то в этом было и от знака судьбы: пора отсюда уматывать.

Наконец, море!

Есть один сюжет. Старый, расхожий, а где попадался мне – не помню. Юноша и девушка горячо любят друг друга. Но внезапно им приходится расстаться. Во все время разлуки он продолжает любить только ее. Постоянно вспоминает – такую легкую, красивую, веселую. В мечтах видит свое возвращение и страстную встречу. Проходят годы, наконец он к ней возвращается. Но вместо юной красивой невесты видит перед собой поседевшую женщину с погасшим взглядом. Чужую женщину...

Что-то похожее случилось у него с морем.

Началось с того, что он не пошел в отдел командных кадров, узнав, что заведует отделом *тот самый* Красавин. Но отсутствие приказа о зачислении – не препятствие. Не знаю, что такое «гарантийное письмо», но оказывается, по нему можно устроиться на судно штурманом, если тебя хотят взять. Так он попадает к старому другу Косте Семенову, осужденному когда-то вместе с ним, но отсидевшему раньше, а теперь – капитану траулера «Белорецк». Выясняется, что отбывшим лагерь путь в торговый флот (то есть, в загранку) заказан. Ловите рыбу!

Я так мечтал о море, так рвался оказаться на каком-нибудь судне, удалявшемся от берегов. Но уже на второй или третий день на палубе, пропитанной запахом свежей рыбы и морской травы, и особенно в каюте, я вдруг почувствовал себя одиноким, как будто меня снова бросили в тюремную камеру, только еще покачивающуюся на волнах. Не знаю, что было тому причиной – ограниченность ли палубного пространства, незнакомые чужие лица или ощущение неопределенности, но меня охватила тоска.

Душу отводили с Костей в откровенных разговорах. Тому тоже осточертела такая жизнь. Вдруг приходит радиограмма: советский сейнер потерпел крушение у берегов Японии. Отправляются на поиски.

Это был шанс. Мы подойдем к острову Рисира, а там японские патрульные корабли непременно арестуют нас за нарушение границы. Мы сопротивляться не будем. Уже были случаи, когда наши моряки так попадали в Японию, а потом объявлялись где-нибудь в Австралии, в Канаде, в США.

Мы вошли в пролив Лаперуза.

Нахлынули воспоминания, как готовили захват корабля, рассчитывая попасть в Японию. Но теперь-то японцы просто обязаны их захватить.

Но японцы нас проспали.

Мы почти вплотную подошли к их острову, искали хоть какой-то след утонувшего сейнера, кружили вокруг этого клочка земли, но ни нашего сейнера, ни японских пограничных катеров, которым мы готовы были сдаться, на горизонте не было <...>

После вахты мы спустились в каюту.

– Не нужны мы японцам, – вздохнул Костя.

Пришли на Сахалин. Побыли в порту, снова ушли в море. Тоска... Из дневника (март, 1957):

Как часто я вспоминаю мать, когда-то она так просила меня и хотела, чтобы я был врачом, а мне казалось, что на врачей не могут учиться настоящие мужчины. Сейчас мне это смешно. Мы сидим с Костей и смеемся, как в молодости нам могла нравиться морская жизнь и как смешно, до боли смешно, что мы сейчас моряки. Только глупцы могут пойти в море, точнее – люди, которые ограничены до невозможности.

Что же с ним произошло? Можно лишь догадываться. На Колыме его ждет любимая девушка, невеста. Вернее, ждет она известий от него – как он устроится, чем будет заниматься и где осядет. Владивостокский порт? Почему бы нет, она туда приедет. Это не влияет на его решение.

Видимо, обнаружив в себе талант организатора-новатора и природного лидера, он не мог не ощутить, что ему присущ размах деятельности, не сравнимый с уровнем морского штурмана. Субъективно это выразилось в ощущении стесненности пространства паровой каюты, напомнившей ему замкнутость тюремной камеры.

Возможно, что подспудно это была тоска по широкому поприщу и достойному его масштабу действия. Талант требовал реализации. Он прощается с морем без сожаления. Удивляясь сам себе, возвращается в проклятый край Колымы, чтобы сделать его обжитым домом для многих тысяч людей, заброшенных туда карательными органами и не имеющими уже в мире иного пристанища.

(Довольно скоро Семенов был снова арестован. Стал писать воспоминания о лагерной жизни, дал кому-то почитать, а тот забыл рукопись где-то в кафе, и она попала в «органы». Узнав, что Костя сидит, он добивается разрешения на свидание. Помог писатель Сергей Смирнов («Брестская крепость»), с которым его свел Кирилл Лавров. Привозит в лагерь продукты, сигареты, много всего, и им разрешают провести вместе целые сутки. После освобождения Семенова взял его к себе в артель...)

...Итак, через два месяца он снова в Сусумане. Женитьба. Прииск им. Фрунзе, новая бригада, но костяк ее – из прежней. Рационализация, новые приемы и методы работы... И опять:

Ни до нас, ни после никому не удавалось разрабатывать россыпи такими темпами. Не потому, что мы были оснащены лучше других бригад или люди у нас были технически грамотнее. В условиях административно-бюрократического сумасшествия, усиленного особой системой Дальстроя, мы впервые попытались руководствоваться не инструкциями, а здравым смыслом, и при этом брать на себя ответственность. Я видел, как это выпрямляет людей, уставших от бестолковщины, от глупых распоряжений, бессмысленной регламентации. Мне казалось, надо помочь человеку проявить себя, стать личностью, сделать его свободным – хорошим он станет сам.

Золотые слова. Человек обретает внутреннюю свободу – рождается мысль, свежий взгляд на привычное, пробуждается извечно присущее человеку доброе начало... Переваривали ковши, видоизменяя их форму, устанавливали более мощные электромоторы, меняли количество зубьев на роторных шестернях... Скреперный ковш буквально летал... Государственное имущество «портили». Власти им все прощали – был результат!

В том же 1957 г. на том же прииске им. Фрунзе он с друзьями создает первую старательскую артель. Назвали: «Семилетка». Идеологически выдержанное название, как я понимаю, должно было потрафить властям, точнее – идеологам, поставленным перед фактом появления невиданной дотеле формы организации трудового коллектива.

4. Пионер артельного движения

*Вача это речка с мелью
Во глубине сибирских руд.
Вача это дом с постелью.
Там стараются артелью,
Много золота берут.*

Вл. Высоцкий

Говорят: новое – это хорошо забытое старое. К данному случаю вряд ли приложимо. Слово «старательская артель» действительно было старым, давно вышло оно из употребления ввиду отсутствия феномена, которое оно когда-то обозначало. Однако, то, что создали Туманов со товарищи, напоминало старинную старательскую артель, скорее, только названием. Коротко говоря, они взяли типовой устав колхоза («сельскохозяйственной артели») и вознамерились построить по нему свой коллектив и всю свою деятельность.

Известно, что при Сталине было создано много законов и регламентов, которые содержали прекрасные слова и написаны были специально, чтобы только лишь остаться на бумаге. Самый известный пример – «Сталинская конституция», которая провозглашала все мыслимые права для граждан, а для республик страны – даже право на самоопределение вплоть до отделения. К такого рода документам принадлежал и «Примерный устав колхозной артели». Там были провозглашены и экономическая самостоятельность, и коллективная собственность, и самоуправление, и демократическое решение всех вопросов, и свободные выборы председателя с правлением, и... ну вы понимаете. Не забудем, это был официальный документ, одобренный и утвержденный всеми необходимыми

инстанциями. Никто и никогда не думал осуществлять его на деле.

Туманов и его единомышленники решили сделать именно это: осуществить его на деле – буквально так, как написано на бумаге и утверждено властью. Полный хозрасчет и независимость от государства. Самим решать, какой и сколько техники покупать, как строить работу, оплачивать труд, отпускные и больничные, распределять прибыли, организовать быт и отдых... Государство выделяет артели участок, расплачивается за сданное золото – И ЭТО ВСЕ!

Понятно, что появление такого феномена стало возможным вследствие стечения нескольких особых обстоятельств. Это, во-первых, высокая заинтересованность руководства в повышении добычи золота и, во-вторых, реноме Туманова и его команды. Кроме того, замечает он, в те годы появилась на свободе масса недавних заключенных, многим из которых некуда было податься, что создавало социально-психологическую неопределенность, в том числе и в криминогенном плане. Местные власти сообразили, что артель, подобная тумановской, – практически идеальный для них способ решить проблему бывших эзков. Можно занять их полезным трудом и отчитываться за добытое золото, не вкладывая при этом ни копейки и не неся никакой ответственности за людей и коллектив.

С другой стороны, такого рода независимость от государства была несовместима с устоявшимися представлениями о «социалистическом хозяйствовании», с наличием обычных (малоэффективных) государственных предприятий и, в конечном итоге, показывала ненужность огромной бюрократической надстройки над теми, кто непосредственно дает продукцию. Поэтому одни ветви власти были заинтересованы в умножении артелей, а другие препятствовали развитию артельского движения, всегда с подозрением относились к уже существовавшим и портили людям кровь многими доступными им способами. Отмечая эти вещи, он не забывает тепло отозваться поименно о тех, кто поддерживал артельское движение вместе со всеми новшествами организационного и технологического

порядка, которые рождались в непрерывном поиске свободных старателей. Из этого перечня ясно видно, что поддерживали артельную форму умные хозяйственники и крепкие инженеры.

Кто тормозил это дело, ставил в колеса палки и старался развалить артели – это, прежде всего, партийно-чиновничий аппарат среднего звена. Та массовая прослойка бездарей, которая умела только придумывать регламенты и инструкции (часто глупые и всегда нацеленные на задавление свободной инициативы и ужесточение пут для тех, кто делает дело), получая при этом не только хорошую зарплату, но и привилегии в жилье, продовольственном обеспечении, больнично-санаторном обслуживании и пр. и пр. – согласно табели о рангах, засекреченной от простых граждан. Эти печенкой ощутили угрозу своему положению со стороны независимых от них производителей. Позже, во время реформ, они выжидали, их не трогали, и в конечном счете они повернули все дело себе на пользу – стране на гибель. Но тут я забегаю вперед...

Само собой понятно также, что государство норовило выделять артелям самые невыгодные участки (большая удаленность, или малое содержание золота, или уже отработанный прежде полигон), а расценки устанавливало намного ниже применявшихся на государственных приисках.

И они постоянно искали пути увеличить свою производительность. Вот один из многих примеров того, как работает раскрепощенная мысль.

Исстари так было – разработке месторождения золота предшествовала разведка посредством откапывания шурфов. Старатели откапывали их через какие-то промежутки, промывали породу в лотках и определяли содержание металла в грунте. По увеличению намытого золота устанавливали более богатое направление (как описано в рассказе «Золотой каньон» Джека Лондона). С какого-то момента содержание металла начинало уменьшаться – таким образом прикидывали участок разработки, его контуры и приблизительный запас золота.

Потом на свете появились геологи. Вместо копания шурфов стали применять бурение, иногда и взрывы, проходя пустую породу, чтобы добраться до золотоносных пластов, а дальше все таким же порядком – промывка в лотках, установление границ участка, оконтуривание. Затем геологи расчетным путем определяли запасы золота на участке. Все это называлось разведкой месторождения и занимало месяцы, иногда годы. Потом уже начиналась разработка, и нередко оказывалось, что фактическое содержание металла значительно отличалось от расчетного.

Для государственного предприятия сроки разведочных работ большого значения не имели: мол, скажут «приступайте», мы и начнем. Для артели на полном хозрасчете такие темпы разведки явились серьезным тормозом – хотя бы потому уже, что в работе артели был свой ритм. Забросить технику на участок, например, нужно с весны. А сколько и какой – пока неизвестно. Так можно было потерять сезон. А если содержание золота будет меньше расчетного, артель еще вернее может прогореть.

Но что если вообще обойтись без шурфования? Давайте сами делать разведку. Как? Вместо рядов шурфов – бульдозеры разрезают участок траншеями. Промывка – не вручную лотками, а сразу на промышленных приборах, как при разработке. Прежде на промывку одного кубометра песка уходило от 170 до 200 лотков в день. Бульдозер делает траншею за два-три часа, то есть несколько траншей в сутки. Десятки, сотни кубометров золотоносной породы. Еще до начала настоящей разработки.

И что получается? В считанные дни выявляется золотосодержание участка – притом истинное, не расчетное. Артель заранее знает, чего ожидать от данного месторождения. Один день работы промышленного прибора чего-то стоит? Да еще тащить его туда – а если зря? Нет, не зря. Эти вещи окупаются золотом, намытым в процессе траншейной разведки. И все! Предварительная работа сделана – можно начинать промышленную разработку месторождения. В 1958-59 гг. метод был отработан, его практическая целесообразность и высокая эффективность – доказаны делом.

Как часто бывает, решение кажется простым и очевидным. Только вот почему-то прежде до этого никто не додумался.

Но тут большой шум подняли геологи. Их работа оценивалась по указанному ими приросту золотых запасов – теперь они оказались в стороне. Начались письма протеста по инстанциям, разбирательства, ведомственная война, наветы на артель...

В 1960 г. артель вскрыла траншеями не разведанное ранее месторождение на 329-м километре Колымской трассы. Россыпь оказалась богатой, тумановцы за сутки добывали до 14 кг желтого металла. А геологи вообще не причем. Ужасно? Еще как ужасно, потому что на артель покатались все бочки. К счастью, областное руководство нашло соломоново решение: прирост запасов засчитывать на бумаге геологам, а реально добытое золото засчитывать артели. Тоже скажете, простой и очевидный выход? Все гениальное – просто...

Этот метод получил даже официальное название: «оперативная траншейная разведка месторождений». Название возникло потому, что метод стали перенимать – сперва в Якутии на месторождениях золота, олова, алмазов. Затем его использовали в других регионах. Позже метод был официально узаконен Министерством геологии – как полагается, с инструкциями по применению.

А вот еще одна простая вещь, которую придумали Туманов со товарищи и которая тоже получила «научное» название: экспедиционно-вахтовый (или просто вахтовый) метод работ. Не устраивать на прииске жилой поселок, где жили бы работники с семьями, когда на каждого работающего приходилось три человека в сфере услуг и разного рода учреждениях. Не нужно ни школ с детсадами, ни больницы, ни почты, ни отделения милиции, ни поселкового совета – ничего. На месте работ живут только те, кто в них занят. Построить общежитие, столовую, баню, пару офисных комнат – и все. Живут там только в сезон работ – шесть-семь месяцев, на зимнее время разъезжаются к семьям по домам. Половина суток – работа, половина – отдых. И – сухой закон!

При этом, на участках обеспечены нормальные, человеческие условия жизни. Это было принципиально. Не только «дом с постелью», но также полноценное питание (бывало, что выписывали поваров из столиц), нормальные условия для отдыха. Позднее при общежитиях появились сауны, бассейны, зимние сады... Руководство артели обеспечивало снабжение продуктами и всем необходимым для жизни и быта, первую медицинскую помощь (в более серьезных случаях – срочную эвакуацию).

Первые радости

Прежние сусуманские начальники – Власенко, Струков и другие – ушли на повышение в Магадан или в Москву. С новым руководством – непонятно. А тут их приглашают в другой район, Ягоднинский. Артель перебазировается туда. Прииск «Горный», 400 км от Магадана. Верховья Колымы и ее притоки, озеро Джека Лондона.

1962 г. Им дают разведанный геологами участок на месторождении Сентябрьское. Запасы не подтвердились. Только в процессе промывки стало понятно, что пласт золотоносных песков – всего 10-15 см. Такие участки называют «глухарями». Два месяца проработали впустую, уже кончается сезон, а сдали всего 30 кг золота. Артель на грани банкротства, люди без зарплаты до следующего сезона.

Было известно, что неподалеку имеется богатое месторождение, но к нему никогда не подступались. Оно находилось под дном реки Оротукан. Что же делать? Обсуждения со специалистами, технические совещания... Опытные маркшейдеры сказали, что взять оттуда золото, конечно, возможно... теоретически. А практически – для этого нужно перекрывать русло реки, как при строительстве гидроэлектростанций. К тому же в этом месте Оротукан со страшной силой несется вниз по распадку между сопок.

Середина августа. Он привозит всех своих бульдозеристов на берег реки и говорит прямо: положение – хуже быть не может.

Мне нужна была поддержка бульдозеристов, от которых зависел успех дела.

– Вот, – объяснял я, – там большое золото, о нем знают несколько десятилетий, но, чтобы подступиться к нему, нужно отжать от подводного полигона воду вверх по склону и на этом участке направить реку в другое русло.

Хотелось увидеть лица людей здесь, при шуме несущейся реки, и заручиться их согласием.

– Ну, а теперь давайте! Помните, как у большевиков: нам терять нечего, а получать весь мир!

Мы не голосовали – общая готовность была очевидна.

Самая настоящая авантюра. Чтобы перекрыть реку и повернуть течение вспять, нужно разворачивать настоящий гидрострой. Именно это они и затеяли, ни больше, ни меньше. Вообще-то в XX веке такие вещи строят на основе довольно сложных инженерных расчетов. К инженерному проекту прикладывается проект организации работ – с графиками очередности, расчетами необходимых рабочих ресурсов, средств механизации и пр. Эти графики чрезвычайно важны, потому что такого рода работы обычно ведутся в режиме аврала, когда отступление от ритма грозит большими неприятностями. Как-никак, укрощение стихии происходит.

В данном случае все делалось на глазок и по интуиции. Когда-то так же работал Брайндли, первый каналостроитель Англии, «инженер без диплома». Но то было в XVIII веке, когда еще не было на свете инженерных дипломов, потому что не было инженерного образования.

Вообще-то, Оротукан – не Енисей и не Ангара. Скажем мягко, поменьше будет. Но законы равновесия сил, механики грунтов, гидравлики, устойчивости плотин и т. д. – одни и те же, независимо от ширины и глубины реки. И требования техники безопасности – тоже. Первые же вопросы, например: каким должно быть сечение перемычки (ее ширина и высота)? Каким должно быть сечение отводного канала? По какой трассе его пустить? Конечно, в артели были свои геодезисты, геологи, инженеры, и в процессе технических совещаний, обсуждений и подготовки несомненно делались какие-то, может грубые, инженерно-расчетные наметки...

...Всего у них было двадцать пять бульдозеров. Он прикинул, что нужно еще с пятнадцать. Договорился по

старой дружбе с дирекцией ремонтного завода: взять у них займы, так сказать, на уик-энд. В пятницу завезли свои и еще двадцать от завода – под его личную ответственность. И с условием: вернуть в понедельник.

Раздался оглушительный рев: больше сорока бульдозеров двинулись к реке. И начался штурм. Работали трое суток без перерыва – машинисты подменяли один другого через 12 часов (а сам – прилегли ли хоть на минуту?). Круглосуточно держали в ведрах крепкий чай и чифир. Выше по течению рыли отводной канал (новое русло для реки), ниже насыпали плотину (точнее, перемычку – так называют подобные временные сооружения). Перепад высот – четыре метра!

Вода стала подниматься и, отступая на четырехметровую высоту, наконец устремилась в новое русло. Но напор на перемычку был слишком велик. Ее прорвало, и поток воды устремился на обнаженное дно реки.

Я вижу на лицах людей растерянность. Понимаю, что еще минута-другая, и все будет безвозвратно потеряно. Я приказываю завалить в воду два бульдозера, закрыть ими проран.

Если немедленно не принять мер, проран разрастется моментально, и вся перемычка будет смыта. В таких случаях действительно счет идет на минуты. На секунды!

Кому как, а мне этот штурм реки напоминает какое-нибудь сражение Наполеона, скажем, знаменитую битву при Маренго, когда генерал Бонапарт был на волосок от поражения (и сам чуть было не погиб), но победил. И ставки здесь тоже были высоки. Затея могла обернуться человеческими жертвами, и немалыми. Не говоря о том, что могли угробить уйму дорогой техники. Председателя артели точно бы привлекли к суду и посадили за милую душу. Если бы сражение было проиграно.

Но они победили. Река подчинилась. За два месяца разработки оротуканского месторождения они добыли 700 (семьсот) килограмм золота, снова обойдя по добыче всех других. Руководство объединения обязало всех главных инженеров приисков посетить оротуканский участок, чтобы увидеть, как делаются такие дела. Тумановский гидрострой прозвали «Панамским каналом».

Был перевыполнен годовой план объединения, которое отчитывалось за добытое ими золото. Ни план, ни его перевыполнение ничего не значили для артели в денежном отношении. И все же, эти вещи имели для них значение далеко не символическое. Было необходимо, чтобы ими дорожили государственные структуры. Потому что другие государственные структуры опять начали следствие. По какому факту?

Вы будете смеяться. По факту газетной статьи. В «Магаданской правде» появилась статья под названием «Кому доверяют золото». Все было сляпано на спекуляциях о лагерном прошлом Вадима Туманова и – как это может быть, чтобы такой человек не воровал государственное золото? Написал статью заместитель областного прокурора А. Бобров.

Много лет спустя, он разыскал меня в Москве и извинился за ту статью. «А вы знаете, – добавил он радостно, – методы вашей старательской артели легли в основу моей диссертации. Теперь я кандидат экономических наук!» Мне оставалось только поздравить всюду успевающего человека.

Не иначе, этот Бобров, вошедший в историю благодаря Туманову, хотел сделать ему приятное, сообщая о своем мародерстве. Все же, что ни говори, прав был Сталин: коммунисты – люди особого склада! Кстати, криминала следствие не обнаружило. Сколько ему еще предстоит вынести таких наездов! Черный юмор:

Кстати, к следствию я настолько привык и адаптировался, что если по какой-то причине его не было несколько месяцев, то мне и всем, кто долго со мной работал, казалось, что чего-то не хватает...

Посадить его!

По тумановскому примеру и на основе его опыта в регионе стали формироваться другие подобные артели. Зачастую их возглавляли его недавние сподвижники. Возникло артельское движение. Везде артельная форма демонстрировала свою эффективность – как в плане конечных результатов, так и в отношении заработков. Главное же – люди наконец увидели реальную возможность работать на себя и получать *по своему труду*.

К началу 1980 годов в добыче золота, олова и вольфрама участвовало около 190 артелей старателей общей численностью более 23 тыс. человек. Золота они давали до 50 тонн в год при удельных затратах почти вдвое ниже, чем на госпредприятиях. В 1992 г. число артелей возрастет до 250 при общей численности около 80 тыс. человек (цифры даются по книге: В.Г. Лешков. «Российское золото». Изд. «Горная книга». М, 2008). Но до этих времен еще нужно было дожить.

...Не унимались идеологи «самого прогрессивного строя», бездари всякого рода и просто завистники – в период сталинизма в стране происходило целенаправленное выращивание и культивирование человеческой дряни. В «инстанции» непрерывным потоком шли «сигналы» – доносы, на нормальном языке. По каждому доносу от руководства артели требовали предоставления всевозможных справок, сводок, объяснительных записок. Шел сознательный и упорный поиск возможностей развалить артель. Естественно, главной мишенью был *этот* Туманов. Наконец, нашелся «криминал». Кто-то написал донос в КГБ, что он рассказывал анекдоты о Хрущеве.

Вполне возможно. Кому из нас не доводилось в те годы слышать и пересказывать анекдоты про Хрущева? Считалось, что за анекдоты больше не сажают, их рассказывали, не таясь и без оглядки по сторонам. В большинстве, анекдоты про Хрущева были довольно безобидными, незлыми. Помню, одна языкастая дама сказала: «А вот у кого еще есть такое веселое правительство?» И вправду ведь не слышно было, чтобы сажали. Но вспоминая об этом, мы упускаем из виду, что такая возможность всегда оставалась, и если кто-то очень того захочет...

В 1964 г. на него заводят уголовное дело за «распространение заведомо ложных сведений, порочащих руководителей партии и государства». Это гораздо серьезнее, чем перерасход солярки. Это уже – по линии КГБ. Допросы, допросы...

Но на самом деле тогда у меня было уважение к Хрущеву: за разоблачение культа личности Сталина, за массовую реабилитацию невинно пострадавших людей, за программу

жилищного строительства, когда сотни тысяч людей впервые переселились из бараков в пятиэтажные дома...

В октябре приходит на очередной допрос, уже зная от друзей, что Хрущев снят.

Сотрудники КГБ подполковник Тарасов и капитан Карачинский встречают меня с улыбкой:

– Везучий ты, Туманов!

– А что? – прикидываюсь я.

– Хрущева вчера сняли!

– Ничего не сняли! Это я позвонил Брежневу и говорю: «Леонид Ильич, убери ты этого черта, а то мы с тобой горим!» Карачинский и Тарасов смеются. – А теперь слушайте. – Я стал серьезным. – К Хрущеву я относился и сейчас отношусь хорошо. А каким будет тот, кто его сменил, проживем – увидим. Я его пока не знаю и, если честно, знать не хочу.

Тарасов и Карачинский таращат на меня глаза.

Так и жил он в двух измерениях: работа артели и следствие. Примерно в это время артель (то есть, его) приглашают на новый прииск Среднекан. Красивые там названия: ручей Загадка, озеро Лебединое. Кадровики предлагают и для артели *красивое* название – «Прогресс»! Очень гармонирует... Но еще и о таких вещах спорить? Пусть будет «Прогресс»... Несколько лет подряд артель добывает там по 800 кг желтого металла ежегодно...

Нет, товарищи, этого быть не может! Такие результаты – да чтобы без приписок, жульничества, взяток?

С одной стороны – вот оно, добытое золото – в опломбированных мешках, многократно оприходованное по актам на каждом этапе «сдал-принял» и всякий раз взвешенное. С другой стороны – ну никак нельзя поверить, что в этой стране можно честно, без махинаций, показывать выдающиеся результаты. И вот еще: с одной стороны – ужасно много сдают золота, больше всех других, с другой – наверняка не все сдают. Получается: чем больше сдают, тем больше воруют...

1967 г. Ура, нашли! Ну, не ворованное золото, так что-то другое. Какие-то там махинации с дизелями... Что конкретно? Сдал в ремонт свои артельские, а взамен получил с завода какие-то другие, ранее отремонтированные. Понятно, что после ремонта бывшие артельские пойдут еще кому-то. Обычное дело, так всегда

делается, есть даже термин: «обезличка». Никто не ждет, пока его оборудование будет отремонтировано, если оно взаимозаменяемо. Дизель – он и есть дизель, неважно чей, лишь бы работал. Да и полученные дизеля на складе лежали, отправка получателю ожидалась через месяц. Никто не пострадал, работа выиграла.

Председатель артели «Прогресс». Прииск Среднекан. 1964 г.

А неважно! Махинации! Наверняка взятку дал! Такие вот дела. Незадолго до того он попадает в автомобильную аварию, перелом руки. А прокуратура Магадана заводит уголовное дело. По какому обвинению? Нет пока материала для обвинения, надо искать. Следователь достался ушлый. Берет с него подписку о невыезде из Магадана, зная, что он там не прописан, а затем выписывает ордер на арест за нарушение паспортного режима. Как говорится, я другой такой страны не знаю...

31 декабря его арестовывают на улице (как Красавин в свое время). Рука в гипсе, Новый год – в тюрьме. В камеру, где находятся четверо заключенных, входит капитан МВД. Явно ищет, к чему бы придраться, заводит заключенных на скандал. Но те ведут себя сдержанно. Туманов пытается его как-то урезонить.

– Тебе, Туманов, я найду теплое место! Я тебя давно знаю, еще по Беличану!

Что я ему сделал? Что ему надо от меня? Нервы уже ни к черту, в глазах потемнело <...> глядя в глаза капитана, я понимал: передо мной редкая мразь, обозленная, ненавидящая меня неизвестно за что.

Нет, кулак в ход не идет. Его же не трогают, даже за руку не хватают... Да еще и сломанная рука... Но темперамент-то прежний.

И я дал волю своей усталости: за какие-то доли секунды обрушил на него всю лексику, которую узнал за восемь с половиной лет магаданских лагерей.

Не думайте, что если вам доводилось слышать, как матерятся на улице или на работе («для связки слов», как с улыбкой говорили мне мои рабочие), вы можете вообразить этот красочный монолог, разящий наповал, уничтожающий противника вернее, чем любой удар кулаком! Его ведут в холодный карцер, где можно только стоять. Часа через четыре – к начальнику тюрьмы. Тот отсылает сопровождавших, остаются вдвоем. «Садитесь». Молчание. Наконец:

– Туманов, вам нужно думать, как выбраться из дерьма, в которое вы попали, а не конфликтовать с разными идиотами.

Это он мне, подследственному, о своем офицере!

– Я вас хорошо знаю, Туманов, мне о вас рассказывал начальник политуправления Васильев...

Непродолжительный разговор. Его уводят в камеру, не в карцер. Спустя дня два его отвозят на Среднекан. Там же, в клубе прииска, происходит суд.

Друзья нашли хорошего адвоката в Днепропетровске. Ефим Каплан оценил ситуацию так: по нормальному должны оправдать за отсутствием состава преступления, но учитывая, что дело шито преднамеренно, суд окажется под сильным давлением. Скорее всего найдут форму осудить, но чтобы тут же освободить из-под стражи. Так оно и повернулось.

Суд длился три дня. И прииск не работал три дня. Не только население Среднекана, руководители артелей со всей Колымы сидели среди зрителей. Ему записали какую-то виновность, но так, что он попадал под амнистию. Сколько можно! Погодя немного, он узнает, что на квартире жены в

Пятигорске был обыск. Искали ворованное золото. А у нее, добавляет он, не было даже обручального кольца...

Устав от всего происходящего, я решил распрощаться с краем, где пробыл больше семнадцати лет. Тогда я еще не понимал, как глубоко вошла в меня Колыма, как она будет манить к себе и принимать на протяжении жизни еще не один раз, постоянно будоражить душу, занимая мысли, возвращая память к прекрасным людям, за встречу с которыми я не устаю благодарить судьбу.

А люди не столь прекрасные? Не хватало еще держать в голове всякую гадость. Только когда нужно изложить все по порядку, появляются из небытия имена прохвостов разного рода, чтобы быть увековеченными его книгой.

О махинациях

1967 г. Уже почти на всех приисках Колымы работают такие же артели. Возглавили их те, кто работал с ним многие уже годы.

Принцип был прост: каков твой личный вклад, таков фактический заработок. Каждый в коллективе знал, что если председатель получает три тысячи рублей в месяц, начальник участка две тысячи, то любой рабочий получит полторы тысячи рублей...

Это во времена, когда в НИИ месячный оклад старшего научного сотрудника со степенью кандидата наук составлял примерно 250 рублей и столько же – у главного инженера проекта в проектном институте, оклад профессора – до пятисот и т. п. Того же порядка суммы были у директоров заводов и начальников цеха. Зарботки рабочих на государственных предприятиях тоже измерялись парой сотен рублей в лучшем случае. Рядовой инженер-проектировщик получал 100-120, прораб на стройке – 140-160.

...Сейчас похожая схема организации труда успешно применяется в Китае.

Это не сегодняшний вариант, когда зарплата руководителя стала почему-то «коммерческой тайной»...

И в десятки раз превышает зарботки его рабочих, если им вообще что-то платят.

Многим памятно понятие «мертвых душ», рожденное, как и обозначаемое им явление, особенностями

советского социалистического способа производства – так называемая общенародная собственность на все и вся, штатные расписания, сетки окладов и т.п. В список работающих включались посторонние лица, которые не работали. На них выписывали зарплату, которая потом делилась между ними и начальством. В последние годы их стали называть поэтично: *подснежники*. Прием был известен всем, в том числе и правоохранительным органам. Когда подобным путем получали незаработанные деньги из государственной мошны, это было настоящим, не надуманным, преступлением – воровством у государства. Доказать такие вещи очень непросто, раскрывались они чаще всего из-за того, что не поделили добычу и один из соучастников доносил на других.

Мне неприятно вспоминать, но придется. Когда я был уже шапочно знаком с Тумановым, как-то к слову один человек сказал мне: «Не сомневайся, у Вадима там полно *подснежников*». Сказано это было не в осуждение, а, скорее, одобрительно и с оттенком зависти.

Было или не было, можно утверждать однозначно: говоривший не мог ничего знать. Абсолютно. Он был знаком с Тумановым – постольку, поскольку принадлежал к близкому окружению Владимира Высоцкого (во время разговора поэта уже не было с нами), но не настолько близко, чтобы быть посвященным в подобные дела. Это было чистым домыслом: коли такая возможность имеется, значит ее используют.

Вероятно, эта тема также, помимо воровства золота, фигурировала в доносах и являлась мишенью рыскающей активности «органов». И правда, отчитываются «они» только за сданное золото, а что там у них внутри, никто и не знает. Логика была та же, что и у моего собеседника: когда есть возможность воровать – все воруют.

Когда государство берет у людей, а люди, компенсируя недоданное, доворовывают у государства, происходит, как замечено, сильное падение морали с обеих сторон. Воровство становится способом выживания, условием жизненного успеха – происходит разрушение самой ткани общества <...>

Не только я – все, с кем я работал, чувствовали, а часто и понимали, что артельная форма организации труда – один из

инструментов оздоровления гражданского общества <...> Именно потому, что артельное движение предусматривало коллективную собственность на средства производства и зависимость заработков каждого от результатов общего труда, здесь не могло быть место нравам Дальнего Запада времен «золотой лихорадки».

А «мертвым душам» – могло быть место в такой артели? Еще раз: артель сдает золото по акту, и получает от государства некую сумму денег. Эти деньги распределяются: на ремонт и возмещение техники, жилого фонда и пр., на иные производственные и общие нужды, на заработную плату. Кому сколько положено из фонда заработной платы – определено заранее и принято на общем собрании. Если на госпредприятии за рационализацию можно было получить премию (затратив много сил, чтобы ее пробить), то в артели таких премий не платили. Понятно было, что твое предложение идет на пользу всему коллективу, а значит и тебе. Каждый в коллективе знал, что если председатель получает... (см. выше).

Кто бы ни писал доносы, это никогда не были люди артели. Этих не мурыжили политзанятиями и навязчивой болтовней ежедневной лжи (хотя и была в артели своя парторганизация – а как же!). Не просто высокие заработки сами по себе – работая на себя, не «на дядю», они приобретали внутреннюю свободу, научались уважать себя. Зарботок воспринимался не как «шальные деньги», а как справедливое вознаграждение за труд. Справедливость. Та самая *правда*, поиски которой русским человеком стали притчей во языцех. К ним возвращалось чувство собственного достоинства, попранное сапогом карательных органов и всей безликой государственной машиной. Они ощущали себя уже не быдлом, а *людьми*. Иные из них, начиная бульдозеристами, вырастали до начальников участка и потом организовывали свою артель. Другие оставались рабочими и были этим довольны.

Если предположить, что некий председатель подобной артели задумает завести «подснежников», первый вопрос: зачем? Дополнительный доход он получит не из каких-то внешних источников, а из общего фонда зарплаты артели. Если он хочет получать в месяц не три тысячи, скажем, а семь, он спокойно может провести это на общем

собрании, и его наверняка поддержат – при числе работников, измеряемом сотнями человек, такая прибавка к его окладу практически не скажется на зарплатке каждого.

Люди, в общем-то, привыкли к тому, что руководителю положено много получать. Тем более, тому, в кого они верят беззаветно, зная, что только у него они сами могут получать в десять раз больше инженера на госпредприятии. Если же в артели Туманова заработок председателя был всего вдвое выше, чем у рабочего, это говорит о многом, но только не о стремлении его зашибить как можно больше денег, не разбирая средств.

Второй вопрос: кто в здравом уме, станет делать подобные вещи, находясь постоянно «под лупой» – в условиях, когда кругом рыщут в поисках компромата и того только и ждут, чтобы вылезло что-нибудь, за что можно было бы ухватиться – чтобы посадить его и скомпрометировать артельную форму организации производства?

И уж самым последним идет вопрос: способен ли *такой* человек хитрить за спиной своих боевых товарищей, чтобы нажиться за их счет? Последним, потому что – насколько мы успели его узнать – ответ очевиден.

Продолжение следует

Об авторах

Эдуард Бормашенко – публицист, физик. Живет в Ариэле, Израиль.

Борис Э. Альтшулер – хирург, автор нескольких книг. Живёт в Германии.

Илья Куксин – инженер-гидролог, публицист. Живёт в Америке.

Марк Солонин – историк и публицист. Автор ряда книг и статей, посвященных истории Второй мировой и Великой Отечественной войн.

Люсьен Фикс – переводчик, журналист, радиокomentатор. Автор книги «В эфире "Голос Америки"»

Инна Гордон – профессиональный музыкант, живёт в Израиле.

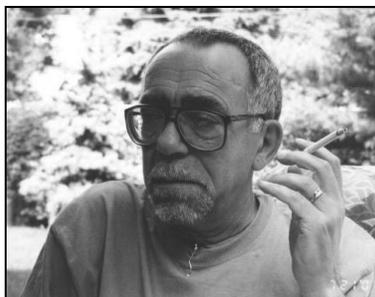
Валерий Койфман – лектор и автор статей на темы по искусству, экскурсовод по городам, художественным музеям и выставкам

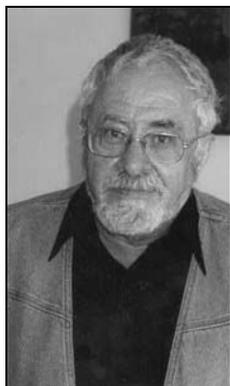
Кане Яна – анналист, пишет стихи на русском и английском языках. Живёт в Нью-Джерси.

Борис Шапиро – физик, поэт и переводчик, автор нескольких книг на немецком и русском языках.

Виктор Каган – доктор медицинских наук. Член Союза Писателей Санкт-Петербурга.

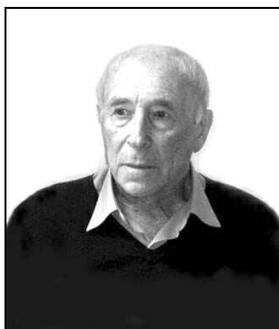
Марк Азов – член союзов писателей России и Израиля, главный редактор журнала «Галилея»

Лина Городецкая – экономист, журналист, пишет рассказы. Живёт в Израиле.

Елена Мазур-Матусевич – автор книги «Золотой век французской мистики», ряда литературных произведений разного жанра, выставяющийся художник

Ури Андрес – доктор наук, консультирует индустриальные компании в области сепарации минералов, живёт в Лондоне.

Игорь Ефимов – писатель, философ, издатель. Автор множества книг, основатель издательства «Эрмитаж».

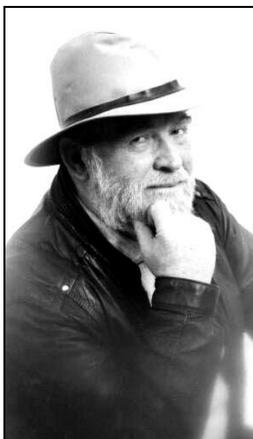
Андрей Чередник – работает в Вене (Австрия) в Международном Учебном экономическом центре. Печатался в ряде журналов России и Германии.

Анастасия Ерохина – репетитор английского языка, переводчик, аниматор, пишет рассказы. Живёт в Москве.

Ионкис Грета – филолог, профессор, доктор хабилитат.

Евгений Майбурд – инженер-строитель, кандидат экономических наук. Автор статей по истории, религии, культуре.

Журнал «Семь искусств», Май 2010
ред.-сост. Евгений Беркович
изд-во «Общества любителей еврейской старины»
Ганновер 2010, 373 стр. 14,8 а. л.

© Евгений Беркович (составление и редактирование)

© Дорота Белас (оформление)

Компьютерная верстка и техническое редактирование
Изабеллы Побединой

Ганновер

Общество любителей еврейской старины